И.Г. Шапран, Л.А. Сенникова

ВЯТСКИЕ МАРИЙЦЫ в XVI - XVIII вв.

по материалам Кадочниковского могильника

Ижевск 2014

И.Г. Шапран, Л.А. Сенникова

Вятские марийцы в XVI –XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника)

Материалы и исследования
Камско-Вятской археологической экспедиции

Том 28

Ижевск
2014

ББК 63.48 (235.5)
УДК 902 (470.5)
Ш245

Рекомендовано к изданию Институтом истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета

Научный редактор: старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, доктор исторических наук Л.Д. Макаров

Рецензент: доцент кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук Н.А. Лещинская

Ш245 **Шапран И.Г., Сенникова Л.А.**
Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.28. Ижевск, 2014. 248 с.

ISBN

Монография к.и.н. И.Г. Шапран и к.и.н. Л.А. Сенниковой посвящена публикации материалов раскопок Кадочниковского могильника – одного из погребальных памятников вятских марийцев нового времени, обследованного в ходе спасательных работ в Уржумском районе Кировской области в 1990–1991 гг. археологической экспедицией Кировского областного краеведческого музея под руководством Л.А. Сенниковой.

Книга адресована историкам, археологам, этнологам и всем, интересующимся прошлым родного края.

Работа выполнена при участии к.и.н. Е.Ю. Мокеровой, А.А. Русаевой.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0006, в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

ББК 63.48 (235.5)
УДК 902 (470.5)

© Шапран И.Г.
© Сенникова Л.А.

Содержание

Предисловие 4
История изучения марийских памятников позднего средневековья и нового времени в бассейне р.Вятки 7
Открытие и методика исследования Кадочниковского могильника 10
Погребальный обряд Кадочниковского могильника 12
Костюм вятских марийцев по материалам Кадочниковского могильника 22
История изучения марийских костюмных комплексов (по этнографическим и археологическим источникам) 23
Костюмный комплекс 25
Погребальный инвентарь хозяйственно-бытового назначения 37
Орудия труда и охоты, предметы быта 37
Хозяйство и быт марийского населения Камско-Вятского междуречья 41
Заключение 46
Библиографический список 47
Список сокращений 53
Рисунки 54
Фото 69
Таблицы 72
Кадочниковский могильник. Описание погребений 82
Иллюстрации 107
Приложение 1. Мокерова Е.Ю. Нумизматические материалы Кадочниковского могильника 182
Приложение 2. Шапран И.Г., Русаева А.А. Перстни Кадочниковского могильника 242

Предисловие

Правобережье р. Вятки – один из самых интересных в этническом плане районов Приуралья. Ко времени позднего средневековья здесь сложилась ситуация, сохранившаяся в общих чертах до сих пор, когда на достаточно узкой территории закрепились и стали «творить историю» удмурты, марийцы, татары, русские. В багаже исторической науки и смежных дисциплин накопилось достаточное количество трудов разной научной ценности и качества, прямо или косвенно связанных с этим районом.

Наш интерес к данной территории обусловлен наличием позднесредневековых марийских могильников, территориально расположенных в непосредственной близости от удмуртских и дающих материал, в определенной степени отличный от материала памятников, находящихся в местах традиционного компактного проживания марийского этноса. Интерес определяется еще и тем, что заселение района тем или иным этносом происходило в достаточно позднее историческое время и, как правило, не «набело», а по местам, уже занятым представителями другого этноса. Новые компоненты вкраплениями вторгались на данную территорию или, наоборот, «старые» островками сохранялись в «позднейшем» окружении. Нашел ли этот процесс отражение в материальной культуре, в чем это выразилось, и какие последствия имело для развития данной группы марийского этноса? На эти вопросы мы и хотели получить ответ при анализе имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Для более полного представления об объекте исследования имеет смысл проследить современное расселение марийцев по правобережью р. Вятки.

Основная масса марийского населения правобережья р. Вятки проживает в границах Санчурско-Яранского этнографического района, включающего в себя населенные пункты юго-востока Кировской и сопредельных территорий Нижегородской области (Козлова К.И., 1978, с.286), а также в пределах обширного и этнографически своеобразного Уржумско-Вятского историко-культурного района, охватывающего на Вятском правобережье населенные пункты Котельничского, Уржумского и Малмыжского районов Кировской области (Козлова К.И., 1978, с.312-313).

На территории Санчурско-Яранского района распространены говоры северо-западного наречия марийского языка, отличного от горного и лугового наречий. Лингвисты отмечают, что в северо-западном наречии, наряду с собственной спецификой, приблизительно в равной мере наличествуют особенности и горного, и лугового наречий (Галкин И.С., Грузов Л.П., 1960, с.191). Однако и северо-западное наречие само по себе не является однородным, в его состав входят несколько говоров, отличающихся друг от друга, но в той или иной мере тяготеющих к горному или луговому наречию. Получается следующая картина: по мере продвижения по данному этнографическому району с юго-запада на северо-восток в наречии постепенно ослабевают горномарийские признаки и увеличиваются луговые. Среди тужинских марийцев элементы лугового наречия представлены достаточно отчетливо (Галкин И.С., Грузов Л.П., 1960, с.191).

Все эти диалектные различия свидетельствуют о чрезвычайно сложном процессе формирования марийского населения данного района (Иванов И.Г., 1967; Казанцев Д.Е., 1985). Однако объединяющим началом для всех, на первый взгляд, самостоятельных групп является тот факт, что марийцы, территориально связанные с данным районом, относят себя к «сорокан марий», т.е. к марийцам, носящим исключительно сороки, что, наряду с другими сходными элементами в одежде, служит достоверным признаком принадлежности их к определенной этнографической целостности (Козлова К.И., 1961, с.191-193; 1978, с.287).

Среди жителей Уржумско-Вятского района по численности и компактности расселения этнографами выделяются марийцы уржумские и малмыжские, составлявшие к началу русской колонизации ядро населения Алатской и отчасти Арской дорог Казанского уезда, а также Кукарской, Малмыжской и Казанской дорог Уржумского уезда (Козлова К.И., 1978, с.313). В силу известных исторических событий марийское население данного района претерпело за последние три-четыре столетия так много перемещений и смешений, что в результате образовалась очень пестрая картина диалектных группировок и размежеваний, которую условно можно представить как уменьшение особенностей лугового и увеличение проявлений восточного наречия по мере продвижения от границ Марий Эл с северо-запада на юго-восток и с запада на восток (Козлова К.И., 1978, с.314). Тем не менее, несмотря на пестроту в диалектах, марийское население Уржумско-Вятского региона самоощущается как определенная целостность, относя себя к «шымакшан марий».

К настоящему времени в распоряжении исследователей имеются материалы 14 правобережных и 2 левобережных вятских марийских могильников. Стационарно обследованы Большеошкарский, Тоншаевский, Грековский, Биляморский, Тюм-Тюмский, Уржумнолинский, Кадочниковский, Мелетский I. Первые три располагаются несколько обособленно и севернее остальных, в бассейне р. Пижмы, остальные кучно по правобережью Средней Вятки и ее крупным притокам (рр. Буй, Уржумка) (рис.1).

В низовьях р. Вятки марийские могильники находятся в непосредственной близости к удмуртским. Позднесредневековые марийские могильники на правом берегу р. Вятки по основным чертам погребальной обрядности, костюму, бытовому и хозяйственному инвентарю вписываются в круг собственно марийских, но по ряду особенностей они отличаются от последних (значительно реже встречаются такие национальные марийские украшения, как ширкама, юпинэ, зато достаточно часто – высокий берестяной убор типа шурки, нетипичный для марийских захоронений других территорий, но упоминающийся в этнографических материалах XVIII в.). Своеобразие этих памятников объясняется тем, что в древности территория по берегам р. Вятки считалась удмуртской, откуда коренное население было вытеснено или ассимилировано марийцами. Многочисленные легенды и предания о соревновании марийских и удмуртских богатырей и предводителей зафиксированы в народном фольклоре (Худяков М.Г.,2008, с.171-172; Сысоева М.В., 1967). Удмуртско-марийские контакты продолжаются и в эпоху позднего средневековья. В Уржумском районе Кировской области у д. Бутырки Марийской археологической экспедицией обнаружено «Вотяцкое» кладбище (Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960, с.110). По мнению специалистов, в иных местах эта ассимиляция могла закончиться только к XIX в. (Казанцев Д.Е., 1985). Сходство физического облика марийцев Мари-Турекского и Новоторъяльского районов Марий Эл с антропологическим типом удмуртов, особенности говора марийцев Уржумского и Малмыжского районов и близость его к удмуртскому сохраняются до настоящего времени. На востоке бывшего Уржумского уезда (дд. Большой и Малый Карлыган и др.), а также в Мари-Турекском районе Марий Эл (д. Шихалево и др.) удмуртское население проживает до настоящего времени (Казанцев Д.Е., 1985). Сохранение удмуртского элемента в марийском этносе на р. Вятке приводило к тому, что вятскую черемису иногда называли «отяками», а удмуртов в этих районах – «одо марий» или отяцкими марийцами.

Данная работа посвящена публикации материалов Кадочниковского могильника, расположенного в Уржумском районе Кировской области на территории, связываемой с проживанием вятской группы луговых мари. Памятник обследован в ходе спасательных

работ в 1990–1991 гг. археологической экспедицией Кировского областного краеведческого музея под руководством Л.А. Сенниковой, материалы раскопок хранятся в фондах данного музея.

По нумизматическому материалу, полученному в ходе исследования, памятник датируется в пределах не ранее 30-х гг. XVI в. и до первой четверти XVIII в. Изученные погребальные комплексы дали интересный материал, по которому можно рассмотреть различные аспекты жизнедеятельности населения данной территории в обозначенных хронологических рамках. Материалы памятника в полном объеме до сих пор не были доступны для широкого круга исследователей. Введение их в научный оборот позволит существенно расширить наши знания, уточнить типологию и хронологию вещевого материала, ответить на вопросы, связанные с историей формирования вятской группы марийского этноса и их взаимоотношений с иноэтничным окружением.

История изучения марийских памятников позднего средневековья и нового времени в бассейне р. Вятки

В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на важность изучения этнической истории народов Волго-Уральского региона в позднесредневековый период (Козлова К.И., 1978; Кузеев Р.Г., 1992). Начатое с середины 80-х гг. XX в. введение в научный оборот погребальных комплексов XVI–XIX вв. позволило существенно заполнить своеобразную лакуну материалами, занимающими промежуточное положение между средневековыми археологическими и этнографическими источниками. Использование этих данных открыло широкие возможности взаимопроверки, дополнения и корректировки археологических, этнографических и исторических знаний по целому комплексу вопросов функционирования финноязычных этносов. К настоящему времени мы имеем достаточно полное общее представление по погребальным памятникам марийцев позднего средневековья и нового времени (Никитина Т.Б., 1992). Однако многие вопросы формирования и функционирования вятской группы марийского этноса до сих пор остаются недостаточно освещенными в научной литературе.

К моменту присоединения к Русскому централизованному государству территорий, заселенных марийцами, они представляли чрезвычайно пеструю в лингвистическом и этнографическом плане картину. Процесс автономного развития отдельных территориально-этнографических групп марийского населения продолжался и в более позднее время, так как объединение территорий под властью единого Российского государства происходило не единовременно и при различных политических обстоятельствах.

Эти обстоятельства на фоне этнического своеобразия отдельных районов во многом обусловливают специфику формирования и функционирования этнографических групп марийского населения на интересующей нас территории Вятского бассейна. Археологические наблюдения, подкрепленные лингвистическими построениями и этнографическими изысканиями, помогают существенно дополнить и уточнить картину исторического развития края, известную по письменным источникам, а также, благодаря своей специфике (конкретные материальные остатки), восстановить недостающие звенья в единой цепочке исторических реконструкций. Начавшийся с конца XVI–XVII вв. процесс нивелировки отдельных этнографических групп ускоряется в более позднее время (XVIII – начало XIX в.), что приводит в конечном итоге к консолидации их в единую марийскую народность.

Марийские погребальные памятники позднего средневековья и нового времени привлекли к себе внимание исследователей еще в конце XIX столетия. М.Г. Худяков в работе «Древности Малмыжского уезда» сообщает о языческом кладбище в с. Черемисский Малмыж, на котором хоронили в 1550–1850 гг., исследованном стационарно С.К. Кузнецовым в 1880 и 1882 гг. В публикации также упоминается языческое кладбище в Малмыже, расположенное на «Болтушиной горе, между Крутым Логом и дорогой из города в дер. Ключи» (Худяков М.Г., 1917, с.44). В 1908–1909 гг. П.Г. Ефименко провел работы на двух марийских могильниках: Тоншаевском и Большеошкарском в бывшей Тоншаевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии (Архипов Г.А., 1973, с.107; Никитина Т.Б., 1992, с.9).

Таким образом, процесс накопления материалов, связанных с местами захоронения марийцев второй половины II тыс. н.э., начался еще в досоветское время. В результате были получены первые, хотя и немногочисленные, археологические источники по позднесредневековой истории марийцев.

В послереволюционный период на места жительства и захоронения марийцев XVI–XIX вв. первыми обратили внимание фольклористы и краеведы. Интересный матери-

ал о расселении мари на юге Кировской области (современные Советский, Уржумский, Малмыжский районы) с указанием и описанием расположения кладбищ и поселений собрал А.М. Бердников (Никитина Т.Б., 1992, с.9).

В 1949 г. вышла в свет работа А.П. Смирнова «Археологические памятники на территории МАССР и их место в материальной культуре Поволжья», в которой нашли отражение результаты работы по изучению позднесредневековых марийских материалов с полным для своего времени их анализом и сравнением с синхронными удмуртскими. Как следствие большой и плодотворной работы исследователя на протяжении многих лет и определенным итогом явилась монографическая работа «Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья» (Смирнов А.П., 1952).

В 1956 г. Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории при Совете Министров МАССР и институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР была образована Марийская археологическая экспедиция, проводившая исследования в Вятско-Ветлужском междуречье. В первый год работы экспедиции были проведены небольшие раскопки на Билярском (Мари-Турекский район республики Марий Эл, известен с 1880-х гг.; в 1956 г. вскрыто 6 погр.) (Архипов Г.А.. Халиков А.Х., 1960, с.115) и Тюм-Тюмском (Уржумский район Кировской области, в 1956 г. вскрыто 11 погр.) (Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960, с.117) могильниках (Халиков А.Х., 1958, с.87-89). Сведения по известным к концу 1950-х гг. позднесредневековым марийским памятникам бассейна р. Вятки были представлены в работе А.Х. Халикова «Марийская археологическая экспедиция 1956 года» (Халиков А.Х., 1958) и включены в «Материалы к археологической карте Марийской АССР» (Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960).

Накопление материалов по марийским погребальным памятникам Вятского правобережья было продолжено в 1970–1972 гг. в ходе исследования Тюм-Тюмского могильника Вятской археологической экспедицией Института Археологии АН СССР под руководством С.В. Ошибкиной (Отчеты 1970 г., 1971 г., 1972 г.; Ошибкина С.В., 2010, с.8-9).

С 1978 г. третьим отрядом Марийской археологической экспедиции под руководством Т.Б. Никитиной (Шикаевой) началось целенаправленное изучение марийских могильников конца XVI – начала XVIII в. В рамках этого исследования в 1985 г. были произведены раскопки 55 захоронений Уржумнолинского могильника на р. Уржумке, правом притоке р. Вятки (Никитина Т.Б., 1992, с.13). Однако, специальное изучение марийского населения бассейна р. Вятки осталось за рамками ее исследования, материал этот рассматривался в контексте всей позднесредневековой истории марийского народа.

С 1982 г. в рамках изучения истории «инородческого» населения Вятской земли Тужинским отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета под руководством И.Г. Шапран начато изучение марийских памятников в Вятском бассейне. Были проведены раскопки всей сохранившейся части Грековского могильника (311 погребений), расположенного в бассейне р. Пижмы (Макаров Л.Д. Отчет 1976 г., с.77-78; Шапран И.Г. Отчет 1982 г.; Отчет 1983 г.; Отчет 1984 г.; Шапран И.Г., 1984а, 1984б), на Вятском левобережье вскрыта основная часть (154 погребения, исследования И.Г. Шапран 1989 г.) Мелетского I могильника (Черных Е.М. Отчет 1988 г., с.33-35). В 1990–1991 гг. коллекция вятских марийских могильников позднего средневековья была существенно дополнена в результате работ археологической экспедиции Кировского областного краеведческого музея, изучившей 153 погребения Кадочниковского могильника в Уржумском районе Кировской области (Сенникова Л.А. Отчет 1990 г.; 1991 г.).

В целом, заметное усиление интереса к изучению погребальных памятников второй половины II тысячелетия н.э. характерно для последней четверти XX в., особенно ярко проявившееся в конце 1970 – начале 1980-х гг. В ходе сплошных разведочных и планомерных стационарных обследований выявлены могильники почти во всех основных районах расселения марийцев. Из числа марийских Вятского бассейна стационарно изучались 8. Материалы Грековского – одного из самых значительных по масштабам исследования и ранних по времени функционирования – частично опубликованы (Шапран И.Г., 1984).

Всего за столетний период исследования поздних марийских погребальных памятников собран колоссальный по объему археологический материал, требующий систематизации и осмысления. Благодаря началу введения его в научный оборот и некоторым проведенным обобщениям, всем стала очевидна значимость и научная ценность этих материалов, дающих возможность создания непрерывной цепочки знаний по дописьменной и раннеписьменной истории марийцев, а также использования этих данных для взаимопроверки, дополнения, корректировки уже имеющихся археологических, этнографических и исторических знаний по целому комплексу вопросов функционирования финноязычных этносов.

Открытие и методика исследования Кадочниковского могильника

Кадочниковский могильник (фото 1) обнаружен в ходе строительства дороги Шурма-Лазарево в октябре 1989 г. Стационарные исследования памятника проводились в 1990–1991 гг. археологической экспедицией Кировского областного краеведческого музея под руководством Л.А. Сенниковой на основании Открытого листа №725 (форма №1) (1990) и Открытого листа №723 (форма №4) (1991). Финансирование осуществлялось за счёт средств производственно-строительного объединения «Кировавтодор» на основании договора о выполнении научно-исследовательских работ на памятниках археологии, оказавшихся в зоне строительства автодорог. В составе экспедиции работали лаборанты сектора археологии Кировского областного краеведческого музея Т.А. Цигвинцева (Попова), А.Ю. Хлюпин, учащиеся старших классов школ и средних специальных училищ г. Кирова и г. Малмыжа.

Фото 1. Кадочниковский могильник. Общий вид памятника с северо-запада

Раскопом 1990 г. (раскоп I) (рис.3–1) исследовано около 900 кв.м площади памятника, где выявлено 75 погребений. В 1991 г. раскоп I был расширен в северном и западном направлениях, исследованная площадь составила 396 кв.м; изучено 45 погребений, три крупные ямы и столбовые ямки.

Раскоп II (рис.3–2) площадью 180 кв.м был заложен на противоположной стороне от строящейся автотрассы Шурма – Лазарево, в 50 м к востоку от раскопа I; ориентирован по сторонам света, в направлении север – юг. Так как раскопы I и II не связаны между собой, участки на раскопе II имеют свою нумерацию: линии с севера на юг обозначены буквами, с запада на восток – цифрами. Но нумерация погребений единая и продолжает нумерацию погребений раскопа I. На данной части памятника исследовано 33 погребения.

Часть могильника разрушена дорожными строительными работами, некоторые погребения, расположенные на западном краю раскопа, сохранились не полностью.

Топографическое расположение памятника (рис.2). Могильник расположен на краю невысокой (до 3 м) пологой террасы, ограниченной с юго-западной стороны вершиной оврага, на правом берегу р. Шурминки, правого притока р. Вятки. Расстояние от памятника до р. Шурминки 900 м. В 300 м к восток-юго-востоку от могильника расположена древнемарийская культовая роща (Кереметь) (Сенникова Л.А. Отчет 1990 г., с.3).

Стратиграфия памятника. Поверхность могильника в течение многих лет подвергалась интенсивной распашке, использовалась под сельскохозяйственные посевы. Мощность пахотного слоя составляет 25-30 см, под ним располагался материковый слой, на котором довольно чётко фиксировались очертания могильных ям. В заполнении погребений в преобладающем большинстве фиксируется пестроцвет (слой №3).

На вскрытой в ходе научного исследования части площадки памятника кроме погребений обнаружены также ямы, вероятно, ритуального назначения, канавки и столбовые ямки. Столбовые ямки располагаются, как правило, по периметру погребения (табл.II, рис.3, 5). Кроме того на могильнике выявлены столбовые ямки, не связанные непосредственно с могильными ямами (табл.III, рис.6, 7). Заполнение ям и столбовых ямок представлено, преимущественно, пестроцветом (слой №3), а также тёмно-серым суглинком (слой №8), светло-серой супесью (слой №9), углистым слоем (слой №5), красно-оранжевой супесью (слой №10); в яме №148 отмечен прокал (слой №7).

Методика исследования памятника. Полевые работы на памятнике выполнены в соответствии с общепринятой методикой исследования грунтовых могильников. Раскопы были разбиты и ориентированы по сторонам света. Раскопки произведены квадратами 3х3 м, стороны которых обозначены буквами русского алфавита и арабскими цифрами. Исследования проводились послойно-квадратным способом. После снятия пахотного слоя производилась горизонтальная зачистка поверхности, на которой фиксировались могильные ямы, ритуальные ямы и столбовые ямки.

Выявленные культурные остатки фотографировались автором раскопок и фиксировались на планах в масштабах 1:50, а отдельные планы погребений, ям и столбовых ямок – в масштабе 1:10. Измерения в ходе изучения памятника производились от уровня современной поверхности. После фиксации, фотосъёмки и зарисовки выявленных объектов производилась выборка могил, ям и столбовых ямок. По окончании земляных работ на раскопе ежегодно производилась рекультивация.

Фото 2. Кадочниковский могильник.
Раскоп I. Выборка погребения 98

Погребальный обряд Кадочниковского могильника

Могильник как археологический объект представляет собой совокупность остатков, в которых материализовался определенный погребальный обряд той или иной группы населения. Сам погребальный обряд – это традиционные рациональные и иррациональные действия, связанные с захоронением умерших. Данные действия отражают два основных исходных мотива человеческого поведения: стремление избавиться от умершего и стремление удержать его около себя. Следствием этого являются определенные погребальные традиции, существующие у каждого народа, суть и устойчивость которых зависит от целого ряда причин. Скорбь по близким, страх самой смерти, в иных случаях желание избежать «мести» умерших должны были поддерживать самый строгий регламент погребальных ритуалов. Следствием достаточно высокого уровня смертности (отмечен рядом исследователей: Рыкушина Г.В., 1991, с.136-137; Журавлева Г.Н., 2002, с.137; и др.), существовавшего на протяжении всей древней и средневековой истории народов, населявших Камско-Вятское междуречье, являлось частое повторение всех этапов похоронного обряда, что, в свою очередь, влекло за собой хорошее знание традиций участниками и свидетелями этого действия. Судя по этнографическим данным, страна мертвых, в которую попадали люди или их души после смерти, в определенной степени являлась «страной прошлого», законы которой, будучи отражением действующих в реальной жизни, все же имели свои отличия.

Понятие смерти как перехода в страну предков, вера во власть умерших над живыми предполагали связь живущих поколений с давно ушедшими, осознание единства рода, общего исторического прошлого и, в конечном итоге, этнической принадлежности. Однако, развитие социально-экономических отношений в обществе, этнические контакты, а также и несовершенство устной памяти предопределяли эволюцию погребальных обычаев во времени. Перемены, происходящие в жизни, корректировали и погребальные традиции, и представления о загробной жизни. С течением времени древние ритуалы могли утрачивать смысл, видоизменять форму, приобретать новые детали. Как правило, погребальный обряд с некоторым опозданием фиксирует изменения в самых разных областях жизни общества.

Этнографы включают в понятие «погребальный обряд» цикл ритуалов, обычаев, запретов и других действий, совершаемых последовательно с момента смерти человека до его погребения или до того времени, когда душа покойного, по религиозным представлениям, не переселится в потусторонний мир. Этот цикл, как правило, состоит из трех основных этапов: первый – обычаи и обряды, соблюдаемые с момента смерти до момента выноса к месту погребения; второй – комплекс обрядов и обычаев, совершаемых во время следования к месту погребения и в момент погребения; третий – обычаи и ритуалы, выполняемые после похорон. В археологической науке под термином «погребальный обряд» подразумевается сумма вещественных остатков от ритуальных действий, совершенных во время ритуальных церемоний. Фактически археолог располагает лишь данными о подготовке на кладбище места для захоронения (могильная яма, ее устройство, параметры и местоположение), способе размещения умершего и погребального инвентаря, если таковой имеется.

Способ захоронения, ориентировка, положение умершего, состав и расположение инвентаря, устройство могильной ямы и т.д. характеризуют этнокультурную принадлежность погребенного, систему общественных отношений и идеологических представлений населения, оставившего тот или иной могильник. В силу этого погребальный обряд становится важнейшим археологическим источником для изучения древней истории и культуры.

В методической литературе основные характеристики погребального обряда в археологическом смысле рассматриваются как система взаимосвязанных признаков. Это способ погребения, размещение останков, конструкция погребального сооружения и характер погребального инвентаря (Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977, с.19; Лебедев Г.С., 1977, с.24; Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975, с.44; Ольховский В.С., 1986). К археологически фиксируемым можно отнести также отведение места для совершения погребения (Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977, с.18), что прослеживается по топографии и планировке.

В ходе исследования Кадочниковского могильника удалось проследить детали погребального обряда (табл.I) – форму и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали.

Топографическое положение и планировка кладбища (см.выше в «Открытие и методика исследования Кадочниковского могильника»).

Марийские могильники грунтовые, чаще всего занимают площадки, ничем не выделяющиеся на местности, расположенные у края коренного берега или на его склоне, как правило, вблизи современных населенных пунктов. Памятники, устроенные на невысокой относительно окружающей местности мысовой части берега реки или ручейка, также дают представительную выборку (Грековский, Мелетский I могильники). На естественном возвышении в пойме расположен Уржумнолинский, Тюм-Тюмский – на высоком берегу Вятки.

Некрополи располагаются, как правило, непосредственно на берегу реки, ручейка, около родника или на незначительном удалении от водоема. Расположение у воды было обязательным условием выбора места для могильника, связанным с представлениями населения о подземном мире, а также деталями погребального ритуала, которые оставили следы в фольклоре, традициях похоронной обрядности марийцев (Смирнов И.Н., 1889, с.120). Этнографы отмечали, что марийцы верили в существование семи миров, в пределах которых душа умершего могла переходить из одного состояния в другое до семи раз. Наконец она превращалась в рыбу и навсегда уплывала в мировой океан (Смирнов И.Н., 1889, с.120). Сходные черты исследователи отмечают и у удмуртов (Атаманов М.Г., Владыкин В.Е., 1985, с.145-146). Обряд захоронения умерших ногами к реке прослеживается в Прикамье с эпохи раннего железа.

По этнографическим данным, кладбище создавалось, существовало и воспринималось живыми как поселение мертвых, своеобразный антипод деревни. Поэтому чаще всего их огораживали, за пределами ограды рыли канаву, выполнявшую роль границы между миром живых и мертвых. С течением времени оградительные сооружения разрушались, поэтому археологически их следы практически не фиксируются.

Для могильников исследуемого времени характерно достаточно разреженное заполнение площадки памятника. Могилы, как правило, располагаются четко выраженными рядами, иногда ряды можно выделить очень условно. В каждом ряду обычно встречаются мужские, женские и детские захоронения.

Большая часть могильных ям на Кадочниковском могильнике имеет при себе столбовые ямки (табл.II) от 1-2 (например: погр.21, 22, 49 – по одной ямке; погр.17, 30, 49 – по две ямки) до 4-7 (погр.75 – пять ямок; погр.29 – шесть ямок; погр.26 – семь ямок), расположенных по периметру (рис.5). Столбовые ямки часто фиксируются по торцам или по всему периметру могильных ям и на других синхронных марийских погребальных памятниках, могильниках в бассейне р. Вятки, в частности, на Мелетском I и Грековском. Данный факт может свидетельствовать в пользу того, что над могилами устанавливались отличительные знаки в виде одиночных или парных столбов, навесов, своеобразных оградок. Надмогильные сооружения, очевидно, призваны были в перспективе охранять от вероятной возможности нарушения, разрушения данного захоронения. Остатки надмогильных знаков зафиксированы на Нуръял-Карамасском, Большепольском, Русско-Луговском могильниках луговых марийцев (Шикаева Т.Б., 1981, с.195). Этнографами неоднократно отмечалось, что марийцы в XIX в. над могилой на высоком месте вешали одежду умершего (Олеарий А.,

1870, с.409) или привязывали полотенце (Георги И.Г., 1799, с.30). Отголоски этого обычая у марийского населения Башкирии фиксировались до 80-х гг. XX в. (Попов Н.С., 1981, с.169). Известно, что в начале XIX в. уфимские и луговые марийцы загораживали могилу срубом (Кузнецов С.К., 1907, с.15). Следы от столбов и кольев зафиксированы и при изучении погребальных памятников на собственно марийской территории: Картуковский, Важнангерский, Арзебелякский, Малокугунурский, Отарский могильники (Никитина Т.Б., 1992, с.18).

Кроме того, на площадках марийских некрополей выявлены столбовые ямки, с могильными ямами непосредственно не связанные. Так, на Кадочниковском могильнике (рис.3–1) в пространстве между погребениями 80, 92-94 фиксируются столбовые ямки 149-151, 173-177 (уч.ОП/14-16), образующие прямоугольную в плане изгородь, размерами 2,5х4,5 м, ориентированную по линии СВ-ЮЗ; второе сооружение подквадратной формы с четырьмя столбами по углам (ямки 187, 216, 219, 220; уч.ПР/12-13) и одним в центре можно отметить между погребениями 99 и 111 (уч.ПР/12-13). Расстояние между угловыми столбами в сооружении порядка 2 м.

Иную картину можно наблюдать при изучении удмуртских могильников. Следы надмогильных сооружений в виде остатков деревянного кола зафиксированы лишь в двух случаях: в изголовье (Енабердинский вужшай, погр.1) и в ногах умершего (Атынский могильник, погр.26) (Шутова Н.И., 1992, с.57). По данным этнографии, удмурты чаще всего сооружали только могильный холмик (Емельянов А.И., 1921, с.10; Атаманов М.Г., Владыкин В.Е., 1985, с.141). На могиле зажиточных людей ставили сруб из бревен или досок, а в некоторых местах – навес-липет из липовой коры на четырех столбах (Емельянов А.И., 1921, с.10). Со следами кольев, на которые подвешивали жертвенный предмет: лоскутки ткани, кости животных и др. – можно, очевидно, связать две ямки подквадратной формы с остатками дерева в них, зафиксированные вдоль западной стенки погр.10 в Атынском могильнике (Шутова Н.И., 1992, с.58).

Зольно-углистые включения зафиксированы в заполнении погребений 69, 70, 76, 91, 92, 95, 111, 117, 126, 135, 138, 143-146, 149, 152 Кадочниковского могильника. Аналогичные включения с нечеткими очертаниями границ зафиксированы в погребениях и межмогильном пространстве на Уржумнолинском, Грековском и Мелетском I могильниках. Угли прослежены в засыпи могильных ям на погребальных памятниках XVI–XVIII вв. как горных, так и луговых мари: Картуковском, Кадышевском II, Салмандаевском II, Кукшелидском, Отарском, Аксаркинском, Нуръял-Карамасском и др. могильниках (Шикаева Т.Б., 1981, с.198). Огонь, огненный дух описываются в марийских молитвах: «Огненный дух, у тебя длинные ноги и острый язык, очистивши наши жертвы, принеси их к богам» (Смирнов И.Н., 1889, с.117). Огонь, по верованиям марийцев, является противоядием от злых духов. Огнём от веток можжевельника марийцы выгоняли нечистую силу из жилых помещений (Ярыгин А.Ф., 1976).

Очевидно как остатки поминальных тризн, можно рассматривать кости и зубы животных, отмеченные в погребениях 21, 22, 24, 28, 46, 56, 77 и др. Кадочниковского могильника. Кости жертвенных животных зафиксированы в засыпи могильных ям и других синхронных марийских погребальных памятников. В Кадышевском II могильнике такие кости обнаружены в области головы погребенных (Шикаева Т.Б., 1981, с.199).

Обычай приносить в жертву умершим животных существует у финно-угорских народов с древнейших времен (Збруева А.В., 1952, с.125; Халиков А.Х., 1962, с.164, 166). С.К. Кузнецов отмечал, что у марийцев Малмыжского уезда бытует обряд, согласно которому при засыпании покойника землёй закалывают какое-нибудь мелкое животное, съедают его, а кости кидают в могилу, которая после этого окончательно засыпается землёй (Шикаева Т.Б., 1981, с.199).

Согласно старинным верованиям удмуртов, коми-пермяков, манси и хантов, умершие предки приобретали власть над животными. Их нужно было почитать и приносить им жертвы, иначе они могли сильно вредить животным. Так удмурты обращались с молитвой к умершему сородичу: «Твои годины поспели, даем кровавую жертву, жеребёнка саврасого по шерсти, с густой гривой. Не сердись, хорошую скотину хорошо смотри и самих нас сзади и спереди не хватай» (Смирнов И.Н., 1890, с.181).

На синхронных удмуртских погребальных памятниках остатки могильных тризн представлены, в частности, небольшой ямкой с тленом костей животных, выявленной на Атынском кладбище возле погребений 1-2, а также скоплением фрагментов битой гончарной посуды, обнаруженной возле восточной стенки погребения 2 Кайсагуртского могильника (Шутова Н.И., 1992, с.59). По сведениям А.И. Емельянова (1921, с.9), после того, как зароют могилу, родственники зажигали несколько свечей, крошили хлеб на могильный холм, в пользовании умершего оставляли ложку и чашку, которые разбивали на части, чтобы никто из посторонних не мог ими завладеть.

Многочисленные следы поминальных, очистительных и умилостивительных обрядов фиксируются в погребальных памятниках предшествующего времени: в виде кострищ на ананьинских и пьяноборских (Збруева А.В., 1952, с.111-113; Арматынская О.В., 1991), в виде жертвенных комплексов, кострищ на памятниках I – начала II тыс.н.э. Вятского бассейна (Лещинская Н.А., 1996, с.332-333) и поломско-чепецких (Семенов В.А., 1980, с.29-30; 1991, с.68-70; Иванова М.Г., 1992, с.8-23).

Устройство могильных ям и погребальных сооружений. Захоронения совершены в грунтовых ямах простой прямоугольной, в исключительных случаях – трапециевидной, в плане формы со слегка закругленными углами, отвесными вертикальными стенками и плоским дном. Крайне редко, но встречаются случаи наклона наружу или вовнутрь продольных стенок могильных ям. Наличие ям иной формы не типично, можно отметить единичные случаи и объяснить перекопами в позднейшее время. На памятниках XVI–XVIII вв. дополнительные детали при устройстве могильных ям являются скорее исключением, нежели правилом (например: некоторое подобие ниши, зафиксированное вдоль продольной стенки погр.11 Кадочниковского могильника).

Могилы обычно узкие и длинные. Длина взрослых погребений варьирует в пределах 161-220 см, ширина – 51-80 см, глубина от уровня современной поверхности составляет 30-80 см. Более длинные (221-250 см), более широкие (81-140 см) и более глубокие (85-120 см) ямы встречаются редко. Параметры детских могил составляют: длина 61-120 см, ширина 20-50 см, глубина 15-40 см. Собственно в эти показатели укладываются и данные по Кадочниковскому могильнику (табл.I).

Показатели длины и ширины могильных ям в целом соответствуют антропологическим характеристикам. Также при их сооружении учитывалось то обстоятельство, что по поверью ноги покойного не должны касаться стенки гроба, а гроб – стенок могильной ямы, иначе на «том свете жить будет тесно». Иногда размеры могил в длину превышали рост погребенного или размеры поставленного в них гроба таким образом, что со стороны ног или за черепом оставалось свободное пространство для жертвенных даров умершим, пищи, одежды, бытовых вещей. Несоответствие размеров гроба и могильной ямы росту погребенного очевидно, например, в тех случаях, когда рассматриваются женские погребения, в которых фиксируются остатки головных уборов, в особенности на жесткой каркасной основе (например, погр.2, 4, 25, 28, 29, 34, 41, 43, 61, 83, 95, 98, 107, 126, 132 Кадочниковского могильника) (рис.4–2).

Могилы копали до пояса или до пупка. Этнографами зафиксировано объяснение сооружения неглубоких могильных ям страхом перед могилой, копая которую живые стара-

ются не становиться в нее ногами (Кузнецов С.К., 1907, с.19). Другое объяснение этого явления заключается в том, что большое количество земли над покойником может стать препятствием для вознесения души на небо (Никитин В.В., 1980, с.64).

Незначительную глубину имели детские захоронения. Объяснение этому с практической точки зрения заключается в том, что небольшие по размерам могилы трудно вырыть глубокими, а, с другой стороны, также и верой в безгрешность детской души, которая у многих народов помещалась ближе к небу. На исследованной части Кадочниковского могильника зафиксировано 22 небольших по размерам (длина до 1 м) могильных ямы, которые на основании этого признака трактуются как детские (погр.20, 30, 36, 38, 54, 58, 62, 65, 76, 82, 84, 88, 92, 97, 101, 102, 105, 109, 121, 128, 151, 153).

Захоронение умерших в ямах простой прямоугольной конструкции являлось традиционным и преобладающим численно в погребальной практике народов региона и в предшествующие периоды. Некоторые изменения в форме, размерах наблюдаются на могильниках I – начала II тыс. н.э., а именно: размеров погребений в мазунинское время (Останина Т.И., 1991, с.77); разнообразие форм могильных ям с нишами и подбоями для жертвенных вещей характерно для поломских захоронений (Семенов В.А., 1980, с.10-11, 22-24). В могильниках азелинского времени (Генинг В.Ф., 1963, с.82-84; Лещинская Н.А., 1995, с.95) сложные конструкции встречаются редко. Для погребальных памятников чепецкого населения также типичны простые прямоугольные могилы (Иванова М.Г., 1992, с.10).

Остатки погребальных сооружений (рис.4–3; 5–1,3) на Кадочниковском могильнике зафиксированы в 24,2% изученных захоронений (особенно значительные остатки обнаружены при расчистке погребений 29, 33, 108, 126, 132), в остальных могилах проследить и реконструировать их оказалось не всегда возможным. Они представлены рамными конструкциями, состоящими из установленных на ребро по периметру досок, иногда перекрытых сверху. Хорошо сохранившиеся остатки погребальной конструкции выявлены в процессе выборки погребения 126: это доски, установленные на ребро вдоль продольных стенок могильной ямы (длина одной из них 210 см, ширина 14 см, зафиксированные размеры второй 181х14 см); со стороны головы погребенного обнаружены небольшие фрагменты поперечной планки гробовища (табл.63).В некоторых ямах прослеживается гробовище в виде рамы из двух, реже трёх досок. Ширина гробовища колеблется от 29 до 48 см, высота досок – от 10 до 27 см.

Рамные конструкции во всевозможных вариантах: с крышкой из четырех (погр.54, 120, 164, 166, 167 и др.), трех (двух продольных и одной из поперечных; погр.122, 124, 125), двух продольных (погр.133, 139, 160, 161), а также рамами без крышки из четырех (погр.196), трех (погр.191, 210) поставленных на ребро досок – являются численно преобладающими на Грековском могильнике. Такая же картина распределения характерна для погребальных конструкций, зафиксированных на прочих марийских могильниках. Земляное дно могильной ямы выстилалось, как правило, еловыми или пихтовыми ветками. Деревянные плахи, прикрывающие умершего сверху (Греково, погр.128, 146, 204, 212 и др.), – еще один вариант погребальных конструкций на позднесредневековых вятских марийских памятниках.

Рассмотренные выше разновидности погребальных сооружений имеют свои истоки в материалах предшествующего времени. Так, в частности, специальные сооружения из дерева в виде гробов-колод и гробов – ящиков выявлены в материалах III–V вв. в Среднем Прикамье (Останина Т.И., 1991, с.78). В материалах III–V вв. в Вятском бассейне фиксируются подстилки из рогожи, бересты (Худяки, погр.1, 100; Азелино, погр.1), войлока (Мари-Луговской, погр.36), деревянное ложе (Тюм-Тюм, погр.36, 41, 77) или гробовище в виде прямоугольного ящика (Азелино, погр.5, 11, 19); зафиксированы случаи покрытия умершего сверху или полное обертывание его в ткань, кожу, бересту (Лещинская Н.А., 1996). В поломско-чепецкое время хоронили в гробах из досок, луба, в рамах без дна, обкладывали лубом, берестой, мехом; использовали подстилки (Семенов В.А., 1980, с.14-15; Иванова М.Г., 1992, с.13).

Детали захоронения. Для марийских погребальных памятников нового времени характерны одиночные погребения. Случаи коллективных (два и более) единичны (Шикаева Т.Б., 1981, с.200; Шапран И.Г., 1984, с.91). Изредка встречаются впускные погребения. Захоронения, исследованные на Кадочниковском могильнике, все единичные.

Отмечены и могильные ямы, в которых не зафиксированы антропологические материалы, а иногда и никакие иные материальные остатки. Вероятно, часть таких погребений может быть рассмотрена как символическое захоронение родственников. Этнографы отмечают, что обряд символического погребения родственников, умерших на стороне, чьи тела не были погребены на родовом кладбище, имел место еще в конце XIX – начале XX в.

Покойника клали на спину, нижние конечности вытянуты, руки, как правило, вдоль тела (фото 3, рис.4–2,4). Иногда одна или обе руки слегка согнуты в локтях и кисти лежат на тазовых костях (рис.4–1,3; 5–1,4). Для погребальных памятников марийцев характерно господство северной ориентации с отклонениями в пределах СЗ-СВ, наиболее часто встречаемыми являются направления СЗ, ССЗ, ССВ, С, отмечены также погребения с западной и юго-западной ориентацией, немногочисленны южное, восточное, юго-восточное направление (табл.I). Общее сравнение ориентации умерших по марийским погребальным памятникам дает следующие результаты: основная масса погребенных на вятских марийских могильниках ориентирована на север-северо-запад, северо-запад, запад-северо-запад (Шапран И.Г., 1995, с.195-196).

Просеверная ориентировка погребенных признана многими исследователями, в том числе и этнографами, как специфичная для финно-угорских народов традиция. Корни ее принято видеть в религиозно-мифологических представлениях большинства финно-угров, согласно которым загробный мир находится на севере (Владыкин В.Е., 1994, с.144).

Фото 3. Кадочниковский могильник. Погребение 90

Череп часто лежит на правом или левом боку (рис.4–1-4; 5–2). Под голову, вероятно, подкладывалась «подушка», при сгнивании которой череп скатывался на бок. Подтверждением тому может служить насыщенное гуммированное заполнение под черепом и вокруг него.

Размещение погребального инвентаря. С представлениями о загробной жизни связано сопровождение умершего различными вещами и едой. По замечаниям этнографов, для того, чтобы обеспечить умершего всем необходимым для жизни на том свете, в гроб клали тёплые вещи, предметы первой необходимости: нож, пищу (блины, орехи), мелкие монеты (Попов Н.С., 2005, с.180-181). Из 153 изученных на Кадочниковском могильнике погребений не содержит погребального инвентаря 41 захоронение, что составляет 26,7% от общего числа.

Инвентарь выявлен в 89,3% захоронений на вятских марийских памятниках. Высок процент погребений, в которых умерших сопровождали только монеты или нож (или в сочетании). Однако, практически на каждом из достаточно раскопанных памятников обнаружены погребения с полным набором инвентаря, который состоит, как правило, в женских – из головного убора и прочих деталей костюма (украшений головы, груди, рук), а также хозяйственно-бытовых вещей, в мужских – орудий труда и охоты, иногда украшений; в детских – характер и количество сопровождающего инвентаря зависит от пола и возраста ребенка.

Достаточно редкой находкой в составе погребального инвентаря является наличие посуды. Так в погребениях 2 и 38 Грековского могильника обнаружены медные котелки (Шапран И.Г., 1984, с.94). В захоронениях 5 (табл.5–3), 108 (табл.55–3, 5), 123 (табл.62–2) Кадочниковского могильника обнаружены единичные фрагменты гончарной керамики.

В основном, находки, связанные с деталями одежды, размещены в могильной яме по отношению к костяку погребенного так, как они использовались в костюмном комплексе. В захоронениях предшествующего времени размещение погребального инвентаря в могилах аналогично: как, правило, так, как его носили при жизни. На рубеже II–I вв. до н.э. фиксируются отдельные случаи нетрадиционного расположения погребального инвентаря, например, поясов, растянутых вдоль тела умершего или уложенных рядом в свернутом положении. Особенно широкое распространение явления необычного местоположения вещей в могиле получают в мазунинское и поломское время.

В отдельных случаях, тогда, когда вещи положены в качестве поминальных даров, их расположение необычно: в изголовье, в ногах, на груди, за пределами гроба. Очевидно, именно как дары умершему имеет смысл рассматривать перстни, сюльгамы, завёрнутые в бересту, найденные в погребениях 34, 95, 149 Кадочниковского могильника; в погребении 107 обнаружен набор, состоящий из перстня и браслета, также завернутых в бересту.

Обычай помещения части вещей компактным скоплением в определенной части могильной ямы в научной литературе получил название жертвенного комплекса. Жертвенные комплексы встречены на всех в достаточно полной мере изученных марийских могильниках. Они состоят из монет, украшений (бусы, бисер, перстни, браслеты, пряжки), бытовых предметов (нож, кремень, кресало, котелок); размещены, как правило, в изголовье, у ног, в области груди, за пределами погребального сооружения, в засыпи могильной ямы (Шапран И.Г., 1995). В большинстве случаев жертвенные комплексы, зафиксированные в погребениях марийских могильников, завернуты в бересту (Мелеть I, погр.34, 47, 113 и др.; Греково, погр.43, 76, 84 и др.) или ткань, иногда просто уложены кучкой.

Ритуальные остатки. Следы магических действий, совершенных в очистительных и поминально-умилостивительных целях, прослежены в остатках культа огня, жертвенных комплексах, а также обряде умерщвления вещей.

В захоронениях марийцев фиксируются следы огненного культа. Зола и уголь располагались в заполнении могилы, на ее дне, возле головы и ног умерших. В погребальном обряде марийцев они проявляются ярко и многосторонне: следы огня на гробовищах; угли и зола в засыпи, кострище на поверхности отдельных могил и в межмогильном пространстве встречены на каждом из исследованных погребальных памятников вятских марийцев. Насыщенные углистые пятна разных размеров фиксируются в заполнении погребений 69, 70, 76, 91-92, 95, 111, 117, 126, 135, 138, 143-146, 149, 152. Считается, что идея устройства на кладбище кострищ традиционна (Никитина Т.Б., 1992, с.40), однако, со временем их функциональное назначение изменяется. Если в IX–XI вв. существовали места для проведения кремации умерших, например, яма-кострище на Юмском могильнике (Архипов Г.А., 1973, с.16), то в этнографически зафиксированное время они превращаются в центры молений. Многие верующие марийцы еще в последней четверти XX в. считали, что их молитвенные обращения донести до богов может огонь костров, зажигаемых во время молений (Ярыгин А.Ф., 1976, с.11). По замечаниям этнографов, в XIX в. на этих кострах в котлах кипятили еловую и сосновую смолу, «чтобы облегчить участь покойников на том свете» (по: Никитина Т.Б., 1992, с.40).

Значительные проявления культа огня зафиксированы на погребальных памятниках предшествующего времени. Так, в материалах пьяноборского времени Худяковского и Кордон могильников в Вятском бассейне углистые пятна отмечены в половине исследованных погребений (Лещинская Н.А., 1995, с.103-104).

Определяя место, занимаемое Кадочниковским могильником в ряду погребальных памятников марийского этноса, необходимо отметить отличия некрополей вятских, луговых и горных марийцев по основным чертам погребального обряда. По материалам погребений луговых марийцев в период XVI–XVII вв. начинает довольно широко применяться подстилка из еловых или пихтовых веток, что также встречается у вятских мари, но в меньшей степени. Своеобразным объединяющим началом для луговых и вятских мари служит присутствие посуды в захоронениях, что не характерно для горных марийцев. Общим для вятских и горных марийцев является наличие камней в засыпи погребений (луговой Нурьял-Карамасский, вятские Уржумнолинский, Грековский, Кадочниковский) и использование в засыпи и на дне могильной ямы угля, а также содержание в засыпи погребений остатков поминальной тризны в виде костей и зубов животных.

Сравнив синхронные погребальные памятники марийцев и этносов, проживающих с ними в непосредственном соседстве, можно отметить следующее:

• *Топографию*, аналогичную марийским могильникам, имеют, прежде всего, удмуртские.

• *Планиграфия*. Расположение погребений рядами и группами характерно для всех этносов. Однако для удмуртов более характерно либо групповое, либо рядное расположение; на мордовских (мокша) памятниках преобладает рядовое расположение захоронений. Распределение групп по ориентировке отмечается на некрополях марийцев, удмуртов, чувашей.

• По *форме могильной ямы* марийские, мордовские и чувашские могильники отличаются от удмуртских отсутствием ям овальной и неправильной формы (Шутова Н.И., 1991, с.8).

• *Столбовые ямки* рядом с захоронением довольно редко встречаются на могильниках удмуртов и мордвы. Большое распространение имел обычай ставить столбы в изголовье умерших у чувашей. У марийцев, в большинстве случаев, столбовые ямки являлись остатками оградки или навеса и могут быть одним из признаков, указывающих на захоронение женщины.

• *Засыпь погребений* на марийских памятниках очень часто содержит золу и уголь, что характерно и для удмуртских (особенно северных) некрополей (Шутова Н.И., 1992, с.73). Наличие в засыпи отдельных вещей (монеты, орудия труда, украшения) отмечается также

только на марийских и удмуртских памятниках. Отличительной особенностью марийских могильников является присутствие в засыпном грунте остатков поминальной пищи (костей животных, орехов) и крупных камней. Особенностью женских и детских погребений марийских могильников является наличие на дне могил (особенно в области черепа и под ним) угля и гумуса. Подобный элемент обряда прослежен на чувашских и удмуртских погребальных памятниках, но большого распространения он не получил.

• *Ориентировка*. Для всех групп могильников нового времени (кроме мордовской мокшанской) преобладающей является меридиональная ориентировка. Широтная, характерная для мордвы-мокши (ЮЗ и ЗЮЗ), зафиксирована в южных и северо-восточных районах проживания марийцев, в южных районах расселения удмуртов, на отдельных чувашских могильниках.

• *Положение костяка*. Для погребальных памятников всех этносов характерны одиночные захоронения. Преобладающим является положение умерших на спине в вытянутом положении. Положение на правом или левом боку в единичных случаях встречается только в марийских могильниках.

а) *Положение черепа*. В отличие от наиболее распространенного у марийцев положения черепа на правый висок, на погребальных памятниках соседних народов преобладает положение черепа лицевым сводом вверх. Несколько ближе к марийцам в этом элементе обряда – удмурты. Положение черепа выше остальных костей, кроме марийских могильников, зафиксировано лишь на удмуртском Ципьинском (Семенов В.А., 1987).

б) *Положение рук* вытянуто вдоль тела или скрещено в области живота (костей таза) преобладает во всех сравниваемых группах. Иные варианты, как исключение, встречаются на марийских и южноудмуртских памятниках. Особенностью марийских могильников являются случаи заведения рук за спину или разведения их в сторону (Выжумский I, группа горных мари).

в) *Положение ног*. Чуть согнутые в коленях или разведенные в стороны ноги зафиксированы в погребениях на марийских могильниках.

• *Кенотафы*. Символические захоронения отмечаются на удмуртских (Шутова Н.И., 1992, с.64), марийских и чувашских (Каховский Б.В., 1979, с.104-105) памятниках.

• *Погребальные конструкции* не зафиксированы исследователями только у мордвы-эрзи. В материалах памятников других этносов преобладающей является конструкция типа рамы, которая иногда закрывалась сверху досками. Подстилка, аналогичная используемой в марийских могильниках (луб, береста), встречается у удмуртов и мордвы-мокши, реже у чувашей.

• *Остатки поминальной пищи.* Наибольшее распространение положение костей животных (череп, зубы и ноги лошади) в могилу получило в могильниках чувашей. В большинстве случаев они располагались в области головы. У удмуртов в погребениях чаще всего встречаются кости птицы, реже – лошади и свиньи, яичная скорлупа и лесные орехи (Шутова Н.И., 1991, с.17-18). У марийцев – жертвенная пища в погребениях также встречается (Никитина Т.Б., 1992, с.36-37).

• *Сопровождающий инвентарь* в целом для периода XVI–XVIII вв. характеризуется уменьшением количества и разнообразия вещей в погребениях в сравнении с погребениями предшествующего времени.

а) *Монеты* зафиксированы во всех группах могильников и встречаются преимущественно в женских захоронениях. Местоположение их также совпадает: в области головы, в руке, в кошельке. В ротовую полость клали монету марийцы, чуваши и мордва-мокша.

б) *Топор*, воткнутый в дно могильной ямы, встречается только в марийских захоронениях.

• *Посуда*. У мордвы-мокши в погребения ставились только глиняные сосуды. У удмуртов (в северных районах расселения), кроме керамики, в могильную яму ставились котлы и деревянные чаши. Последнее обстоятельство сближает их с марийскими могильниками, в погребениях которых керамика встречается крайне редко. Кроме того, у марийцев и удмуртов в посуде иногда содержатся остатки пищи.

• *Жертвенный комплекс* вещей представлен, как правило, небольшим количеством компактно лежащих украшений или инвентаря. Этот элемент погребального обряда встречается довольно редко в могильниках марийцев (Никитина Т.Б., 1992, с.35), в погребальной практике удмуртов он более выражен (Шутова Н.И. 1992, с.70-71).

Таким образом, сравнение погребального обряда народов Поволжья и Прикамья в период XVI – начала XVIII в. свидетельствует о его значительной нивелировке. Особенности могильников отдельных этнических групп выражаются в содержании, количестве отдельных элементов обрядности и распространении каждого из них.

Костюм вятских марийцев по материалам Кадочниковского могильника

Этническая история марийского народа, формирование составляющих его этнографических групп сохраняет для сегодняшнего исследователя множество белых пятен. Одним из определяющих существенных источников для ответа на вопросы в данной области является избежавший сильной модернизации традиционный костюм, в котором наиболее устойчиво сохраняется преемственность с прошлыми традициями. Костюмный комплекс в определенном смысле можно рассматривать как пограничную область между материальной и духовной культурой, так как изготовление многих элементов одежды и украшений требует немалого воображения, творчества, затрат духовных сил. На развитии и изменении костюмного комплекта, особенно женского, нивелирующее влияние миграционных факторов сказывается значительно медленнее, в отличие от хозяйства, орудий труда, жилища. Следовательно, на фоне очевидного межэтнического и внутриэтнического многообразия женской одежды и украшений появляется возможность выделить общие и особенные признаки или компоненты. Часть этих признаков может относиться к древности и указывать на общую подоснову и взаимосвязь на ранних этапах культурного развития народов; часть связывается с более поздним временем и свидетельствует о самостоятельном развитии тех или иных линий и направлений.

Народный костюм, особенно женский, – один из наиболее устойчивых элементов материальной культуры, который хорошо сохраняет и передает этнокультурные особенности и традиции своего носителя. Племенное своеобразие выражается в особенностях головного убора, покрое костюма, составе и видах украшений, манере их ношения.

Одежда, кроме основного своего назначения – защищать человека от воздействия окружающей среды, – в традиционных обществах была признаком племенной, социальной и половозрастной принадлежности, имела символическое значение, выполняла магические и сакральные функции — оберегала владельца от злых сил. Особое значение в этом контексте имеет обрядовый костюм, с остатками которого имеют дело археологи при анализе погребального инвентаря и текстильных фрагментов, обнаруженных в погребениях.

Судя по этнографическим данным, в качестве похоронного у финно-угорских народов, например у мордвы, использовался, как правило, праздничный костюм (Корнишина Г.А., 2002, с.41). Праздничный наряд соответствовал общеупотребимым формам одежды, но отличался от повседневного тщательностью исполнения, богатством в убранстве и усилением (с помощью вышивки и обилия украшений) знаковых функций. В то же время праздничная или обрядовая одежда является наиболее консервативной, в ней более четко отражены этнокультурные и социальные особенности носителя.

Использовавшийся в качестве смертной одежды костюм отличался определенными особенностями. Так, в этнографическом материале отмечается, что смертная рубаха мордвы-эрзи вышивалась более темными нитями, чем обычная праздничная (Корнишина Г.А., 2002, с.42). Онучи заворачивали не слева направо, как при жизни, а наоборот. Пояс завязывали не слева, как у живых, а справа (Юртов А.Ф., 1877, с.228). То есть иным был не костюм в целом, а его отдельные элементы и способ надевания.

Следовательно, обращаясь к анализу погребального инвентаря и остатков текстиля, происходящих из могильников, необходимо иметь в виду, что реконструируется, прежде всего, обрядовая – смертная, а не повседневная – обычная одежда, но одежда, которая по своему покрою и основному убранству близка традиционному наряду.

История изучения марийских костюмных комплексов (по этнографическим и археологическим источникам)

Предваряя историографический обзор, необходимо оговориться, что мы не претендуем на его полноту. В нем нашли отражение, в частности, те этнографические работы, которые помогают понять и правильно интерпретировать имеющийся в нашем распоряжении археологический материал. Эти же аргументы можно привести в пользу привлечения исследований археологических источников более раннего времени.

Данные этнографии составляют одну из важнейших и наиболее информативных групп источников по народному костюму. Преимущественно на их основе до определенного времени формировались представления о марийском, в основном женском, одеянии.

История накопления этнографических знаний начинается с XVII в., когда известный путешественник А. Олеарий с большой точностью описал костюм черемис (Олеарий А., 1870, с.409). Значительный вклад в изучение одежды народов Казанской губернии внесли труды руководителя одного из отрядов знаменитых академических экспедиций конца XVIII в. Г.Ф. Миллера. Сосредоточив особое внимание на описании женского наряда, автор выделяет характерные особенности костюма у различных возрастных и социальных групп населения, отмечает существующую близость между костюмом удмуртов (вотяков) и марийцев (черемис) (Миллер Г.Ф., 1791, с.16-18). В качестве источника при изучении наряда XVIII в., иллюстрирующего, в частности, тезис о территориальном соседстве двух народов и схожести костюмов, может служить работа И.Г. Георги (1799, с.55-67). Материалы вышеупомянутых авторов существенно дополняются записками И.Г. Гмелина (Известия И. Гмелина, 1773, с.268) и заметками проезжавшего через Вятский край в 1740 г. академика Н.И. Делиля (Пекарский П., 1865, с.8). Заслугой исследователей данного периода является то, что именно их стараниями началось накопление фактического материала, к которому постоянно обращаются и современные исследователи. Однако, изыскания XVIII в. дают лишь отрывочные сведения о национальном костюме мари, что не позволяет установить этнографические особенности в одежде отдельных районов, а также воспроизвести полный костюмный комплекс у различных возрастных и социальных групп населения.

Ситуация в значительной степени изменяется в XIX в., особенно во второй его половине, когда центрами изучения национальностей Поволжья и издательской работы становятся Казань, Москва, Санкт-Петербург. Своеобразием исследований этого периода и его ценностью в связи с этим является то, что изучением быта и национальной культуры занимались не только специалисты – этнографы, но и местные краеведы, деятельность которых особенно активизировалась после образования Русского географического общества. В числе исследователей – специалистов следует отметить И.Н. Смирнова, который в монографии «Черемисы» предпринял попытку очертить границы этнографических районов марийцев, взяв в качестве основного признака женский головной убор (Смирнов И.Н., 1889, с.75). Типологическое описание марийского женского костюма и его составных частей с выделением возрастных и локальных особенностей на материалах, собранных среди марийцев различных территориальных групп, в том числе проживавших и в бассейне р. Вятки, впервые в этнографической литературе предложено финской исследовательницей Ю. Вихман (Молотова Т.Л., 1989, с.91-92).

На рубеже 20-30-х гг. XX в. в этнографическом изучении марийцев, в частности, в интересующем нас вопросе исследования народного костюма, происходит очередной всплеск, проявившийся в оживлении интереса в среде национальных кадров к изучению культуры своего народа. С 1930-х гг. этнографическое изучение мари принимает более углубленный и плановый характер. Научными институтами и учреждениями (Институт народов

Советского Востока, Государственный исторический музей, Центральный музей народов СССР, Республиканский марийский краеведческий музей и др.) организуются этнографические, лингвистические, археологические экспедиции.

Из работ зарубежных авторов, начиная с 20-х гг. XX в., затрагивающих в той или иной мере интересующие нас проблемы, необходимо упомянуть богато иллюстрированное издание «Восточноевропейские народные одежды», подготовленное М. Тильке (1925), страдающее, однако, фактическими ошибками.

В 1932 гг. публикуется работа Маннинена «Финно-угорские народы», состоящая из очерков, посвященных отдельным финно-угорским народам и содержащая большой фактический материал и обширную библиографию.

В 1950–1960 гг. идет работа по обобщению материалов по марийскому костюму. М.Т. Маркеловым создаются первые попытки типологии. На протяжении многих лет занималась изучением марийского наряда Т.А. Крюкова (1949; 1956; 1968). Итогом ее многолетней работы явилось исследование «Этнографические и локальные группы марийцев (по материалам одежды)», к сожалению, так и не опубликованное (Молотова Т.Л., 1989, с.92).

Ценнейший вклад в историю изучения одежды народов Поволжья и, в частности, марийцев, внесла Н.И. Гаген-Торн (1960), рассматривая костюм и каждую из составляющих его частей как один из путей к решению проблем этногенеза народа. Значительной вехой в изучении марийского национального костюма стала работа К.И.Козловой «Очерки этнической истории марийского народа» (1978).

Особенности локальных вариантов марийского костюма нашли отражение в работах Г.А. Сепеева (1967, с.161; 1975, с.154-209). Развернутый анализ марийского костюма второй половины XIX – начала XX в. проводит Т.Л. Молотова (1989; 1992). Отдельным элементам костюма мариек, а именно украшениям – одной из самых ярких и информативных частей костюмного комплекса, посвящены исследования А.Ю. Заднепровской (1982).

С середины 50-х гг. XX в. – момента образования Марийской археологической экспедиции и начала планомерного, систематического археологического изучения края, с накоплением материала появляется возможность реконструкции костюмных комплексов вообще и его частей в гораздо больших объемах, чем в предшествующее время. С конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. попытки реконструкции костюмных комплексов в целом или отдельных его частей, выполненные по археологическим данным, стали появляться в научной литературе (Халиков А.Х., 1958, с.87-89; Архипов Г.А., 1961). Затем по мере накопления и осмысления материала в свет выходят новые работы, в которых так или иначе находит место реконструкция костюма. В большинстве своем это работы, охватывающие материалы конца I – начала II тыс. н.э. (Архипов Г.А., 1973; 1986).

Окончательная стыковка этнографических и археологических материалов произошла в конце 1980-х гг., когда были обобщены известные ранее, а также изученные в массе к тому времени позднесредневековые материалы (в подавляющем большинстве по погребальным комплексам). В свет выходят публикации с более или менее полной реконструкцией марийских костюмных комплексов XVI – начала XIX в. (Никитина (Шикаева) Т.Б., 1982; 1987; 1992; Шапран И.Г., 1993; 2002). Археологические материалы позволили дополнить этнографические сведения, появилась возможность проследить становление национального костюма мари (исключая XIV–XV вв.).

Итак, в истории изучения марийского костюма можно наметить 3 этапа.

1 этап – рубеж XVII–XVIII вв. – первые десятилетия XX в. – характеризуется, с одной стороны, появлением интереса к марийскому национальному костюму как части интереса к национальной культуре российских окраин, с другой стороны – проявлением интереса к истории и культуре своего народа. Результатом явились этнографические труды

разной степени научной ценности, в которых в той или иной мере нашли отражение все аспекты жизни народов и, в частности, одежда как проявление многообразия человеческой жизнедеятельности.

2 этап – 1920-е – начало 1950-х гг. – переходный. Характерными сюжетами этого периода являются попытки аккумулирования этнографических знаний и появление первых археологических материалов, создающих потенциальные возможности для ретроспективного анализа костюмных комплексов с древнейших этапов. Однако общая объективная ситуация в археологических исследованиях в это время не создала реальную основу для обобщающих реконструкций.

3 этап – вторая половина XX в. – наиболее плодотворный по выработке основных направлений в изучаемой теме и результативности теоретических разработок. Это, прежде всего, выразилось в появлении серии обобщающих этнографических работ, окончательном «сращивании» интересов этнографов и археологов к одежде как одному из наиболее важных разделов народной культуры. База археологических данных, уровень исследованности материала позволяют ставить и решать вопросы зарождения и развития локальных вариантов костюмных комплексов, а в связи с этим рассматривать национальный наряд как источник по этнической истории. Данные археологии позволяют уточнить и откорректировать некоторые моменты в истории появления и становления отдельных частей и элементов костюмных комплексов; этнографические материалы помогают понять и проиллюстрировать археологический источник.

В данной публикации рассмотрены особенности только женских костюмных комплексов, т.к. специфика археологических материалов этого времени не предполагает содержательного анализа мужского костюма. Мы можем лишь предположить, опираясь на замечания этнографов, что мужской костюм вятских марийцев, так же как и женский, имел свои особенности, выраженные, например, в конструктивных особенностях нательной и верхней одежды (Молотова Т.Л., 1989, с.92).

В имеющихся в нашем распоряжении материалах сохранились фрагменты женских головных уборов, бусы, бисер, бронзовые и серебряные украшения. Наиболее насыщены деталями костюма женские захоронения. Однако, отдельные детали (пряжки, перстни) могли использоваться как в женском, так и в мужском костюме. Определить половозрастную принадлежность их носителей без антропологического анализа не всегда возможно. Поэтому описание и типология этих вещей дана без разделения на женские и мужские.

Костюмный комплекс

Головные уборы. При анализе головных уборов, обнаруженных и реконструированных по материалам Кадочниковского могильника, мы исходим из того, что марийское население Уржумско-Вятского региона, в границах которого расположен памятник, несмотря на чрезвычайную пестроту в диалектах самоощущается как определенная целостность, относя себя к «шымакшан марий» – марийцам, носящим шымакш. Однако, данный тип головного убора – явление достаточно позднее, известное, в основном, по современным этнографическим источникам (Козлова К.И., 1978; Молотова Т.Л., 1992). В позднесредневековых археологических материалах прослеживаются остатки несколько иных типов головных уборов.

Основой для выявления присутствующих в материалах Кадочниковского могильника типов головных уборов явились образцы, выделенные И.Г. Шапран на Мелетском I могильнике – памятнике, имеющем надежное половозрастное определение (Шапран И.Г., 1993, с.225-226). Придерживаясь возрастного принципа, были выделены следующие типы: ша-

почка-такья – девичий головной убор (также использовался женщинами как часть головного убора); сугубо женскими являлись шурка, шымакш, сложный составной шарпан – нашмак.

Девичья шапочка – такья (3 экз., погр.1, 13, 29) – облегающий голову убор сферической формы; найденные в позднесредневековых погребениях экземпляры сшиты, как правило, из материи малинового цвета, украшены монетами, бисером или расшиты позументом.

Первые этнографические заметки по поводу ношения такьи марийскими девушками составлены П.С. Палласом во второй половине XVIII в. Но, по замечанию Н.И. Гаген-Торн (1960, с.157-158), Г.А. Сепеева (1975, с.185), на рубеже XIX–XX вв. такья фиксируется лишь у малмыжских и восточных мариек, что в свое время позволило им утверждать о позднем заимствовании марийцами такьи.

Археологи, имея в своем распоряжении находки значительно более раннего времени, высказывают свое мнение по этому поводу. Часть из них связывает появление подобного головного убора на марийской территории с древнечувашским населением, переселившимся на Волгу в III–V вв. (Генинг В.Ф., 1963, с.55). А.Х. Халиков (1971, с.19) и П.Н. Старостин (1971, с.53) предполагали появление такьи у древнемарийского населения через именьковские племена. Однако, очевидно есть смысл придерживаться той же логики, когда мы говорим об автономном появлении и бытовании у различных народов налобных венчиков, при анализе истоков и такого головного убора, как такья. Форма головного убора типа шапочки как наиболее удобная могла возникнуть самостоятельно и, думается, практически синхронно у различных народов, живущих в сходных природно-климатических условиях. Тем более, что подобное логическое заключение подкрепляется и фактами: реконструкция головных уборов ананьинского времени всегда предполагает наличие шапочки, плотно облегающей голову (Халиков А.Х., 1962, с.64). Еще одним доводом в пользу самостоятельного возникновения и существования, а не заимствования, например, у соседей-тюрков, данного головного убора является тот факт, что такьи, найденные в позднесредневековых марийских погребениях, на любой территории, подобно азелинским и пьяноборским, не имеют шишака и наушников и этим отличаются от тюркских.

Девичья налобная повязка – венчик (2 экз., погр.77, 95). В силу специфики археологических памятников отфиксировать и реконструировать этот убор оказалось наиболее сложно. Прибегая к этнографическим аналогам, беря во внимание реконструированные образцы с сопредельных территорий (Никитина Т.Б., 1992, с.47), и опираясь на материальные остатки, обнаруженные в погребениях, думается, что налобная повязка – венчик представляла собой полоску ткани, как правило, красного цвета шириной 2,5-3 см, украшенную шитьем, бусами или монетами, чаще – в сочетании; концы ее застегивались на пуговицы или завязывались, смыкались на затылке, иногда опускаясь на спину, как в реконструированном Т.Б. Никитиной экземпляре из погребения 37 Картуковского могильника (Никитина Т.Б., 1992, рис.12). В затылочной части повязки крепились две низки бус, опускающиеся вдоль косы по спине до пояса.

Наличие остатков подобных головных уборов у древних мариек IX–XI вв. отмечено Г.А. Архиповым (1961, с.127-138). Детали аналогичного головного убора прослежены и в материалах V–VII вв. (Младший Ахмыловский могильник, погр.88; Никитина Т.Б., 1992, с.47). Этнографические образцы рубежа XVIII–XIX вв. фиксируют два варианта данного головного убора: повязка-венец, сплетенная из шерстяных ниток, украшенная бисером и монетами, и повязка – венец на кожаной основе с монетами. К концу XIX в. девичья налобная повязка трансформировалась из головного убора в украшение, состоящее из монет, бус и бисера (Молотова Т.Л., 1992, с.33-34).

Налобная повязка распространена у многих народов, и везде она имеет древние корни. Справедливо полагает В.Н. Белицер, что «эти простейшие виды головных уборов могли

развиваться самостоятельно у различных народов на ранних ступенях их хозяйственного и культурного развития, постепенно видоизменяясь. Каждый народ вносит свои специфические черты в подбор цветов, способ ношения и детали отделки» (Белицер В.Н., 1951, с.59). Налобная повязка-венчик входит также в состав некоторых женских головных уборов, являясь их неотъемлемой частью.

Марийские женские головные уборы в этнографических изысканиях подразделяются на следующие типы: мягкий полотенчатый «*шарпан»*, лопатообразная *«сорока»,* каркасные остроконечные *«шурка»* и *«шымакш»* (чурик, колпак) (Молотова Т.Л., 1992, с.34). Принимая во внимание этнографические источники, отметим, что основной и наиболее значимой частью женского головного убора служит полностью или частично закрывающее волосы расшитое вышивкой полотенце той или иной формы, которое в погребениях не сохраняется. Поэтому остается надеяться на те жесткие части головных уборов или металлические украшения, которые с привлечением этнографических параллелей позволяют восстановить утраченное.

В работе по выделению образцов женских головных уборов мы также опирались на материалы Мелетского I могильника с его половозрастными определениями. Была прослежена следующая закономерность: в женских погребениях (возраст до 45 лет) фиксируются материальные остатки в определенном, достаточно постоянном наборе: фрагменты бересты с остатками холста, как правило, малинового цвета, закрепленного на бересте при помощи бронзовых булавок; в области черепа погребенной фиксируется налобный венчик – полоска более плотной ткани шириной 3-4 см, которая обшивалась позументом с целью придания ей большей жесткости и декорирования, в области затылка налобный венчик застегивался сюльгамой; пиком жесткой конструкции является головной венчик, состоящий из нанизанных на веревочку, как правило, трех-семи бронзовых или серебряных бусин (каждая составлена из двух полусфер), завершающийся кисточкой бисера, выходящей из большей по размеру полусферы. Все это составные части головного убора, известного в этнографической литературе под названием «шурка». Название этого головного убора происходит от слова «шур» – рог, «шурка» – дословно «рогатый» (Молотова Т.Л., 1992, с.34). Т.Б. Никитиной (1992, с.49) по материалам погребения 53 Уржумнолинского могильника была произведена реконструкция шурки. Головной убор имел берестяную основу в форме усеченного конуса высотой 30-40 см и шириной в верхней части 10 см; остов обтягивался материей малинового цвета, на которую нашивались ряды бус, бисера, монет. В центре находилась серебряная или бронзовая подвеска из трех-пяти полушарий, нанизанных на кожаный (или из толстых шерстяных ниток) ремешок. Сверху этот твердый убор закрывался платком, о чем свидетельствуют большие по размерам сюльгамы, расположенные по бокам. Малый конец платка опускался на берестяной остов спереди к венчику-подвеске и прикреплялся к нему бронзовой булавкой с шарообразной головкой, иногда крепление дополнено сюльгамой. Большой конец платка опускался на спину, а два других – на плечи. Необходимо отметить, что реконструируя данный тип головного убора по материалам разных памятников Вятского бассейна, невольно обращаешь внимание на то, что элементы, входящие в состав убора, повторяются с поразительным постоянством и точностью. Очевидно, территориальные отличия в оформлении можно было проследить по таким нюансам, как вышивка, расшивка бисером и др., которые практически неуловимы на уровне археологического материала.

Головной венчик, состоящий из полусферических пронизок, образующих попарно бусины, нанизанные на шнурок, зафиксирован в погребениях 2, 4, 12, 50, 61, 95, 98, 107 Кадочниковского могильника (фото 5, 6). В частности, в погребении 2 он состоял из 6 полных и 1 полубусины. Аналогичный по оформлению венчик, завершающий головной убор, обнаружен в погребении 4. В дополнении к нему в погребальных остатках найден налобный

венчик, вытканный из пряжи тёмно-вишнёвого цвета, с нашитой по продольным краям позументной тесьмой. В налобной части венчик украшен монетами – подвесками, концы на затылке погребённой скреплены бронзовой сюльгамой (рис.10). Подобный налобный венчик в сочетании с головным зафиксирован в захоронении 107 Кадочниковского могильника (рис.12, фото 6).

По мнению ряда этнографов, ссылавшихся в своих работах на записки путешественников XVII–XVIII вв., шурка считается наиболее древним головным убором, характерным для всех этнографических групп марийцев (Крюкова Т.А., 1956, с.136), на смену которому в ряде районов приходят сорока и шарпан. Еще одним доказательством в пользу «древности» шурки является ссылка на использование такого убора в свадебных церемониях во второй половине XIX в. у небольшой группы некрещеных луговых мари в Уржумском уезде и у восточных мари (Сепеев Г.А., 1975, с.189). Фрагменты высокого головного убора на берестяной основе обнаружены на всех вятских марийских памятниках, независимо от того, в какой зоне они располагаются: в зоне проживания «сорокан марий» (Грековский могильник) или «шымакшан марий» (могильники Кадочниковский, Мелетский I, Тюм-Тюмский).

В материалах могильников XVI–XVIII вв., изученных Т.Б. Никитиной на территории расселения горных и луговых мари, остатки высоких берестяных уборов типа шурки не зафиксированы, хотя береста, особенно в сочетании с цветными металлами, сохраняется достаточно хорошо. То, что ни в более ранних марийских материалах, ни в находках позднесредневекового времени, происходящих с территорий, заселенных другими этнографическими группами марийцев (1268 погребений на горной и луговой территориях), нет свидетельств в пользу существования головного убора, аналогичного шурке или хотя бы отдаленно напоминающего его, но существующего в сопредельном удмуртском регионе, дало Т.Б. Никитиной основание предполагать, что первые высокие берестяные уборы марийские женщины заимствовали у удмурток, поэтому неслучайно они так схожи с айшонами (Никитина Т.Б., 1992, с.50). По письменным и этнографическим источникам, подобный убор зафиксирован, в основном, у вятских и восточных мари и лишь в исключительных случаях отмечается в других местностях (Козлова К.И., 1978, с.302), что могло быть результатом более позднего распространения.

Остроконечный шымакш, по мнению этнографов (Крюкова Т.А., 1956, с.136), является более поздней формой шурки, напоминая в определенной степени уменьшенный ее вариант (Молотова Т.Л., 1992, с.35). Это прямоугольный кусок холста (55х20 см), один конец которого расшивался в виде колпачка. Весь головной убор украшался вышивкой. На голове он закреплялся при помощи берестяного, кожаного или войлочного колпачка. Шымакш – один из самых распространенных уборов марийцев, который носился не только женщинами, но есть упоминания об использовании его мужчинами (Крижоблоцкий Я., 1891, с.522). По этнографическим материалам, наиболее ранние экземпляры шымакша имели несколько иную форму: у него не было твердого остова (Молотова Т.Л., 1992, с.35), очевидно, именно этот тип шымакша (мягкий) мог существовать параллельно во времени с шуркой.

Шымакш с твердым колпачком у луговых вятских (Уржумский уезд) и восточных (преобладающий женский убор этой группы) мари, очевидно, является более поздним явлением, возникшим в результате слияния двух головных уборов – шурки с твердым каркасом и мягкого древнего шымакша (Молотова Т.Л., 1992, с.35). Манера ношения шамыкша на Вятском правобережье заключалась в расположении остроконечной части убора надо лбом. Поверх данного головного убора носили холщовые треугольные платки (кум лукан шовыч). В результате исследования вятских памятников с данным типом головного убора можно связать материальные остатки, полученные из погребений 3, 4, 9, 26, 43, 141 Мелетского I могильника, расположенного на территории расселения этнографической группы «шымакшан марий».

Нашмак составляет неотъемлемую часть женского головного убора шарпан-нашмак, надевается на теменную часть для укрепления на голове полотенца шарпана. Нашмак представлял собой узкую полоску холста шириной 3-3,5 см, длиной до 25 см, украшенную в ранних экземплярах бисером, бусами, монетами, которые со временем постепенно заменялись вышивкой. Наиболее популярным декором шарпана служила вышивка или тесьма из позолоченного позумента, расшитая по краям основной ткани в виде геометрического или растительного узора. Этнографические параллели дают сведения о размерах шарпана, представлявшего полотенце 2х0,3 м. По материалам могильников трудно определить, был ли нашмак в какое-то время самостоятельной частью головного убора или использовался только как дополнение к шарпану. Находки бронзовых булавок *вуй име*, с помощью которых обычно крепится нашмак к шарпану, бусы в области черепа и спины, которыми могли быть украшены концы шарпана, могут свидетельствовать о наличии последнего в вятских материалах (Мелеть I, погр.77, 127; Греково, погр.18, 30). По расположению булавок относительно черепа можно предположить 2 способа крепления нашмака с шарпаном, известных и по этнографической литературе, – двумя булавками у висков или несколькими булавками по окружности.

Украшения и детали костюма. Обязательной принадлежностью марийского костюма были съемные украшения. В отличие от мужского, женский набор съемных украшений, особенно празднично-обрядовый, был весьма разнообразным и включал украшения головы и головного убора, шейно-нагрудные (всевозможные ожерелья, воротники-ожерелья), нагрудные (сюльгамы отдельно или в сочетаниях), чересплечные, поясные и украшения для рук (браслеты, кольца, перстни).

Головной гарнитур включает налобные и затылочные украшения, височные и наушные подвески, серьги. Налобные украшения («нашмак ончыл») – узкая полоска ткани с нашитыми в ряд бронзовыми жетонами и накладками или серебряными монетками, или имитациями монет. В вятских материалах данные налобные украшения фиксировались вместе с головными уборами и вошли в нашу типологию как налобные венчики (*см. выше по тексту*).

Затылочные украшения, представленные сюльгамами, крепящимися к головному убору или, по этнографическим сведениям, непосредственно к волосам в области затылка, в литературе известны под названием *вуй ширкама* (сюльгама с подвесками из монет). Отмечается, что подобное украшение бытовало до 20-х гг. XX в. только среди мариек Уржумского уезда Вятской губернии (Молотова Т.Л., 1992, с.42).

Височные украшения в материалах Кадочниковского могильника представлены *височными подвесками* (88 экз., рис.8), изготовленными из бронзового (в одном случае – железного; погр.77) проволочного стержня, изогнутого в форме вопросительного знака, кончик которого, как правило, загнут петлей. Найдены в 46 захоронениях.

По отдельным конструктивным деталям выделены типы.

Тип 1 (34 экз.). Безбусинные бронзовые (например: погр.43, табл.28–1-3) (к этому типу могли быть отнесены и те экземпляры височных подвесок, которые на момент размещения в погребении уже не имели бусины или же бусины разрушились, но следы их наличия не были зафиксированы).

Тип 2 (26 экз.). Из бронзового стержня, на который нанизана бусина из глухого стекла (например: погр. 11, табл.8–3; погр.73, табл.39–3).

Тип 3 (28 экз.). На бронзовый стержень нанизана бронзовая бусина, состоящая из двух полусфер (например: погр.13, табл.10–5; погр.41, табл.26–4). Для более плотного закрепления снизу и сверху (иногда с одной из сторон) бусины зафиксированы перевитой вокруг основного стержня меньшей по диаметру проволокой.

Височные подвески в форме знака вопроса в марийских могильниках Вятского правобережья получили наибольшее распространение. Такие украшения обычно носили по одному с обеих сторон головы, у висков. Большим кольцом они крепились к головному убору или волосам. В том случае, когда височные подвески одевались попарно, к нижнему их концу, загнутому в крючок, привязывалась нитка бус, бисера в сочетании с монетами, соединяющая оба украшения и опускающаяся на шею и грудь в качестве ожерелья (Никитина Т.Б., 1992, с.52). Наиболее ранние подобные образцы в Марийском крае найдены на Мало-Сундырском городище, их появление Т.А. Хлебникова (1967, с.169) связывает с булгарской культурой. Аналогичные украшения обнаружены на булгарских памятниках в слоях XIII – начала XV в. (Никитина Т.Б., 1992, с.52). С середины II тысячелетия н.э. такие украшения получают широкое распространение в памятниках финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. В могильниках XVI–XVIII вв. удмуртов (Шутова Н.И., 1992, с.18-20), мордвы (Горюнова Е.И., 1948, с.80), чуваш (Вайнер И.С. Отчет 1971г., табл.5.3, по: Никитина Т.Б., 1992, с.52) близкие по форме украшения являются достаточно частой находкой. Они входили в ансамбль национальной одежды этих народов (Белицер В.Н., 1951, с.74; Волкова Л.А., 1988, с.157; Воробьева Н.И., и др., 1956, с.315) до начала XX в.

По образцам, найденным в погребальных памятниках XVI–XVIII вв., можно утверждать, что марийские женщины в отличие от большинства других народов носили эти украшения в качестве височных, а не ушных (Никитина Т.Б., 1992, с.52). Позднее, с конца XVIII – начала XIX в., из височных данные украшения трансформировались в ушные (Молотова Т.Л., 1992, с.42). Достаточно часто височные подвески встречаются по одной в погребении: Греково – 24 случая из 86, Кадочники – в 20 захоронениях найдено по одной височной подвеске. Достаточно часто можно встретить в одном погребении различающиеся по оформлению образцы (например: погр.4, табл.4–14-16).

Иногда височные подвески входят в состав своеобразного нагрудного украшения в качестве подвесок к сюльгаме. Подобное украшение найдено, например, в погребении 89 Кадочниковского могильника (рис.11, фото 4).

Височные подвески в форме кольца найдены у горных мари в Картуковском могильнике, в среде луговых мари – в Малом Кугунуре (Никитина Т.Б., 1992, с.51). Единственный экземпляр височной подвески в форме кольца зафиксирован в захоронении 11 Кадочниковского могильника (табл.8–2). Подобные височные кольца достаточно часто встречаются на памятниках Северной Руси X–XIII вв. (Седова М.В., 1981, с.13), в Новгороде, в слоях XIV–XV вв. (Левашова В.П., 1967, с.24), в Азметьевском могильнике булгарского периода (Казаков Е.П., 1977, с.99).

Шейные украшения по функциональному назначению в этнографической литературе (Гаген-Торн Н.И., 1960, с.76) принято подразделять на две категории: 1) шейные украшения, связанные с устройством ворота рубахи, – являются как бы отрезным от рубашки воротником; 2) шейные украшения – подвески. Придерживаясь этого принципа на материалах, имеющихся в нашем распоряжении, были выделены два типа.

Тип 1 (погр.24, табл.17–1; погр.25, табл.18–1,2; погр.43, табл.28–10, погр.89, табл.47–1; погр.94, табл.49–3-6; погр.100, табл.51–2-4). Оригинальные шейные украшения из полоски ткани малинового цвета (ширина 2-2,5 см), чаще всего расшитой позументом, с 1-4 бронзовыми или серебряными подвесками-бубенчиками на конце. Носились не только женщинами, но и мужчинами, отличаясь формой бубенчиков. Находки подобного рода отмечены в материалах погребальных памятников XVII – начала XVIII в. горных мари (Никитина Т.Б., 1992, с.53). Аналогичные ожерелья-воротники известны у казанских татар, бесермян (Гаген-Торн Н.И., 1960, с.93, 95) и мордвы (Белицер В.Н., 1973, с.125-126).

Тип 2. Разновидности: а) шейно-нагрудные украшения, представленные составными ожерельями из бус или из бус и монет (погр.14, 50, 61), надетых на кожаную или шерстяную, сплетенную из нескольких нитей, тесьму малинового цвета; б) подвески индивидуальных форм: крестовидная (погр.5, табл.5–2); округлая проволочная со стилизованной головкой лося (?) на одном из концов проволоки (погр.28, табл.20–2).

Сюльгамы (96 экз., рис.9) являются одним из самых распространенных и многофункциональных украшений, найденных на марийских памятниках. Они входили в состав, в основном, женского костюма; изредка встречаются в принадлежностях и мужского наряда (в качестве застежки выреза рубахи). Все сюльгамы овальные, реже – кольцевидные в плане, с подвижным язычком. Численно преобладают бронзовые, в незначительном количестве присутствуют и железные (4 экз.; погр.17, табл.12–4; погр.52, табл.30–4; погр.55; погр.83, табл.44–7). В погребениях 13 (табл.10–7) и 41 (табл.26–3, язычок утерян) найдены бронзовые сюльгамы с железным язычком. По функциональному назначению выделяются отделы, типы выделены по форме сечения, подтипы – по размерам (отсюда их использование в отдельных деталях костюма).

Отдел А (88 экз.). Сюльгамы, выполняющие роль застежки.

Тип 1 (32 экз.). Круглопроволочные, неорнаментированные.

Подтип а (16 экз.). Малые, диаметром от 2,4 до 3,2 см, бронзовые. Входят в качестве застежек в состав головного убора: прикрепляют платок-накидку к каркасной его части.

Подтип б (4 экз.). Средние, диаметром от 3,8 до 4,2 см, бронзовые, в одном случае – железная. Входят, как правило, в состав головного убора в качестве дополнительной застежки для закрепления платка-накидки.

Подтип в (12 экз.). Большие, диаметром от 5,5 до 6,2 см, бронзовые, в одном случае железная (погр.52). Служат застежкой разреза ворота рубахи.

Тип 2 (56 экз.). Пластинчатые, прямоугольные в сечении, орнаментированные. Орнаментальные композиции представляют геометрическое сочетание заштрихованных насечками и прорезными линиями и свободных от орнамента зон.

Подтип а (14 экз.). Малые. Размеры и функциональное назначение совпадают с типом 1а. Орнаментированы двойным зигзагом в сочетании с заштрихованными треугольниками.

Подтип б (26 экз.). Средние. Размеры совпадают с типом 1б. Входят в состав головного убора, а также встречаются в качестве застежки ворота рубахи. Орнаментированы параллельными относительно друг друга штрихами-насечками, зигзагом по заштрихованному полю и др.

Подтип в (16 экз., только как застежки). Большие. Размеры 6,5-7,5 см. Являются застежкой разреза ворота рубахи, а также могут служить основой для нагрудного украшения «ширкама» (см. ниже).

Отдел Б (1 экз.). Сюльгамы, выполняющие роль не просто застежки ворота рубахи, а служащие основой для нагрудника. Нагрудники состоят из сюльгамы и прикрепленного к ней куска кожи, украшенного бусами, монетами; в этнографической литературе получили название *ширкама*. На памятниках, изученных на собственно марийской территории (в основном, горномарийские районы), данное украшение прослеживается, как правило, в сочетании с другим – *почкама*, – которое скрепляет ворот, закрывает и украшает грудь у верхнего края разреза рубахи. Ширкама пристегивается ближе к нижнему краю. Аналогичные украшения найдены в Арзебелякском и Отарском могильниках луговых марийцев (Никитина Т.Б., 1992, рис.19). Очевидно, определенной погребальной разновидностью данного украшения следует считать обнаруженные в погребении 89 Кадочниковского (рис.11) и погребениях 67, 68, 75, 216 Грековского могильников фибулы в сочетании с надетыми на них височными подвесками или перстнями.

Примерно две трети находок сюльгам в женских погребениях связано с головным убором. Пластинчатыми, прямоугольными в сечении сюльгамами средних размеров (тип 2б) соединялись концы налобных повязок. Малые круглые в сечении экземпляры служили для прикрепления к основной, каркасной, части головного убора накидки – полотенца или платка. Иногда малый конец платка, спускающийся впереди на лицевую часть головного убора, крепился помимо булавок также небольшими по размеру круглопроволочными или прямоугольными в сечении сюльгамами.

Сюльгамы, выполняющие роль застежки разреза ворота рубахи, почти всегда находятся на груди или около ключицы справа, реже – слева от погребенного. Это большие пластинчатые, реже круглопроволочные сюльгамы. Данный тип застежек наиболее архаичен и широко распространен в марийских позднесредневековых материалах. В таком виде сюльгама-застежка доживает до XIX в. у большинства финно-угорских народов (Гаген-Торн Н.И., 1960, с.78). Иногда в качестве застежки использовалась не одна, а две-три фибулы (погр.89).

Одним из составных элементов марийского костюма является *пояс.* По этнографическим данным известны плетенные и тканные из шерстяных, шелковых и конопляных нитей (Молотова Т.Л., 1992, с.51). Исходя из небольшого количества пряжек в погребальных находках Кадочниковского могильника (3 экз., найдены: в погр.22, табл.15–2, бронзовая; погр.90, табл.48–2, железная; погр.119, табл.59–1, железная) очевидно, можно сделать вывод, что в интересующий нас период предпочтение также отдавалось поясам, а не ремням.

Пояс, играя важную роль в костюмном комплексе, нес не только утилитарную, но и магическую (оберег) нагрузку. По археологическим данным, марийские пояса и ремни IX–XI вв. снабжались различными приспособлениями для подвешивания бытовых и хозяйственных предметов (Архипов Г.А., 1973, с.133-134). Традиция эта четко прослеживается (в частности, по расположению ножей в области пояса) в погребальных памятниках и последующих периодов, вплоть до начала XIX в. Также общеизвестно и культовое значение пояса, снабженного различными привесками-амулетами. Роль одного из таких оберегов выполняли украшения, известные под названием *юпинэ.* Юпинэ состояли из кожаной основы, к которой крепились шнуры (как правило, от 3 до 13 в нечетном варианте) с нанизанными медными цилиндрическими обоймочками, иногда чередующимися с бусами из мутного зеленого стекла. В материалах Кадочниковского могильника обнаружено 2 экземпляра в погребениях 1 (табл.1–7) и 16 (табл.12–4). Найденные в погребениях XVI–XVIII вв. поясные украшения очень близки по описанию украшениям из связанных шерстяных нитей с нанизанными на них бусами, раковинами-ужовками и металлическими трубочками, описанными в заметках путешественников XVIII в. под названием ӱпинэм (Георги И.Г., 1799, с.55-67) или ипенем (Миллер Г.Ф., 1791, с.18). Кожаные назадники у марийцев известны с древности. Первые экземпляры зафиксированы в погребальных комплексах IX–XI вв. (Архипов Г.А., 1973, с.134). К середине XIX в. подобное украшение выходит из употребления.

Браслеты (14 экз., рис.13). Пластинчатые с разомкнутыми концами, бронзовые. У трех экземпляров (погр.2, 10, 43, рис.13–1, 3, 12) имеются на концах просверленные отверстия, служившие, очевидно, для закрепления браслета на запястье. По наличию или отсутствию орнаментации, а также характеру узора выделяются типы и подтипы.

Тип 1 (4 экз.; погр.2, рис.13–1; погр.26 (2 экз.), рис.13–2; погр.43, рис.13–3). Неорнаментированные. Датируются монетным материалом серединой XVI в.

Тип 2 (10 экз.). Орнаментированные.

Подтип а (2 экз.; погр.10, рис.13–4; погр.50, рис.13–12). Незамысловатый геометрический орнамент из продольных и поперечных линий и ромбов выполнен способом шагающего резца. Судя по датировке погребений с браслетами данного типа и архаичности способа орнаментации, эту разновидность браслетов можно отнести ко времени не позднее первой

половины XVI в. Аналогичные экземпляры найдены в материалах Ореховского могильника (Семенов В.А., 1976). Подобные украшения рук имели широкое распространение в средневековых древностях Прикамья (Голдина Р.Д., 1985, табл.4. 26, 28, 29).

Подтип б (8 экз.; погр.1, рис.13–6; погр.10, рис.13–7; погр.33, рис.13–8; погр.107, рис.13–9). Украшены различными вариантами сложных узоров, состоящих из заштрихованных фигур, в сочетании со свободными от штриховки зонами. Данного типа браслеты распространены в Среднем Поволжье и Прикамье (Горюнова Е.И., 1948, табл.У.1-3; Никитина Т.Б., 1992, с.57).

Подтип в (1 экз.; погр.11, рис.13–5). Поверхность браслета украшена растительным узором из прочерченных линий. Аналогичным орнаментом (с дополнением из геометрического узора) украшен браслет из погребения 23 Мелетского I могильника.

Перстни (60 экз., рис.14). Наиболее распространенная категория украшений рук. Выявлены в женских, мужских и детских захоронениях[1].

Анализ погребальных материалов и сравнение их с этнографическими (Заднепровская А.Ю., 1982) позволяет выделить комплекты украшений шести возрастных групп: 1) дети до 5 лет, 2) девочки от 8 до 14 лет, 3) девушки от 15 до 20 лет, 4) невесты и молодухи, 5) замужние женщины фертильного возраста, 6) пожилые женщины и старухи.

По замечанию этнографов, единственным украшением детей до 5 лет независимо от пола являлось ожерелье из бусин и бисера, считавшееся «оберегом» (Заднепровская А.Ю., 1982, с.129). Однако, археологические данные, имеющиеся в нашем расположении, дополняют этот набор. В захоронении 18 Мелетского I могильника помимо ожерелья из бус найдены бронзовая сюльгама-застежка и бронзовая височная подвеска, положенная, может быть, в качестве дара или как часть нагрудного украшения, так как зафиксирована в области груди погребенного ребенка 2,5-3 лет.

Набор украшений девочек до 15 лет включал наряду с ожерельями фибулы, украшенные бусинами, бисером и раковинами – каури. По захоронениям, имеющим половозрастное определение, ассортимент украшений значительно беднее. В погребении 49 Мелетского I могильника съемные детали наряда девочки 11 лет представлены двумя височными подвесками и бронзовым перстнем; сопровождающий инвентарь в захоронении девочки 9 лет (Мелеть I, погр.46) представлен лишь железным ножом.

По этнографическим данным, для девушек типичны накосники, головные повязки и ажурные цепочки с наспинными подвесками из лент. Набор украшений невест и молодух вплоть до первой беременности был сходен с девичьим (Заднепровская А.Ю., 1982).

В будни все женщины носили ограниченное число простых и необременительных украшений: серьги, кольца, а также имевшие утилитарное назначение сюльгамы – застежки. Зато в обрядово-праздничном наборе украшений замужних женщин представлены различные височные подвески, нагрудные украшения, чересплечные перевязи, всевозможные поясные подвески и украшения, надеваемые на поясницу. Женщины после 40 лет, даже когда их приглашали на празднование свадьбы, надевали ограниченное количество украшений (Заднепровская А.Ю., 1982, с.129). Обычно это были височные и шейные украшения, сюльгамы-застежки.

В целом можно отметить, что комплекты отдельных возрастных групп отличались по характеру, разнообразию и количеству входивших в них украшений. Наряду с применяемыми практически во всех возрастных группах (височные подвески, кольца, браслеты), были и свои специфические, которые можно рассматривать как показатель принадлежности к определен-

[1] Данная категория украшений рук рассмотрена в работе И.Г. Шапран и А.А. Русаевой в Приложении 2 к данной публикации.

ному возрастному сообществу. Данные особенности, прослеживаемые на этнографическом материале, с меньшей четкостью, но все же фиксируются в археологических находках.

Наименьшее число типов украшений носили девочки и старухи. Особенно богатым и разнообразным был состав набора замужних женщин до 40-45 лет. По возрастным группам варьировалось количество одновременно носимых украшений одного типа. Показательны в этом отношении нагрудные фибулы. Девочки надевали 1-2 фибулы, девушки – 3-4, женщины – 3-5, старухи – 1-3.

Естественно, что полным набором украшений, состоящим, по этнографическим данным, из 10 изделий, владели только женщины из зажиточных семей. Небогатые марийки имели зачастую только 3-5 украшений. Г.Ф. Миллер в XVIII в. заметил, что «убогие женки вместо серебряных копеек носят оловянные бляшки, величиной и видимо похожие на серебряные копейки» (Миллер Г.Ф., 1791, с.17). И.Н. Смирнов отмечал, говоря об украшениях костюма, носимого во второй половине XIX в., что богатые вятские марийки предпочитали носить фибулы из серебра (Смирнов И.Н., 1889, с.202). Данное замечание наглядно иллюстрируется материалами первой половины XVII в. из погребения 43 Грековского могильника (Шапран И.Г., 1984, с.106). Таким образом, социально-имущественное положение зачастую оказывало решающее влияние на полноту и разнообразие набора украшений, а также на их качество и материал.

Украшения марийцев, так же как и других народов, многофункциональны. Кроме этнодифференцирующей функции и роли украшений как социально-экономического показателя определенное значение имела также их магическая функция. Это, главным образом, относится к особой группе украшений, которые считались талисманами и «оберегами». Обычаи их ношения и связанные с ними приметы и поверья имели традиционно-устойчивый характер. У марийцев, как и у многих народов, широко были распространены амулеты, поскольку считалось, что дети особенно подвержены воздействию злых сил. Для предохранения от порчи детям одевали на шею низку из бусин или бисера. Младенцам на рубашку пришивали бусины и бисер, чтобы у них безболезненно прорезывались зубы (Заднепровская А.Ю., 1982, с.131).

Этнографами отмечалось, что роль амулетов часто играли разнообразные предметы, выделявшиеся необычной формой, расцветкой или материалом, например, раковины-каури, которые у марийцев в большом количестве прикреплялись к различным шейно-нагрудным и чересплечным украшениям (Заднепровская, А.Ю., 1982, с.132).

Украшения сопровождали марийскую женщину в течение всей жизни, а вплоть до конца XVIII в. ее и хоронили в полном наборе украшений. В более позднее время характер и количество украшений в погребении меняется, что связано с изменениями в самом погребальном обряде.

Украшения также использовались и в жертвенных обрядах, и в качестве даров умершим. Так, в погребении 2 Кадочниковского могильника рядом с погребенным обнаружены завернутые в бересту браслет и два перстня. Обычай класть в погребения украшения помимо тех, что на костюме, прослеживается и в марийских могильниках XII–XIII вв. (Архипов Г.А., 1986, с.70).

Необходимо отметить, что широкое использование украшений в прижизненных обрядах, в погребальных и поминальных было характерно для всех народов Волго-Камья.

Материальных остатков, свидетельствующих о характере обуви, носившейся марийцами, в находках Кадочниковского могильника обнаружено не было. Однако, судя по этнографическим материалам, можно предположить, что в ходу была лыковая обувь. Для плетения обуви применялось не только лыко, но и береста, из которой плели глубокие ступни, а иногда и сапоги. Для прочности лаптя применялось двойное плетение подошвы

(Молотова Т.Л., 1987, с.85-86). А.Ф. Риттих в 70-х гг.XIX в. писал, что лапти у марийцев «выделываются не только хорошо, но и щеголевато» (Риттих А.Ф., 1870, с.134).

Сравнение марийских и удмуртских женских костюмных комплексов свидетельствует о значительной близости материальной культуры этих народов. Налобная повязка – венчик, ожерелье из бус, различные варианты височных украшений, пластинчатые браслеты, перстни, поясные пряжки входят в ансамбль их национальной одежды. Но среди множества близких элементов в костюме родственных народов нетрудно заметить черты, характеризующие только конкретный этнос. Одним из наиболее ярких этнических признаков с древности являются головные уборы и украшения, входящие в их состав. Женщины различных этнографических групп даже внутри одного народа, не говоря уже о разных этносах, имели свои традиции в украшении головы. Так, марийские женщины называют себя «шарпан мари», «сорокан мари», «шымакшан мари» по наименованию соответствующего головного убора.

В марийских могильниках прослежены остатки головных уборов на каркасной основе *шурка* и *шымакш*, а также полотенчатый *шарпан-нашмак*. Девичьи головные уборы в марийских материалах представлены шапочками и налобными венчиками.

Для крепления головных уборов у мари использовались бронзовые булавки с шарообразной головкой. Височные украшения – преобладают в форме знака вопроса. Существуют единичные находки железных височных подвесок в вятских марийских могильниках (Кадочники, погр.77, табл.42–1). Височные кольца со свободно передвигающимся, опущенным вниз стержнем также встречаются иногда в марийских захоронениях, но не определяют облика последних. Обычной принадлежностью женского марийского костюма служили украшения из толстой бронзовой или серебряной проволоки в форме знака вопроса с нанизанными на длинный конец стеклянными или металлическими бусинами, серебряными декоративными обоймочками, проволочными обмотками. По материалам раскопок достоверно установлено, что они использовались марийцами в качестве височных колец.

В ансамбль национальной марийской одежды XVI–XVIII вв. входили застежки-сюльгамы. Это пластичные застежки, чаще имеющие на поверхности узор из прорезных линий в форме заштрихованных геометрических фигур (ромбы, треугольники, зигзаг, шагающая гребенка), или составные нагрудные украшения *почками*, *ширкама*, состоящие из круглой или трапециевидной застежки и декоративного кожаного нагрудника. В костюме марийских женщин используются обычно одна или две застежки, служащие для скрепления разреза рубахи и украшения груди.

Пластинчатые браслеты с декором из прорезных линий характерны для мари. Они украшены узором в форме квадратов, ромбов, зигзага, ломаных линий. В Уржумнолинском могильнике обнаружен браслет из бус. Также характерными для мари являются пластинчатые щитковые перстни (щиток овальной формы, украшенный орнаментом, аналогичным на сюльгамах, что может свидетельствовать о едином центре их производства).

В погребениях марийских женщин обнаружено поясное украшение, выполняющее роль назадника, – *юпинэ*, представляющее собой закрепленные на куске кожи медные пронизки-обоймочки, нанизанные на шерстяные нити.

Шейные украшения – воротники, пластинчатые застежки – сюльгамы с геометрическим орнаментом из насечек, нагрудные декоративные украшения типа ширкамы и почкамы, овальнощитковые перстни с нарезным орнаментом, кожаные назадники с медными трубочками юпинэ найдены в массовом количестве в марийских могильниках. Все перечисленные украшения имеют свои исторические корни в древнемарийских могильниках IX–XI вв. и в еще более древних памятниках азелинской и городецкой культур

(Никитина Т.Б., 1992, с.45-62). Эти украшения и следует принять за этноопределяющие для марийских древностей XVI–XVIII вв.

Вятский женский марийский комплекс, занимая свое место в системе марийского национального костюма, имеет свои отличительные особенности, а также черты, сближающие вятских марийцев с горными и луговыми. К числу наиболее ярких отличий относится своеобразный высокий берестяной убор шурка, носимый вятскими женщинами и не встречающийся в археологических материалах на других территориях.

Шапочка-такья кроме горных встречается также в могилах вятских мари. Набор височных колец в форме знака вопроса намного богаче в костюме горных и вятских мари, хотя и у луговых тоже есть. Шейные украшения – ожерелья из бус – присущи всем; в редких случаях у вятских мари (Грековo), как и у горных, встречаются воротники-ожерелья из красной ткани, расшитой позументом, у луговых марийцев данный тип украшений не встречается. Существуют различия в оформлении поясов. Концы поясов горных и вятских мари крепились с помощью пряжки. Луговые завязывали их узлом и концы богато украшали бронзовыми обоймами, шерстяными шнурками, бусами и монетами. Пряжки у луговых, живущих на собственно марийской территории, встречены лишь в Отарских и Арзебелякском могильниках (Никитина Т.Б., 1992, с.59).

Погребальный инвентарь хозяйственно-бытового назначения

Орудия труда и охоты, предметы быта

Значительную часть погребального инвентаря составляют предметы, связанные с хозяйственной деятельностью марийцев в рассматриваемое время. Орудия труда и охоты представлены ножами, топорами, наконечниками стрел.

Для разработки типологии использовались работы Б.А. Колчина (1959) и А.В. Никитина (1971) по железообрабатывающему ремеслу, А.Ф. Медведева (1966) и А.И. Соловьева (1987) по оружию, а также специальные исследования по отдельным категориям вещей данной группы (Леонтьев А.Е., 1976). Поскольку находки марийских погребальных памятников XVI–XVIII вв. типологически не повторяют полностью русские древности, имеют свой хронологический диапазон бытования и ряд особенностей, характерных только для финно-угорского мира, возможно предложить следующую классификацию.

Ножи железные – одно из самых универсальных орудий, широко распространенных территориально и хронологически, наиболее многочисленная категория сопровождающего инвентаря хозяйственно-бытового назначения в материалах Кадочниковского могильника. Встречаются как в мужских, так и в женских и детских погребениях. Как правило, их относят к группе бытовых предметов, так как они чаще всего используются в быту, в домашнем хозяйстве. Ножи также незаменимы на охоте и в бою, при выполнении разнообразных производственных операций. Наглядной иллюстрацией роли данной категории вещей в погребальном обряде, а соответственно и жизни людей, являются показатели по Грековскому могильнику. Из 311 изученных погребений ножи встречены в 199, причем в 6 – по 2 экземпляра.

На Кадочником могильнике из 153 изученных погребений ножи обнаружены в 77. Строго определенного места расположения ножей при погребенных нет. Однако, преобладающим является местоположение, обычное при ношении на поясе: у таза (слева – 9 случаев – погр.1, 23, 25, 48, 107, 123, 131, 138, 141; справа – 21 случай – погр.6, 8, 11, 13, 28, 43, 50, 71, 77, 80, 81, 87, 100, 103, 106, 112, 113, 117, 127, 129, 139); у бедра (слева – 6 случаев – погр.14, 16, 24, 108, 132, 149; справа – 8 случаев – погр.5, 15, 73, 74, 90, 105, 114, 134); в области пояса (погр.2, 110). Достаточно часто ножи находятся между бедренных костей (погр.3, 75, 91, 147), костей голени справа (погр.124, 142) или слева (погр.130) от погребенного. По одному случаю нож зафиксирован в области головы (погр.46), у правого локтя (погр.19), правого предплечья (погр.41), в области колен (погр.89), у левой стопы (погр.37), в ногах справа (погр.10), вложен в кисть правой руки (погр.64); в 2-х случаях – в области грудной клетки погребенного (погр.70, 126); в 3-х захоронениях (погр.62, 63, 83) обнаружен у правого плеча. В тех случаях, когда костяк не фиксируется (кенотаф или погребение детское), ножи обычно лежат в центре могильной ямы (погр.20, 30, 42, 92, 119, 125, 135, 143-145, 150).

Ножи встречены в захоронениях как самостоятельно (62 случая), так и в сочетании с другими предметами хозяйственно-бытового назначения: нож + кресало (погр.5), нож + кресало + топор (погр.106), нож + топор (погр.48, 103, 108), нож + наконечник стрелы (погр.23, 80, 138), нож + топор + наконечник стрелы (погр.70, 71, 74, 75, 87, 90, 117).

В обработку включено 77 экземпляров ножей. Все ножи однолезвийные. Основная масса экземпляров по типологии Б.А. Колчина (1959, с.56) относится к типу хозяйственно – кухонных, характеризующихся прямой ручкой, когда ось ручки идет параллельно спинке клинка. Длина ножей колеблется в пределах 100-270 мм; максимальная длина лезвия у целых клинков доходит до 170-180 мм.

По форме черенка ножи подразделяются на отделы, по общей форме – на типы, по индивидуальным особенностям – на подтипы.

Отдел А (68 экз.). Узкий прямоугольный или квадратный в сечении черешок.

Тип 1 (16 экз.). Ножи имеют уступ со стороны черешка и лезвия, со стороны спинки черешок плавно переходит в слегка изогнутую спинку клинка. Встречаются в погребениях второй четверти XV – первой четверти XVIII в. По классификации А.Е. Леонтьева (1976, с.34-41) отдел 1, тип 1) данный тип ножей характерен для восточно-финских народов и восходит к горбатым ножам населения лесной зоны Восточной Европы времени раннего железного века.

Тип 2 (36 экз.). Ножи с прямым лезвием, длинным прямоугольным черешком, с уступами как со стороны спинки, так и со стороны лезвия. Самый распространенный тип ножей у всех народов Восточной Европы. Экземпляры данного типа датируются 16 – серединой XIX в.

Тип 3 (14 экз.). Ножи с прямым лезвием без уступа со стороны спинки. Датируются серединой XVI – серединой XVIII в.

Тип 4 (2 экз.). Ножи без уступа со стороны лезвия. Датируются XVII – концом XVIII в.

Рукояти ножей отдела А были круглые в сечении, деревянные или костяные. При этом стержень черешка загонялся внутрь до середины или проходил рукоять насквозь и загибался на конце.

Отдел Б (9 экз.). Ножи с плоским черешком.

Тип 1 (7 экз.). Ножи имеют тонкое в сечении лезвие, длинный плоский черешок, продолжающий линию спинки клинка. Рукояти ножей данного типа состоят из двух плоских или полуовальных в сечении деревянных или костяных накладных пластин, скрепленных с черешком при помощи бронзовых штифтиков. Лезвия ножей, как правило, сильно сточены. Ножи данного типа встречены в погребениях, датирующихся концом XV – XVIII в. Аналогии им известны на синхронных удмуртских памятниках, например: погребение 12 Ореховского могильника (Шутова Н.И., 1992, с.44), в Зарядье (Беленькая Д.А., Розанова Л.С., 1988, с.18-26), на Мангазее (Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981, табл.40.4-5) и т.д.

Тип 2 (2 экз.). Ножи с плоским коротким черешком, отделяющимся со стороны лезвия и спинки уступами. Бытуют в XVI–XVII вв.

Технология изготовления ножей вятскими марийцами исследовалась по материалам Мелетского I и Грековского могильников (Перевощиков С.Е., 2002, с.80-88). Исходя из выявленных в ходе исследования персональных особенностей, ножи Мелетского I могильника, изготовленные в технике трехслойного пакета и вварки, по аналогии с новгородскими материалами должны датироваться XII–XIV вв. Однако, с опорой на нумизматический материал, они датируются концом XVI – началом XVII в. Думается, правомерно предположить, что уровень мастерства кузнецов, изготовивших в свое время предметы хозяйственно-бытового назначения, отложившиеся в погребальных материалах Кадочниковского могильника, не будет сильно отличаться от исследованных по материалам Мелетского некрополя, т.к. эти синхронные погребальные памятники находятся на достаточно близком расстоянии друг от друга.

В материалах Грековского могильника, одновременного Мелетскому и Кадочниковскому, но расположенного на достаточном расстоянии к северу от них, преобладают гораздо более прогрессивные технологии, а при изготовлении трехслойного ножа (архаичная схема) не допущено никаких ошибок (Перевощиков С.Е., 2002, с.86).

Топоры – часто встречающийся производственный инвентарь, на Кадочниковском могильнике обнаружены в 15 погребениях (рис.14). Универсальное орудие земледельца, охотника, лесоруба, плотника, столяра. Однако ограничить использование топоров только в хозяйственных целях нельзя, при необходимости они могли использоваться и как оружие. Встречаются, как правило, в погребениях, где захоронены мужчины. Топоры обнаружены в

захоронениях как единственный предмет, положенный в погребение в качестве сопровождающего инвентаря (погр. 90, 111), так и в сочетании с другими предметами хозяйственно-бытового назначения: топор + нож (погр.48, 103, 108), топор + наконечники стрел (погр.22, 86), топор + нож + кресало (погр.106), топор + нож + наконечники стрел (погр.70, 71, 74, 75, 87, 90, 117). Местоположение относительно костяка достаточно постоянное: численно преобладающим является расположение в ногах справа (погр.48, 70, 75) или слева (погр.22, 71, 86, 87, 108, 111), реже – у пояса (справа, погр.90), у локтя (справа, погр.103), у голени (справа, погр.56, 74), у колена (слева, погр.117), у черепа (справа, погр.106).

По характеру соединения рукояти и рабочей части все топоры проушные, с клиновидным треугольным сечением, с уплощенным обухом. По сравнению с материалами более ранних периодов топоры однообразны, представляют собой различные вариации одной формы. Типы выделяются по форме лезвия и тыльной стороне полотна, подтипы и варианты – на основании некоторых особенностей пропорций, формы обуха и лезвия.

Тип 1 (11 экз.). Топоры с оттянутым в сторону топорища плоским обухом, секторовидным асимметричным лезвием.

Подтип а (3 экз.). Легкие стройные бойки с тонкой осью, относительно узким лезвием. Обнаружены с монетами Ивана IV (Нязь-Ворцы), встречаются и позднее, в XVII в. Аналогичные материалы найдены на позднесредневековых памятниках мордвы (Горюнова Е.И., 1948, табл.12.3).

Подтип б (8 экз.). Оттянутый к топорищу обух, относительно широкое лезвие. Найдены преимущественно в погребениях XVII – первой четверти XVIII в. По отдельным деталям выделяются разновидности топоров: со слабо оттянутым обухом; с овальной выемкой на плоском обухе и двумя мысовидными отростками – щекавицами; с намечающейся бородкой в нижней части обушного отверстия. С XVII–XVIII вв. топоры с бородкой постепенно получают повсеместно широкое распространение.

По новгородским материалам прослежена эволюция русских рабочих топоров с конца XIII в. по XV в., появление удлиненного плоского обуха, зачатки будущей бородки (Колчин Б.А., 1959, с.25-26, рис.9).

С XV в. в Москве и других древнерусских городах получают распространение клиновидные топоры с проухом в виде узкой треугольной щели и плоским обухом (Розенфельдт Р.Л., 1971, с.254-255). Появление топоров с бородкой связывается с рубежом XVI–XVII вв. (Арциховский А.В., 1936, с.134-137; 1944, с.199-200) В Мангазейской коллекции топоры с бородкой датируются концом XVI в., в XVII в. они становятся господствующим типом как на Руси, так и в Сибири (Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981, с.82).

Топоры типа 1 представляют одну линию развития форм рабочих топоров, ведущих начало от средневековых топоров XII–XIII вв. (Кирпичников А.Н., 1966, с.40-41, тип VIIIA).

Тип 2 (2 экз.). Бойки с плоским обухом, асимметричным лезвием, край которого, оттянутый к топорищу, обрублен.

Подтип а (1 экз.). Относительно легкие стройные бойки с тонкой осью. Датируются монетами Ивана IV, Михаила Федоровича.

Подтип б (1 экз.). Более массивные широкие топоры. Время бытования – XVII – середина XIX в.

Топоры типа 2 продолжают линию развития рабочих топоров, истоки которых можно видеть в материалах X–XIII вв., с выемкой и опущенным лезвием (Кирпичников А.Н., 1966, с.37, 41, тип VA).

Тип 3 (2 экз.). Массивные тяжеловесные колуны со значительным выступом в сторону топорища, широкой шейкой и опущенным носком горизонтального лезвия. Датируются XVIII – серединой XIX в.

Деревянные рукояти топорищ в материалах могильников сохранились плохо: фиксируется, как правило, только часть длины. По аналогии с сибирскими находками можно предполагать, что они были прямые, длиной 55-60 см, овальные в сечении с небольшим утолщением на конце. Та часть топорища, на которую насаживался топор, имеет сечение, соответствующее обушному отверстию (Белов М.И., Овсянников О.В. Старков В.Ф., 1981, с.82). Достаточно часты находки узких железных клинышков, которые служили для уплотнения топорища при насадке.

Судя по типам топоров и преобладанию на каждом из памятников, как правило, одной устойчивой формы, топоры изготавливались местными деревенскими кузнецами.

Дополнительная информация о данной категории производственного инвентаря была получена в результате проведения металлографического анализа небольшой серии предметов с Мелетского I могильника (исследование С.Е. Перевощикова). Было выяснено, что тела топоров изготовлены путем сгибания на оправке пополам предварительно приготовленной полосы и последующей ее сварке. В трех случаях (анализ 30, погр.3; анализ 41, погр.58; анализ 42, погр.56) между согнутыми концами заготовки вставлялось стальное лезвие. В целом, по коллекции топоров с данного памятника можно отметить, что изготовлены они свободной ручной ковкой из сырцовой и специально приготовленной сталей. Качество изделий, в основном, хорошее, но встречаются и ошибки, такие, как изготовление центральной полосы из сырцовой стали вместо высокоуглеродистой (анализ 43, погр.31). Все топоры изготовлены по характерной для финно-пермских народов Приуралья технологической схеме (Завьялов В.И., 1987, с.157).

Анализируя технологическую составляющую кузнечного производства вятских марийских мастеров на примере топоров (исследования С.Е. Перевощикова по материалам Мелетского I и Грековского некрополей) необходимо отметить следующее. Грековские топоры, сделанные практически по одной схеме с мелетскими, отличаются более качественным изготовлением (Перевощиков С.Е., 2002, с.86).

Топоры подвешивали к ремню при помощи железных скоб, которые делались из железного прута прямоугольного, овального или округлого в сечении. Найдены, как правило, в мужских погребениях в области пояса. Находки, происходящие из марийских могильников, единичны. Интересной является находка скобы в женском погребении 209 Грековского могильника. Для ношения топора на ремне использовались, очевидно, также плетеные и тканые петли. Учитывая отсутствие находок железных скоб на Кадочниковском могильнике, можно сделать заключение, что данной группой населения использовались, в основном, крепления органического происхождения.

Думается, что оценочные выводы, полученные в результате исследования предметов из Мелетского I могильника, с определенными оговорками вполне вероятно распространить и на материалы Кадочниковского могильника.

Коллекция наконечников стрел представлена железными экземплярами, обнаруженными в 12 погребениях общим числом 23 (по 3 экземпляра в погр.22, 23, 117; по 2 экземпляра в погр.75, 80, 86, 90, 138; по 1 экземпляру в погр.70, 71, 74, 87) (рис.15). Наконечники стрел обнаружены в следующих сочетаниях: с топором (погр.22, 86), с ножом (погр.23, 80, 138), с топором и ножом (погр.70, 71, 74, 75, 87, 90, 117). Найдены в мужских погребениях:в ногах погребенного (погр.22, 23, 70, 86, 87), в районе голени (погр.71, 74, 75, 80, 90), между ног (погр.138). В погребениях 70, 74, 86 наконечники стрел зафиксированы лежащими под топорами.

Наконечники стрел по способу крепления с древком все относятся к черешковым. Достаточно однотипны. Имеют сечение пера в форме сильно уплощенного ромба или узкой вытянутой линзы; черешок круглый или четырехгранный. Типы выделены по форме пера.

Тип 1 (15 экз.). Ромбовидные с расширением в нижней части пера, различаются варианты с прямыми и выпуклыми сторонами, с кольцевым упором или небольшим утолщением при переходе от черешка к перу. Датируются монетами Ивана IV. Аналогичные наконечники были распространены на памятниках начала II тысячелетия н.э. в бассейне Чепцы (Иванова М.Г., 1982, рис.10.1-5; 1992, рис.22.9-11).

Тип 2 (8 экз.). Листовидные с узким удлиненным пером без упора или с небольшим утолщением при переходе от пера к черешку. Датируются XVI–XVII вв.

В числе находок хозяйственно-бытового назначения встречен обломок *косы-горбуши*(?)(1 экз., погр.137, табл.68) – орудия труда, применяемого при сенокошении и необходимого для заготовки корма домашним животным.

Кочедык (1 экз., погр.39, табл.25–1) – специализированный инструмент для плетения из лыка лаптей, корзин и других предметов, изготовлен из железного прута прямоугольной формы; рабочая часть плавно выгнута, конец заострен. Для образования сферической пятки рукояти верхний конец кочедыка прокован, загнут и приварен к основной части; пятка с овальным отверстием в центре. Аналогичные по форме кочедыки найдены в удмуртских могильниках XVI – начала XVIII в. (Шутова Н.И., 1992, с.37).

Металлические предметы для плетения из лыка фиксируются в материалах бассейна Чепцы и Камы в IX–XIII вв. (Иванова М.Г., 1992, рис.27.11; Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис.61.23, 24; 73.27). Можно предполагать, что истоки металлических экземпляров восходят к костяным кочедыкам.

Кресало (2 экз.; погр.5, табл.5–4; погр.106, табл.54–3) – металлическая пластинка, служившая для удара о кремень с целью высекания искры. Найдены в мужских погребениях в области бедра умершего (погр.5 – справа, погр.106 – слева). Железные, калачевидной формы, имеют овальные внешние очертания, ударную пластину с подтрапециевидным выступом, разомкнутые дужки. Кресала данной формы бытовали в Новгороде в X-XI вв. (Колчин Б.А.,1959, с.99-101, рис.84), у народов Прикамья широко распространены на памятниках XVI – начала XVIII в., бытуют до середины XIX в. Аналогичные по форме кресала найдены в материалах других марийских, в частности, Грековский (Шапран И.Г., 1984, с.108) и удмуртских (Шутова Н.И., 1992, с.38-39) некрополей.

Вместе с кресалом в погребении 5 найден *кремень* для высекания огня (1 экз.). Представляет собой кусок светло-коричневого галечникового кремня. Кремни встречаются в погребениях обычно в области пояса погребенного как вместе с кресалами, так и без них, по 1-3 экземпляра. Погребальный комплект предметов хозяйственно-бытового назначения в захоронении 5 дополнен ножом, в погребении 106 ножом и топором.

Пинцет-щипчики (1 экз., погр.144, табл.72–5) – принадлежность туалета, сделаны из узкой бронзовой пластины, перегнутой пополам. Аналогичный по форме экземпляр обнаружен в погр.32 Узей-Туклинского могильника древних удмуртов (Шутова Н.И., 1992, рис.42-7).

Хозяйство и быт марийского населения Камско-Вятского междуречья

Земледелие. Комбинированная система земледелия – сплав элементов подсеки, перелога и паровой системы с трехпольным севооборотом – окончательно утвердилась в регионе в XVII в. В зависимости от конкретных обстоятельств, природно-климатических и социальных условий в разных категориях крестьянских хозяйств на первый план выходили те или иные ее составляющие.

Земледелие в лесных районах повсеместно распространялось в подсечно-огневой форме. Для подготовки земли использовались топоры, которых на всех погребальных памятниках найдено в достаточном количестве. Расчистка леса под пашню была чрезвычайно

трудоемкой и требовала объединения усилий определенного количества людей. Повышение производительности труда было возможно только в результате удлинения времени использования освобожденных площадей. Дальнейшее развитие подсечной системы в этом направлении приводило к превращению ее в лесной перелог, при котором срок отдыха земли сокращается, но требуется более тщательная расчистка леса под посев. Роль огня при этом уменьшалась, а развивающееся скотоводство позволило применять тягловую силу скота для обработки окультуренных участков при помощи пахотных орудий.

Основными орудиями обработки почвы являлись деревянная соха с железными сошниками и деревянная борона с деревянными зубьями.

В отношении хозяйственной специфики в Уржумско-Вятском районе не наблюдалось существенных отличий от сопредельных территорий. Удобной земли здесь было достаточно (на средний марийский двор в Уржумском уезде в середине XIX в. приходилось 17,2 десятины земли, в том числе пашни – 11,1 десятины) (Андреев И.А., Сепеев Г.А., 1979, с.71), почва отличалась плодородием. Несмотря на то, что в Уржумском уезде лесные угодья сокращались интенсивнее, нежели в более западных районах проживания марийцев, составляя к 70-м годам XIX в. 36,75% территории уезда (Андреев И.А., Сепеев Г.А., 1979, с.70), наличие лесов давало возможность заниматься охотой, бортничеством и заготовкой разного сырья.

Рядовому общиннику малоземелье особенно не угрожало, но все же благополучие его индивидуального хозяйства всецело зависело и от природной стихии, и от его производственных возможностей. Культурные почвы уезда нуждались в периодическом удобрении, а также в более тщательной обработке и рациональном уходе. Обычной системой полеводства было трехполье с элементами перелога и лесной новины. Использованным землям давали «отдых» на время от 6 до 10 лет. Среди хлебных злаков преобладали рожь и овес, в небольшом количестве высевались ячмень, пшеница, полба, гречиха.

Для изготовления холщевых тканей марийцы выращивали коноплю, реже лен (Молотова Т.Л., 1987, с.79).

Для уборки урожая использовались серпы и косы. Несколько фрагментов черешковых с зубчатым лезвием серпов и кос обнаружены в материалах погребальных памятников марийского этноса позднего средневековья (Никитина Т.Б., 2002, с.135). Судя по сохранившимся остаткам, серпы симметричны, имеют слабо изогнутое, иногда зубчатое, лезвие и черешок. Ось черешка составляет продолжение оси начальной части клинка. По классификации Ю.А. Краснова, подобные серпы относятся к IV типу черешковых (Краснов Ю.А., 1971, с.73). По мнению исследователя, черешковые серпы появляются на памятниках первых веков н.э. и встречаются наряду с обычными древнерусскими в начале II тыс. н.э.

Косы принадлежат к однотипным орудиям, близким косе-горбуше. Согласно этнографическим данным, подобная коса использовалась для уборки плохих хлебов и овса и применялась на болотистых и кочковатых почвах. Косили такими орудиями низко склонившись, иногда стоя на коленях, с этим, вероятно, связано второе ее название «коса-горбуша» (Крюкова Т.А., 1956, с.17).

Скотоводство. Важной отраслью крестьянского хозяйства марийцев являлось домашнее скотоводство. Во всех районах края разводили лошадей, коров, овец, коз, свиней. Роль животноводства в хозяйственной деятельности марийского населения повышается к середине II тыс. н.э. и оно становится одной из основных отраслей хозяйства. Анализ остеологического материала поселенческого памятника XIII – середины XV в. у д. Красное Селище свидетельствует о том, что кости домашних животных составили преимущественное большинство (около 90%) (Никитина Т.Б., 2002, с.136). Процентное соотношение, вычисленное по числу целых особей, дало следующую картину: преобладают свиные кости – 43,2% от всех костей

животных и 50% от костей домашних животных, крупный рогатый скот – 11,4% и 13,2% соответственно, мелкий рогатый скот – 27,3% и 31,6%, лошадь – 4,5 и 5,3%. Кроме того, найдено небольшое количество костей домашней птицы (куры). Среди лошадей идентифицируются кости взрослых особей низкорослых лошадей лесного типа (Никитина Т.Б., 2002, с.137).

Особо почиталась в хозяйстве овца. Овечья шерсть и шкуры применялись в большом количестве для изготовления теплой одежды, валяния валенок и мужских шляп; шерстяная пряжа шла также на изготовление поясов и тесьмы для украшения одежды (Молотова Т.Л., 1987, с.83-85).

В сообщениях А. Олеария о занятиях марийцев первой половины XVII в. обращает на себя внимание тот факт, что на первое место в хозяйстве по значению выведено скотоводство, а затем лишь бортничество и охота: «…питаются скотоводством, медом, дичью» (Олеарий А., 1870, с.406). Важная роль скотоводства подтверждается и тем, что в качестве основных даров в жертвоприношении марийцев выступают продукты скотоводства. «Черемисы иногда приносят жертвы и богу, убивают лошадей, коров и овец, натягивают шкуры их на колья, варят тут же мясо, берут его полное блюдо в одну руку, а чашу с медом в другую, бросают и выливают то и другое в огонь, разложенный против развешенной шкуры со следующими словами: «Ступай, снеси мои желания к богу» (Олеарий А., 1870, с.408).

Скот являлся обычным средством оплаты долговых денег. Животноводство постепенно вовлекалось в товарно-денежные отношения. Кожи, шерсть, сало говяжье и свиное, масло животное продавались на местных рынках и вывозились за пределы края.

Большое значение в хозяйственной деятельности марийцев имели промыслы: *охота, бортничество, рыболовство*. Промысловые угодья: канежники. колодники, путики, перевесица – входили в комплекс владений каждой общины. Охота велась на лосей, бобров, куниц, белок, лисиц, зайцев, норок, разнообразных птиц.

Роль охоты была значительна в хозяйстве марийцев вплоть до XIX в. А. Курбский (Сказание князя Курбского, 1902, с.129), А. Олеарий (1870, с.304), Г.Ф. Миллер (1791, с.24), С. Герберштейн (1908, с.131), Н.П. Рычков (1772, с.20) отмечали, что основным занятием марийцев вплоть до XVII в. оставалась охота. По мнению Т.А. Крюковой, «к моменту вхождения марийцев в состав Русского государства (XVI в.) охота продолжала играть доминирующую роль в их хозяйстве и была для многих основным занятием, дающим источник существования» (Крюкова Т.А., 1956, с.28), а «к земледельческому быту» марийцы «полностью перешли только после присоединения к Русскому государству, в середине XVI века» (Крюкова Т.А., 1956, с.12). Об окончательном переходе марийцев к земледельческому быту свидетельствуют писцовые и переписные книги XVII в., в которых, в частности, говорится об обложении марийцев хлебным ясаком (Андреев И.А., Сепеев Г.А., 1979, с.70).

Основным охотничьим оружием у древнего населения, начиная с эпохи камня, был лук и стрелы. Форма самого лука, по-видимому, менялась мало, но наконечники стрел изготавливались из разных материалов – соответственно эпохам камня, бронзы, железа, но при этом во все времена бытовали наконечники, изготовленные из кости.

Сами луки и древки стрел в земле не сохранились, но при раскопках древних поселений и могильников иногда удается найти костяные детали от луков и колчанов, в которых носили стрелы. Сами же наконечники стрел разных форм и размеров в большом количестве обнаружены как на поселениях, так и в могилах.

О том, какими могли быть луки, можно судить по реконструкции, выполненной известным специалистом по средневековому оружию А.Ф. Медведевым. Основой конструкции сложносоставного лука было изогнутое в середине древко, по форме напоминающее невысокую букву «М». Для большей прочности и эластичности ее изготавливали из двух тщательно обработанных планок дерева различных пород.

Концы лука готовились отдельно (из более прочных видов дерева) и соединялись с концами основы с помощью рыбьего клея или сухожильных нитей. Длина такого лука со спущенной тетивой доходила до 150-170 см, иногда – до 180 см.

О виртуозном владении марийцами луком неоднократно отмечается в записках иностранцев XVII в. Так Н. Витсен пишет, что марийцы «не нуждаются в каком-либо оружии кроме лука и стрел и являются отличными стрелками, так как стрелять они приучаются с детства» (по: Апраксина М.М., 1979, с.68).

Благодаря большим речным массивам Камско-Вятского междуречья край изобиловал рыбой. У многих авторов мы находим указание на то, что в древности в этих реках водились стерлядь, щука, налим, ерш, лещ, окунь и другая рыба (Архипов Г.А., 1973, с.73-74). Марийцы, как и соседние народы региона, ловили и употребляли в пищу все виды рыб, водящихся в реках и озерах. При исследовании поселенческих памятников, связываемых с марийским этносом, чешуя и позвонки рыб различных размеров обнаружены в значительном количестве, что является прямым доказательством данного вида деятельности (Никитина Т.Б., 2002, с.139).

Хозяйство марийцев в период позднего средневековья, по оценкам археологов (Никитина Т.Б., 1992, с.111) и этнологическим материалам, включало развитое земледелие, скотоводство, ремесло, охоту и разнообразные виды деятельности, связанные с переработкой сырья в домашних условиях.

Об уровне развития *кузнечного дела* у вятских марийцев в XVII – начале XVIII в. можно судить по результатам технологического анализа, проведенного С.Е. Перевощиковым на материалах Мелетского I и Грековского могильников. При рассмотрении технологии производства ножей и топоров автор пришел к заключению, что кузнецы, проживавшие ниже по течению р. Вятки (Мелеть), по сравнению с более северными ремесленниками (Греково), были менее квалифицированными. Кроме их отставания в применении технологических схем, это проявилось и в неправильном применении ими сложной пакетной технологии (смещении полос), ошибках в подборе материала (сырцовая сталь вместо высокоуглеродистой), несоблюдении температурного режима (обезуглероживание изделий), в менее качественной сварке (Перевощиков С.Е., 2002, с.86).

Подобное отставание в развитии кузнечного производства на данной территории может быть объяснено запретительными мерами, принятыми Российским государством в ответ на выступления местного населения после падения Казани и присоединения земель Казанского ханства к Москве. После этих событий всякие действия, связанные с военным делом, были запрещены, в том числе и кузнечное ремесло. Подтверждением тому служит жалованная грамота Строгановым от В. Шуйского, выданная в 1610 г., в которой повторяются слова Ивана IV: «…а земские бы люди железоделаемых ручных домниц не имели…». Подобное запрещение зафиксировано и в более позднем наказе казанскому воеводе от 1697 г., в котором говорится о том, что в «Чувашу и Черемисския волости железа, что угодно к войне, не продавали…потому ж кузнечного б и серебряные дела Чуваше и Черемиса не делали и кузнечные и серебряные снасти ни у кого б в Чуваше, и в Черемисе, и Вотяках не было» (по: Перевощиков С.Е., 2002, с.86-87). Полностью проконтролировать выполнение указов у центральной власти возможности не было. Поэтому кузнечное дело продолжало существовать, однако многие навыки мастерами были утрачены (Перевощиков С.Е., 2002, с.87).

Среднее течение р. Вятки (Грековский могильник) входило в зону интересов Вятской земли. Процессы интеграции здесь, в сравнении с более южными территориями, протекали довольно мирно и не были «отягощены» запретительными санкциями, что выразилось в поступательном развитии кузнечного дела.

Значительное место в жизни марийцев занимали домашние *промыслы, связанные с изготовлением одежды*. В число этих промыслов входили: первичная обработка сырья, прядение, ткачество, выделка шкур, изготовление обуви, крашение ниток и тканей, вышивка одежды, изготовление тесьмы, поясов и украшений (Молотова Т.Л.,1987, с.79).

К числу хорошо развитых домашних промыслов марийцев относилось окрашивание пряжи и готовых тканей, главным образом сукна (Крюкова Т.А.,1956, с.64-68). Это отмечали и участники академических экспедиций XVIII в. (Георги И.Г., 1799, с.32; Рычков Н.П., 1770, с.57; Паллас П.С., 1778, с.93). Для окрашивания пряжи применяли растительные красители. Цветовая гамма окрашиваемых ниток состояла главным образом из двух идеально сочетающихся между собой красок – красной и черной (Молотова Т.Л., 1987, с.86).

Многие элементы костюма – рубаха, кафтан, головные уборы – украшались сложной и богатой вышивкой. Вышивание было одним из развитых домашних промыслов, связанных с изготовлением одежды. Мастерству вышивки девочку начинали обучать с достаточно юного возраста с овладения самыми сложными элементами орнамента. Умение хорошо вышивать считалось несомненным достоинством марийской девушки-невесты.

Необходимой принадлежностью марийского костюма, в особенности женского, являлись украшения. Поскольку марийцам было запрещено заниматься ремеслами, связанными с металлообработкой (см.выше по тексту), широкое применение для изготовления украшений кроме металла, получили и другие материалы. Большинство украшений женщины делали своими руками, используя для этой цели русские серебряные монеты, европейские медные счетные жетоны, раковины каури, бусы и бисер разных цветов. Имелись, вероятно, и мастера, которые путем холодной обработки делали перстни, браслеты и застежки – сюльгамы.

Заключение

Основная масса марийского населения бассейна р. Вятки проживает в границах двух этнографических районов: Санчурско-Яранского и Уржумско-Вятского. Территориально могильник, рассматриваемый в данной работе, связан с Уржумско-Вятским историко-культурным районом, охватывающим в настоящее время населенные пункты Котельничского, Уржумского и Малмыжского районов Кировской области. По численности и компактности расселения среди жителей Уржумско-Вятского района этнографами выделяются марийцы уржумские и малмыжские, составлявшие к началу русской колонизации ядро населения Алатской и отчасти Арской дорог Казанского уезда, а также Кукарской, Малмыжской и Казанской дорог Уржумского уезда (Козлова К.И., 1978). В силу бурных исторических событий марийское население данного района претерпело за последние столетия так много перемещений и смешений, что в результате образовалась очень пестрая картина диалектных группировок и размежеваний, которая достаточно условно выражается в постепенном уменьшении проявления луговых и увеличении восточных черт.

Кадочниковский могильник, расположенный на территории бытования вятской луговой этнографической группы марийцев, является одним из немногих исследованных к настоящему времени в достаточно широком объеме на правобережье Вятки и дает представительные материалы для характеристики вятской группы марийского этноса периода позднего средневековья.

Всего на могильнике вскрыто 153 погребения. Захоронения совершены в индивидуальных ямах прямоугольной формы с вертикальными стенками и плоским дном, преобладает просеверная ориентация. По способу захоронения отмечена исключительно ингумация. Умерших укладывали на спину в вытянутом положении, руки вдоль тела или скрещены в области живота. Череп погребенного чаще всего развернут на правый бок (58% от общего числа погребенных на памятнике).

На Кадочниковском могильнике были захоронены представители всех возрастов и полов, примерно в равной пропорции: 64 погребения из 153 были атрибутированы по погребальному инвентарю как женские, 46 – как мужские, 11 погребений детей и подростков, пол погребенного в 32 захоронениях не определен.

По основным чертам погребальной обрядности, костюму, бытовому и хозяйственному инвентарю памятник близок к некрополям собственно марийской территории. Однако по ряду особенностей есть отличия. В частности, в материалах Кадочников отсутствуют такие национальные марийские женские украшения как юпинэ, ширкама, но присутствует высокий головной убор на берестяной основе – шурка. Данное своеобразие материалов памятника может быть объяснено тем, что располагается могильник на территории, с глубокой древности считавшейся удмуртской, откуда коренные жители ушли под давлением марийцев или частично были ими ассимилированы. Участие предков удмуртского населения в формировании этнического облика марийцев сказалось в своеобразии вятских памятников.

Представленные в данной работе материалы Кадочниковского могильника являются хорошей источниковой базой для детального изучения вопросов формирования вятской группы марийского этноса, истории жизнедеятельности населения Камско-Вятского междуречья в период позднего средневековья.

Библиографический список

Архивные материалы

Лещинская Н.А. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетия н.э. (по археологическим источникам) / Н.А. Лещинская // Дисс. канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 266 с.

Макаров Л.Д. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1976 года в Тужинском, Яранском и Халтуринском районах Кировской области и Кудымкарском районе Пермской области. Архив ИИКНП. Ижевск, 1977. Ф.2. Д.39.

Ошибкина С.В. Отчет о работе Вятской Археологической экспедиции 1970 г. Архив ИА РАН. Р-I. №4258.

Ошибкина С.В. Отчет о работе Вятской Археологической экспедиции 1972 года. Архив ИА РАН. Р-I. №4770.

Ошибкина С.В. Отчет о работе Вятской Археологической экспедиции в 1971 году. Архив ИА РАН. Р-I. №4496.

Сенникова Л.А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных на Кадочниковском могильнике в 1990 г. Архив Кировского областного краеведческого музея. Киров, 1991.

Сенникова Л.А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных на Кадочниковском могильнике в 1991 г. Архив Кировского областного краеведческого музея. Киров, 1992.

Черных Е.М. Отчет об исследованиях Аргыжского городища и разведках в Малмыжском районе Кировской области в 1988 г. Архив ИИКНП. Ф.2. Д.282. Ижевск, 1990.

Шапран И.Г. Отчет об исследованиях в Котельническом, Тужинском и Халтуринском районах Кировской области, проведенных летом 1982 года. Ижевск,1983. Архив ИИКНП. Ф.2. Д.163.

Шапран И.Г. Отчет об исследованиях в Котельническом, Тужинском и Халтуринском районах Кировской области, проведенных летом 1983 года. Ижевск, 1984. Архив ИИКНП. Ф.2. Д.181.

Шапран И.Г. Отчет об исследованиях в Котельническом, Тужинском и Халтуринском районах Кировской области, проведенных летом 1984 года. Ижевск, 1985. Архив ИИКНП. Ф.2. Д.199. Т.2.

Литература

Андреев И.А., Сепеев Г.А., 1979. Земледелие луговых марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) // Из истории хозяйства племен Марийского края (АЭМК. Вып.4). Йошкар-Ола. С.69-94.

Апраксина М.М., 1979. Иностранные авторы XVI–XVII веков о хозяйстве и быте марийского народа // Из истории хозяйства населения Марийского края (АЭМК. Вып.4). Йошкар-Ола. С.64-68.

Арматынская О.В., 1991. Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху железного века (конец IV в. до н.э. – V в. н. э.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. С.92-106.

Архипов Г.А., 1961. Древнемарийский женский костюм IX–XI века н.э. (Опыт реконструкции по археологическим материалом Веселовского могильника) // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Вып.XVI. Йошкар-Ола. С.127-138.

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв.: К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола. 198 с.

Архипов Г.А., 1986. Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола. 162 с.

Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Вып.I. Йошкар-Ола. 131 с.

Атаманов М.Г., Владыкин В.Е., 1985. Погребальный ритуал южных удмуртов // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов. С.131-152.

Беленькая Д.А., Розанова Л.С., 1988. Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси. М.

Белицер В.Н., 1951. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу / Труды ИЭ. Новая серия. Т.X. М. 142 с.

Белицер В.Н., 1973. Народная одежда мордвы / Труды ИЭ. Новая серия. Т.CI М. 215 с.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч.II. М. 147 с.

Владыкин В.Е., 1994. Религиозно-мифологическое картина мира удмуртов. Ижевск. 383 с.

Волкова Л.А., 1988. Удмуртские женские украшения XIX – начала XX вв. (Этнографический обзор коллекции Удмуртского республиканского музея) // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск. С.153-172.

Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романова Н.Р., Симонова А.Р., 1956. Чуваши (Этнографические исследования). Чебоксары.

Гаген-Торн Н.И., 1960. Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. Чебоксары. 228 с.

Галкин И.С., Грузов Л.П., 1960. Некоторые итоги диалектической экспедиции МарНИИ 1958г. // Труды МарНИИ. Вып.XIII. Йошкар-Ола.

Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / ВАУ. Вып.5. Ижевск. 160 с.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Теория, методология, методика / ВАУ. Вып. XIII. Свердловск. С.42-72.

Георги И.Г., 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов – также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч.1. СПб.

Герберштейн С., 1908. Записки о Московитских делах / Введение, перевод и примечания А.И. Мелеина. СПб.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 280 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск. 216 с.

Горюнова Е.И., 1948. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып.I. Саранск. С.56-87.

Емельянов А.И., 1921. Курс по этнографии вотяков: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань. Вып.III. 156 с.

Журавлева Г.Н., 2002. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск. С.131-156.

Завьялов В.И., 1987. Деревообрабатывающий инструментарий прикамских племен // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск. С.156-160.

Заднепровская А.Ю., 1982. Марийские украшения XIX – начала XX века как этнографический источник // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР / Сб. МАЭ. Т.XXXVIII. Л. С.122-134.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. №30. 326 с.

Иванов И.Г., 1967. К вопросу о происхождении тоншаевских марийцев // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. С.251-257.

Иванова М.Г., 1982. Маловенижский могильник // Средневековые памятники р. Чепцы. Ижевск. С.52-76.

Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII века. Ижевск. 184 с.

Казаков Е.П., 1977. О памятниках булгарского времени в восточных районах Татарии // Древности Волго-Камья. Казань. С.92-102.

Казанцев Д.Е., 1985. Формирование диалектов марийского языка Йошкар-Ола. 160 с.

Каховский Б.В., 1979. О некоторых параллелях погребального обряда волжских булгар и чувашского языческого населения // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Труды ЧувНИИ. Вып.93. Чебоксары.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. EI-36. Вып.2. М.-Л. 215 с.

Козлова К.И., 1961. Марийцы Горьковской и Кировской областей // Тр. МарНИИ. Вып. XVI. Йошкар-Ола.

Козлова К.И., 1978. Очерки этнической истории марийского народа М. 345 с.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М.. №65. С.7-120.

Корнишина Г.А., 2002. Знаковые функции народной одежды мордвы. Саранск. 70 с.

Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. МИА. М. №174. 168 с.

Крижоволоцкий Я., 1891. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния. СПб.

Крюкова Т.А., 1956. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола.

Крюкова Т.А., 1968. К вопросу о датировке этнографических предметов // ВГО. Доклады по этнографии. Вып.6. Л.

Кузеев Р.Г., 1992. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М. 347 с.

Кузнецов С.К., 1907. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. Вятка.

Лебедев Г.С., 1977. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // Методика археологических исследований и раскопки археологических памятников. КСИА. Вып.148. М. С.24-30.

Левашова В.П.,1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Тр. ГИМ. Вып.43. М. С.7-54.

Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977. Погребения как объект формального анализа // Методика археологических исследований и раскопки археологических памятников. КСИА. Вып.148. М. С.16-23.

Леонтьев А.Е., 1976. Классификация ножей Сарского городища // СА. №2. М. С.33-45.

Лещинская Н.А., 1996. Динамика развития погребальных традиций населения вятского бассейна в I– начале II тыс.н.э. // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum.

Jyväskylä 10-15.08.1995. Past VII. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia. Jyväskylä. P.331-334.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострелы VIII-XIV вв.) // САИ. Вып.EI-36. М. 184 с.

Миллер Г.Ф., 1791. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, якото черемис, чуваш и вотяков с показанием их животноводства, политического учреждения, телесных и душевных дарований. СПб.

Молотова Т.Л., 1987. Материалы и технология изготовления марийского народного костюма (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья (АЭМК. Вып.11). Йошкар-Ола. С.79-94.

Молотова Т.Л., 1989. Локальные комплексы традиционного марийского женского костюма // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР (АЭМК. Вып.16). Йошкар-Ола. С.91-105.

Молотова Т.Л., 1992. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола. 112 с.

Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып.E1-34. М. 84 с.

Никитин В.В., 1980. Древняя культура финно-угров Средней Волги (по фольклорным и археологическим материалам) // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола. Вып.2.

Никитина Т.Б., 1992. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола. 160 с.

Олеарий А., 1870. Подробное описания путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. Перевод П. Барсова. М.

Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. №1. С.65-74.

Останина Т.И., 1991. Погребальный обряд населения Среднего Прикамья в III–V вв.// Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. С.76-91.

Ошибкина С.В., 2010. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных исследований. Т.13. М.: ИА РАН. 212 с.

Паллас П.С.,1778. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.3. Пол.2-я. СПб.

Пекарский П., 1865. Путешествие академика Николая Иосифовича Делиля в Березов в 1740 году. СПб.

Перевощиков С.Е., 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск. 175 с.

Попов Н.С., 1981. Погребальный обряд марийцев в XIXначале XX в.//Материальная и духовная культура марийцев (АЭМК. Вып.5). Йошкар-Ола.

Риттих А.Ф., 1870. Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Ч.2. Казань.

Рыкушина Г.В., 1991. Заключение о скелетных остатках из Нязь-Ворцинского могильника // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. С.136-139.

Рычков Н.П., 1770. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб.

Рычков Н.П., 1772. Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб.

Сенникова Л.А., 1991. Древнемарийский обряд погребения (по материалам Кадочниковского могильника Уржумского района) // Уржумская старина. Краеведческий альманах. Вып.4. Уржум. С.25-27.

Седова Н.В, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. 195 с.

Семенов В.А., 1976. Южные удмурты в XVI в.: (по материалам Ореховского могильника) // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск. С.69-94.

Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. С.5-135.

Семенов В.А., 1987. Ципьинский могильник XVII–XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск. С.89-112.

Семенов В.А., 1991. Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. С.56-75.

Сепеев Г.А., 1967. К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. С.129-140.

Сепеев Г.А., 1975. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX века). Йошкар-Ола.

Сказания Князя Курбского о покорении Казани, 1902 // К 350-летию покорения Казани. М.

Смирнов А.П., 1949. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск. 136 с.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья (МИА.№28). М.-Л. 276 с.

Смирнов И.Н., 1889. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань.

Смирнов И.Н., 1890. Вотяки. ИОАИЭ. Т.VIII. Казань.

Соловьев А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск.

Старостин П.Н., 1971. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Сысоева М.В., 1967. Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып.IV. Ижевск. С.294-309.

Халиков А.Х., 1958. Марийская археологическая экспедиция 1956 года // История, археология, этнография (Тр. МарНИИ. Вып.XIX). Йошкар-Ола.

Халиков А.Х., 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края (Тр.МарАЭ. Т.2). Йошкар-Ола. С.7-187.

Хлебникова Т.А., 1967. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958-1964 годах // Тр. МарНИИ. Вып.XXII. Йошкар-Ола. С.148-170.

Худяков М.Г., 1917. Древности Малмыжского уезда // Тр.ВУАК. Вып.I-II. Вятка. С.3-64.

Худяков М.Г., 2008. История вотского народа // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск. С.129-214.

Шапран И.Г., 1984а. Исследования Грековского могильника // АО-1983 год. М. С.184-185.

Шапран И.Г., 1984б. Предварительные итоги исследования Грековского могильника на Средней Вятке // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С.88-109.

Шапран И.Г., 1993. Характеристика женских головных уборов по материалам удмуртских и марийских могильников XVI-XVIII вв. Камско-Вятского региона // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания. Екатеринбург. С.225-226.

Шапран И.Г., 1995. Позднесредневековые удмуртские и марийские могильники правобережья Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С.190-206.

Шапран И.Г., 1996. Позднесредневековые удмуртские и марийские могильники правобережья Вятки // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10-15.08.1995. Past VII.Litteratura.Archaeologia & Anthropologia. Jyväskylä. P.382-385.

Шапран И.Г., 2002. Традиционный женский костюм марийцев бассейна Вятки XVI – начала XIX в. (по данным археологии) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск. С.242-287.

Шикаева Т.Б., 1981. Погребальный обряд марийцев XVI–XVIII веков (по материалам могильников) // Материальная и духовная культура марийцев (АЭМК. Вып.5). Йошкар-Ола. С.192-205.

Шикаева Т.Б., 1987. Марийский женский костюм XVI–XVIII веков по археологическим материалам // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья (АЭМК. Вып.11). Йошкар-Ола. С.134-153.

Шутова Н.И., 1991. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. С.4-34.

Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в: по данным могильников. Ижевск. 264 с.

Федулов М.И., Волков А.В., 2013. Предметная коллекция могильника «Кукшилиды» в фондах Чувашского Национального музея (по материалам раскопок П.П. Ефименко 1926 г.) // Поволжская археология. №2. С.272-278.

Юртов А.Ф., 1877. Погребальные обряды и поверья крещеной мордвы Уфимской губ. // Известия Казанской епархии. №8. Казань.

Ярыгин А.Ф., 1976. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола. 76 с.

Список сокращений

АО	–	Археологические открытия
АЭМК	–	Археологические открытия
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
ВГВ	–	Вятские губернские ведомости
ВГСК	–	Вятский губернский статистический комитет
ВУАК	–	Вятская ученая архивная комиссия
ГАИМК	–	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ИА РАН	–	Институт Археологии Российской Академии Наук
ИАК	–	Известия Археологической комиссии
ИМАО	–	Императорское Московское археологическое общество
ИОАИЭ	–	Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИИКНП	–	Институт истории и культуры народов Приуралья
КВАЭ	–	Камско-Вятская археологическая экспедиция
КВГ	–	Календарь Вятской губернии
КОКМ	–	Кировский областной краеведческий музей
КСИА	–	Краткие сообщения Института Археологии РАН
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	–	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР	–	Материалы по археологии восточных губерний России
МАР	–	Материалы по археологии России
МарНИИ	–	Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ	–	Марийская археологическая экспедиция
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	–	Отчет Археологической комиссии
ПКВГ	–	Памятная книжка Вятской губернии
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СФУ	–	Советское финно-угроведение
СЭ	–	Советская этнография
УдГУ	–	Удмуртский государственный университет
Тр.МарНИИ	–	Труды Марийского научно-исследовательского института
Тр.ВУАК	–	Труды Вятской ученой архивной комиссии
УАЭ	–	Удмуртская археологическая экспедиция
УРМ	–	Удмуртский республиканский музей
УдНИИ	–	Удмуртский научно-исследовательский институт
ЭО	–	Этнографическое обозрение

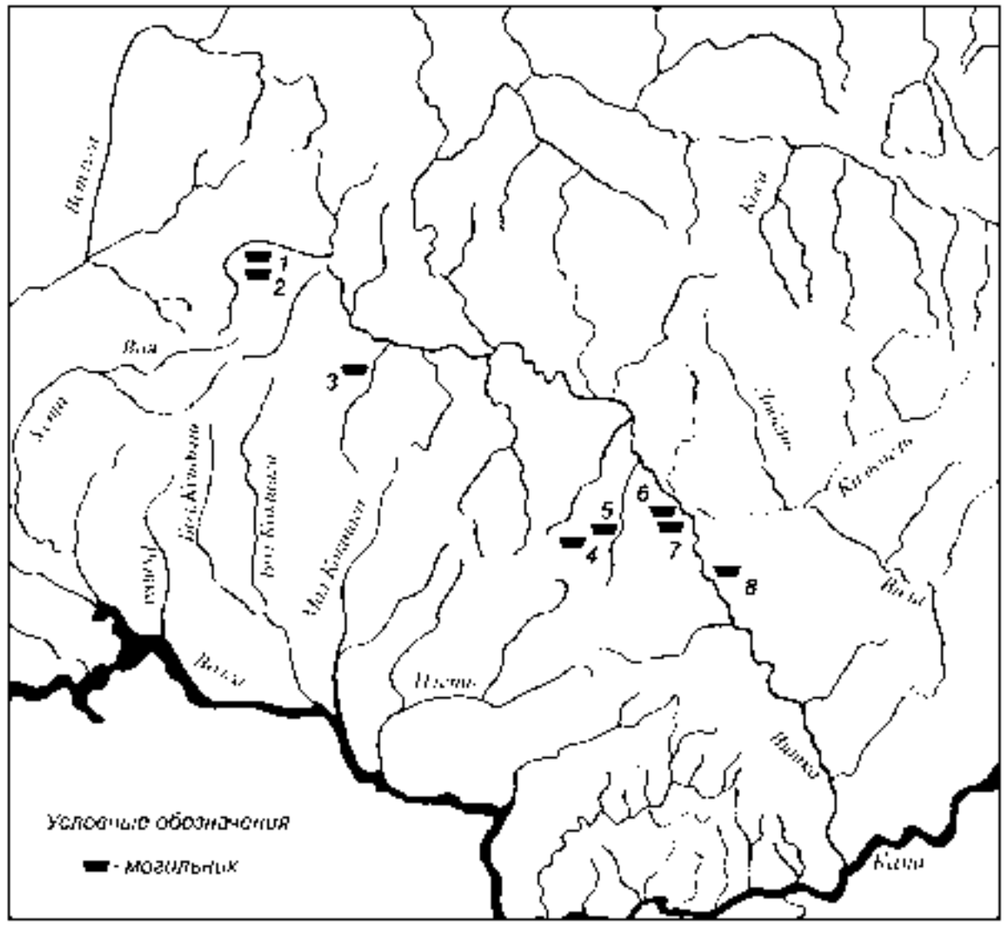

Рис. 1. Марийские могильники XVI–XVIII вв. в бассейне р.Вятки: 1 – Большеошкарский; 2 – Тоншаевский; 3 – Грековский; 4 – Уржумнолинский; 5 – Биляморский; 6 – Тюм-Тюмский; 7 – Кадочниковский; 8 – Мелетский I

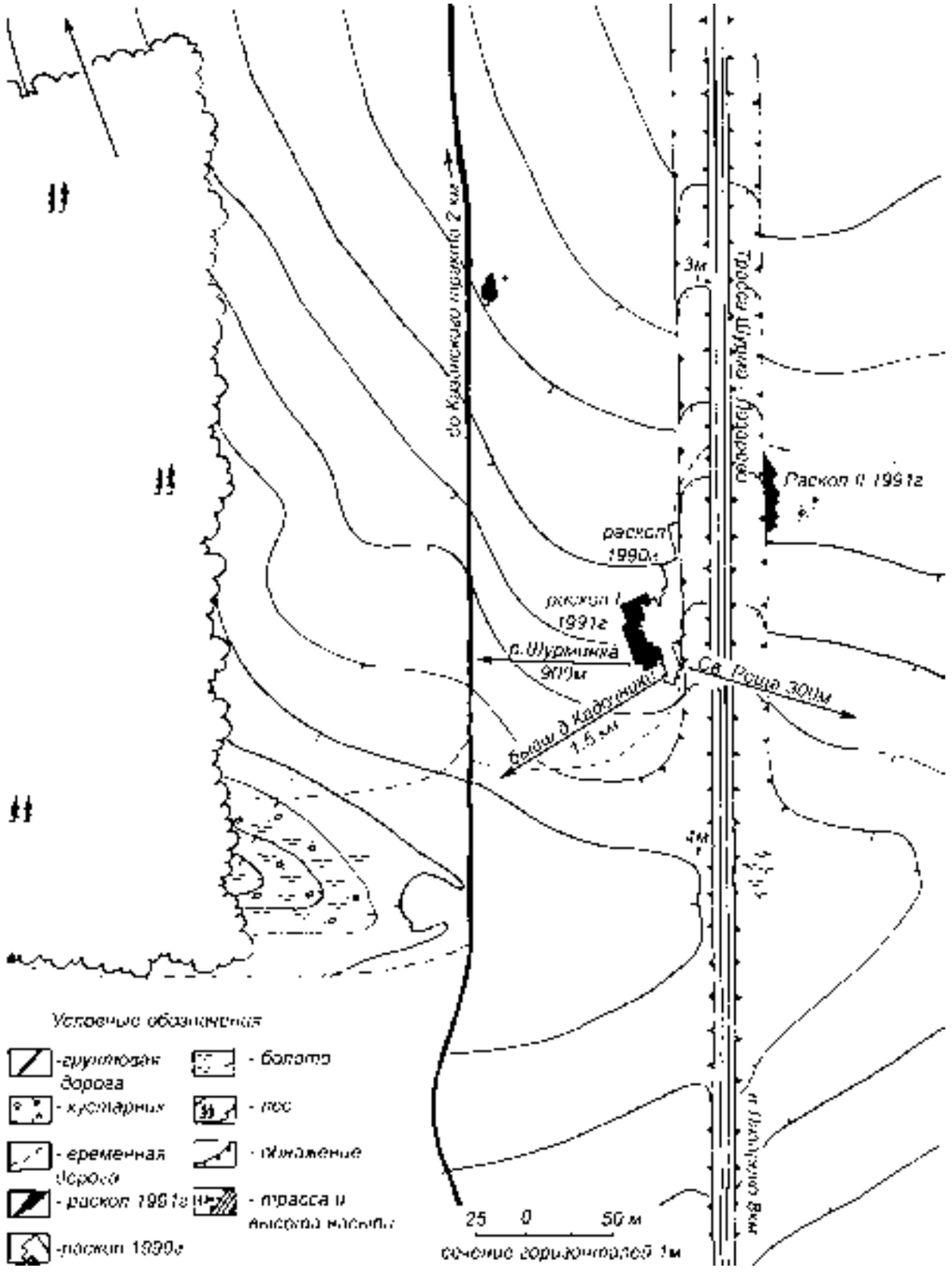

Рис. 2. Кадочниковский могильник. Топографический план

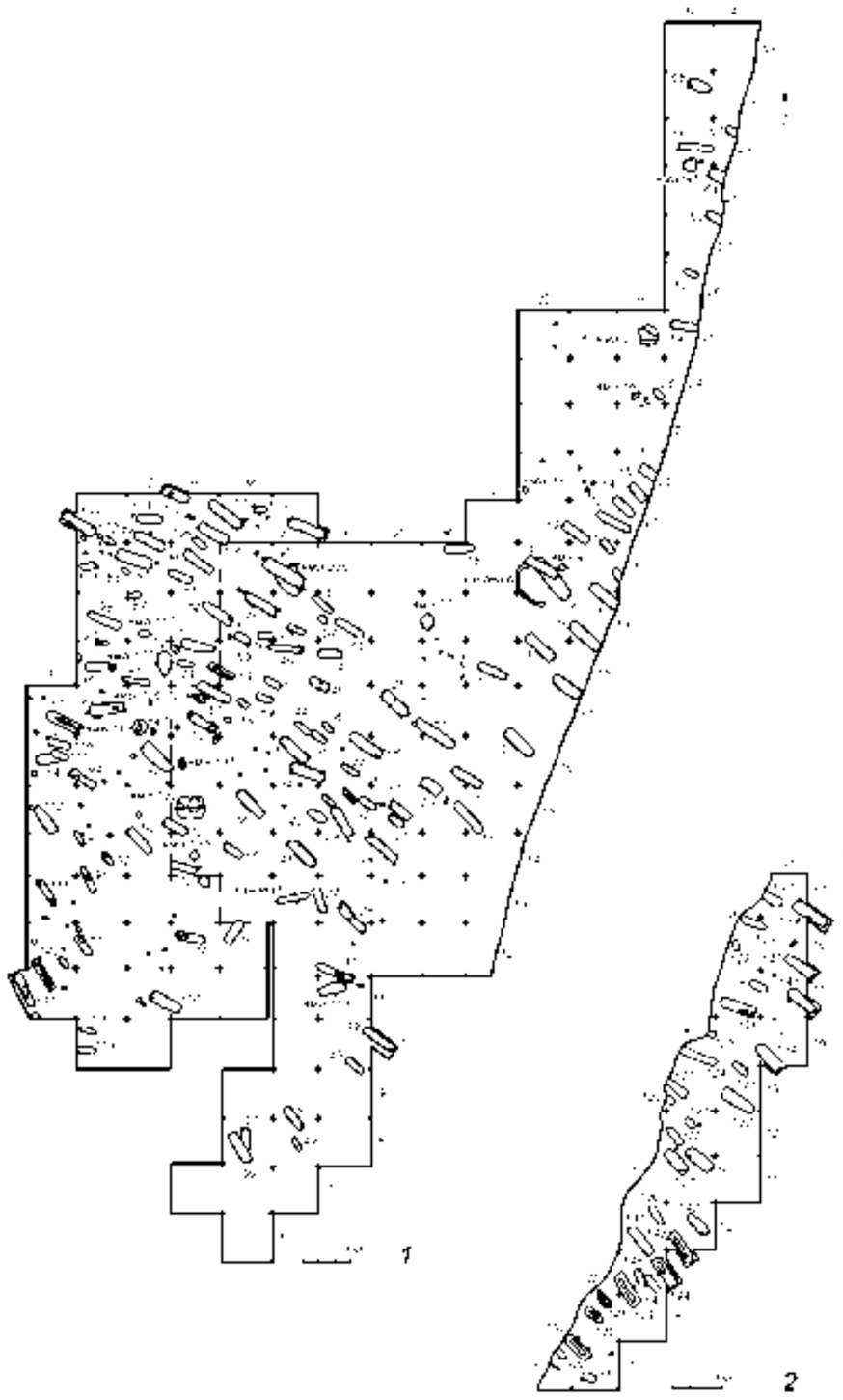

Рис. 3. Кадочниковский могильник. Планы раскопов: 1 – раскоп I; 2 –

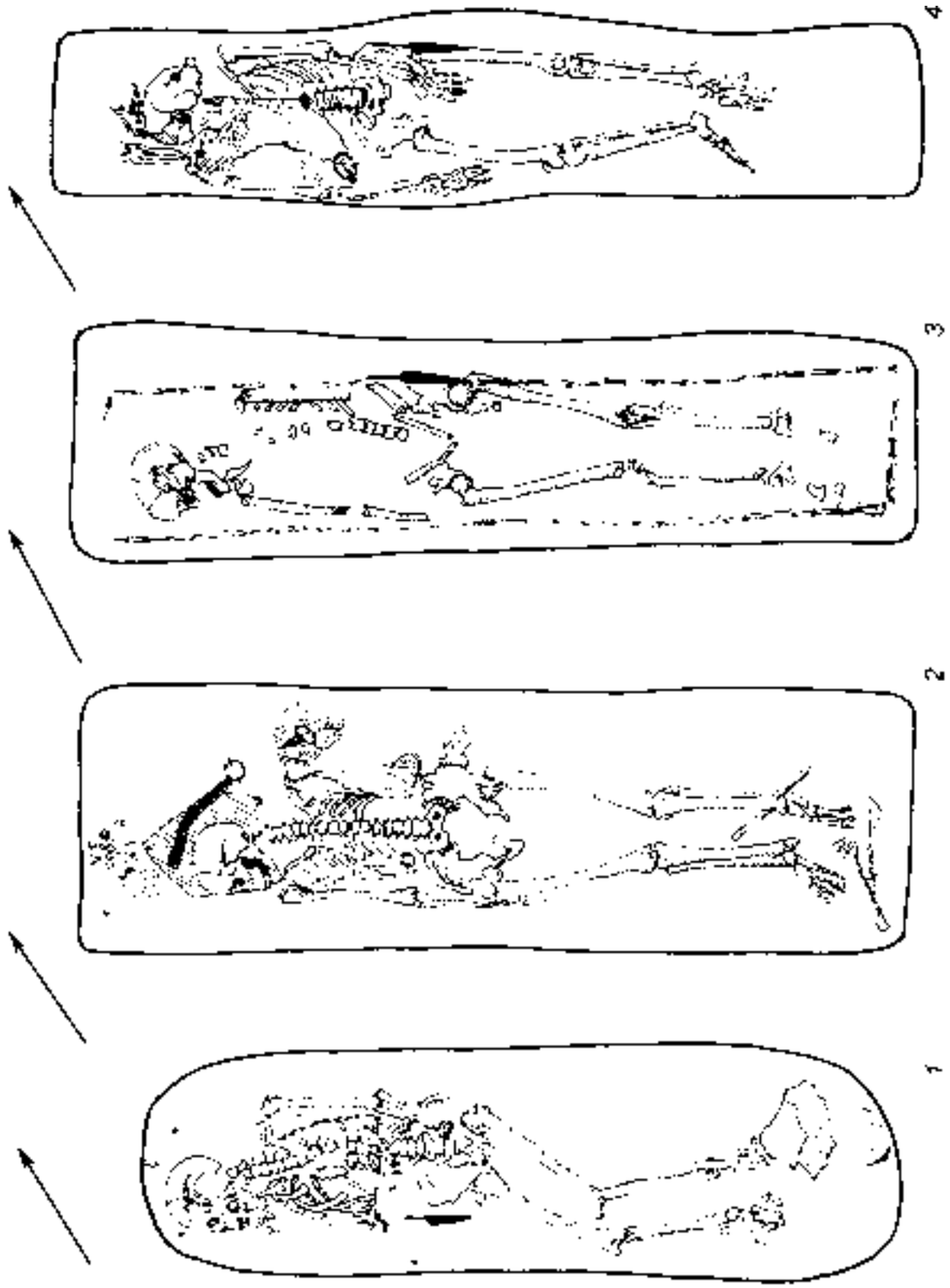

Рис. 4. Кадочниковский могильник. Планы погребений: 1 – погр.1; 2 – погр.4; 3 – погр.17; 4 – погр.23

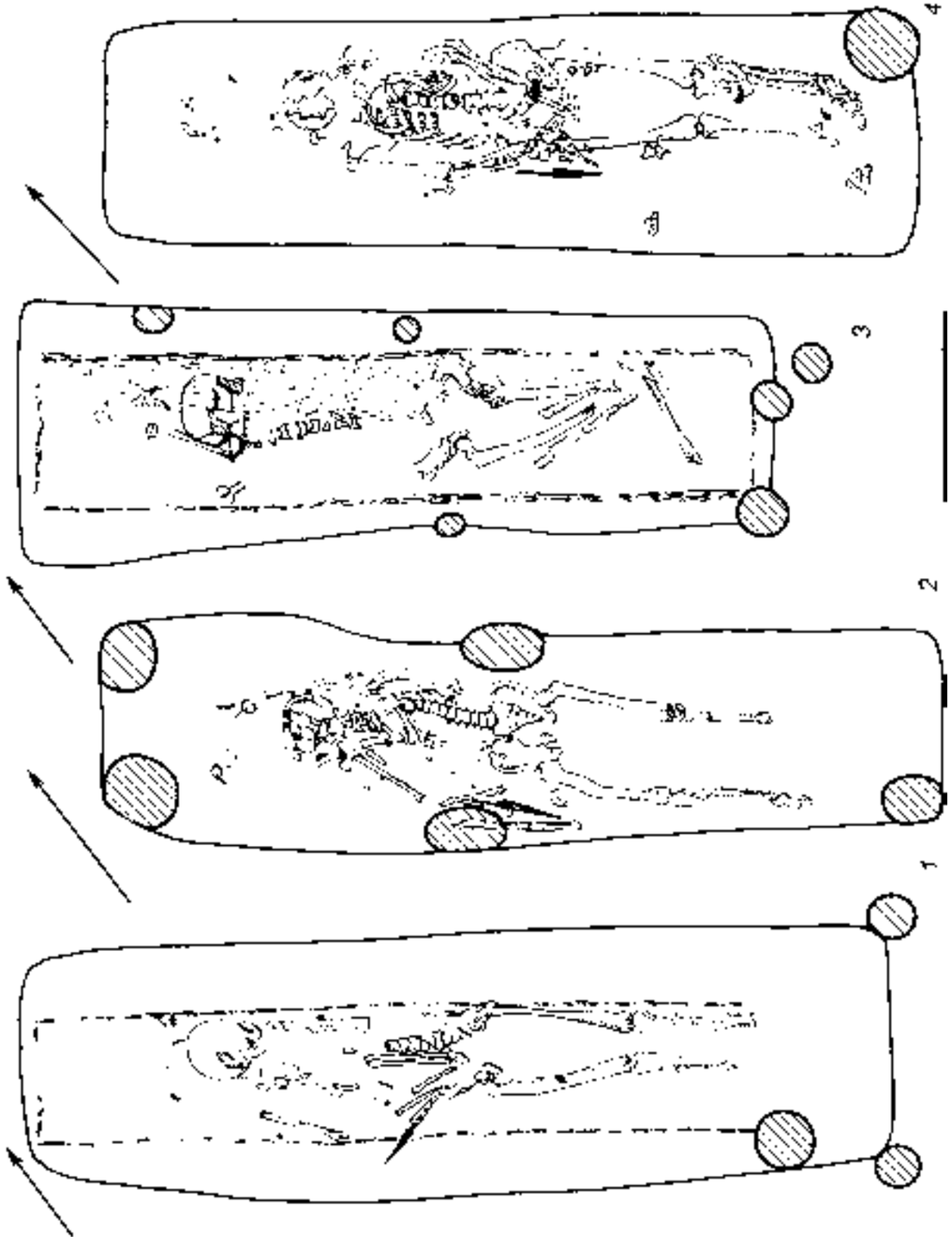

Рис. 5. Кадочниковский могильник. Планы погребений: 1 – погр.51; 2 – погр.92; 3 – погр.75; 4 – погр.49

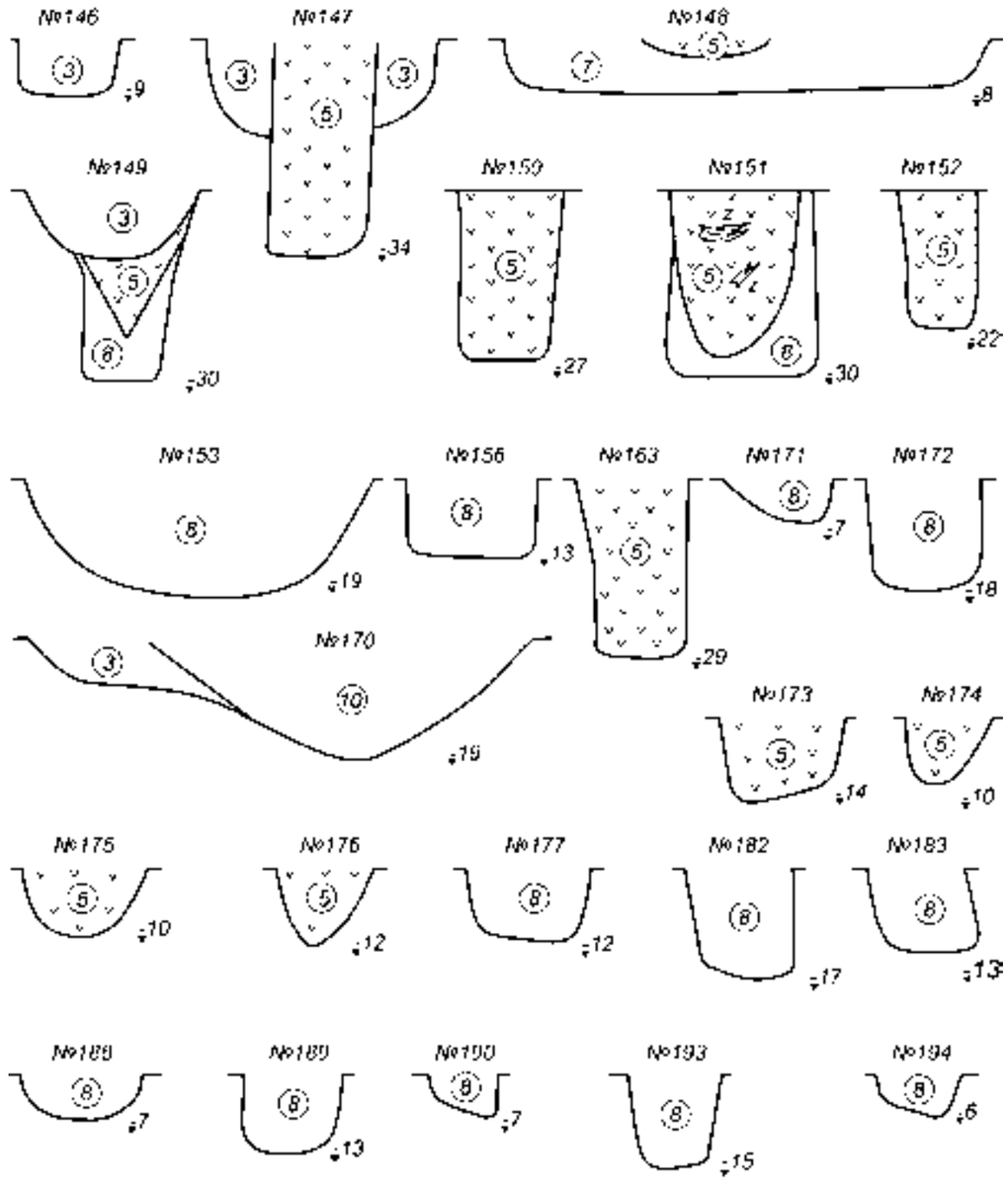

Рис. 6. Кадочниковский могильник. Профили ям (№148, 153, 170) и столбовых ямок, не связанных с погребениями (ямки №146, 147, 156, 163, 171-177, 182. 183, 188-190, 193, 194)

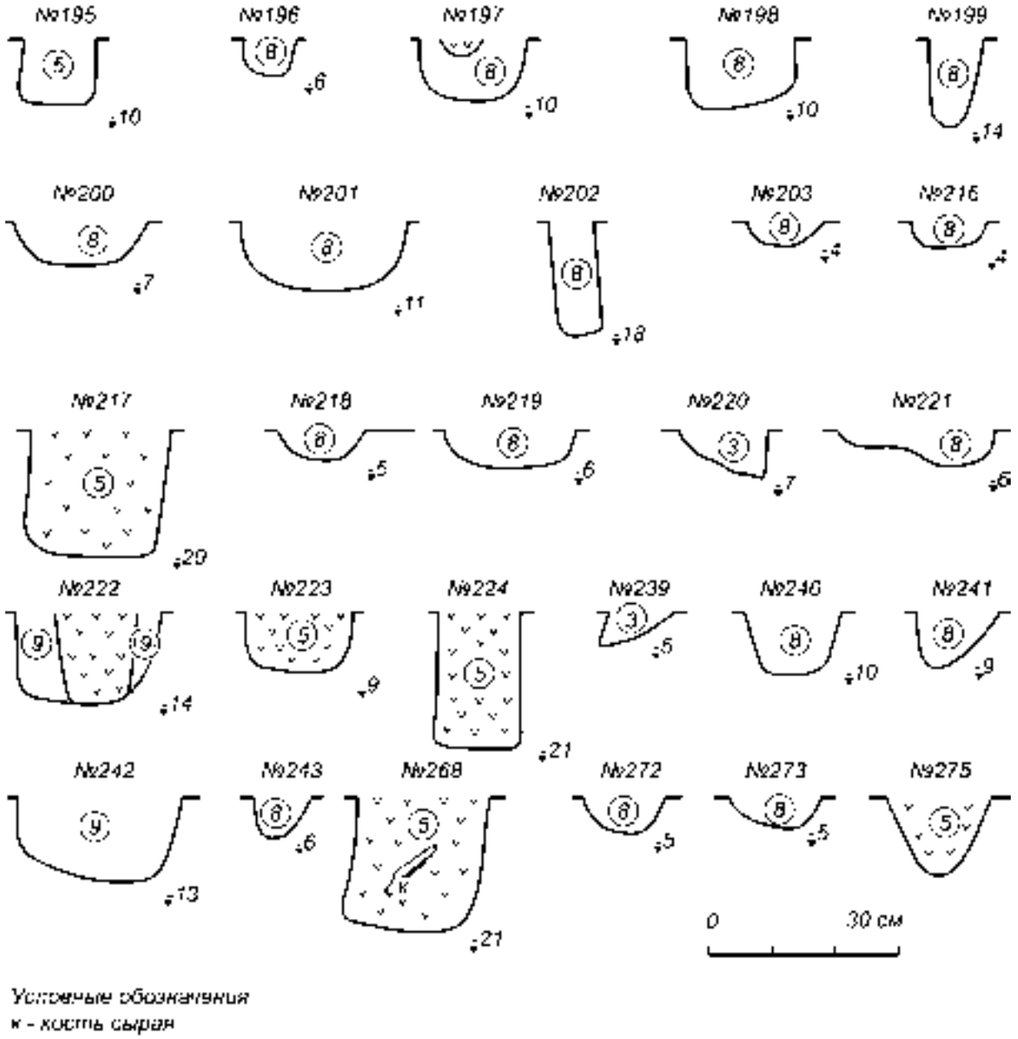

Рис. 7. Кадочниковский могильник. Профили столбовых ямок, не связанных с погребениями (ямки №195-203, 216-224, 239-243, 268, 272, 273, 275)

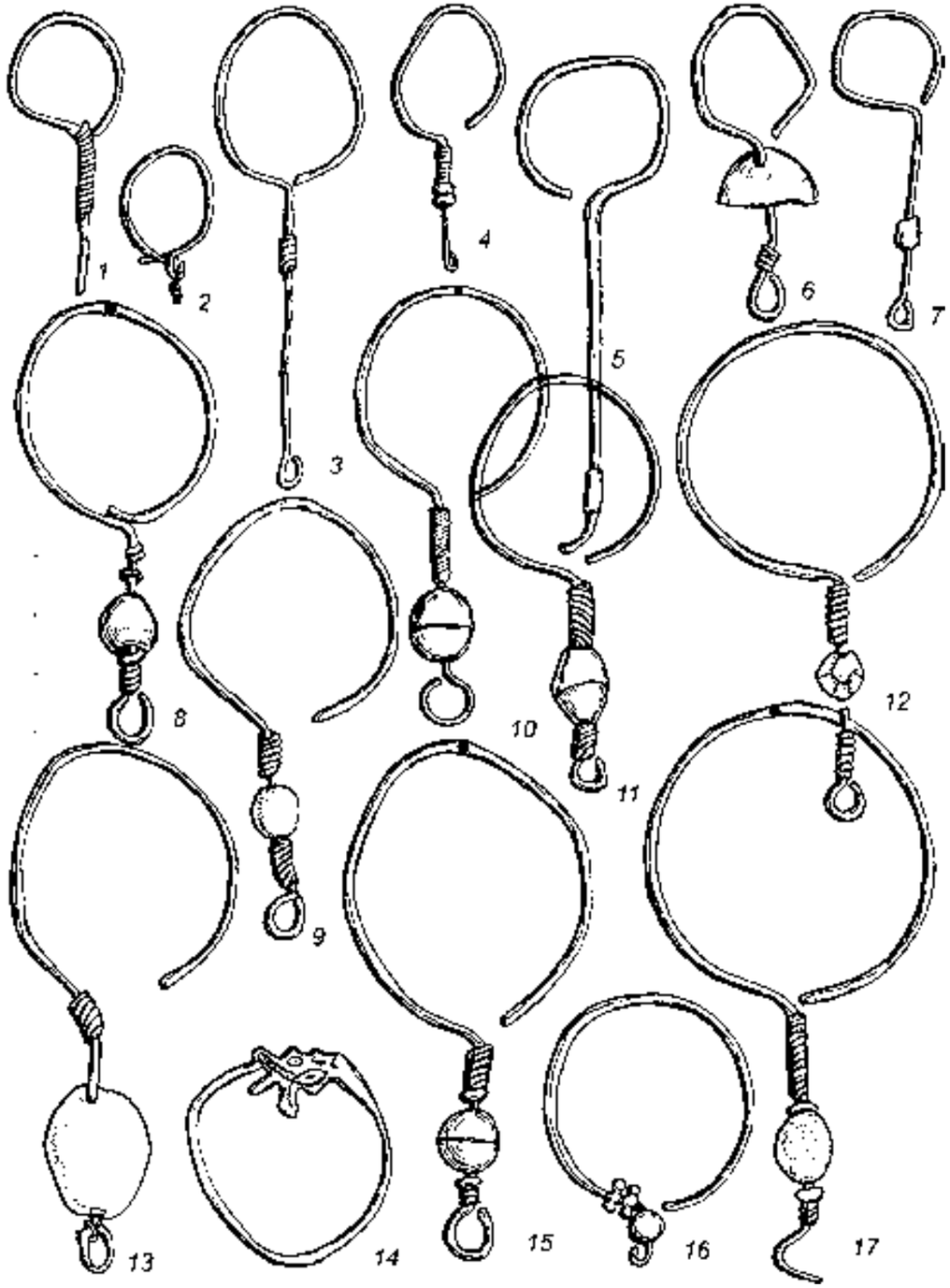

Рис. 8. Кадочниковский могильник. Височные подвески

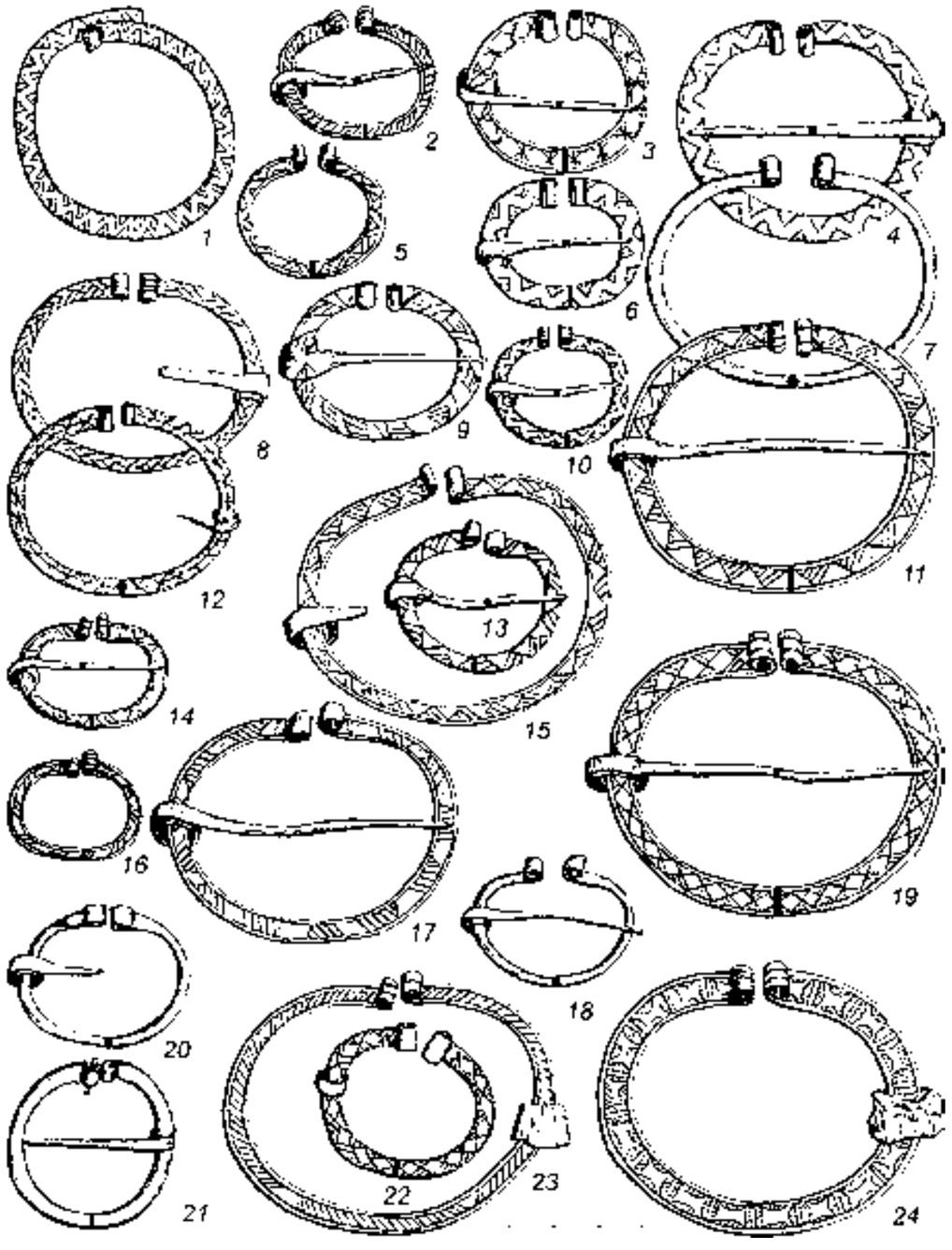

Рис. 9. Кадочниковский могильник. Сюльгамы

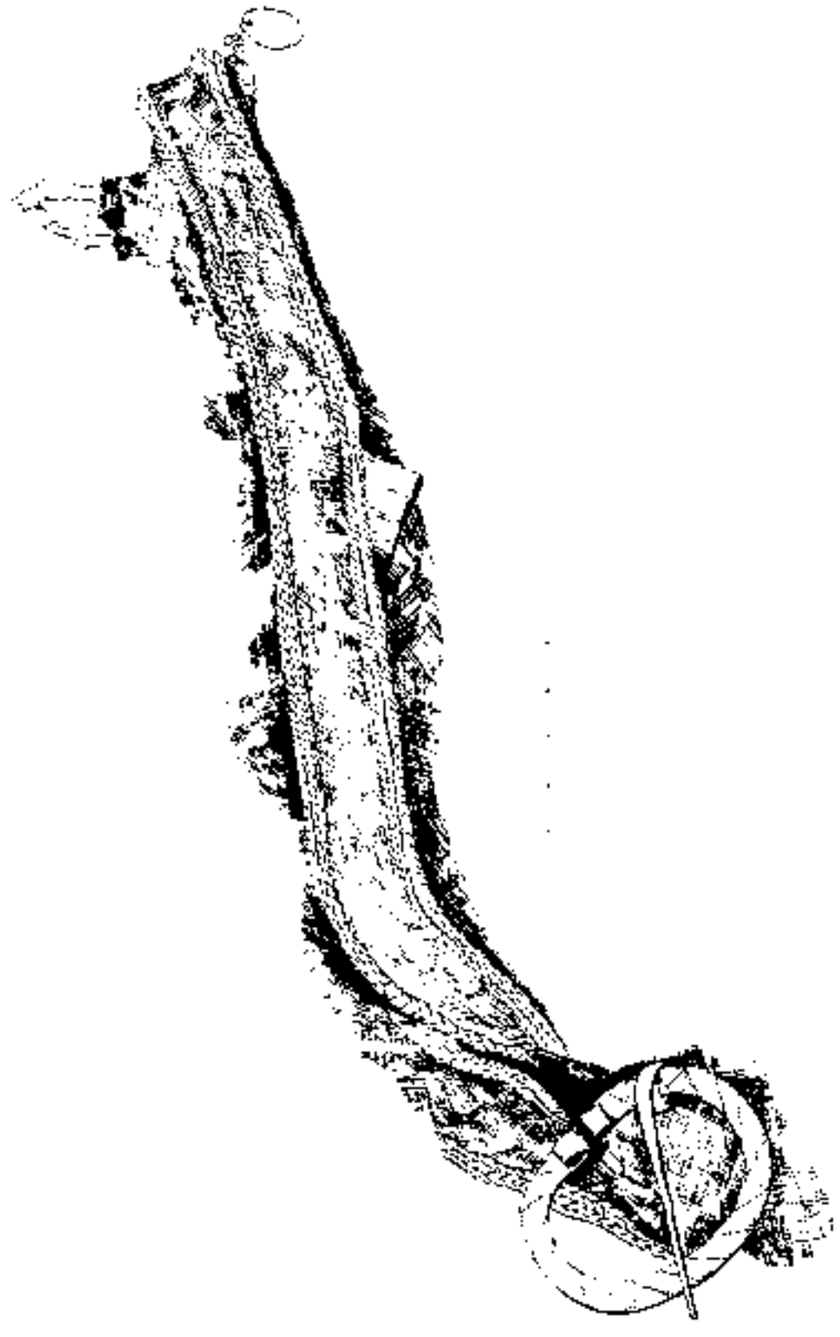

Рис. 10. Кадочниковский могильник. Погребение 4. Фрагмент головного убора

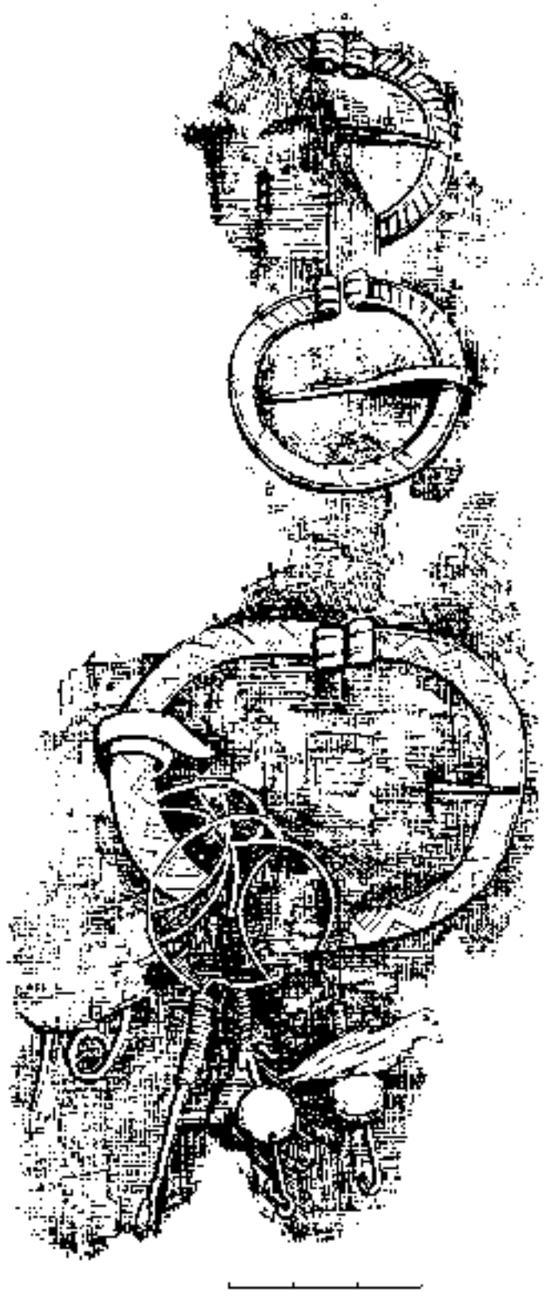

Рис. 11. Кадочниковский могильник. Погребение 89. Нагрудное украшение

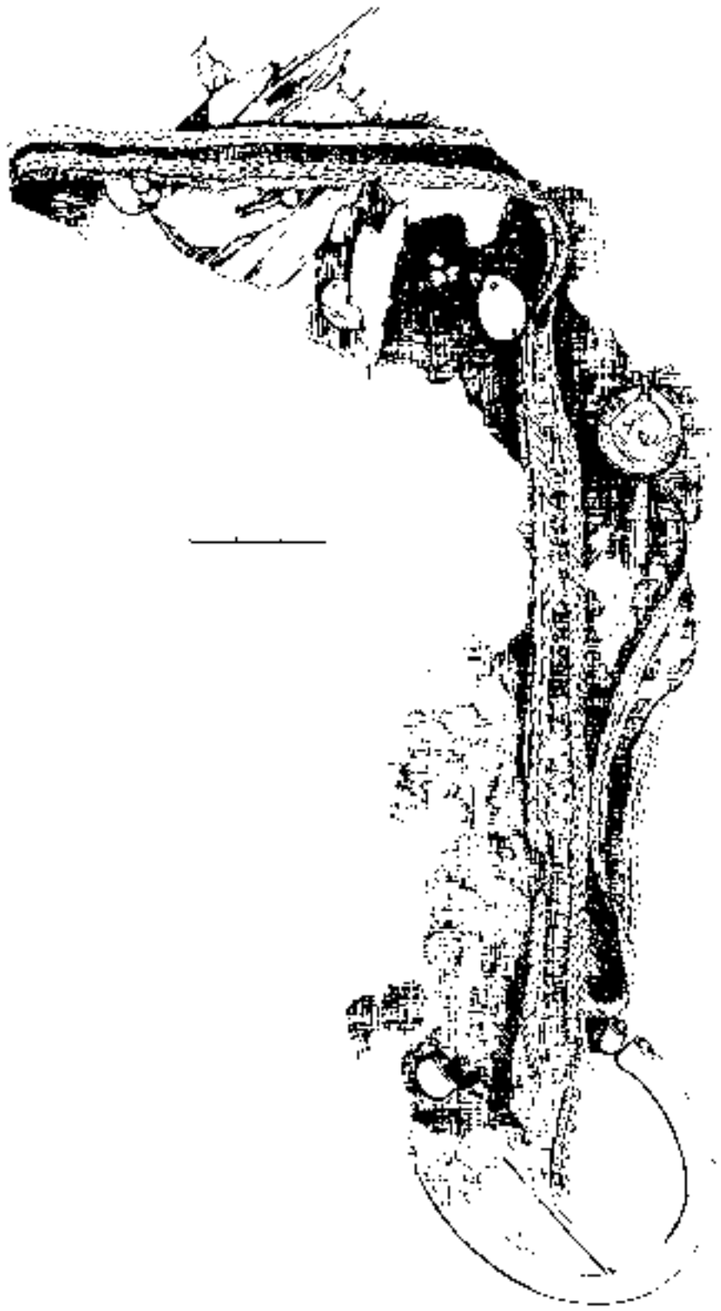

Рис. 12. Кадочниковский могильник. Погребение 107. Фрагмент головного убора

Рис. 13. Кадочниковский могильник. Браслеты

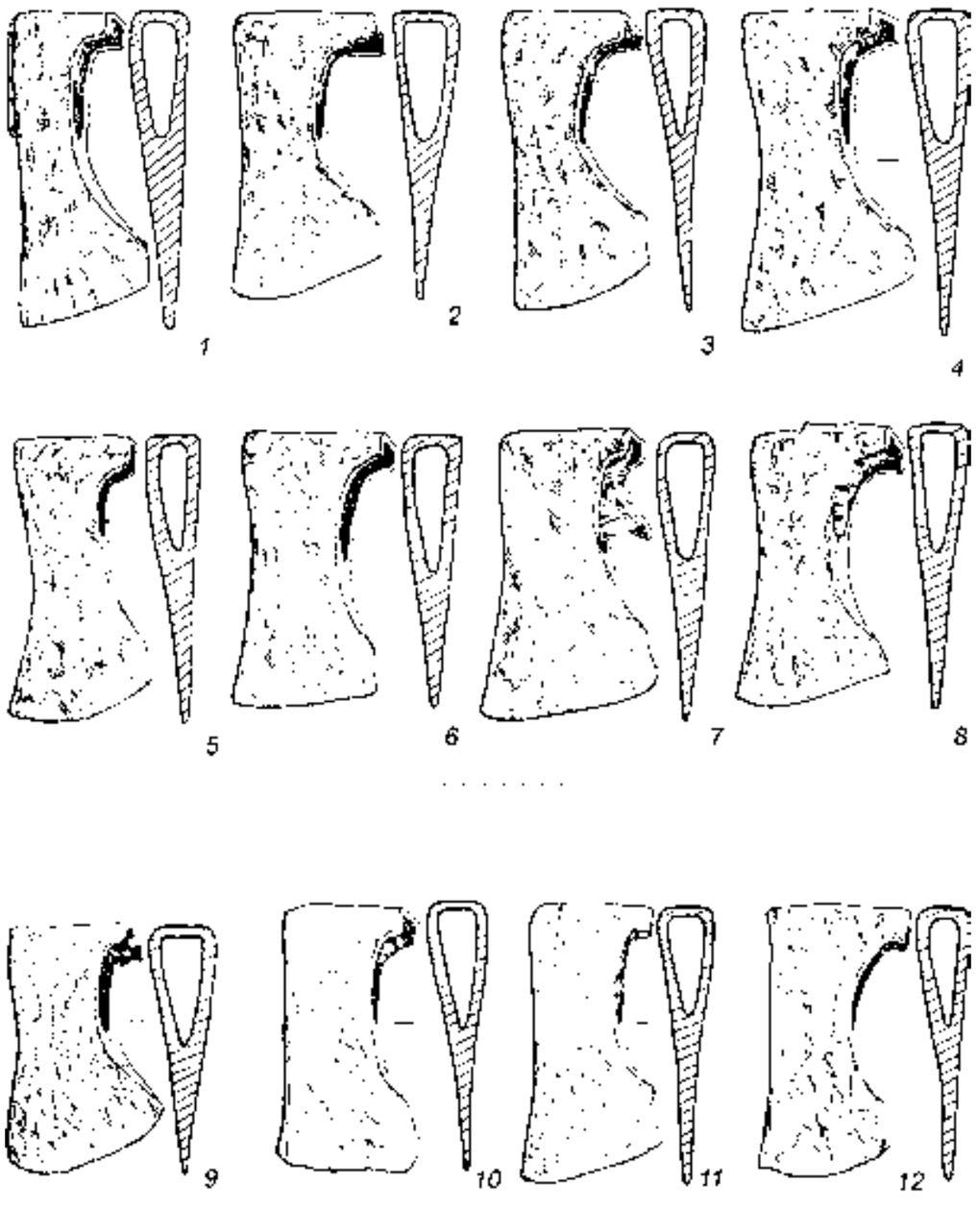

Рис. 14. Кадочниковский могильник. Топоры

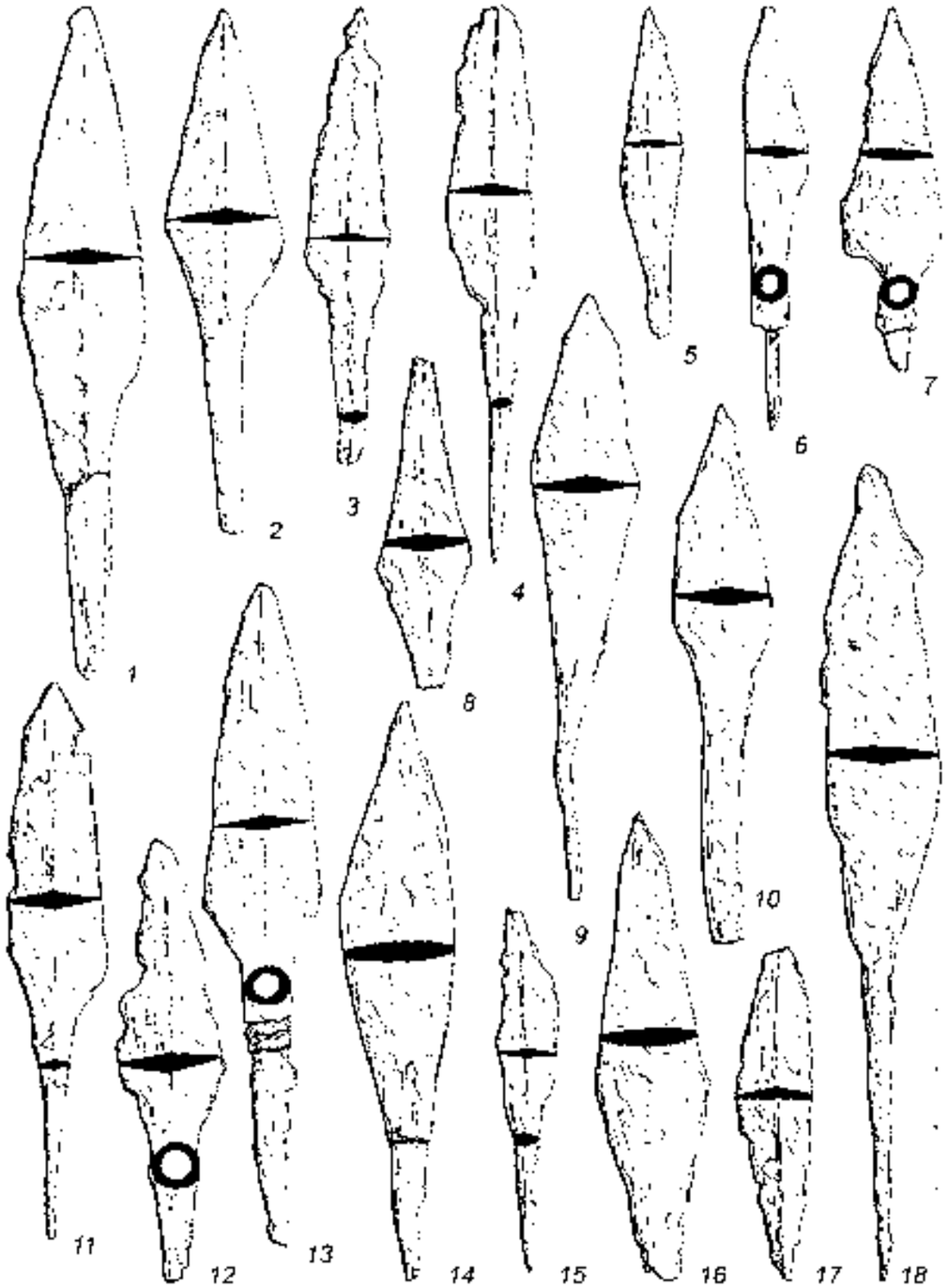

Рис. 15. Кадочниковский могильник. Наконечники стрел

Фото 4. Кадочниковский могильник. Фрагмент погребения 89

Фото 5. Кадочниковский могильник. Фрагмент погребения 98. Детали головного убора

Фото 6. Кадочниковский могильник. Фрагмент погребения 107. Детали головного убора

Таблица I

Кадочниковский могильник.
Характеристики некоторых особенностей погребального обряда

№ погребения	Местоположение (участок)	Размеры, см			Заполнение могильной ямы (№ слоя)	Ориентация	Наличие гробовища	Наличие погребального инвентаря	Пол погребенного
		длина	ширина	глубина					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1990 г.									
1	Е/18	195	57	11	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
2	ДЕ/16-17	222	66	21	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
3	Г/17-18-Д/Д18	202*	69	27	3	СЗ-ЮВ	+	+	муж.
4	Д/18-19	215	69	23	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
5	Г/18-19	230*	62	36	6	СЗ-ЮВ		+	муж.
6	ВГ/19-20	225*	63	53	3	СЗ-ЮВ	+	+	?
7	ВГ/20	60*	50	34	3	?	+		?
8	Д/2	217	54	8	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	?
9	ГД/19-20	325	90	36	3	СЗ-ЮВ			?
10	Е/15-16-Ж/16	204	53	8	3	СЗ-ЮВ	+	+	жен.
11	В/14-Ж/15	229	52	15	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
12	ГД/21	187	59	25	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
13	ВГ/21	223	42	48	3	СЗ-ЮВ	+	+	жен.
14	ВГ/21-22	155	52	48	3	СЗ-ЮВ		+	жен.(под.)
15	В/22	132	54	46	3+6	СЗ-ЮВ		+	муж.(под.)
16	В/22	124*	60	32	3	ССЗ-ЮЮВ		+	жен.
17	И/15	156	62	25	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
18	ЕЖ/20-21	192	48	23	3	З-В	+		?
19	В/25	178*	45	29	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	муж.(?)
20	ВГ/20-21	97	42	32	3	СЗ-ЮВ	+	+	муж.(?)
21	И/15	105	48	15	3	СЗ-ЮВ	+	+	жен.(под.)
22	Ж/16-17	230	55	40	3	СЗ-ЮВ		+	муж.
23	Ж/15-16	135	60	24	3	СЗ-ЮВ	+	+	муж.(под.)
24	И/14	234	54	37	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
25	ИК/16-17	227	68	36	1	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
26	И/17	210	62	30	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
27	КЛ/13	152	50	26	9	ССЗ-ЮЮВ	+		дет.
28	ИК/12-13	218	58	35	9	СЗ-ЮВ	+	+	жен.
29	К/14-15	195	57	34	9	ССЗ-ЮЮВ	+	+	жен.
30	К/15	97	30	20	9+	СЗ-ЮВ		+	жен.
31	К/15	115	37	10	2	СЗ-ЮВ			?
32	ИК/15	109	48	30	9	СЗ-ЮВ			?
33	К/16	126	34	16	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	?

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
34	КЛ/16	222	58	33	9	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
35	КЛ/16-17	100	39	16	9	СЗ-ЮВ			?
36	К/17	88	30	6	3	СЗ-ЮВ			?
37	К/11-12,Д/12	245	47	30	2	СЗ-ЮВ	+	+	муж.(?)
38	В/24	80	42	10	8	СЗ-ЮВ			?
39	ИК/10	225	54	27	9	СЗ-ЮВ		+	муж.
40	К/9-10	125	43	17	9	СЗ-ЮВ			?
41	КЛ/14	223	55	30	9	СЗ-ЮВ		+	жен.
42	КЛ/15	126	54	20	8	СЗ-ЮВ		+	жен.
43	Л/16	210	58	35	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
44	Л/16-17	115	38	22	3	СЗ-ЮВ		+	жен.(под.)
45	Л/18	210	34	27	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.(?)
46	КЛ/17-18	116	56	26	9	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	?
47	К/18	137	47	10	9	З-В			?
48	Л/8-9	167	42	16	9	ССЗ-ЮЮВ	+	+	муж.
49	Л/8	201	31	18	3	ССЗ-ЮЮВ		+	жен.(под.)
50	М/8	205	65	12	9	ССЗ-ЮЮВ		+	жен.
51	М/8	134	50	25	8	С-Ю			?
52	К/19	202	50	12	9	СЗ-ЮВ		+	жен.
53	КЛ/19	147	43	10	8	СЗ-ЮВ			?
54	К/19	72	48	27	8	ССЗ-ЮЮВ			?
55	М/14	124	43	14	8	СЗ-ЮВ		+	жен.(?)
56	М/15	204	51	19	9	СЗ-ЮВ		+	муж.
57	Л/19	126	40	11	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	?
58	М/17	81	34	14	9	СЗ-ЮВ			?
59	ЛМ/17	110	48	19	9	ЗСЗ-ВЮВ			?
60	ЛМ/17-18	110	38	4	9	ЗСЗ-ВЮВ			?
61	МН/17	219	59	50	9	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
62	В/20	94	34	7	8	ЗСЗ-ВЮВ		+	дет.
63	АБ/27-28	126*	50	10	8	ЗСЗ-ВЮВ		+	муж.(?)
64	АБ/28	108*	73	9	8	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.(?)
65	М/18-19	95	54	10	3	ЗСЗ-ВЮВ			?
66	Б/29	210	44	20	3+5	ЗСЗ-ВЮВ		+	?
67	А/29	73*	50	5	8	ЗСЗ-ВЮВ	+		?
68	Б/30	135	63	24	3	ЗСЗ-ВЮВ			?
69	МН/18	171	45	42	9	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
70	Н/17	205	54	21	9	СЗ-ЮВ		+	муж.
71	Н/16	217	85	37	3	СЗ-ЮВ		+	муж.
72	Н/14-15	152	58	31	9	ЗСЗ-ВЮВ			?
73	Н/14	167	48	20	9	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	жен.
74	М/19	216	58	32	3	СЗ-ЮВ		+	муж.
75	Л/19-М/19-20	224	53	32	9	СЗ-ЮВ		+	муж.
76	ЛМ/18-19	93	41	21	5+9	З-В			?

Продолжение таблицы I

1991 г.									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
77	Н/12	190	48	26	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	жен.
78	М/12	171	62	12	3	ССЗ-ЮЮВ			?
79	Н/18	100	37	20	3	З-В			?
80	О/14	210	55	26	3	СЗ-ЮВ		+	муж.
81	ОП/17-18	170	35	16	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
82	НО/18	69	33	7	3	СЗ-ЮВ		+	дет.
83	Н/18	207	52	30	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	жен.
84	О/19	84	45		8	З-В			?
85	НО/20	149	46	20	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.(под.)
86	Н/20	200	50	30	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	муж.
87	ОП/20	235	63	34	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	муж.
88	ОП/20	53	22	3	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	дет.
89	О/20-21	204	60	27	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	жен.
90	ЛМ/19-20	273	74	38	3,6	СЗ-ЮВ		+	муж.
91	П/13-14	170	38	24	3	ССЗ-ЮЮВ		+	?
92	П/14	95	30	18	3	СЗ-ЮВ		+	?
93	ПР/14	110	28	15	3	ССЗ-ЮЮВ			?
94	ПР/15-16	174	45	34	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
95	ОП/14	215	59	31	3	С-Ю		+	жен.
96	Р/18	184	50	40	3	З-В	+		?
97	П/18	72	32	6	8	З-В			?
98	П/19	225	52	21	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
99	П/12	140	52	5	8	ССЗ-ЮЮВ			?
100	НО/11	214	69	14	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
101	П/20	91	37	4	3	З-В			?
102	П/20-21	85	31	4	8	СЗ-ЮВ		+	?
103	ПР/21	224	59	30	3	СЗ-ЮВ	+	+	муж.
104	О/21	157	46	43	3+охр,	З-В			?
105	Н/20	101	40	12	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.(дев.)
106	МН/21	205	56	20	9+3	СЗ-ЮВ	+	+	муж.
107	МН/21	240	56	28	3+6			+	жен.
108	КЛ/21	235	55	52	3+6	СЗ-ЮВ	+	+	муж.(?)
109	М/21	81	34	12	3	ЮЗЗ-СВВ		+	?
110	НО/21	175	65	30	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	?
111	Р/13	191	49	30	3	СЗ-ЮВ		+	муж.
112	Р/14-15	200	59	14	3	СЗ-ЮВ		+	жен.
113	Р.II.ЗЖ/11-12	195	75	21	3	СЗ-ЮВ		+	?
114	Р/16	115	58	17	3	З-В		+	жен.(?)
115	Р/16	116	42	28	9	ЗСЗ-ВЮВ			?
116	Р/16	140	48	11	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
117	ПР/16-17	221	56	29	3+5	ЗСЗ-ВЮВ		+	муж.
118	П/10	105	35	5	9	ЗСЗ-ВЮВ			?

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
119	П/10	115	39	7	9	З-В		+	?
120	р.II, Ж/12	125	43	14	3	СЗ-ЮВ			?
121	р.II, Ж/12	73	35	4	3	СЗ-ЮВ		+	дет.
122	р.II, Ж/13	56*	46	5	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	?
123	р.II, Ж/13	160*	53	15	8	СЗ-ЮВ	+	+	жен.(?)
124	р.II, 3Ж /13-14	204	50		3	ЗСЗ-ВЮВ		+	?
125	р.II, 3Ж /13-15	47*	41	6	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	?
126	Р.II, З/14-15	237	65	30	3	ЗСЗ-ВЮВ	+	+	жен.
127	р.II, ЖЕ/11-12	185	65		3	СЗ-ЮВ		+	?
128	р.II, З/16	68	33	16	8	ССЗ-ЮЮВ			?
129	р.II, ИЗ/16-17	172	45	12	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	жен.
130	р.II, Е/9-10	129	44	25	3	СЗ-ЮВ		+	??
131	р.II, Е/9-11	206	60	27	3	СЗ-ЮВ		+	???
132	р.II, З/12	226	66	30	3	СЗ-ЮВ	+	+	жен.
133	р.II, З/13-14	114	45	7	3	ЗСЗ-ВЮВ			?
134	р.II, И/13-14	205	77	41	3	СЗ-ЮВ	+	+	?
135	р.II, Д/8	132	54	38	3	СЗ-ЮВ		+	?
136	р.II, ИЗ/15	125	44	32	3	ЗСЗ-ВЮВ			?
137	р.II, И/17	136*	55	16	3	СЗ-ЮВ		+	?
138	Р/11	215	49	26	3+5	ССЗ-ЮЮВ		+	муж.
139	р.II, ИК/16-17	232	60	34	3	СЗ-ЮВ		+	?
140	р.II, ИК/15-16	215	62	28	3	СЗ-ЮВ			?
141	р.II, ИК/15	205		26	3	СЗ-ЮВ		+	?
142	р.II, Ж/10	160	56	37	3	СЗ-ЮВ		+	жен.(под.)
143	р.II, Ж/9-10	210	62	53	3	ССЗ-ЮЮВ		+	?
144	р.II, Е/9	214	65	59	3			+	жен.(?)
145	р.II, Д/8-9	135	44	37	3	ССЗ-ЮЮВ		+	?
146	Р/11-12	219	43	29	3+5	ССЗ-ЮЮВ		+	?
147	р.II, Е/8-9	123	45	36	3	ССЗ-ЮЮВ		+	?
148	р.II, Е/9	101	51	14	3	ССЗ-ЮЮВ		+	жен. (под.)
149	р.II, ЕД/8-9	225	74	53	3			+	жен.
150	р.II, Г/7	77*	45	11	3	ЗСЗ-ВЮВ		+	?
151	р.II, Д/7	91	41	5	8	ЗСЗ-ВЮВ			?
152	р.II, ГД/7-8	200	66	47	3	СЗ-ЮВ			?
153	Р/12	82	39	20	3	СЗ-ЮВ			?

* – погребение нарушено земляными работами, поэтому приводится длина лишь сохранившейся части

Таблица II

Кадочниковский могильник. Характеристика столбовых ям, связанных с погребениями

№ погр.	№ ямы	Участок*	Форма ямы	Диаметр, см	Глубина, см	Форма дна	Заполнение, слой
Раскоп I							
17	45	И/15	овальная	13х10	8	уплощенное	8
	46	– » –	– » –	13х10	7	плоское	– » –
21	47	И/15	овальная	11х9	6	округлое	8
22	38	ЖИ/16-17	округлая	30	31	плоское	8; 5
24	48	ИК/14	овальная	12х9	4	округлое	8; 5
	49	И/14	– » –	12х8	6	– » –	5
	50	– » –	– » –	8х6	6	– » –	8
	51	– » –	– » –	14х11	13	уплощенное	– » –
25	39	ИК/14	овальная	12х10	4	овальное	8
	40	– » –	округлая	11	5	уплощенное	– » –
	55	– » –	– » –	15	5	округлое	– » –
26	56	И/17	овальная	7х5	4	– » –	8
	57	– » –	– » –	9х7	6	– » –	– » –
	58	– » –	– » –	12х9	7	– » –	– » –
	59	– » –	– » –	13х11	5	уплощенное	– » –
	60	– » –	– » –	13х9	5	округлое	– » –
	61	– » –	– » –	13х8	5	приостренное	– » –
	62	– » –	– » –	12х8	8	округлое	– » –
28	63	К/12-13	овальная	16х12	11	– » –	8
	64	К/12	– » –	18х12	8	– » –	– » –
	65	– » –	– » –	16х12	12	овальное	– » –
	66	– » –	– » –	18х13	10	– » –	– » –
	67	– » –	– » –	21х17	6	неровное,с уступом	– » –
29	69	К/14-15	округлая	20	22	плоское	8
	70	– » –	овальная	7х5	7	овальное	– » –
	71	– » –	округлая	11	4	уплощенное	– » –
	72	– » –	овальная	11х10	4	приостренное	5
	73	– » –	округлая	10	6	– » –	8
	74	– » –	– » –	7	7	– » –	– » –
	75	– » –	овальная	10х7	6	овальное	– » –
30	76	К/15	– » –	9х6	6	округлое	8
	77	– » –	– » –	11х3	11	– » –	– » –
32	42	ИК/15	овальная	12х10	7	округлое	8
33	79	К/16	– » –	9х3	8	– » –	3
34	78	КЛ/16	– » –	15х12	7	– » –	8
	88	– » –	– » –	11х9	5	уплощенное	– » –
	89	– » –	– » –	15х13	10	плоское	– » –
	90	– » –	– » –	20х18	11	уплощенное	– » –
37	83	КЛ/11-12	овальная	17х13	8	овальное	8
	84	– » –	– » –	12х10	6	округлое	– » –
	85	– » –	– » –	18х14	8	уплощенное	– » –
39	86	ИК/10	овальная	14х10	8	округлое	3
	87	– » –	– » –	12х10	10	– » –	– » –

* Указывается по месторасположению погребения

№ погр.	№ ямы	Участок*	Форма ямы	Диаметр, см	Глубина, см	Форма дна	Заполнение, слой
41	95	КЛ/14	овальная	17х12	9	овальное	8
	96	– » –	округлая	14	6	округлое	– » –
	97	– » –	овальная	13х12	9	– » –	– » –
	98	– » –	округлая	15	12	– » –	– » –
43	93	Л/16	– » –	18	9	уплощенное	8
45	103	Л/18	овальная	7х6	7	конусовидное	8
	104	– » –	округлая	11	9	округлое	– » –
	105	– » –	– » –	13	14	уплощенное	– » –
	106	– » –	– » –	11	5	округлое	– » –
	107	– » –	овальная	15х14	7	уплощенное	– » –
	108	– » –	– » –	16х14	6	– » –	– » –
46	99	КЛ/17-18	овальная	15х12	6	овальное	8
	100	– » –	– » –	15х12	6	– » –	– » –
	101	– » –	– » –	16х13	7	округлое	– » –
47	102	К/18	округлая	6	7	уплощенное	8
48	109	Л/8-9	овальная	9х6	7		
49	110	Л/8	– » –	9х6	4	овальное	8
51	111	М/8	– » –	9х8	6	уплощенное	9
	112	– » –	округлая	10,5	6	округлое	– » –
57	7	Л/19	овальная	10х8	11	уплощенное	8
61	124	МН/17	– » –	18х14	6	неровное	8
	125	– » –	– » –	8х7	6	округлое	– » –
65	114	М/18-19	овальная	25х22	13	уплощенное	8
	119	М/18-19	округлая	8	13	– » –	8+5
66	122	Б/29	– » –	9	4	округлое	8
68	123	Б/30	– » –	22	9	уплощенное	8
70	136	Н/17	овальная	11х9	6	округлое	3
	137	– » –	– » –	11х9	8	– » –	– » –
73	133	Н/14	овальная	11х10	5	– » –	8
	134	– » –	– » –	9х8	9	– » –	– » –
74	139	МН/19	овальная	23х20	9	овальное	8
	140	– » –	округлая	19	9	округлое	8+5
75	1	ЛМ/19-20	овальная	19х16	12	– » –	8
	2	– » –	округлая	9	6	– » –	– » –
	3	– » –	– » –	13	9	– » –	– » –
	143	– » –	– » –	9	6	– » –	– » –
	144	– » –	– » –	9	11	уплощенное	– » –
76	5	М/19	округлая	11	8	округлое	8
	6	– » –	овальная	13х12	9	уплощенное	– » –
82	157	НО/18	– » –	10х7	5	округлое	8
	158	– » –	– » –	9х6	5	– » –	– » –
83	161	Н/18-19	округлая	12	9	округлое	3
	162	– » –	овальная	11х8	17	приостренное	8+5
84	154	О/19	округлая	19	6	плоское	3
	155	– » –	– » –	12	10	– » –	– » –
87	159	ОП/20	– » –	12	7	округлое	8
	160	– » –	– » –	12	8	– » –	– » –
89	208	О/20-21	овальная	12х10	7	уплощенное	8

Продолжение таблицы II

№ погр.	№ ямы	Участок*	Форма ямы	Диаметр, см	Глубина, см	Форма дна	Заполнение, слой
90	164	ЛМ/20	–»–	13x11	7	уплощенное	3
	165	–»–	–»–	11x8	7	округлое	8
	166	–»–	–»–	?	9	уплощенное	3
	167	–»–	–»–	6x5	8	овальное	–»–
	168	–»–	–»–	18x17	19	–»–	–»–
	169	–»–	–»–	?	32	уплощенное	5
91	184	П/13-14	округлая	12	6	–»–	3
93	185	ПР/14-15	овальная	8x6	10	–»–	8
94	178	ПР/15-16	округлая	15	12	приостренное	5
	179	–»–	овальная	19x16	10	округлое	8
95	180	П/17	округлая	12	11	–»–	8
	181	–»–	–»–	17	15	уплощенное	–»–
96	186	П/18	–»–	8	5	овальное	5
99	187	П/12	–»–	16	8	приостренное	9
100	191	НО/11	–»–	11	4	овальное	8
	192	–»–	овальная	15x11	6	округлое	5
101	204	П/20	округлая	10	5	–»–	8
102	205	П/20-21	овальная	7x6	3	–»–	5
103	206	ПР/21	округлая	19	7	–»–	8
	207	–»–	–»–	10	3	плоское	–»–
104	199	О/21	округлая	9	14	овальное	8
106	209	МН/21	овальная	15x12	12	плоское	8
107	210	МН/21	округлая	10	8	уплощенное	8
	211	–»–	–»–	13	14	–»–	–»–
	212	–»–	овальная	20x18	13	плоское	–»–
108	215	КЛ/21	округлая	24	32	наклонное	8
109	213	М/21	овальная	7x6	10	уплощенное	3
	214	–»–	–»–	13x10	5	овальное	8
111	225	Р/13	овальная	14x12	9	–»–	3
112	226	Р/14-15	округлая	27	11	–»–	8
114	227	Р/16	овальная	12x16	11	уплощенное	8
116	228	Р/16	округлая	10	7	овальное	9
116	229	–»–	–»–	10	9	приостренное	8
117	230	ПР/16-17	овальная	13x11	5	округлое	8
	231	–»–	–»–	13x11	11	скошенное	–»–
138	264	РС/11	округлая	9	4	округлое	8
	265	–»–	–»–	8	4	–»–	–»–
	266	–»–	овальная	21x17	6	уплощенное	–»–
	267	–»–	округлая	9	4	округлое	–»–
146	259	Р/11-12	–»–	9	6	приостренное	8
	260	–»–	–»–	7	3	плоское	–»–
	261	–»–	овальная	13x11	7	–»–	–»–
	262	–»–	округлая	9	5	уплощенное	–»–
	263	–»–	овальная	10x8	4	–»–	–»–
Раскоп II							
113	234	ЗЖ/11-12	овальная	13x10	8	овальное	8
120	232	Ж/12	округлая	8	5	округлое	8
	235	Ж/12	–»–	1	3	овальное	8
121	233	Ж/12	округлая	16	6	–»–	9

Продолжение таблицы II

№ погр.	№ ямы	Участок*	Форма ямы	Диаметр, см	Глубина, см	Форма дна	Заполнение, слой
133	237	З/13-14	округлая	10	5	уплощенное	5
	238	–»–	овальная	16x13	4	овальное	9
135	244	Д/8	округлая	14	5	–»–	5
139	251	ИК/16-17	овальная	7x8	6	–»–	8
	252	–»–	–»–	26x23	16	–»–	3
141	253	ИК/15	округлая	12	6	округлое	3
	254	–»–	овальная	11x8	4	овальное	8
	255	–»–	округлая	14	9	плоское	8
	256	–»–	–»–	11	23	уплощенное	8
142	257	Ж/10	овальная	12x11	9	–»–	8
	258	–»–	–»–	16x13	10	–»–	5
143	250	Ж/9-10	округлая	12	4	округлое	3
144	249	ЕЖ/9	–»–	29	6	уплощенное	5
148	246	Е/9	–»–	11	5	овальное	8
	247	–»–	–»–	8	12	округлое	8
	248	–»–	овальная	12x10	7	овальное	8
149	245	ДЕ/8-9	–»–	10x7	5	–»–	8
151	274	Д/7	овальная	15x14	4	округлое	5
152	269	ГД/7-8	округлая	13	5	овальное	5
	270	–»–	–»–	16	5	–»–	8
	271	–»–	–»–	15	12	плоское	8

Таблица III

Кадочниковский могильник. Характеристика столбовых ямок, не связанных с погребениями

№ ямы	Участок	Форма ямы	Размеры (см)		Форма дна	Заполнение, слой
			в плане	глубина		
Раскоп I						
8	Е/18	округлая	7	3	округлое	8
9	–»–	–»–	10	5	–»–	–»–
10	Ж/18	–»–	10	17	неровное	8+углистая линза на дне
11	Ж/18	–»–	7	14	приостр. скошенное	8
12	Ж/18	овальная	11x8	11	–»–	–»–
13	Б/23	округлая	11	7	округлое	5
14	Б/23	–»–	11	5	–»–	–»–
15	Б/24	овальная	20x13	6	–»–	–»–
18	Г/22	округлая	6	10	приостр.	8
19	–»–	овальная	30x23	11	уплощен.	–»–
20	–»–	–»–	20x16	12	–»–	–»–
21	–»–	–»–	25x23	19	приостр.	–»–
22	–»–	–»–	16x15	12	уплощен.	–»–
27	Ж/18	округлая	16	6	овальное	–»–
28	–»–	овальная	15x9	9	приостр.	–»–
29	–»–	округлая	9	7	уплощен.	–»–
30	–»–	овальная	15x13	6	округлое	–»–
31	К/11	–»–	17x14	7	уплощен.	–»–
32	–»–	округлая	10	13	–»–	–»–
25	Ж/15	–»–	12	4	овальное	–»–
26	–»–	овальная	16x14	7		–»–
41	И/16	округлая	18	32	уплощен.	8+углист. включения
43	И/15	округлая	16	8	округлое	8
44	–»–	округлая	22	28	–»–	–»–
52	И/13	–»–	11	13	плоское	–»–
53	–»–	–»–	23	33	–»–	–»–
54	–»–	–»–	12	14	приостр.	–»–
68	К/16	овальная	16x12	21	плоское	
69	К/14	округлая	20	22	–»–	8+кость
80	К/12	округлая	13	7	–»–	8
81	К/11	–»–	11	9	уплощен.	–»–
82	–»–	овальная	26x22	16	плоское	–»–
91	Л/17	округлая	19	27	уплощен.	–»–
92	Л/15	–»–	16	19	овальное	–»–
94	/15	–»–	25	33	плоское	
115	М/16	–»–	20	29	–»–	углистые включения
116	–»–	–»–	18	20	уплощен.	–»–
117	–»–	–»–	7	12	–»–	–»–
118	М/17	–»–	30	26	округлое	9+прокал+ углист. слой
121	Б/29	–»–	19	4	овальное	8
128	Н/17	–»–	11	6	приостр.	9
129	Н/17	–»–	26	17	уплощен.	углистый слой 4 см
130	Н/16	–»–	30	26	скошенное	9+углистый слой

Продолжение таблицы III

№ ямы	Участок	Форма ямы	Размеры (см)		Форма дна	Заполнение, слой
			в плане	глубина		
138	Н/19	округлая	16	29	плоское	углистый слой 4 см
146	О/17	–»–	16	9	уплощен.	3
149	О/16	–»–	28	30	–»–	3; 5; 8
150	О/15	–»–	17	27	–»–	5
151	О/15	–»–	23	30	–»–	–»–
152	Н/13	–»–	12	22	–»–	5+зубы животного
156	О/20	–»–	21	13	–»–	8
163	М/20	–»–	18	29	–»–	5
171	О/12	–»–	17	7	округлое	8
172	О/12	–»–	18	18	овальное	–»–
173	П/14	овальная	25x20	14	неровное	5
174	П/15	–»–	19x14	10	округлое	–»–
175	П/15	–»–	25x20	10	–»–	–»–
176	П/15	–»–	20x15	12	приостр.	–»–
177	П/16	–»–	25x20	12	уплощен.	8
182	П/17	округлая	17	17	–»–	–»–
183	П/18	–»–	15	13	–»–	–»–
188	О/11	округлая	20	7	овальное	8
189	О/11	овальная	12x16	13	–»–	–»–
190	О/11, 12	округлая	11	7	неровное	–»–
193	П/20	овальная	20x15	15	уплощен.	–»–
194	П/20	округлая	13	6	неровное	–»–
195	–»–	–»–	11	10	уплощен.	5
196	–»–	овальная	10x8	6	овальное	8
197	П/20-21	–»–	30x17	10	–»–	8; 5
198	П/21	–»–	20x17	10	уплощен.	8
200	Н/21	–»–	19x21	7	овальное	–»–
201	–»–	–»–	24x26	11	–»–	–»–
202	М/21	округлая	7	18	уплощен.	–»–
203	М/21	–»–	12	4	овальное	–»–
216	Р/12	овальная	15x12	4	уплощен.	–»–
217	Р/12	–»–	22x20	20	–»–	5
218	–»–	округлая	14	5	овальное	8
219	Р/13	овальная	25x21	6	–»–	–»–
220	–»–	–»–	14x19	7	приостр.	3
221	Р/16	–»–	27x25	6	неровное	8
222	Р/16, 17	округлая	23	14	овальное	9, 5
223	Р/17	–»–	17	9	–»–	5
224	–»–	–»–	13	21	уплощен.	–»–
239	Ж/14	–»–	10	5	приостр.	3
240	–»–	–»–	15	10	овальное	8
268	Р/11	округлая	21	21	уплощен.	5
Раскоп II						
241	И/15	овальная	15x13	9	приостр.	–»–
242	И/16	–»–	24x26	13	овальное	9
243	–»–	–»–	9x8	6	округлое	–»–
272	Г/17	овальная	15x13	5	овальное	8
273	–»–	–»–	15x14	5	–»–	–»–
275	Д/7	–»–	25x17	12	приостр.	5

Кадочниковский могильник. Описание погребений

Погребение 1 (уч.Е/18; табл.1). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами имеет округлое дно, в заполнении пестроцветный суглинок. Костяк хорошей сохранности. Погребенная лежала вытянуто на спине, ноги согнуты в коленях, кисть левой руки покоилась на костях таза, правая рука согнута в локте, кисть ее уложена на предплечье левой руки. Череп лицевой частью повернут вправо. В ногах костяка расчищено три плитки розового песчаника, возможно, выстилавшего дно погребения. Над черепом найдены три серебряные монеты-подвески[1], возле черепа и под ним – скопление бисера (табл.1–11) и две бронзовые височные подвески (табл.1–3,4), слева от таза – железный нож (табл.1–9) и серебряная монета-подвеска (табл.1–12), возле поясничного отдела позвоночника обнаружено скопление бисера и бусин (табл.1–10,11), чуть выше кисти правой руки – две привески из раковины каури (табл.1–1,2), в нижней части грудной клетки – две бронзовые пряжки-сюльгамы (табл.1–5,6), под грудной клеткой найден накосник, состоящий из трех трубчатых бронзовых пронизок, одной бронзовой полусферической пронизки, одной бусины из темного стекла и трех стеклянных зеленоватых бусин (табл.1–7). Составные части накосника скреплены между собой шерстяными нитками вишневого цвета. Лучевые кости руки заключены в бронзовый браслет (табл.1–8). Возле таза найдены две серебряные монеты.

Погребение 2 (уч.ДЕ/16-17; табл.2). Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно уплощенное, стенки пологие; заполнение – пестроцветный суглинок с вкраплениями извести. В профиле ямы на дне отмечено небольшое углистое пятно мощностью 5 см (слой №5). Костяк лежал вытянуто на спине на глубине 14 см от уровня фиксации погребения. Кисть правой руки погребенной, слегка согнутая в локте, положена на тазовые кости. Кисть левой руки, также согнутой в локте, уложена на правое предплечье. В юго-западной части погребения в засыпи на глубине 12-13 см найдено 2 ребра человека, третье обнаружено чуть глубже, на уровне расчистки костяка, на его левой стопе. Рядом с правой голенью возле стенки могильной ямы найдена бронзовая подвеска (табл.2–7), положенная на плитку розового песчаника, аналогичные плитки с лежащими на них двумя бронзовыми подвесками (табл.2–5,6) и двумя бусинами располагались возле локтя правой руки. Возле правой стопы на глубине 21 см найден бронзовый перстень (табл.2–9); у левой стопы – полусферическая пронизка, на кресте – бронзовая пряжка-сюльгама (табл.2–4), в области пояса – бронзовые полусферические пронизки и железный нож (табл.2–15), положенный сверху на предплечье левой руки; на правом предплечье бронзовый браслет (табл.2–12), в области кисти – бронзовый перстень с остатками бересты (табл.2–13), около плечевых костей – серебряные монеты, бронзовая пряжка-сюльгама (табл.2–2). В области черепа найдены 6 серебряных монет, бронзовые пряжка-сюльгама (табл.2–1), 2 височные подвески (расположены под черепом) (табл.2–10,11), фрагменты головного убора: 2 бронзовые булавки в бересте (табл.2–8), полусферические подвески (табл.2–14), нанизанные на шнур, оформленный на конце низками бисера, бронзовая пряжка-сюльгама (табл.2–3).

Погребение 3 (уч.Г/17-18, Д/18; табл.3). Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, юго-восточный край разрушен дорожной насыпью. Дно неровное, стенки пологие. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки согнуты в локтях, кисти рук скрещены на костях таза. В юго-западной части погребения, вдоль продольной стенки, несколько выше уровня фиксации костяка прослежены остатки гробовища. На уровне плеча погребенного найдено железное кольцо (табл.3–1) от доспеха. Остальные находки обнаружены в ногах: между бедренными костями найдены железный нож (табл.3–3) и серебряная монета, возле коленного сустава левой ноги – миниатюрная бронзовая пряжка-сюльгама (табл.3–2).

Погребение 4 (уч. Д/18-19; табл.4). Яма подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки вертикальные. В юго-восточной части погребальной ямы в засыпи на глубине 7-24 см найдены 4 кости голени человека, не принадлежавшие захороненным в данной могиле. Костяк хорошей сохранности. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки уложены вдоль туловища, кисть правой руки прижата правым бедром. Под локтевым суставом левой руки расчищена плитка розового песчаника. На второй палец правой ноги надет бронзовый перстень (утерян), на уровне пояса справа от позвоночника

[1] Нумизматический материал, обнаруженный в погребениях, представлен в статье Е.Ю. Мокеровой в Приложении 1 к данной публикации.

найдена бронзовая пряжка-сюльгама (табл.4–18); под нижней челюстью лежали 2 височные подвески (табл.4–14,15), аналогичная подвеска была найдена у затылка (табл.4–16). В изголовье зафиксированы фрагменты головного убора: вытканная из пряжи темно-вишневого цвета лента (налобный венчик) с закрепленной на ней бронзовой сюльгамой (табл.4–19), береста, бронзовые булавки (табл.4–7-12), большое количество черного и желтого бисера (табл.4–1), бусины (табл.4–13); сложное украшение, состоящее из нанизанных на шнурок из ниток семи полусферических привесок (табл.4–17) и низок бисера (табл.4–1); миниатюрная бронзовая пряжка-сюльгама (табл.4–2), 4 серебряные монеты-подвески (табл.4–3-6).

*Погребение 5 (*уч.Г/18-19; табл.5). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно округлое, стенки пологие. Юго-восточный край погребения разрушен дорожными работами. В юго-восточной части ямы, вдоль продольной стенки, зафиксированы остатки гробовища. В заполнении зафиксированы вкрапления охры и извести. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки – вдоль туловища. Сохранность костяка хорошая. На правом бедре найден железный нож (табл.5–5); между ног, ближе к правому бедру, лежало железное кресало (табл.5–4); возле левого бедра найдены фрагменты бронзовой подвески (табл.5–2) и кремневый отщеп (табл.5–3). На левой стопе сверху положен бронзовый перстень (табл.5–1); возле плечевой кости и черепа найдено 2 серебряные монеты-подвески.

Погребение 6 (уч.ВГ/19-20; табл.6). Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами; дно овальное с выступом вдоль юго-западной стенки, стенки вертикальные. В центре северо-западной стенки фиксируется выступ-ниша овальной формы размерами 40х10 см. Юго-восточный край могильной ямы разрушен дорожно-строительными работами. В заполнении могильной ямы найдены кости человека: два позвонка на глубине 26 см в области правой голени, один позвонок около левой голени на глубине 33 см у стенки гроба, одно ребро возле стопы, другое у черепа. Костяк хорошей сохранности выявлен на глубине 45 см от уровня фиксации могильной ямы. Погребенный лежал вытянуто на спине с небольшим полуоборотом вправо. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть ее находилась на правой тазовой кости. На глубине 35-37 см, выше уровня фиксации костяка были обнаружены остатки гробовища – доски длиной 180 и 200 см, толщина досок около 3-4 см, ширина 15-17 см. Расстояние между стенками гробовища 44 см. Погребальный инвентарь беден: в области пояса, справа от таза, найден железный нож (табл.6–1) и, вероятно, фрагмент его деревянной рукоятки (табл.6–2), обнаруженный около черепа.

Погребение 7 (уч.ВГ/20; табл.5). Большая часть могильной ямы разрушена дорожными работами. Дно уплощенное с уступом в юго-западной стенке, стенки вертикальные. Найден лишь раздавленный череп на глубине 15 см от уровня фиксации погребения. Возле черепа обнаружены фрагменты гробовища на глубине 23-28 см. Вещей нет.

Погребение 8 (уч.Д/20; табл.6). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы: северно-западная ее часть шире юго-восточной. По периметру могилы зафиксировано гробовище прямоугольной формы длиной 204 см, шириной 37-40 см, толщина досок – 1,5-3 см. Сохранность костяка неудовлетворительная. Погребенный лежал вытянуто на спине с небольшим разворотом вправо, голова повернута к правому плечу. В области пояса справа найден железный нож (табл.6–2), между ног у левого бедра – бронзовый перстень (табл.6–1).

Погребение 9 (уч.ГД/19-20; табл.7). Северо-восточная часть погребения частично перекрыта погребением 8. Яма вытянутой овальной формы, дно округлое, стенки пологие, в заполнении незначительно гумусированный пестроцветный суглинок. К ЮЗ от могильной ямы на одном уровне с ней зафиксирована канава А. С противоположной стороны погребения, рядом с северо-восточной стенкой, зафиксирована яма 4. Костяка и вещей не обнаружено.

Погребение 10 (уч.Е/15-16, Ж/16; табл.7). Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. В восточном углу погребения сохранились остатки гробовища, выявленные на уровне его фиксации. В юго-восточной стене зафиксирована ниша размерами 55х6 см. Сохранность костяка неудовлетворительная. Погребенная, вероятно, была уложена вытянуто на спине. Правая рука расположена вдоль туловища, левая согнута в локте. В области черепа найдены бронзовые перстень (табл.7–1) и пряжка-сюльгама без язычка (табл.7–6), аналогичная пряжка (табл.7–7) обнаружена возле левой ключицы. Около правой ключицы и на левом бедре у коленного сустава лежали две серебряные монеты. Возле правого локтевого сустава найден бронзовый браслет (табл.7–8), другой браслет (табл.7–9) – на пред-

плечье левой (?) руки. Между голенями уложены две бронзовые височные подвески (табл.7–4,5), на правом голеностопном суставе – железный нож (табл.7–10) и рядом с ним фрагменты бронзового перстня, еще два перстня найдены возле левой голени (табл.7–2, 3).

Погребение 11 (уч.ЕЖ/14-15; табл.8). Яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами; юго-восточная часть погребения несколько шире юго-западной; дно погребения уплощенное, стенки близки к вертикальным. В юго-западной стенке зафиксирована неглубокая ниша-выступ размерами 46х3 см. Погребенная лежала почти на правом боку, ноги в коленях подогнуты, правая рука согнута в локте, кисть левой руки уложена на кости таза. Сохранность костяка удовлетворительная. Умершая была уложена в гроб. Остатки гробовища шириной 33 см, длиной 147 см, зафиксированы на одном уровне с костяком. Сопровождающий инвентарь представлен найденным у пояса сильно фрагментированным железным ножом (табл.8–8) с деревянной ручкой с бронзовыми накладками и заклепками, вложенным в кожаные ножны, под которые подложена береста. Справа от таза лежали два бронзовых перстня (табл.8–4,5), завернутые в бересту, на правом предплечье – бронзовый браслет (табл.8–7), также завернутый в бересту. У правого локтя обнаружен третий бронзовый перстень (табл.8–1) и скопление бусин. Возле правой ключицы сохранилась бронзовая булавка с фрагментами ткани, уложенными на бересту (табл.8–11). Возле черепа найдена височная подвеска (табл.8–3) и бронзовая пряжка-сюльгама (табл.8–6), около нижней челюсти – две серебряные монеты, остальные серебряные монеты найдены около черепа, причем 4 монеты уложены одна на другую «столбиком». Под черепом на дне погребения лежала серебряная височная подвеска.

Погребение 12 (уч.ГД/21; табл.9). Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами имеет плоское дно, одна стенка вертикальная, другая – более пологая. Погребенная лежала вытянуто на спине, руки слегка согнуты в локтях. Сохранность костяка неудовлетворительная. Из сопровождающих вещей найдены бронзовая булавка (табл.9–4) возле правого коленного сустава, бронзовая сюльгама (табл.9–8) на правом предплечье, слева от черепа лежали две сюльгамы (табл.9–5,6), бронзовые полусферические пронизки (табл.9–7), несколько мелких бусин (табл.9–9), фрагмент бронзовой височной подвески (табл.9–3), фрагменты ткани и тесьмы (табл.9–1,2), представляющие собой остатки головного убора.

Погребение 13 (уч.ВГ/21; табл.10). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, с незначительным расширением в центральной части; дно ямы плоское, стенки вертикальные. В северо-западной части погребения рядом с черепом и на груди костяка зафиксированы незначительные по размерам фрагменты гробовища. Костяк, обнаруженный на глубине 45 см от уровня фиксации погребения, хорошей сохранности. Справа от тазовых костей располагался железный нож (табл.10–9), на среднем пальце левой руки найден бронзовый перстень (табл.10–2). На уровне грудной клетки у правого локтя лежала бронзовая пряжка-сюльгама с железным язычком (табл.10–7), под ней сохранились фрагменты ткани. На груди и вокруг черепа отмечена россыпь мелкого зеленого бисера. У черепа найдены две бронзовые височные подвески с фрагментами ткани и низками бус и фрагменты головного убора, представленные тканой полоской светло-вишневого цвета, украшенной серебряными монетами-подвесками, три из них соединены между собой шерстяной нитью (табл.10–1), бронзовой сюльгамой, зафиксированной на остатках ткани, в сочетании с тесьмой и бусинами (табл.10–8). Кроме того, возле черепа были обнаружены две бронзовые пронизки и бронзовая бусина (табл.10–3,4). На затылочных костях черепа сохранились остатки волос.

Погребение 14 (уч.ВГ/21-22; табл.11). Могильная яма подпрямоугольной формы имеет овальное дно и вертикальные стенки, в заполнении примесь охры. Сохранность костяка, по всей видимости ребенка, плохая. Возле левого бедра найден железный нож с фрагментами деревянной рукоятки (табл.11–4), рядом – россыпь зеленого бисера (табл.11–3), на груди – бронзовая сюльгама с фрагментом ткани (табл.11–5), возле нее – серебряная монета-подвеска, вторая найдена на уровне пояса (табл.11–6). Возле черепа лежала одна бусина (табл.11–7) и фрагменты двух височных подвесок (табл.11–1,2).

Погребение 15 (уч.В/22). Яма подпрямоугольной формы, имеет плоское дно, вертикальные стенки. В центре ямы фиксируется охристое пятно овальной формы, размером 60х32 см, мощностью в центре 18 см. Костяк, вероятно, детский, лежал с небольшим полуоборотом вправо, ноги слегка согнуты в коленях, правая рука согнута в локте. От левой руки сохранилась лишь плечевая кость. Череп раздавлен. Сопровождающий инвентарь представлен железным ножом с остатками деревянной рукоятки (табл.11–1) и серебряной монетой (табл.11–2), обнаруженными возле правого бедра погребенного.

Погребение 16 (уч.В/22; табл.12). Яма подпрямоугольной формы, восток-юго-восточный край ее разрушен дорожными работами; дно уплощенное, стенки пологие. В засыпи ямы, справа от костяка на глубине 18 см найдены 3 серебряные монеты-подвески и несколько экземпляров бисера (табл.12–1). Возле височных костей черепа обнаружены две височные подвески (табл.12–2), на уровне пояса найдена бронзовая пряжка-сюльгама (табл.12–3), у левого бедра - облом ножа с фрагментами деревянной рукоятки (утерян). Под ребрами сохранились фрагменты накосника, состоящего из трех бронзовых привесок, 6 бусин черного цвета и 8 бронзовых пронизок, соединенных продетыми сквозь них шнурками (табл.12–4). Около грудной клетки найдены фрагменты ткани.

Погребение 17 (уч.И/15; табл.12). Могильная яма подпрямоугольной формы имеет плоское дно, наклонное к восток-северо-восточной стенке с перепадом в 4 см; стенки вертикальные. К погребальной конструкции можно отнести две столбовые ямки: №№45 (северный угол погребения), 46 (западный угол погребения). Костяк погребенного покоился на правом боку. Сопровождающий инвентарь сосредоточен преимущественно в области черепа: железная сюльгама (табл.12–4), две бронзовые височные подвески (табл.12–2,3), бронзовая пронизка (табл.12–1), подвеска из раковины каури (табл.12–6). Одна бусина найдена возле правого предплечья, 4 бусины – под нижней челюстью (табл.12–5).

Погребение 18 (уч.ЕЖ/20-21; табл.13). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами имеет плоское дно, стенки вертикальные. В засыпи зафиксировано незначительное количество охры. В юг-юго-восточной части погребения зафиксированы фрагменты гробовища длиной 36 см. Погребенный положен вытянуто на спине, правая рука вытянута, левая согнута в локте, лицевая часть черепа обращена к правому плечу. Вещей нет.

Погребение 19 (уч.Б/25; табл.13). Могильная яма подпрямоугольной формы, юго-восточный край разрушен дорожными работами; дно плоское, стенки близки к вертикальным. Руки погребенного согнуты в локтях и уложены на кости таза, череп слегка приподнят. Под локтевым суставом правой руки найден железный нож с фрагментами деревянной рукоятки.

Погребение 20 (уч.ВГ/20-21; табл.14). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно уплощенное, стенки вертикальные. В южном углу ямы на глубине 20 см выявлен фрагмент гробовища. В центре могильной ямы возле северо-восточной стенки на глубине 23 см найден железный нож с фрагментами деревянной рукоятки (табл.14–1). Костяк не выявлен.

Погребение 21 (уч.И/15; табл.14). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, юго-западная стенка вертикальная, северо-восточная – более пологая. В северном углу могильной ямы зафиксирована столбовая ямка №47. В заполнении погребения в центре на глубине 11 см найден бронзовый перстень (табл.14–1). В северо-западной части погребения обнаружена бронзовая височная подвеска (табл.14–2), а возле северо-восточной стенки на глубине 12 см – зуб лошади (табл.14–3), вдоль противоположной стенки могильной ямы – остатки тлена от гробовища. Костяк не обнаружен.

Погребение 22 (уч.ЖИ/16-17; табл.15). Могильная яма вытянутой овальной формы. В северо-восточной стенке в придонной части могильной ямы отмечено некоторое подобие ниши глубиной 14 см. В юго-западной части длина ямы через 20 см после фиксации сокращается до 173 см, образуя таким образом уступ длиной 67 см и глубиной 20 см. В засыпи этой части погребения найден зуб лошади. В центральной части погребения фиксируется углистое пятно неправильной овальной формы размерами 145х17х31 см, мощностью 37 см, в пределах которого обнаружено скопление (диаметр – 25 см, мощностью 5 см) крупных углей и зуб лошади. К северо-западному углу погребения примыкает столбовая яма №38, сужающаяся к основанию и имеющая в заполнении примесь угля.

Сохранность костяка погребенного неудовлетворительная, анатомический порядок частично нарушен. В заполнении погребения на глубине 30 см возле костей ног найдено скопление крупных углей и зубы лошади. Вещевой материал представлен бронзовой пряжкой (табл.15–2), найденной возле лицевой части черепа, бронзовым перстнем (табл.15–1). Слева в ногах уложены три железных наконечника стрел (табл.15–4-6) и железный топор (табл.15–3).

Погребение 23 (уч.Ж/15-16; табл.16). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно уплощенное, стенки вертикальные. В северо-западной части погребения на уровне фиксации костяка прослежены остатки древесного тлена от гробовища. От костяка сохранились две трубчатые кости ног и раздавленный череп. В погребении найден железный нож (табл.16–5), в юго-восточной части могильной ямы – небольшой перстень, завернутый в бересту (табл.16–1), а также три железных наконечника стрел (табл.16–2-4), два из них положены друг на друга, третий лежал несколько в стороне.

Погребение 24 (уч.ИК/14, табл.17). Могильная яма правильной подпрямоугольной формы имеет плоское дно, вертикальные прямые стенки. Возле погребения зафиксированы 4 столбовые ямки, которые могут быть отнесены к погребальной конструкции: яма №48 расположена в пределах фиксации погребения, в его северном углу, в ее придонной части прослежена углистая прослойка толщиной 2 см; яма №49 выявлена в центре возле северо-восточной стенки погребения; яма №50 зафиксирована в центре юго-западной стенки погребения, напротив ямы №49, яма №51 примыкает к южному углу погребения.

Погребенный положен вытянуто на спине. Сохранность костяка неудовлетворительная. Из сопровождающих вещей найдены железный нож с фрагментами деревянной рукоятки, положенный на левое бедро (табл.17–8), слева над тазом обнаружены височная подвеска (табл.17–5), шаровидные пронизки (табл.17–1,2) и два бронзовых перстня (табл.17–3) (второй утерян), завернутые в бересту. Возле черепа найдены 2 височные подвески (утеряны), зуб домашнего животного, бронзовая пряжка-сюльгама (табл.17–6). В 18 см к северо-западу от черепа обнаружены бронзовая сюльгама без язычка (табл.17–7), фрагмент бронзовой цепочки (табл.17–4), россыпь голубого бисера.

Погребение 25 (уч.ИК/16-17; табл.18). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно уплощенное, стенки слегка склонены вовнутрь. Погребение имеет сложное заполнение: на глубину до 11 см яма заполнена белой супесью с примесью пестроцвета, возле юго-западной стенки в супесь вкраплена линза крупнозернистого песка, этот же песок заполняет погребение. Но в пределах гробовища свободное пространство между стенками погребения и гробовища заполнено белой супесью с углистыми включениями. Конструктивной особенностью могильной ямы является наличие трех столбовых ямок, расположенных в юго-восточной части погребения: яма №39 примыкает к восточному углу погребения; яма №40 находится возле его южного угла; яма №55 прорезает могильную яму в юго-западной части.

При расчистке погребения на глубине 20 см зафиксировано гробовище прямоугольной формы, изготовленное из досок шириной 15 см, длина сохранившейся части 185 см. Продольные стенки гроба поставлены наклонно, ширина придонной части составляет 40 см, расстояние между стенками вверху – 34 см. Погребенная уложена вытянуто на спине вплотную к северо-восточной стенке гроба, расстояние между черепом и север-северо-западной стенкой – 40 см. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте. Между плечевой костью правой руки и стенкой гроба обнаружена серебряная монета. В области пояса найдены еще 2 серебряные монеты, фрагменты бронзовых украшений (табл.18–4), бисер. На груди лежала бронзовая пряжка-сюльгама (табл.18–3), под плечевой костью левой руки – бронзовый перстень (табл.18–6), под правым бедром в центре – бронзовая подвеска-бубенчик (табл.18–1), в области правого виска – несколько экземпляров бисера. В изголовье обнаружены: россыпь бисера (табл.18–5), бронзовая подвеска-бубенчик (табл.18–2) и пряжка-сюльгама (табл.18–7). Слева от таза положен железный нож (табл.18–8).

Погребение 26 (уч.И/17; табл.19). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, дно уплощенное, юго-западная стенка неровная, северо-восточная прямая. В заполнении погребения содержатся незначительные углистые включения. По периметру располагаются парами 6 столбовых ямок. Все ямки, за исключением ямки №61, прорезающей погребение, наполовину выходят за пределы погребения. За пределами погребения, в 11 см от его юго-восточной стенки находится столбовая ямка №59. Яма №56 зафиксирована в северо-западной части могилы, возле юго-западной стенки; яма №57 расположена в центральной части погребения у юго-западной стенки; яма №58 выявлена в южном углу погребения; яма №60 находится в восточном углу погребения. Яма №61 зафиксирована в центральной части погребения, в заполнении могильной ямы, возле северо-восточной стенки; яма №62 выявлена в северо-западной части погребения, у северо-восточной стенки.

Судя по сохранившимся останкам, погребенная лежала вытянуто на спине, череп повернут вправо, правая рука покоилась в области таза. Сохранность костяка удовлетворительная. Погребальный инвентарь представлен двумя браслетами (табл.19–5,6), найденными на правом предплечье, бронзовой пряжкой-сюльгамой (табл.19–4) с остатками ткани, зафиксированной слева в области груди, фрагментами полусферических пронизок (табл.19–2) и двумя височными бронзовыми подвесками (табл.19–1, 3), расположенными возле черепа.

Погребение 27 (уч.КЛ/13; табл.19). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, дно плоское, одна стенка вертикальная, другая имеет уступ шириной 10 см. От детского костяка, уложенного вытянуто на спине, сохранились: трубчатые кости рук и ног, несколько ребер, фрагмент лопатки, раздавленный череп. Возле юго-западной стенки могилы обнаружены остатки гробовища, размерами 75х10 см. Вещей нет. К западу от погребения фиксируется канава Б.

Погребение 28 (уч.К/12-13; табл.20). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, с расширенной северо-восточной частью; дно уплощенное, одна стенка вертикальная, другая с уступом глубиной 10 см. По периметру погребения расположено 5 столбовых ям. Ямы №№63, 67 и №№64, 66 расположены попарно у противоположных стенок погребения. Яма №63 зафиксирована в северном углу погребения. Яма №64 расположена в центре северо-западной стенки. Яма №65 выявлена в южном углу в пределах погребения, овальной формы, в заполнении – темно-серая супесь с включениями пестроцвета. Яма №66 зафиксирована в центре юго-западной стенки, напротив ямы №64, в пределах очертания погребения. Яма №67 обнаружена в пределах фиксации могильной ямы, в западном ее углу, напротив ямы №63.

Погребенный лежал вытянуто на правом боку, правая рука слегка согнута в локте и отведена в сторону, предплечье левой руки смещено в сторону. Правая бедренная кость деформирована. Возле затылка найдена трубчатая кость, не относящаяся к данному костяку. В центре погребения возле юго-западной стенки на глубине 20 см зафиксирован древесный тлен, вероятно, остатки гробовища. В области тазовых костей были найдены железный нож (табл.20–9), зуб животного, бронзовая пряжка-сюльгама (табл.20–6), бронзовый перстень (табл.20–1). На груди положена серебряная подвеска (табл.20–2) в виде несомкнутого кольца, один конец которой выполнен в виде головы животного с раскрытой пастью и высунутым языком. Возле черепа обнаружены бронзовые полусферические пронизки, бронзовые сюльгамы (табл.20–3,7), россыпь бисера, ультрамариновая глазчатая бусина (табл.20–5). Возле костяка в северо-западной половине погребения найдено 14 серебряных монет.

Погребение 29 (уч.К/14-15; табл.21). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с расширенной северо-западной частью, дно плоское; в придонной части яма расширяется от 57 до 73 см. По периметру могильной ямы зафиксировано 6 столбовых ямок (№№70-75): яма №70 расположена в центральной части погребения, возле его юго-западной стенки; яма №71 – в южном углу погребения; яма №72 выявлена в центре юго-восточной стенки; яма №73 зафиксирована за пределами погребения, рядом с ямой №72; яма №74 обнаружена в центральной части погребения у северо-восточной стенки, напротив ямы №70; яма №75 расположена в северо-восточной части погребения, у восток-северо-восточной его стенки. К погребальной конструкции, очевидно, может быть отнесена и столбовая яма №69, расположенная в 25 см к ЮВ от южного угла погребения. В заполнении ямы найдена кость.

В процессе расчистки погребения было выявлено гробовище длиной 186 см, шириной 46 см, высота поставленных на ребро продольных досок составляет 27 см (высота гроба), толщина досок 2-3 см. В придонной части могильной ямы гроб расширяется до 47 см. В северо-восточной части погребения сохранилась часть крышки гробовища длиной 95 см, шириной 15 см, толщиной около 1 см. Сохранность костяка плохая, анатомический порядок частично нарушен. Погребенный лежал вытянуто на спине, ноги немного согнуты в коленях. Возле затылка обнаружена трубчатая кость, вероятно, не принадлежавшая данному костяку. В изголовье костяка найдены две бронзовые пряжки-сюльгамы, одна без язычка (табл.21–7,8), две бронзовые булавки (табл.21–1,2), россыпь бисера (табл.21–6). Около черепа найдены височные подвески (табл.21–4,5), лежавшие возле стенок гробовища и бронзовая пряжка-сюльгама (табл.21–3).

Погребение 30 (уч.К/15; табл.22). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно и стенки неровные, в заполнении отмечены углистые включения. В западном углу погребения расположена яма №76. Яма №77 находилась в северо-восточной части могильной ямы возле северо-восточной стенки. Костяк не обнаружен. В центре погребения на глубине 15 см найден железный нож (табл.22–1).

Погребение 31 (уч.К/15; табл.22). Могильная яма вытянутой овальной формы, дно уплощенное, стенки вертикальные. В юго-западной части погребения зафиксировано углистое пятно неправильной формы, размером 53х11 см, мощностью 5 см. Костяка и находок нет.

Погребение 32 (уч.ИК/15; табл.22). Могильная яма подпрямоугольной формы, имеет неровное дно с углублениями овальной формы возле продольных стен. В заполнении погребения возле юго-западной стенки зафиксирована столбовая ямка №42. Костяка и находок нет.

Погребение 33 (уч.К/16; табл.23). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно уплощенное, стенки вертикальные. Рядом с могильной ямой в центре северо-восточной стенки расположена столбовая яма №79.

На уровне фиксации могильной ямы зафиксированы остатки гроба прямоугольной формы длиной 123 см, шириной 32 см. Ширина досок варьирует в пределах 13-16 см, толщина около 2,5 см. Продольные доски гроба поставлены наклонно и в придонной части, ширина его достигает 36 см. В центре погребения найден небольшой бронзовый браслет с орнаментом (табл.23–1), надетый на фрагментарно сохранившиеся кости правого предплечья. Остальной костяк не сохранился.

Погребение 34 (уч.КЛ/16; табл.24). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы имеет плоское дно, ровные вертикальные стенки. По периметру отмечены 4 столбовые ямки, зафиксированные в его заполнении и частично выходящие за границы. Три ямы (№№78, 88, 89) расположены вдоль северо-восточной стенки; яма №90 – в западном углу погребения напротив ямы №89. Яма №78 находится у восточного угла погребения; яма №88 – в центре погребения, у северо-восточной стенки; яма №89 расположена в северо-западном углу погребения.

Погребенный лежал вытянуто на спине, левая рука немного согнута в локте, правая вытянута вдоль тела. В области черепа и шеи найдены две голубые бусины (табл.24–6,7), два бронзовых височных кольца (фрагменты от височных подвесок) (табл.24–10,11), воткнутая в бересту булавка (табл.24–12), завернутые в бересту бронзовые пряжки-сюльгамы (табл.24–9,13), под которыми сохранились небольшие фрагменты ткани. Справа от черепа обнаружен фрагмент тканого налобного венчика с шитьем из тонких бронзовых нитей, другой аналогичный фрагмент обнаружен под плечевой костью, на него нашиты 8 бронзовых жетонов (табл.24–1-4), рядом лежала черная бусина с рельефными резными полосками (табл.24–8) и серебряный перстень (табл.24–5).

Погребение 35 (уч.КЛ/16-17; табл.23). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки пологие. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 36 (уч.К/17; табл.23). Могильная яма овальной формы с уплощенным дном и пологими стенками. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 37 (уч.КЛ/11-12; табл.25). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки прямые вертикальные. К погребальной конструкции относятся 3 столбовые ямки, зафиксированные в юго-восточной части погребения. Яма №83 примыкает к юго-западной стенке погребения; яма №84 зафиксирована у юго-восточной стенки погребения; яма №85 расположена в юго-восточном углу могильной ямы. Вдоль юго-западной стенки могильной ямы зафиксирован фрагмент гробовища длиной 80 см.

Костяк погребенного удовлетворительной сохранности лежал вытянуто на спине, руки вдоль тела. Возле левой стопы погребенного найден железный нож (табл.25–1). Рядом с погребением расположена яма №113. В 40 см к ВЮВ от погребения расположены две столбовые ямки №31, 32.

Погребение 38 (уч.В/24; табл.26). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы; северо-западная половина погребения более округлая в плане; дно плоское, стенки пологие. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 39 (уч.ИК/10; табл.25). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки прямые вертикальные. В своей конструкции содержит две столбовые ямки: яма №86 расположена в северо-восточной части погребения около юго-западной стенки; яма №87 зафиксирована в юго-восточном углу погребения.

Погребенный положен вытянуто на правом боку, руки сложены вместе впереди, немного согнуты в локтях, кости голени одной из ног лежат скрестно одна на другой. В области черепа зафиксирована трубчатая кость. Слева от таза лежал железный кочедык с кольцом (табл.25–1), под костями левой голени и под запястьем найдены две бронзовые пряжки-сюльгамы (табл.25–3,4), под нижней челюстью на дне погребения обнаружена бронзовая височная подвеска (табл.25–2).

Погребение 40 (уч.К/9-10; табл.26). Могильная яма подпрямоугольной формы имеет уплощенное дно, прямые вертикальные стенки. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 41 (уч.КЛ/14; табл.26). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки прямые вертикальные. Конструктивной особенностью погребения является наличие 4 столбовых ямок. Ямки №№95, 96 расположены в северо-восточной части погребения, №№97, 98 – у юго-восточной стенки. Яма №95 зафиксирована у западного угла погребения; яма №96 примыкает к северо-восточной стенке погребения; яма №97 находится в южном углу могильной ямы; яма №98 – в восточном углу.

Костяк погребенной удовлетворительной сохранности уложен вытянуто на спине, руки согнуты в локтях. На правом предплечье найден железный нож (табл.26–1), возле плеча лежали серебряная

монета, россыпь зеленого бисера, бронзовая височная подвеска, а также две бронзовые пряжки-сюльгамы: одна без язычка, другая с фрагментом железного язычка.

Погребение 42 (уч.КЛ/15; табл.27). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки прямые вертикальные. По центральной линии могильной ямы ближе к северо-восточной стенке найдены железный нож (табл.28–1) и серебряная монета. Остатков костяка не зафиксировано.

Погребение 43 (уч.Л/16; табл.28). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, имеет неровное, наклонное с уступом в юго-западной стенке дно, в заполнении пестроцветная супесь с примесью охры. Охристой супесью с известковой крошкой присыпан костяк. В поперечном разрезе эта присыпка фиксируется в виде ярко окрашенной охристой линзы шириной 53 см и мощностью 15 см. На дне погребения справа и слева от костяка фиксируются углистые включения. В восточном углу могильной ямы располагается столбовая ямка №93.

Костяк хорошей сохранности, отмечено нарушение анатомического порядка черепа и шейного отдела позвоночника; кисти рук слегка согнутые в локте, сложены на тазовых костях. Сопровождающий инвентарь довольно разнообразен. На лучезапястном суставе левой руки сохранился бронзовый браслет (табл.28–15), на уровне тазобедренных костей найдены серебряный (табл.29–6) и бронзовый (табл.28–7) перстни, железный нож (табл.28–11); в ногах лежала бронзовая полусферическая пронизка, около правой руки располагались височная подвеска (табл.28–3) и бусины (табл.28–10). Возле черепа найдены фрагменты железной вещи, фрагмент накладки (табл.28–13), бусина, пряжка-сюльгама (табл.28–8,9), две бронзовые булавки (табл.28–4,5), россыпь бисера (табл.28–14), две бронзовые височные подвески (табл.28–1,2), подвеска-бубенчик (табл.28–12).

Погребение 44 (уч.Л/16-17; табл.27) имеет наклонное, с перепадом глубины в 5 см дно, стенки близки и вертикальны. В северо-западной части могильной ямы найдены две маленькие височные подвески в сильно фрагментированном состоянии, в центре ближе к юго-восточной стенке лежал бронзовый перстень (табл.27–1). Костяк не зафиксирован.

Погребение 45 (уч.Л/18; табл.27). Могильная яма узкая, вытянутой подпрямоугольной формы, дно уплощенное, стенки прямые, близки к вертикальным. В центре погребения у южной стенки зафиксирована столбовая ямка №103. Западную стенку прорезают 5 столбовых ямок (№№104-108): яма №104 находится в южном углу погребения; яма №105 частично перекрыта ямками №104, 106; яма №107 расположена в северо-восточном углу погребения, имеет уплощенное дно, наклонное с перепадом глубины в 3 см; яма №108 также находится в северо-восточном углу погребения.

Костяк удовлетворительной сохранности. Голова погребенной (?) развернута к левому плечу, возле затылка найдена трубчатая кость. В области тазовых костей обнаружена бронзовая височная подвеска (табл.27–1).

Погребение 46 (уч.КЛ/17-18; табл.29). Могильная яма подпрямоугольной формы с плоским дном, одна стенка прямая, другая – пологая. Возле юго-западной стенки зафиксированы две столбовые ямки: яма №99 расположена близко к западному углу погребения; яма №100 примыкает к юго-западной стенке; яма №101 прорезает погребение почти в центре. В заполнении могильной ямы прослежены остатки гробовища.

В западном углу погребения найден железный нож (табл.29–1), в центре обнаружен зуб животного. В северо-западной части могильной ямы найдено несколько зубов человека, вероятно, детских.

Погребение 47 (уч.К/18; табл.29) имеет неправильную прямоугольную форму, дно уплощенное, стенки пологие. В северо-восточном углу погребения зафиксирована столбовая ямка №102. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 48 (уч.Л/8-9; табл.30). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки прямые, близкие к вертикальным. В северо-восточном углу зафиксирована столбовая ямка №109. Одновременно с очертаниями могильной ямы зафиксировано гробовище прямоугольной формы длиной 146 см, расстояние между стенками – 35 см, толщина досок 2,5-3 см, ширина доски 15 см, высоту гроба определяет доска, поставленная на ребро. От костяка сохранились фрагменты бедренных костей, зубы, черепная коробка. В юго-восточной части погребения, в ногах, найден железный топор (табл.30–3). В центре могильной ямы, ближе к восток-юго-восточной стенке лежал железный нож (табл.30–2), около юго-западной стенки – бронзовый перстень (табл.30–1).

Погребение 49 (уч.Л/8; табл.29). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки вертикальные. В центре юго-западной стенки зафиксирована столбовая ямка №110.

В северо-западной части погребения найдены фрагменты детского черепа, рядом с которым лежала бронзовая височная подвеска (таблю.29–3), в центре ямы найдены две бронзовые височные подвески (табл.29–1,2), две серебряные монеты и бронзовый жетон-подвеска (табл.29–4).

Погребение 50 (уч.М/8; табл.31). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно уплощенное, стенки пологие. Сохранность костяка погребенного, лежавшего вытянуто на спине с небольшим поворотом вправо и согнутыми в локтях руками, удовлетворительная. Возле правой голени умершей были найдены: украшение головного убора (подвеска-венчик), состоящее из 7 полусферических привесок (табл.31–10) и низок бисера (табл.31–11), серебряная монета-подвеска, россыпь бисера, а также перстень (утерян). На правом предплечье обнаружен бронзовый браслет (утерян), справа около пояса – железный нож (табл.31–14). Большое количество украшений обнаружено в области шеи и грудной клетки: височные подвески (табл.31–3) и их фрагменты, три перстня (утеряны), серебряная монета, две пряжки-сюльгамы (табл.31–9,13), пронизка-трубочка (табл.31–12), бусины (табл.31–4-8). Под украшениями сохранились фрагменты ткани. Возле черепа зафиксированы две височные подвески (табл.31–1,2), несколько серебряных монет и бусин, подвеска-жетон, россыпь бисера.

Погребение 51 (уч.М/8; табл.31). Могильная яма подпрямоугольной формы имеет уплощенное дно с уступом шириной 15 см в восточной стенке, западная стенка вертикальная. Юго-западная часть могильной ямы нарушена погребением 50. В северо-западном углу могильной ямы зафиксирована столбовая ямка №111; в северо-восточном углу – ямка №112. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 52 (уч.К/19; табл.30). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно уплощенное, стенки округлые. Погребенный был уложен вытянуто на спине. Правая рука вытянута, левая немного согнута в локте. На уровне грудной клетки найдена серебряная монета, около черепа лежали железная пряжка-сюльгама (табл.30–4), фрагмент височной подвески (табл.30–1), две бронзовые пряжки-сюльгамы (табл.30–2,3).

Погребение 53 (уч.КЛ/19; табл.32). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно овальное, одна стенка пологая, другая вертикальная. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 54 (уч.К/19; табл.32). Могильная яма по форме близка к подквадратной, имеет неровное дно с углублением в центре, стенки близки к вертикальным. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 55 (уч.М/14; табл.32). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки вертикальные. В центре погребения, ближе к юго-западной стенке найдено скопление вещей, состоящее из обломка железного ножа (табл.32–3), бронзового перстня (табл.32–2), фрагмента железной сюльгамы, трех серебряных монет, височной подвески (табл.32–1), бусины, фрагментов полусферической бронзовой пронизки. Остатков костяка не обнаружено.

Погребение 56 (уч.М/15; табл.33). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, дно плоское. Погребенный лежал вытянуто на спине. Сохранность костяка удовлетворительная. Возле затылка погребенного найден зуб лошади (?), на правой голени – железный топор (табл.33–1).

Погребение 57 (уч.Л/19; табл.33). Могильная яма подпрямоугольной формы, расширяющаяся в северо-западной половине. Дно плоское, стенки близки к вертикальным. Возле западного угла погребения зафиксирована столбовая ямка №7. Вдоль северо-восточной стенки могильной ямы прослежены остатки гробовища длиной 92 см. От костяка сохранился фрагментарно череп. В центре погребения обнаружена серебряная монета.

Погребение 58 (уч.М/17; табл.32). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки вертикальные, прямые. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 59 (уч.ЛМ/17; табл.33). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно уплощенное, стенки пологие. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 60 (уч.ЛМ/17-18; табл.33). Могильная яма вытянутой овальной формы, дно округлое. На уровне фиксации погребения в его центральной части обнаружено скопление кальцинированных костей. В северо-западной части погребения найдены мелкие фрагменты черепа, в юго-восточной половине – фрагмент трубчатой кости. В процессе выборки заполнения могильной ямы находок не обнаружено.

Погребение 61 (уч.МН/17; табл.34) имеет неправильную прямоугольную форму, более расширенную в северо-западной половине. Дно погребения неровное, с большим западением (до 20 см) в центре, стенки вертикальные. Составной частью погребального комплекса являются две столбовые ямки, расположенные в юго-восточной половине погребения, и частично прорезающие его. Ямка №124 вы-

явлена около юго-западной стенки могильной ямы; ямка №125, значительно меньших размеров, примыкает к юго-восточной стенке.

Костяк плохой сохранности. Около правой плечевой кости найдены 3 бронзовые пряжки-сюльгамы (табл.34–9-11), фрагменты бронзовых височных подвесок. В области черепа обнаружены: остатки головного убора, представленные фрагментами кожаного ремешка с воткнутыми в него 8 бронзовыми булавками (табл.34–3,4) и фрагментом бронзовой цепочки (табл.34–2); бронзовый перстень (табл.34–5); височная подвеска (табл.34–1); крупная пряжка-сюльгама (табл.34–12). Рядом с головой погребенной были найдены остатки головного убора, представленные двумя пряжками-сюльгамами (табл.34–7,8), серебряной монетой, 5 подвесками, изготовленными из серебряных монет, трех медных монет-подвесок, полусферической пронизки, россыпи бисера. Еще одна группа украшений, входящих в состав головного убора, находилась немного в стороне и состояла из подвески-венчика (табл.34–13), состоящего из бронзовых полусферических пронизок, нанизанных на веревочку, а также пряжки-сюльгамы (табл.34–7) и бусины.

Погребение 62 (уч.Б/26; табл.35). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки прямые. Погребенный был, вероятно, положен вытянуто на спине. Сохранность костяка неудовлетворительная. Возле правого плеча найден обломок железного ножа с фрагментами деревянной рукоятки (табл.35–1); на черепе обнаружен бронзовый жетон.

Погребение 63 (уч.АБ/27-28; табл.35). Могильная яма подпрямоугольной формы, разрушена в юго-восточной половине земляными работами, в результате чего сохранилась только верхняя часть костяка, уложенного на спине, кости рук вытянуты вдоль тела. В области таза найдена медная монета, под правое плечо был положен железный нож (табл.35–1).

Погребение 64 (уч.АБ/28; табл.35) частично разрушено дорожными работами, сохранилась его северо-западная половина. Дно могильной ямы уплощенное. Сохранность костяка удовлетворительная. Погребенный лежал вытянуто на спине, правая рука – вдоль туловища. Под черепом найдена бронзовая пряжка-сюльгама (табл.35–1), на указательном пальце правой руки – бронзовый перстень (табл.35–2), железный нож (табл.35–3) был вложен в кисть правой руки.

Погребение 65 (уч.М/18-19; табл.36). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки пологие. К юго-восточному углу могильной ямы примыкает столбовая ямка №114; в 20 см к северо-западу от юго-западного угла погребения расположена ямка №119, в центре которой отмечена углистая линза мощностью 5 см. Костяка и находок в погребении не обнаружено.

Погребение 66 (уч.Б/29; табл.36). Могильная яма подпрямоугольной формы, стенки прямые, дно округлое. Возле северо-западного угла погребения зафиксирована столбовая ямка №122. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки согнуты в локтях, кисти рук положены на кости таза. В изголовье погребенного найдена медная монета.

Погребение 67 (уч.А/29; табл.36) в значительной мере разрушено дорожными работами. Дно погребения уплощенное, стенки наклонные. В могильной яме зафиксированы фрагменты гроба, расстояние между продольными стенками которого составляет 45 см. От костяка сохранились череп, повернутый налево, и частично кости рук и ребра. Сопровождающих вещей не найдено.

Погребение 68 (уч.Б/30; табл.36) имеет неправильную прямоугольную форму со скошенным южным углом и уступом глубиной 10 см в одной из стенок; дно уплощенное. Рядом с юго-западным углом могильной ямы зафиксирована столбовая ямка №123. Костяка и находок в погребении не обнаружено.

Погребение 69 (уч.МН/18; табл.37) имеет неправильную подпрямоугольную форму, ко дну расширяется от 45 до 51 см. В засыпи погребения фиксируется углистое пятно неправильной овальной формы размером 143х10 см и мощностью 2 см. Степень сохранности костяка неудовлетворительная. Сохранились череп (повернут вправо), частично трубчатые кости правой руки и ног. Все находки сосредоточены в области грудной клетки: две пряжки-сюльгамы (табл.37–3,4), фрагмент бронзового перстня (табл.37–2), одна целая (табл.37–1) и одна во фрагментах височные подвески.

Погребение 70 (уч.Н/17; табл.37). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, имеет несколько более расширенную юго-восточную часть. Дно ямы плоское, стенки вертикальные. В северном углу могильной ямы зафиксировано углистое пятно неправильной округлой формы, размером 30х23 см, мощностью 7 см. Другое углистое пятно овальной формы, размером 55х30 см и мощностью 10 см, расположено в юго-восточном конце погребения. Узкая углистая полоса размером 80х4х3 см тянулась вдоль продольной северо-восточной стенки могильной ямы. Около юго-вос-

точного угла погребения расположена столбовая ямка №136, ямка №137 зафиксирована ближе к восточному углу. Правая рука погребенного вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте. В юго-восточном углу могильной ямы возле правой ноги погребенного найден железный топор (табл.37–3), под топором лежал железный наконечник стрелы (табл.37–1). На грудь погребенного был положен железный нож (табл.37–2).

Погребение 71 (уч.Н/16; табл.38). Могильная яма подпрямоугольной формы, широкая, дно плоское, имеет прямые, слегка скошенные вовнутрь стенки. Костяк несколько сдвинуть к северо-восточной стенке могильной ямы и уложен с небольшим разворотом влево. Правая рука погребенного была согнута в локте, кисть ее находилась в нижней части груди слева. Рядом с правой голенью найден железный наконечник стрелы (табл.38–1), возле левой стопы – железный топор с остатками топорища (табл.38–3), справа от таза лежал железный нож (табл.38–2).

Погребение 72 (уч.НО/14-15; табл.39). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно и стенки ямы неровные. В юго-восточной стенке имеется небольшой уступ. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 73 (уч.Н/14; табл.39). Могильная яма подпрямоугольной формы, имеет небольшой овальный выступ в юго-западной стенке. Дно плоское, стенки прямые, слегка наклонные книзу. Возле восточного угла могильной ямы на расстоянии 12 см зафиксирована столбовая ямка №133, в юго-восточным углу – столбовая ямка №134. Вдоль юго-западной стенки погребения прослежены фрагменты гробовища общей длиной 136 см. Сохранность костяка неудовлетворительная: найден череп (повернут вправо), фрагменты трубчатых костей ног. В центральной части погребения, предположительно в области ног справа от погребенного, найден железный нож (табл.39–5), в центре могильной ямы два бронзовых перстня в бересте (табл.39–1,2), в области груди (ближе к шее) - бронзовая пряжка-сюльгама (табл.39–4). На черепе обнаружены серебряная монета и бронзовая височная подвеска (табл.39–3).

Погребение 74 (уч.МН/19; табл.40). Могильная яма подпрямоугольной формы, имеет скошенный северный угол. В восточном углу погребения зафиксированы две столбовые ямки №139 и №140. За пределами погребения возле его северо-восточной стенки, в межмогильном пространстве погребений 74 и 65, обнаружены еще две столбовые ямки №141 и №142. От костяка сохранились трубчатые кости рук и ног, фрагменты тазовых костей, череп (повернут вправо). Погребенный лежал вытянуто на спине, правая рука вдоль тела, левая рука согнута в локте, кисть лежала на костях таза. Возле правого бедра найден железный нож (табл.40–1), голеностопный сустав правой ноги прижат железным топором (табл.40–3), под которым найден железный наконечник стрелы (табл.40–2). Около черепа справа от погребенного лежала серебряная монета.

Погребение 75 (уч.ЛМ/19-20; табл.41). Могильная яма подпрямоугольной формы, имеет в юго-западной стенке округлую нишу-выступ размерами 41х13х20 см. Дно погребения плоское, стенки вертикальные. К погребальной конструкции следует отнести 5 столбовых ямок. Три ямки – №№1, 2, 3 примыкают к юго-восточной стенке погребения (ямка №2 расположена в центре стенки, ямки №№1 и 3 – по углам). Яма №144 обнаружена в северо-западном углу погребения, к ней примыкает яма №143. Вдоль юго-западной стенки погребения зафиксированы фрагменты гробовища длиной 75 см, ширина доски, поставленной на ребро (глубина гроба?) – 17 см. У противоположной стенки остатки гробовища имеют длину 109 см. Расстояние между стенками гроба 52 см. От костяка сохранились раздавленный череп, трубчатые кости рук и ног, частично тазовые кости, ключицы. Погребенный лежал вытянуто на спине, левая рука согнута в локте. В юго-восточном углу погребения найден железный топор с остатками топорища (табл.41–4), возле правой голени лежали два железных наконечника стрел (табл.41–2,3), между бедренными костями – железный нож (табл.41–1).

Погребение 76 (уч.М/19; табл.40). Могильная яма подпрямоугольной формы несколько расширена в западной половине, в заполнении имела углистую линзу неправильной овальной формы длиной 53 см, шириной 31 см, мощностью 11 см, располагавшуюся в центре погребения. Дно погребения плоское, но возле обеих продольных стенок имеются округлые в профиле западения глубиной 7 см. Стенки могильной ямы прямые. К погребальной конструкции относятся две столбовые ямки: ямка №5 находится в юго-западном углу погребения; ямка №6 расположена в юго-восточном углу. Костяка и вещей не обнаружено.

Погребение 77 (уч.Н/12; табл.42). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно плоское, стенки близки к вертикальным. В северо-западной части ямы фиксируется углистое пятно неправильной овальной формы длиной 38 см, шириной 16 см, мощностью углистого

слоя 3 см. В центре погребения находится еще одно овальное углистое пятно размером 20х11 см. В юго-восточной части могильной ямы возле продольной стенки на глубине 7 см обнаружены остатки гробовища, рядом с которыми в засыпи погребения на глубине 8 см от уровня фиксации найдена челюсть животного. Сохранность костяка удовлетворительная, но наблюдаются некоторые нарушения в расположении костей: челюсть смещена к правой ключице погребенного, лучевая кость правой руки находится под берцовой костью, кости голени смещены к центру. Погребальный инвентарь разнообразен. В северо-западном углу погребения найдены две каменные бусины с огранкой, слева от черепной коробки обнаружена железная височная подвеска (табл.42–1), а справа – фрагмент бронзовой. В области черепа зафиксировано скопление белого, желтого, зеленого, голубого бисера, бронзовая застежка-сюльгама (табл.42–3), сложное украшение с подвеской-лунницей (табл.42–2). В области грудной клетки находились три целые бусины и два фрагмента. Около таза, справа от костяка, найден железный нож с фрагментом деревянной рукоятки (табл.42–5), а справа под тазовыми костями – бронзовая застежка-сюльгама (табл.42–4).

Погребение 78 (уч.М/12-13; табл.42). Могильная яма овальной формы с небольшим расширением в центре юго-восточной стенки. Стенки погребальной ямы пологие, дно овальное, незначительно углубленное к продольной юго-восточной стенке. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 79 (уч.Н/18; табл.43). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, имеет плоское дно, вертикальные стенки. Костяка и находок не обнаружено. В 35 см к западу от погребения зафиксирована яма №170.

Погребение 80 (уч.О/14-15; табл.43). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, юго-западная стенка погребения прямая; северо-восточная имеет выступ в северо-западной половине вследствие чего ширина ямы в этой части увеличивается до 62 см (против 55 см – в центре). Дно погребения плоское, одна стенка вертикальная, другая пологая. Костяк сохранился фрагментарно: части черепной коробки, несколько позвонков, частично ребра и кости рук, берцовые кости, кости таза и голени. Анатомическое положение костей в верхней части костяка нарушено. Можно предположить, что голова погребенного лежала на небольшом возвышении, ибо черепная коробка расположена почти на костях позвоночника. Сопровождающий инвентарь представлен железным ножом (табл.43–3), лежащим в области таза справа от погребенного, и двумя наконечниками стрел (табл.42–1,2), расположенными в ногах погребенного, у правой голени.

Погребение 81 (уч.О/17-18; табл.44). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы с закругленными углами, юго-восточная половина (в ногах погребенного) шире северо-западной; дно плоское, стенки вертикальные. От костяка сохранились фрагменты черепа, повернутого к правому плечу, и кости ног. В изголовье погребенного прослежены следы тлена (предположительно - остатки конусовидного головного убора, высота которого составляла около 17 см). В области черепа найдены сюльгама (табл.44–2) и бисер, слева от черепа обнаружены перстень (табл.44–1) и височная подвеска (табл.44–3). В области таза справа от костяка найден железный нож (табл.44–4).

Погребение 82 (уч.НО/18; табл.43). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с закругленными углами, северо-западная часть погребения несколько шире юго-восточной; дно плоское, стенки пологие. В центре могильной ямы у северо-восточной стенки на границе материкового слоя и заполнения погребения зафиксированы две столбовые ямки №№157, 158. В засыпи могильной ямы возле северо-западной стенки обнаружены: серебряная монета, серебряная монета-подвеска и бронзовый жетон (табл.43–1). Костяк в погребении не зафиксирован.

Погребение 83 (уч.Н/18-19; табл.44). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы с закругленными углами, расширена в северо-западной половине (в области головы погребенного), в придонной части ширина погребения увеличивается от 51 до 58 см; дно плоское, стенки наклонные. К юго-восточному углу могильной ямы примыкает столбовая ямка №161. Возле восточного угла погребения зафиксирована ямка №162, одна ее стенка близка к вертикальной, другая пологая; верхняя часть ямки на глубину 9 см заполнена темно-серой супесью, ниже фиксируется углистый слой мощностью 8 см. Вдоль почти всей северо-восточной стенки могильной ямы прослеживаются остатки гробовища. Сохранность костяка неудовлетворительная: сохранились череп, развернутый лицевой частью влево, частично кости рук и ног. Под черепом обнаружена бронзовая височная подвеска (табл.44–3), другая височная подвеска со стеклянной бусиной (табл.44–1) найдена с другой стороны от черепа. Справа от погребенного по линии шеи и грудной клетки был положен железный нож (табл.44–8), рядом обнару-

жены небольшой фрагмент бересты, бронзовая сюльгама (табл.44–5) и височная подвеска без стержня (табл.44–4). Возле северо-западной стенки в изголовье погребенной найден набор вещей, представленный бронзовой застежкой-сюльгамой (табл.44–6), сохранившейся во фрагментах железной сюльгамой (табл.44–7), бронзовой височной подвеской (табл.44–2), двумя бронзовыми булавками, серебряной монетой, фрагментами привески-бубенчика (?), бусинами, скоплением разноцветного бисера. Все эти вещи обнаружены в сочетании с берестой и являются, очевидно, остатками головного убора.

Погребение 84 (уч.О/19; табл.45). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами и скошенной западной торцевой стенкой, возле которой зафиксированы две столбовые ямки №№154 и 155. Дно погребения плоское, одна стенка отвесная, другая более пологая. Костяка и находок не обнаружено.

Погребение 85 (уч.НО/20; табл.45). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, имеет плоское дно, отвесные стенки. Детский костяк представлен фрагментами черепа, повернутого лицевой частью к правому плечу, и частично сохранившимися костями ног. Погребальный инвентарь сконцентрирован у нижней части черепной коробки (в области груди погребенного), состоит из одной целой (табл.45–2) и двух сохранившихся фрагментарно височных подвесок (табл.45–1,3) и ребристой бусины коричневого цвета. Рядом с одной из височных подвесок обнаружена береста.

Погребение 86 (уч.Н/20; табл.45). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно уплощенное, стенки отвесные. Костяк погребенного плохой сохранности, уложен вытянуто на спине, голова развернута к правому плечу. В северо-западной части погребения прослежены остатки гроба подпрямоугольной формы, верхняя торцевая стенка которого находится на расстоянии 16 см от черепа, боковые – на расстоянии примерно по 6 см (расстояние между продольными стенками гроба по внутренней стороне примерно 30-32 см), толщина досок колеблется от 1,5 до 3 см. Погребальный инвентарь уложен около стопы левой ноги погребенного и представлен железным топором (табл.45–4), двумя железными наконечниками стрел (табл.45–2,3), найденными под топором. Между бедренными костями ног обнаружен бронзовый перстень (табл.45–1).

Погребение 87 (уч.ОП/20; табл.46). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка скругленными углами, дно уплощенное, стенки близки к вертикальным. В северо-восточной продольной стенке фиксируется выступ шириной 12 см и глубиной 14 см. К элементам погребальной конструкции могут быть отнесены две столбовые ямки, расположенные в юго-восточной части могильной ямы: ямка №159 в юго-восточном углу погребения; ямка №160 – несколько выше восточного угла могильной ямы. Погребенный уложен вытянуто на спине, левая рука слегка согнута в локте, кисть положена на кости таза, правая рука вытянута вдоль тела. Погребальный инвентарь представлен серебряной монетой, найденной справа от черепа, две другие – в области таза под левой рукой. На уровне кисти правой руки около правого бедра обнаружен бронзовый перстень (табл.46–1), на бедре правой ноги располагался железный нож (табл.46–2), в ногах были уложены железные наконечник стрелы (табл.46–3) и топор (табл.46–4).

Погребение 88 (уч.ОП/20; табл.46). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами, имеет более широкую северо-западную половину; дно плоское, стенки слегка наклонные. В юго-восточной части могильной ямы обнаружен бронзовый перстень (табл.46–1). Костяк не зафиксирован.

Погребение 89 (уч.О/20-21; табл.47). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, слегка расширена в юго-восточной части (в области ног погребенного); дно плоское, стенки вертикальные. Возле северо-восточной стенки за пределами фиксации погребения, в 15 см от него, расположена столбовая ямка №208. Вдоль продольных стенок могильной ямы на глубине 13 см фиксируются остатки гроба длиной 188 см, расстояние между его стенками 36 см. На глубине 24 см от уровня фиксации погребения обнаружен костяк. Погребенный уложен вытянуто на спине, череп лицевой частью повернут вправо, левая рука немного согнута в локте и лежит на костях таза, правая вытянута вдоль тела. Погребальный инвентарь разнообразен. На черепе найдены перстень (табл.47–2) и височная подвеска (табл.47–11), другая височная подвеска обнаружена под черепом (табл.47–10), рядом с ней возле шейных позвонков лежала бусина. Справа от лобной кости черепа положены три серебряные монеты, еще одна монета, найденная в верхней части правой бедренной кости, вероятно, была вложена в левую руку. В области грудной клетки выявлено нагрудное украшение (табл.47–12), состоявшее из 4 серебряных монеток, крепившихся к ткани в верхней части нагрудника (табл.47–6-9); ниже расположены друг под другом три бронзовые сюльгамы разных размеров, к более крупной

сюльгаме крепились четыре небольшие височные подвески. Концы нагрудника украшали три серебряные монеты. Между остатками нагрудного украшения и позвоночником погребенного обнаружено несколько бусин. Возле левого локтя были найдены подвеска-бубенчик (табл.47–1) и бусины. Палец левой руки украшал перстень (табл.47–3), найденный на костях таза. Еще два перстня (табл.47–4,5) обнаружены в области ног, справа и слева от костяка. Между костями ног в области коленных суставов найден железный нож (табл.47–13), положенный рукояткой в сторону ступней.

Погребение 90 (уч.ЛМ/20; табл.48). Могильная яма больших размеров, подпрямоугольной формы, дно уплощенное, стенки близки к вертикальным; заполнена, в основном, пестроцветной супесью, но в придонной части фиксируется слой охристой супеси с включением известковой крошки. Этой охристой супесью присыпан костяк, мощность данного слоя составляет 24 см. К другим особенностям погребальной конструкции следует отнести четыре столбовые ямки, расположенные возле могильной ямы: ямка №164 зафиксирована на расстоянии 5 см за пределами северо-западной стенки погребения, ямка №165 расположена возле северо-восточной стенки могильной ямы, ближе к ее центральной части; ямки №167 и 168 отмечены в юго-восточном конце погребения у продольных стенок. За пределами могильной ямы, на расстоянии 35 см от нее, между ямками №165 и №167 фиксируется довольно крупная ямка №166. На глубине 34 см от уровня фиксации погребения обнаружен костяк хорошей сохранности (частично утрачены лишь фаланги пальцев левой руки). Погребенный уложен вытянуто на спине, левая рука слегка согнута в локте, кисть положена на кости таза, правая рука вытянута вдоль тела. Голова незначительно развернута к правому плечу. В изголовье погребенного зафиксирован тлен, возможно, это остатки от специальной подкладки под голову. На лучевой кости правой руки лежал железный топор (табл.48–1), в руку погребенного был вложен крупный железный нож (табл.48–3). Рядом с ножом у бедра правой ноги находился железный наконечник стрелы (табл.48–4), второй наконечник стрелы (табл.48–5) был найден у голени правой ноги. От пояса сохранилась железная пряжка (табл.48–2), а рядом с поясом положена серебряная монета.

Погребение перекрывает и прорезает крупную яму №236.

Погребение 91 (уч.П/13-14; табл.49). Могильная яма подпрямоугольной формы с неровными стенками. В юго-восточной половине ширина ямы сокращается до 32 см из-за одинаковых овальных уступов в обеих продольных стенках, глубина уступов составляет по 3 см. В центре погребальной ямы прослежено углистое пятно неправильной овальной формы длиной 33 см, шириной 8 см, мощностью 8 см. Могильная яма имеет плоское дно, вертикальные стенки. В северном углу погребения зафиксирована столбовая ямка №184, частично перекрывающая погребение. В юго-восточной половине погребения был найден железный нож с фрагментом деревянной рукоятки (табл.49–1). Костяк не обнаружен.

Погребение 92 (уч.П/14; табл.49). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, более широкая в северо-западной части, имеет уплощенное дно. Северо-восточная стенка вертикальная, юго-западная в придонной части имеет уступ шириной в 3 см. В северо-западной половине могильной ямы выявлено углистое пятно подтреугольной формы длиной 36 см и максимальной шириной 21 см, мощность углистого слоя (слой №5) – 3 см. В центре погребения на глубине 14 см найден железный нож (утерян). Костяк не обнаружен.

Погребение 93 (уч.ПР/14-15; табл.49). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, продольные в плане стенки неровные, дно плоское. Возле юго-восточной (поперечной) стенки зафиксировано углистое пятно (слой №5) неправильной овальной формы размером 15х11 см, мощностью 2-3 см. Рядом с северным углом погребения находится столбовая ямка №185, стенки которой направлены под углом к поверхности земли. Костяка и находок в погребении не обнаружено.

Погребение 94 (уч.ПР/15-16; табл.49). Могильная яма подпрямоугольной формы. Юго-западная продольная стенка в северо-западной половине (в области головы погребенного) имеет овальный выступ размером 35х3 см. Дно погребения плоское, стенки вертикальные. В северо-западной половине погребения зафиксировано углистое пятно овальной формы, размером 28х14 см, мощностью 2 см. К погребальной конструкции можно отнести две столбовые ямки №№178 и 179, расположенные в западном и южном углах погребения. Костяк выявлен на дне погребения. Сохранились фрагменты черепа, кости предплечья левой руки, кости ног. Черепная коробка лицевой частью развернута вправо. В области грудной клетки прослежены остатки тлена. Здесь же найдены бронзовые перстень (табл.49–2), 4 бронзовые пронизки-бубенчика (табл.49–3-6); справа от лобной кости черепа обнаружен бисер, ниже черепной коробки – бронзовая височная подвеска (табл.49–1) во фрагментах.

Погребение 95 (уч.П/17; табл.50). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно плоское, стенки вертикальные. В середине продольной северной стенки за контуром могильной ямы зафиксирована углистая линза в виде узкой полосы длиной 74 см, шириной 7 см, мощностью 4 см. Другая углистая линза также в виде полосы примыкает к юго-западному углу. Длина этой линзы 67 см, максимальная ширина 11 см, мощность слоя 4 см. Третье углистое пятно фиксируется в пределах погребения в его восточной части, в области ног погребенного; пятно неправильной овальной формы, размерами 31х20 см, мощность углистого слоя составляет 3 см. В юго-восточном углу погребения зафиксирована столбовая ямка №180; ямка №181 находится рядом с западной стенкой за пределами погребения. Погребенный, по всей видимости, был уложен вытянуто на спине, левая рука согнута в локте и положена на кости таза, правая рука, вероятно, была вытянута вдоль тела. Лицевая часть черепа развернута к правому плечу. В юго-западном углу погребения у торцевой стенки на расстоянии в 20 см от черепа были зафиксированы три бронзовые полусферические пронизки (табл.50–3-5), бронзовая сюльгама (табл.50–6) и скопление бисера. Несколько в стороне лежала бронзовая сюльгама, завернутая в бересту (табл.50–8). Другой комплекс украшений, состоящий из сюльгамы (табл.50–9), височной подвески (табл.50–1) и бисера был найден слева от тазовых костей погребенного на уровне кисти левой руки. Между ног погребенного чуть ниже костей таза обнаружена еще одна небольшая бронзовая сюльгама (табл.50–7), в области колен – согнутая бронзовая булавка. По линии колен слева от погребенного найдена вторая бронзовая височная подвеска (табл.50–2).

Погребение 96 (уч.П/18; табл.50). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. Дно погребения овальное, стенки отвесные. В восточной половине ямы, в ногах погребенного расположено углистое пятно неправильной овальной формы размером 34х19 см, мощностью 3 см. К северо-восточному углу погребения примыкает столбовая ямка №186. В северо-восточном углу могильной ямы вдоль продольной северной стенки на глубине 32 см зафиксированы остатки гробовища длиной 36 см. Погребенный уложен вытянуто на спине с небольшим поворотом вправо. Череп лицевой частью развернут к правому плечу, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук, вероятно, были уложены на костях таза. Сохранность костяка удовлетворительная: частично утрачены ребра, кости таза, фаланги пальцев отсутствуют полностью. Сопровождающих вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 97 (уч.П/18; табл.51). Небольшая могильная яма подпрямоугольной формы со слабо закругленными углами, дно плоское, стенки пологие. В центре погребения фиксируется углистое пятно неправильной овальной формы, размером 24х13 см, мощностью 2 см. Костяка и находок в погребении не обнаружено.

Погребение 98 (уч.П/19; табл.52). Могильная яма вытянутой овальной формы с сильно скругленными углами, юго-восточная ее половина (в области ног погребенного) более широкая, дно могильной ямы плоское, стенки пологие. Сохранность костяка почти полная. Погребенный уложен вытянуто на спине, череп лицевой частью повернут вправо, правая рука вытянута вдоль тела, лучевые кости левой руки смещены. В северо-западном углу могильной ямы у ее торцевой стенки выявлена группа украшений, входивших в состав женского головного убора: бронзовая застежка-сюльгама (табл.52–11), три воткнутые в бересту бронзовые булавки (табл.52–6), две монеты-подвески, две серебряные монеты и венчик (табл.52–3), представляющий сложное украшение, состоящее из полусферических пронизок, надетых на матерчатый шнурок с нитками бисера на конце, к основе головного убора венчик крепился с помощью бронзовых булавок (табл.52–4,5). Рядом с украшениями сохранилась полоска бересты. К элементам головного убора можно также отнести сюльгаму с остатками ткани (табл.52–10) и бронзовую булавку (табл.52–7), найденные в области черепной коробки. Здесь же обнаружены две бронзовые височные подвески (табл.52–1,2). В области грудной клетки выявлены остатки нагрудного украшения (табл.52–9): застежка-сюльгама с фрагментами ткани и надетые на нее три небольшие бронзовые височные подвески (одна рассыпалась на мелкие фрагменты). Под тазовыми костями и около бедра правой ноги найдено две бронзовые булавки (табл.52–8). Около правого колена погребенной сохранился фрагмент обугленного дерева.

Погребение 99 (уч.П/12; табл.51). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами, несколько более широкая в северо-западной половине, дно уплощенное, стенки пологие. В северо-западной половине погребения ближе к северному углу зафиксировано углистое пятно неправильной округлой формы, размером 18х15 см, мощностью 2 см. В заполнении могильной ямы найдены только фрагменты раздавленного черепа. Сопровождающих вещей не обнаружено. За пределами погребения, на расстоянии 17 см от северного угла зафиксирована столбовая ямка №187, которая может быть отнесена к погребальной конструкции.

Погребение 100 (уч.НО/11; табл.51). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с закругленными углами, ее северо-западная половина значительно шире, дно ямы овальное, стенки близки к вертикальным. Около северо-западной торцевой стенки в пределах погребения зафиксированы две столбовые ямки №№191 и 192. Ямка №191 находится рядом с западным углом погребения; ямка №192 – примыкает к северному углу. В засыпи погребения в юго-восточной половине на глубине 1 см от уровня фиксации найдена кость животного. Погребенный уложен вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела. Череп, несколько смещенный к юго-западной стенке, лицевой частью повернут вправо. В области черепа обнаружена серебряная монета, около шейных позвонков найдена бусина с металлическим стержнем (фрагмент височной подвески?) (утеряна). Справа от погребенного в области таза был положен железный нож (табл.51–5). На правом предплечье лежала бронзовая застежка-сюльгама (табл.51–1), справа от нее в области грудной клетки – две бусины; в области груди у левого плеча погребенного обнаружены три подвески-бубенчика (табл.51–2-4).

Погребение 101 (уч.П/20; табл.53). Небольшая могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки пологие. Костяка и находок в погребении не обнаружено. На расстоянии 5 см от восточной стенки могильной ямы (за ее пределами) зафиксирована столбовая ямка №204, связанная конструктивно с погребением.

Погребение 102 (уч.П/20-21; табл.53). Небольшая могильная яма правильной подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно ямы плоское, стенки пологие. Возле юго-западной продольной стенки погребения зафиксирована столбовая ямка №205. В центре погребения на глубине 1 см от уровня его фиксации найден бронзовый перстень (табл.53–1). Остатков костяка не выявлено.

Погребение 103 (уч.ПР/21; табл.53). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами, юго-восточная половина погребения (в области ног погребенного) несколько шире противоположной, дно плоское, стенки вертикальные; в придонной части яма незначительно расширяется. К погребальной конструкции относятся две столбовые ямки №№206 и 207. Ямка №206 располагается ближе к центру юго-западной продольной стенки; ямка №207 зафиксирована у восточного угла погребения в пределах его фиксации. В северо-западной половине погребения вдоль обеих продольных стенок зафиксированы остатки гробовища длиной 55 см возле северо-восточной стенки и 39 см около юго-западной стенки. Расстояние между стенками гробовища 38 см. В заполнении погребения на глубине 7 см возле юго-западной стенки выявлен топор (табл.53–3), острием вдавленный в слой заполнения. От костяка сохранились полуразрушенный череп со смещенной нижней челюстью, лицевой частью повернутый вправо. Обнаружены также несколько позвонков, ребер, кости предплечья, лучевая кость левой руки, лежащая на остатках таза, кости ног. На черепе погребенного были обнаружены серебряная монета; фрагменты бронзового украшения. Две бронзовые пуговицы (табл.53–1,2) лежали под черепом. На уровне тазовых костей, справа от погребенного, найден железный нож с деревянной рукояткой (табл.53–4).

Погребение 104 (уч.О/21; табл.54). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, северная стенка отвесная, южная в придонной части имеет небольшой выступ глубиной 3 см, в заполнении отмечены включения охристой супеси. На глубине 35 см от уровня фиксации погребения расчищены остатки костяка: раздавленный череп, лицевой частью развернутый вправо, и незначительные остатки костей ног. Сопровождающих вещей не обнаружено.

За пределами погребения возле его западной стенки зафиксирована столбовая ямка №199, которую можно отнести к погребальной конструкции.

Погребение 105 (уч.Н/20-21; табл.55). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами, дно уплощенное, стенки пологие. От костяка сохранился только раздавленный череп. Погребальный инвентарь расположен в центре могильной ямы: серебряная монета-подвеска; рядом находились фрагменты двух височных бронзовых подвесок с бусинами (табл.55–1,2). В юго-восточной половине погребения найден обломок железного ножа (табл.55–3), располагавшийся, вероятно, в области таза, справа от погребенного.

Погребение 106 (уч.МН/21; табл.54). Могильная яма подпрямоугольной формы имеет плоское дно, вертикальные стенки. Заполнение ямы сложное: вдоль стенок прослеживается светло-серая супесь (слой №9), а центральная часть погребения заполнена пестроцветом (слой №3). В южном углу ямы

на границе погребения и материкового слоя фиксируется столбовая ямка №209. При расчистке погребения над костяком прослежены остатки гробовища, максимальная длина сохранившейся части 176 см, ширина сохранившейся части доски доходит до 9 см. Расстояние между стенками гробовища составляет 33 см. Костяк сохранился фрагментарно: череп, лицевой частью повернутый вправо; смещенная нижняя челюсть; остатки позвоночника, костей рук и ног. Из погребального инвентаря обнаружен железный топор (табл.54–2), положенный справа от черепа; железный нож с остатками деревянной рукоятки (табл.54–4), найденный на правой лучевой кости. Возле правой берцовой кости обнаружен перстень (табл.54–1). Серебряные монеты (3 экз.) располагались на костях ног. Чуть ниже тазовых костей, у левой берцовой кости, найдено железное кресало (табл.54–3).

Погребение 107 (уч.МН/21; табл.56). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, расширяющаяся в северо-западной части (в области головы погребенного), дно уплощенное. Костяк полностью присыпан охристой супесью (слой №6) мощностью 16 см. Аналогичное пятно охристой супеси шириной 16 см и мощностью 5 см фиксируется в центре погребения. Рядом с южным углом могильной ямы на границе юго-западной стенки и материка расположена столбовая ямка №210. Столбовая ямка №211 выявлена в восточном углу погребения. Столбовая ямка №212 расположена на расстоянии 10 см от границы могилы за ее пределами рядом с северо-восточным углом.

Костяк расположен на дне погребения, имеет почти полную сохранность. Лицевой частью череп повернут вправо. Правая рука согнута под прямым углом, левая согнута меньше, кисть ее лежит на костях таза. Анатомическое расположение позвонков нарушено, это, вероятно, обусловлено корнями деревьев, которые росли на площадке, занимаемой могильником.

Погребальный инвентарь весьма разнообразен. В погребении сохранились остатки головного убора конусовидной формы: налобная повязка из шерстяной ткани темно-малинового цвета, украшенная по верху четырьмя полосками позумента, на затылке застегивалась при помощи сюльгамы (рис.12). Нижний край налобной повязки украшали привески, состоящие из 2-3 мелких белых бусин и монет. К берестяной основе повязка крепилась при помощи бронзовых булавок (табл.56–12,13). Верхняя часть головного убора украшена сложной привеской-венчиком (табл.56–10), состоящей из полусферических пронизок и низок бисера, а также серебряными монетами, и закреплена сюльгамами (табл.56–4,5) и бронзовыми булавками (табл.56–11,14).

В области шеи и под черепом погребенного найдены две крупные височные подвески (табл.56–1,2). Справа от костяка между ребрами и предплечьем правой руки были уложены браслет (табл.56–7) и перстень (табл.56–3) внутри него, предварительно завернутые в бересту, рядом найдено несколько мелких бусинок. Около правой руки в области грудной клетки лежала бронзовая застежка-сюльгама (табл.56–6). На лучевых костях левой руки сохранились два бронзовых браслета (табл.56–8,9). На костях таза, рядом с левой рукой положен железный нож (табл.56–15).

Кроме того, в засыпи погребения, в его юго-восточной половине на глубине 17-21 см были обнаружены кости животных.

Погребение 108 (уч.КЛ/21; табл.55). Могильная яма подпрямоугольной формы, в центральной части несколько сужается, дно погребения плоское, ширина ямы в придонной части увеличивается до 58 см за счет скошенных стенок, сужающихся кверху, в заполнение ямы содержатся включения охристой супеси и известковой крошки.

Возле северо-западной стенки могильной ямы располагается столбовая ямка №215, дно ее слегка наклонное, стенки вертикальные, в заполнении содержатся небольшие включения известковой крошки.

Вдоль северо-восточной и юго-западной стенок погребения сохранилось гробовище, выявленное на глубине 30 см от уровня фиксации погребения. Гробовище представляет собой две доски шириной 15 см, поставленных на ребро, длина стенок гробовища около 200 см. Расстояние между стенками в придонной части 49 см, доски были поставлены наклонно. Остатки поперечных досок не зафиксированы.

Костяк хорошей сохранности зафиксирован на дне погребения. Погребенный лежал вытянуто на спине, несколько развернутый на правый бок. Кости полусогнутой правой руки незначительно выходят локтевым суставом и кистью за пределы гробовища, позвоночник изогнут. Создается впечатление, что гробовище по ширине было недостаточно для свободного размещения костяка. Череп лицевой частью повернут вправо; левая рука полусогнута, лучевые кости лежат на крестце, рядом с костями таза находятся три фаланги пальцев.

Сопровождающий инвентарь представлен найденными в области черепа двумя фрагментами гончарной керамики (табл.55–3,5), около кисти правой руки лежал бронзовый перстень (табл.55–2). На левой бедренной кости погребенного обнаружен железный нож с ручкой из костяных накладок (табл.55–1), у левой ступни – железный топор (табл.55–4) и серебряная монета.

Погребение 109 (уч.М/21; табл.57). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно плоское, одна стенка близка к отвесной, другая более пологая.

Возле погребения зафиксированы две столбовые ямки №№213 и 214. Ямка №213 находится возле южной стенки в 5 см от погребения. Ямка №214 находится на расстоянии 11 см от северо-западного угла погребения. Костяк в погребении не выявлен. В центре могильной ямы найдена бронзовая сюльгама (табл.57–1).

Погребение 110 (уч.НО/21; табл.57). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами имеет плоское дно, вертикальные стенки и две ниши в продольных стенках могильной ямы, расположенные на глубине 15 см от верхней границы погребения. Глубина обеих ниш – 11 см.

Костяк найден на дне погребения. Сохранность костяка не полная: череп, левая ключица, лучевая кость левой руки, фрагментарно ребра и кости таза, бедренные кости и кости голени. Рядом с костью голени правой ноги на глубине 21 см найден фрагмент гробовища. Сохранившаяся часть имеет длину 27 см. Погребенный лежал вытянуто на спине, голова повернута к правому плечу, левая рука, вероятно, несколько согнута в локте. Плечевая кость правой руки смещена к черепу. Рядом с берцовой костью правой ноги был найден фрагмент обугленного дерева. В области пояса, на лучевой кости левой руки лежал железный нож (табл.57–1).

Погребение 111 (уч.Р/13; табл.57). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами, сужающаяся в юго-западной половине, северный угол более округлый по сравнению с остальными, дно плоское, стенки неровные, с небольшими выступами в верхней части и вертикальные в придонной. В пределах очертаний погребения фиксируется несколько углистых пятен. Одно углистое пятно расположено в северо-западной половине погребения; оно имеет неправильную вытянутую форму, размеры 41х10 см. Углистое пятно в юго-восточной части могильной ямы имеет овальную форму, размеры 41х23 см, мощность углистого слоя 2-3 см. Две углистые полосы прослежены вдоль продольной северо-восточной стенки; ширина их варьирует от 2 до 3 см, длина одной – 72 см, второй – 49 см. В южном углу погребения зафиксирована столбовая ямка №225.

От костяка сохранились фрагменты черепной коробки и частично кости ног. Лицевой частью череп повернут вправо. В ногах погребенного найден железный топор (табл.57–1).

Погребение 112 (уч.Р/14-15; табл.58). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами, дно плоское, одна стенка отвесная, другая более пологая. Около северо-западной стенки погребения зафиксирована крупная столбовая яма №226, в заполнении которой на глубине 6 см найдена кость животного. Кости животных встречены и в заполнении погребения.

Сохранность костяка не полная: деформированный череп (развернут вправо), фрагменты ребер, кости рук, ног. Анатомическое положение костей в области грудной клетки нарушено. Погребенный уложен вытянуто на спине. В изголовье погребенного обнаружены кость и зуб животного, и фрагмент обугленного дерева. Еще один фрагмент сильно обугленного дерева располагался под костью левой голени. Около локтя левой руки был найден бронзовый перстень (табл.58–1). Среди костей грудной клетки лежали серебряная монета-подвеска и раковина-ужовка (табл.58–3). Справа от костяка возле тазовых костей находился железный нож (табл.58–4), у ступни правой ноги зафиксирована бронзовая височная подвеска (табл.58–2).

Погребение 113 (р.II, уч.ЗЖ/11-12; табл.61). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно ямы уплощенное, стенки вертикальные. На границе юго-западной продольной стенки и материкового слоя зафиксирована столбовая ямка №234. От костяка сохранились фрагменты черепа и частично кости рук и ног. Погребенный, вероятно, лежал на спине, правая рука вытянута вдоль тела. Череп был обнаружен в ногах погребенного, анатомическое положение нижней челюсти не изменилось. Возможно, черепная коробка была сдвинута при земляных работах, так как погребение находится возле дорожной насыпи. В области пояса погребенного, возле правой его руки найден железный нож (табл.61–1).

Погребение 114 (уч.Р/16; табл.58). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, восточная часть погребения частично перекрыта погребением 115, дно ямы плоское, стенки

близки к вертикальным. В юго-западном углу погребения зафиксирована столбовая ямка №227, частично выходящая за пределы погребения. В заполнении могильной ямы в центре на глубине 2 см найден зуб лошади, а на глубине 12 см обнаружены железный нож (табл.58–2) и височная подвеска (табл.58–1). Костяка в погребении не обнаружено.

Погребение 115 (уч.Р/16; табл.58). Небольшая могильная яма неправильной подпрямоугольной формы (восточный угол скошен) с закругленными углами перекрывает погребение 114. Дно ямы неровное с уступами в придонной части, ширина уступов 10 см. Костяка и находок в погребении не обнаружено.

Погребение 116 (уч.Р/16; табл.59). Могильная яма подпрямоугольной формы, слегка расширяющаяся в области ног погребенного, с закругленными углами, дно ямы плоское, стенки вертикальные. К погребальной конструкции можно отнести две столбовые ямки: №№228 и 229. Ямка №228 расположена около северо-западного угла погребения; ямка №229 находится за пределами погребения, на расстоянии 23 см от северо-восточной стенки. В засыпи погребения на глубине 2 см по центральной линии около юго-западной стенки найдены кости животного. Еще одна кость животного была выявлена около северо-восточной стенки на глубине 5 см.

Погребенный лежал на левом боку с подогнутыми ногами. Правая рука, по всей видимости, была вытянута вдоль тела, левая немного согнута в локте. Череп деформирован, лицевой частью повернут влево. В области ключиц были обнаружены: бронзовая застежка-сюльгама (табл.59–4), два бронзовых перстня (табл.59–1,2), бронзовая височная подвеска (табл.59–5). Ниже лучевой кости правой руки находился еще один бронзовый перстень (табл.59–3).

Погребение 117 (уч.ПР/16-17; табл.60). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно ямы плоское, стенки отвесные. В центральной части ямы зафиксировано вытянутое углистое пятно неправильной овальной формы, длиной 162 см, шириной 17 см, мощностью 5 см. Узкая длинная углистая полоса прослежена вдоль северо-восточной стенки погребения; ширина ее варьирует в пределах 2-5 см, длина 140 см, мощность 5 см. Эта углистая полоса тянется до северо-восточного угла погребения, где образует своеобразный овальный выступ. Другое аналогичное углистое пятно-выступ отмечено у юго-восточного угла могильной ямы, мощность углистого слоя здесь 5 см. Ширина этих пятен 15 см. К погребальной конструкции могильной ямы можно отнести столбовые ямки №№230 и 231. Ямка №230 зафиксирована в восточном углу и одновременно прорезает погребение и углистое пятно; ямка №231 расположена по диагонали от ямки №230 в западном углу погребения, имеет скошенное с перепадом в 4 см дно. Костяк и находки фиксируются на глубине 26 см.

Сохранность костяка не полная: отсутствуют ребра и частично кости таза. Погребенный уложен вытянуто на спине, череп лицевой частью повернут влево, руки слегка согнуты в локтях. Возле кисти правой руки обнаружена серебряная монета. Рядом на уровне пояса найден железный нож (табл.60–9), у острия ножа выявлены два бронзовых перстня (табл.60–2,3), возможно, они были надеты на пальцы. Еще один бронзовый перстень (табл.60–1) расположен в области пояса, около позвоночника. Справа, у тазовых костей, был найден фрагмент бронзового украшения (пуговица?) (табл.60–4). На левое колено погребенного положен железный топор (табл.60–8), а у правой голени лежали три железных наконечника стрелы (табл.60–5-7).

Погребение 118 (уч.П/10; табл.59). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно уплощенное, стенки пологие. Костяка и находок в погребении не обнаружено.

Погребение 119 (уч.П/10; табл.59). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно плоское, стенки прямые. В заполнении погребения на глубине 2 см найдены обломок железного ножа (табл.59–2) и железная пряжка без язычка (табл.59–1). Нож был положен в центре могильной ямы ближе к южной стенке, а пряжка обнаружена в восточной части погребения. Костяка в погребении не выявлено.

Погребение 120 (р.II, уч.Ж/12; табл.61). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно ямы овальное, стенки сильно скошены вовнутрь, в придонной части ширина погребения достигает 50 см. Около южного угла погребения за его пределами находятся столбовые ямки №232 и 235 (на расстоянии от границы погребения по диагонали соответственно 4 и 17 см). На глубине 6 см обнаружен раздавленный череп с остатками нижней челюсти, лицевой частью повернутый влево. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение 121 (р.II, уч.Ж/12; табл.61). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно уплощенное, стенки пологие. Погребение находится на краю раскопа рядом с дорожной насыпью, верхний слой на памятнике в ходе строительства дороги снимался и, возможно, именно этим можно объяснить незначительную глубину погребения. На расстоянии 24 см по диагонали от юго-восточного угла погребения расположена столбовая ямка №233. Возле юго-западной стенки могильной ямы в центре на глубине I см найдена медная монетовидная подвеска.

Погребение 122 (р.II, уч.Ж/13; табл.61). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, северо-западный край погребения разрушен дорожной насыпью. Дно ямы уплощенное, стенки пологие. Костяка в погребении не обнаружено. В юго-восточной части могильной ямы на дне на глубине 3 см найдена бронзовая сюльгама (табл.61–1).

Погребение 123 (р.II, уч.Ж/13; табл.62). Могильная яма подпрямоугольной формы, с закругленными углами. Северо-западная часть погребения, содержавшая череп погребенного, разрушена дорожной насыпью. На дне погребения фиксируется углистое пятно подпрямоугольной формы, размером 30х28 см, мощностью 10 см. Дно ямы плоское, стенки близки к вертикальным. На глубине 4 см от уровня фиксации погребения возле северо-восточной стенки в центре сохранился небольшой фрагмент гробовища длиной 18 см. Верхняя часть костяка утрачена, частично сохранились ребра, несколько позвонков, кости таза, рук и ног. Погребенный лежал вытянуто на спине, правая рука вытянута вдоль тела, левая незначительно согнута в локте, кисть положена на кости таза. Погребальный инвентарь представлен бронзовой сюльгамой (табл.62–4), обнаруженной на ребрах около локтевого сустава левой руки. Справа от левого бедра найден фрагмент гончарной керамики (табл.62–2), железный нож (табл.62–3). Рядом с ножом выявлен бронзовый перстень (табл.62–1). Около костей таза сохранился фрагмент обугленного дерева.

Погребение 124 (р.II, уч.ЗЖ/13-14; табл.62). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами имеет уплощенное дно, скошенное к северо-восточной стенке с переходом в 6 см. Сохранность костяка неполная: череп сильно деформирован, почти полностью отсутствуют ребра, частично сохранилась левая ключица. Погребенный лежал вытянуто на спине, обе руки немного согнуты в локтях, кисти были положены на кости таза. Погребальный инвентарь представлен железным ножом (табл.62–1), находившимся у щиколотки правой ноги, острие ножа направлено в сторону колена.

Погребение 125 (р.II, уч.ЗЖ/14; табл.63). От могильной ямы подпрямоугольной формы, имеющей уплощенное дно и пологие стенки, сохранилась лишь юго-восточная часть. Остальная часть погребения разрушена при сооружении дорожной насыпи. Костяк в погребении не обнаружен. Возле юго-восточной стенки на дне на глубине 5 см найден обломок ножа (табл.63–1).

Погребение 126 (р.II, уч.З/14-15; табл.63). Могильная яма подпрямоугольной формы, расширяющаяся в восточной половине, имеет уплощенное дно; одна стенка отвесная, другая – округлая. В восточной половине ямы имеется углистое пятно неправильной подпрямоугольной формы, размером 93х11-34 см, мощностью 6 см. На глубине 13 см от верхнего уровня фиксации погребения вдоль продольных стенок могильной ямы сохранились остатки гробовища. Длина гробовища возле южной стенки составляет 210 см, толщина сохранившейся доски варьирует от 2 до 4 см. В профиле эта стенка гробовища имеет овальную форму, повторяя очертания стенки погребения. Ширина доски 14 см. Доска, расположенная вдоль северной стенки, имеет длину 181 см, ширина ее составляет 14 см. Стенки гроба, расстояние между которыми 41-45 см, расположены вплотную к костяку. В западной части погребения (со стороны головы погребенного) обнаружены небольшие фрагменты поперечной планки гробовища. Костяк, от которого сохранился деформированный череп (развернутый вероятнее всего вправо), фрагменты тазовых костей, частично кости рук и ног, найден на глубине 27 см. Умерший предположительно был уложен вытянуто на спине. В западной части погребения между поперечной стенкой гроба и черепом обнаружена небольшая сюльгама (табл.63–3), другая – на правой ключице (табл.63–4). На черепной коробке лежала бронзовая височная подвеска (табл.63–2). В области груди найден железный нож (табл.63–5), острие ножа направлено в сторону правого плеча. Возле правой руки лежали серебряная монета-подвеска и бронзовая пронизка (табл.63–1).

Погребение 127 (р.II, уч.ЖЕ/11-12; табл.64). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами имеет уплощенное с заглаженными углами дно и близкие к вертикальным стенки. В юго-восточном углу погребения выявлено углистое пятно овальной формы размером 30х21 см, мощностью 3 см. От костяка сохранился череп и частично кости рук, ног, правой ключицы. Погребенный

лежал вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова повернута к правому плечу. Под правой рукой погребенного лежал железный нож (табл.64–2). У бедра левой ноги с внутренней стороны обнаружен бронзовый перстень со стеклянной вставкой (табл.64–1).

Погребение 128 (р.II, уч.З/16; табл.64). Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами, незначительно расширенная со стороны северо-западного угла, имеет овальное дно; западная продольная стенка отвесная, восточная в верхней половине имеет уступ высотой 4 см. Костяка и сопровождающих вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 129 (р.II, уч.ИЗ/16-17; табл.65). Могильная яма вытянутой овальной формы имеет уплощенное дно, стенки близки к вертикальным. Сохранность костяка плохая: найден значительно деформированный череп, фрагментарно прослежены ребра и кости таза, частично сохранились кости рук и ног. Погребенный лежал вытянуто на спине, правая рука согнута в локте, кисть ее была, вероятно, положена на кости таза; левая рука вытянута вдоль туловища. Возле черепа обнаружены две бронзовые височные подвески (табл.65–3), одна из них рассыпалась, возле нее обнаружены остатки ткани. На ткани лежала бронзовая сюльгама (табл.65–2). Еще одна бронзовая сюльгама с остатками тлена и ткани найдена в области грудной клетки (табл.65–1). Рядом с сюльгамой около левой руки обнаружена серебряная монета-подвеска. Справа от погребенного по линии таза находился железный нож (табл.65–4).

Погребение 130 (р.II, уч.Е/10; табл.64). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно плоское, стенки вертикальные. От костяка сохранились только фрагменты черепа и костей ног. Слева от погребенного, около костей ног обнаружен железный нож (табл.64–1).

Погребение 131 (р.II, уч.Е/9-10; табл.65). Могильная яма имеет подпрямоугольную форму, дно плоское, стенки вертикальные. От костяка сохранились фрагменты черепа, кости предплечья, кости ног. Череп лицевой частью повернут вправо. Слева от погребенного, приблизительно в области пояса, найден железный нож (табл.65–1).

Погребение 132 (р.II, уч.З/12; табл.66). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, с небольшим расширением (на 3 см) вдоль продольной стенки в области головы погребенного; дно плоское, стенки близки к вертикальным. Вдоль продольной южной стенки на глубине 19 см фиксируются остатки гробовища длиной 126 см, высота плахи 15 см. Плаха отстоит от стенки погребения на 20 см и расположена наклонно относительно днища могильной ямы. Костяк сохранился фрагментарно: часть черепа (развернут вправо?), левое предплечье, кости ног. Под черепной коробкой на дне погребения были найдены фрагменты бронзовой височной подвески с берестой (табл.66–5) и остатки темных волос погребенной. Здесь же лежали низки бисера с фрагментами ниток. Слева от черепа погребенной обнаружена застежка-сюльгама с тленом, фрагментами ткани, уложенная на бересту (табл.66–4). В изголовье погребенной найдена крупная застежка-сюльгама с кусочком бересты (табл.70–6), две бронзовые сюльгамы меньшего размера с остатками ткани, также уложенные на бересту (табл.66–1,2). На кусочке бересты лежала и полусферическая подвеска (табл.66–3). У левого бедра найден железный нож (табл.66–7).

Погребение 133 (р.II, уч.З/13-14; табл.65). Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами, в юго-восточной части переходит в овальную форму. В юго-восточной половине северо-восточной стенки фиксируется выступ, ширина его 9 см, длина – 50 см. Дно погребения уплощенное, одна стенка пологая, другая – прямая. К северо-восточной стенке в центре примыкает столбовая ямка №237, расположенная в пределах очертания погребения. Около выступа северо-восточной стенки, на расстоянии 13 см от границ погребения находится столбовая ямка №238. Костяка и находок в погребении не обнаружено.

Погребение 134 (р.II, уч.ИЗ/13-14; табл.67). Могильная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами, дно плоское, юго-западная продольная стенка округлая, противоположная – более отвесная, со стороны этой стенки, в верхней части погребения имеется небольшой выступ глубиной 8 см и высотой 15 см. Сохранность костяка не полная: утрачены ребра и большая часть позвонков. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки немного согнуты в локтях, голова повернута к правому плечу. Левая бедренная кость несколько смещена. Над костями таза сохранился небольшой фрагмент крышки гробовища длиной 26 см, шириной 7 см. Еще один фрагмент гробовища зафиксирован около предплечья. На бедре правой ноги найден железный нож (табл.67–2), рядом обнаружен бронзовый перстень со стеклянной вставкой (табл.67–1). Под кистью правой руки на костях таза находился маленький бронзовый перстень (утерян).

Погребение 135 (р.II, уч.Д/8; табл.67). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, неровными северной торцевой и восточной продольной стенками, максимальная длина погребения по восточной стенке составляет 132 см, дно ямы плоское. Вдоль продольной линии погребения по центру зафиксировано углистое пятно вытянутой овальной формы длиной 80 см, максимальная ширина его 14 см, мощность 6 см. Вторая углистая полоса расположена параллельно данному пятну вдоль восточной стенки, длина его составляет 123 см, ширина по линии разреза – 9 см, мощность 7 см. За пределами восточной торцевой стенки выявлена столбовая ямка №244. В центре северной половины погребения, на дне, зафиксированы фрагменты костей, возможно, это остатки черепа. Между углистыми пятнами ближе к восточной стенке обнаружен железный нож (табл.67–1).

Погребение 136 (р.II, уч.ИЗ/15; табл.68). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно неровное, с небольшим перепадом в 2 см в центре, стенки прямые, близки к вертикальным. Костяка и сопровождающих вещей не обнаружено.

Погребение 137 (р.II, уч.И/17; табл.68). Западная часть погребения (со стороны черепа) разрушена при сооружении дорожной насыпи. Сохранившаяся часть имеет подпрямоугольную форму, закругленную восточную стенку. Дно могильной ямы слегка наклонное к южной продольной стенке (перепад составляет 2 см), стенки пологие. От костяка сохранился деформированный череп, кость левого предплечья, кости ног. Черепная коробка положена на затылок. Справа от костяка в области предплечья был найден железный серп (табл.68–1).

Погребение 138 (р.II, уч.РС/11; табл.71). Могильная яма подпрямоугольной формы с неровными стенками, слабо закругленными углами, дно плоское, стенки вертикальные. В центре могильной ямы зафиксировано углистое пятно неправильной вытянутой формы, длиной 85 см, шириной 18 см, мощностью 10 см. В северо-западной части могильной ямы на границе очертаний погребения и материкового слоя рядом друг с другом по линии продольной запад-юго-западной стенки расположены столбовые ямки №№265, 266, 267. К погребальной конструкции относится и столбовая ямка №264, расположенная на расстоянии 6 см от юго-восточной торцевой стенки погребения.

От костяка сохранился деформированный череп, частично кости рук и ног. Погребенный лежал вытянуто на спине, левая рука согнута в локте, кисть положена, вероятно, на пояс. Голова развернута к правому плечу. Погребальный инвентарь довольно беден: у левого бедра был найден железный нож (табл.71–3); возле колена правой ноги с внутренней стороны – два железных наконечника стрел (табл.71–1,2).

Погребение 139 (р.II, уч.ИК/16-17; табл.68). Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами, южная продольная стенка неровная, дно плоское, стенки вертикальные. В северо-восточном углу могильной ямы расположена столбовая ямка №252; ямка №251 зафиксирована по диагонали в противоположном юго-западном углу. От костяка сохранились фрагменты черепа, правая ключица, отдельные позвонки, кости рук, ног. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова незначительно развернута к правому плечу. На костях таза справа, был найден железный нож (утерян).

Погребение 140 (р.II, уч.ИК/15-16; табл.69). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно плоское, южная продольная стенка вертикальная, противоположная – с небольшим выступом. Костяк зафиксирован на глубине 22 см. Утрачены ребра, ключицы, почти полностью позвонки. Погребенный положен вытянуто на спине, левая рука немного согнута в локте, правая вытянута вдоль туловища, черепная коробка незначительно смещена вправо. Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 141 (р.II, уч.ИК/15; табл.69). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно плоское, стенки вертикальные. К погребальной конструкции относятся столбовые ямки №253-256. Ямка №253 зафиксирована за пределами могильной ямы в 15 см от южной продольной ее стенки; ямка №254 обнаружена в центре этой продольной стенки, на границе материкового слоя и погребения; ямка №255 расположена в южном углу погребения; ямка №256 находится вдоль этой же торцевой стенки могильной ямы, в противоположном углу.

Костяк удовлетворительной сохранности. Нижняя челюсть погребенного смещена к правому плечу, кости грудной клетки также несколько смещены относительно костей таза. Погребенный, вероятно, был уложен с небольшим поворотом на правый бок. Череп, возможно, был положен на небольшое возвышение и повернут вправо. На костях таза зафиксирован железный нож (табл.69–1).

Погребение 142 (р.II, уч.Ж/10; табл.70). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, имеет плоское дно и вертикальные стенки. В центре южной продольной стенки по границе материкового слоя и погребения зафиксирована столбовая ямка №257; другая столбовая ямка №258 расположена в юго-западном углу погребения. От костяка сохранились фрагменты черепа и костей ног. Вероятно, это детское погребение. Погребальный инвентарь представлен серебряной монетой-подвеской, найденной около черепа. Фрагментарно сохранившаяся височная подвеска с бусиной лежала под черепом (табл.70–1). В области грудной клетки обнаружена монетовидная подвеска (табл.70–2), рядом найдена бусина и две сюльгамы (табл.70–4,5). В ногах, справа от костяка положен железный нож (табл.70–3).

Погребение 143 (р.II, уч.Ж/9-10; табл.70). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно ямы уплощенное, стенки прямые. Почти всю центральную часть погребения занимает углистое пятно вытянутой неправильной формы, длиной 169 см, максимальной шириной 25 см, мощностью 21 см. Рядом с южной продольной стенкой за пределами могильной ямы на расстоянии 7 см зафиксирована столбовая ямка №250. В центре могильной ямы, ближе к южной продольной стенке, на глубине 50 см найден железный нож (табл.70–1). Костяка в погребении не выявлено.

Погребение 144 (р.II, уч.ЕЖ/9; табл.72). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, с некоторым расширением в восточном конце, дно плоское. Юго-западная торцевая стенка вертикальная, противоположная (северо-восточная стенка) в придонной части скошена под углом в 45°, а вверху имеет небольшой выступ шириной 8 см и глубиной 6 см, образованный углистой полосой (длина полосы 145 см), которая проходит вдоль этой стенки на уровне фиксации погребения. Другое углистое пятно расположено в центре западной половины могильной ямы. Оно имеет вытянутую овальную форму, длину 89 см, ширину по линии разреза погребения 16 см, мощность 7 см. Середину юго-восточной стенки прорезает крупная столбовая ямка №249. От костяка сохранились только фрагменты черепа, выявленные на глубине 53 см. Погребальный инвентарь представлен двумя бронзовыми сюльгамами. Одна сюльгама (табл.72–1) найдена под фрагментами черепной коробки, другая (табл.72–2) – в центральной части погребения. Рядом с ней расположен бронзовый пинцет (табл.72–4). Кроме того, в погребении были обнаружены железный нож (табл.72–5) и возле него бронзовый перстень (табл.72–3).

Погребение 145 (р.II, уч.Д/8-9; табл.72). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно уплощенное, стенки прямые, ширина в придонной части увеличивается до 51 см. Всю центральную часть погребения занимает углистое пятно неправильной вытянутой формы длиной 118 см, шириной 18-20 см, мощность углистого слоя достигает 15 см. Другая углистая полоса шириной 8 см прослежена вдоль южной поперечной стенки и части восточной стенки погребения. В центре могильной ямы найден железный нож (табл.72–1), несколько сдвинутый к восточной стенке. Останков костяка не обнаружено.

Погребение 146 (уч.Р/11-12; табл.71). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно плоское, стенки неровные. К придонной части могильная яма расширяется до 48 см. По центральной продольной линии погребения фиксируются два углистых пятна. Одно из них имеет неправильную вытянутую форму, размеры: длина 145 см, ширина 18 см, мощность 10 см. Второе, зафиксированное в северо-западной части погребения (между торцевой стенкой и черепом погребенного), округлой формы, диаметром 24 см и мощностью 3 см. По границам материкового слоя и заполнения погребения по периметру могильной ямы прослежено 5 столбовых ямок №№259-263. Ямка №262 – в западном углу, ямки 259 и 260 – в южном, ямка 261 – между ними, в центре продольной стенки; ямка 263 – за пределами погребения, на расстоянии 5 см от северо-восточного угла погребения.

Костяк сохранился частично: деформированный череп, кости рук и ног, фрагменты тазовых костей. Погребенный уложен вытянуто на спине, левая рука слегка согнута в локте, череп лицевой частью повернут к правому плечу. Между бедренными костями на глубине 27 см найден железный нож (табл.71–1), у левой голени обнаружен зуб животного.

Погребение 147 (р.II, уч.Е/8-9; табл.73). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, дно неровное, стенки слегка скошены вовнутрь, что дает расширение в придонной части погребения до 50 см. В центральной части могильной ямы на глубине 35 см обнаружены железный нож (табл.73–2), бронзовая сюльгама (табл.73–1) и зуб животного. Костяк в погребении не выявлен.

Погребение 148 (р.II, уч.Е/9; табл.73). Могильная яма подпрямоугольной формы, дно уплощенное, стенки слегка скошены вовнутрь. Конструктивной особенностью погребения является наличие

трех столбовых ямок №246, 247, 248. Ямка №246 располагается в северном углу погребения; столбовая ямка №247 – возле южной продольной стенки погребения по границе материкового слоя и заполнения погребения; рядом с восточной торцевой стенкой, за пределами погребения находится ямка №248. Костяк в погребении не зафиксирован. На дне погребения, в центре, положена бронзовая сюльгама, завернутая в ткань, и бисер.

Погребение 149 (р.II, уч.ДЕ/8-9; табл.74). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, неровными стенками, более широкая в восточной половине, дно плоское, стенки вертикальные. Через всю длину могильной ямы по центральной осевой проходит углистое пятно неправильной вытянутой формы, длиной 192 см, шириной по линии разреза 16 см, максимальная ширина составляет 30 см. Мощность этой углистой полосы 20 см. Возле продольной восточной стенки за пределами погребения располагается столбовая ямка №245. От костяка, расчищенного на глубине 42 см, сохранились фрагменты черепа и костей ног. Череп лежал лицевой частью на дне погребения. В изголовье погребенного найдены фрагмент бересты и зубы животного, а в области черепной коробки – фрагменты височных подвесок (табл.74–1,2), бронзовая сюльгама с бусиной (табл.74–4,3). В области грудной клетки обнаружена еще одна сюльгама (табл.74–5), завернутая в бересту, и рядом несколько бусин (табл.74–3). Слева от погребенного в области ног найден железный нож (табл.74–6), а справа – фрагменты бронзового браслета (утерян) и остатки бересты.

Погребение 150 (р.II, уч.Г/7; табл.75). Северная половина погребения разрушена при сооружении дорожной насыпи. Сохранившаяся часть имеет подпрямоугольную форму, закругленные углы, дно плоское, стенки вертикальные. У восточной продольной стенки могильной ямы на глубине 6 см найден фрагмент железного ножа (табл.75–1). Костяка в погребении не обнаружено.

Погребение 151 (р.II, уч.Д/7; табл.75). Могильная яма неправильной овальной формы с расширенной западной половиной, дно плоское, стенки пологие. К юго-западному углу погребения примыкает столбовая ямка №274. Костяка и находок в погребении не обнаружено.

Погребение 152 (р.II, уч.ГД/7-8; табл.75). Могильная яма подпрямоугольной формы, северо-западный угол погребения скошен, дно уплощенное, стенки вертикальные. На дне погребальной ямы зафиксировано линзовидное углистое пятно шириной 46 см, мощностью 7 см. Углистое пятно размещается и в центре погребения на уровне его фиксации, имеет вытянутую овальную форму, длину 135 см, ширину 23 см, мощность 15 см. К погребальной конструкции могильной ямы относятся три столбовые ямки №№269-271. Ямка №269 прорезает юго-восточную торцевую стенку погребения; ямка №270 находится на границе продольной северо-восточной стенки могильной ямы; ямка №271 расположена рядом с северо-восточной стенкой, за пределами очертаний погребения. Костяк расчищен на глубине 40 см. Сохранился фрагментарно: деформированный череп и бедренные кости. Сопровождающих вещей не обнаружено.

Погребение 153 (уч.Р/12; табл.71). Могильная яма овальной формы, дно плоское, стенки близки к вертикальным. В засыпи погребения, в его центральной части, на глубине 10 см найден зуб животного, вероятно, лошади. Костяка и других находок не обнаружено.

Помимо могильных ям, а также столбовых ямок, имеющих непосредственное отношение к конкретным погребениям (табл.II) или зафиксированных в межмогильном пространстве (табл.III), на вскрытой площади раскопа I обнаружены:

Яма 4 (уч.ГД/19-20, рис.3–1) выявлена рядом с северо-восточной стенкой погр.9. Имеет округлую форму; диаметр 43 см, глубина 6 см. Дно ямы уплощенное, стенки пологие. В заполнении – темно серая супесь (слой №8).

Яма 16 (уч. В/24, рис.3–1) расположена в 125 см к западу от погр.38; имеет неправильную овальную форму; размеры 63х24 см, глубина 7 см; дно уплощенное, стенки пологие; заполнена углистым слоем (слой №5).

Яма 23 (уч.В/25, рис.3–1) неправильной овальной формы, расположена в 1 м к юго-востоку от погр.19; размеры 132х115 см; дно неровное; максимальная глубина 30 см; в заполнении слой №5 с небольшой линзой светло-серой супеси (слой №9) толщиной 14 см в центре.

Яма 37 (уч.Ж/19, рис.3–1) неправильной овальной формы, размером 75х90 см, максимальная глубина 29 см; дно неровное, в заполнении слой №8.

Яма 113 (уч.КЛ/11-12, рис.3–1), расположена рядом с погр.37, имеет неправильную прямоугольную форму, размеры 170х60 см, глубину 44 см. Дно плоское, одна стенка вертикальная, другая поло-

гая, в заполнении слой №8. В 40 см к юго-востоку от погребения зафиксированы столбовые ямки №№31 и 32.

Яма 126 (уч.Н/17, рис.3–1) расположена возле юго-западной стенки погр.61; имеет неправильную округлую форму, диаметр 70 см, глубина 16 см, дно овальное. В центре ямы фиксируется углистое пятно округлой формы, диаметром 30 см, мощностью 10 см; углистый слой прорезает светло-серую супесь (слой №9), заполняющую остальную часть ямы. Возможно, эта яма является остатками поминального кострища.

Яма 127 (уч.Н/17, рис.3–1) расположена рядом с ямой №126; имеет округлую форму, диаметр 26 см, глубина 21 см, дно плоское; в заполнении: слой №5 округлой линзой прорезает слой №9 на глубину 11 см.

В 35 см к западу от северо-западного угла погр.61 расположена столбовая *ямка №128* (уч.Н/17) (табл.III).

Яма 131 (уч.Н/16, рис.3–1) расположена возле юго-восточного угла погр. 71; имеет округлую форму, диаметр 45 см. В центре ямы выделяется углистая линза округлой формы, диаметром 22 см, мощностью 5 см. Глубина ямы 15 см, дно плоское, стенки близки к вертикальным, в заполнении слой №8.

Яма 132 (уч.Н/15, рис.3–1) расположена рядом с погр.72; имеет неправильную округлую форму, размеры 165х155 см. В центре ямы возле западной стенки зафиксирована линза прокала подтреугольной формы, размером 56х40 см, мощностью 11 см; углистое пятно, также выявленное в границах ямы, имеет овальную форму, размеры 100х65 см, мощность 3 см. В углистой прослойке найдена кальцинированная кость. Заполнение ямы аналогично заполнению погр.72 (слой №3). Общая глубина ямы составляет 70 см, дно и стенки неровные.

Яма 135 (уч.Н/14, рис.3–1) расположена рядом с погр.73; имеет неправильную округлую форму, диаметр 52 см, глубина 34 см; дно округлое, одна стенка вертикальная, другая - пологая. На дне ямы фиксируется слой №8, перекрываемый мощным слоем прокала (от 5 до 20 см). Сверху яма засыпана слоем светло-серой супеси (слой №9).

Яма 145 (уч.Б/28-29, рис.3–1) неправильной подквадратной формы, размером 85х74 см, глубиной 8 см; дно овальное, стенки пологие, в заполнении слой №5. Расположена между погр.64 и 66.

Яма 147 (уч.О/17, рис.3–1; 6) округлой формы, диаметром 37 см, расположена к востоку от ямы №148. Центр ямы прорезает округлое углистое пятно диаметром 16 см, имеющее в разрезе глубину 34 см; на глубину 15 см от верхней границы яма заполнена по краю пестроцветом.

Яма 148 (уч.О/17, рис.3–1; рис.6) расположена в 200 см к ЮВ от погр.95; неправильной овальной формы, размеры 96х78 см, глубина 8 см; дно уплощенное, стенки пологие; в заполнении – красно-оранжевая супесь (слой №10). В центре ямы фиксируется углистое пятно размером 65х20 см, мощностью 3 см.

Яма 153 (уч. О/18-19, рис.3–1; рис.6) овальной формы, размеры 56х50 см, глубина 19 см, в заполнении слой №8; дно овальное, стенки пологие.

Яма 170 (уч. О/18; рис.6) неправильной овальной формы расположена в 35 см к западу от погр.79; размеры 155х81 см, максимальная глубина 19 см; в заполнении слоем №10; стенки пологие; дно неровное, с уступом (заполнен слоем №3 мощностью 8 см) в западной стенке.

Яма 236 (уч.Л/19-20, рис.3–1; табл.48) неправильной подпрямоугольной формы размерами 147х184 см, уровень фиксации совпадает с уровнем фиксации погр.90, перекрывающего и прорезающего яму; ориентирована длинными сторонами в направлении С-Ю. В юго-западной части ямы вдоль стенки фиксируется слой красно-оранжевой супеси в виде линзы неправильной округлой формы диаметром 68 см, мощность прослойки 16-17 см. Яма имеет неровное конусовидное дно и неровные стенки; максимальная глубина ямы 82 см, основное заполнение – темно-серая супесь. С конструкциями ямы можно связать столбовые ямки №№166, 169, выявленные возле ее восточной стенки.

Канава А (уч.ГД/19-20, рис.2–1) подковообразной формы зафиксирована к ЮЗ от погр.9. Северо-восточный край канавы, вероятно, вплотную подходил к погр.9 и перекрыт очертаниями погр.8. Ширина канавы варьирует в пределах 35-15-20 см; глубина в разрезе по линии АБ – 4 см, по линии ВГ – 9 см; дно округлое, стенки пологие; в заполнении слой №8.

Канава Б (уч.Л/13, рис.2–1) расположена к западу от погр.27, ориентирована в направлении З-В, вытянутой прямоугольной формы, размером 200х47х45 см; дно уплощенное с уступом в южной стенке, ширина уступа 26 см, северная стенка вертикальная, в заполнении слой №8.

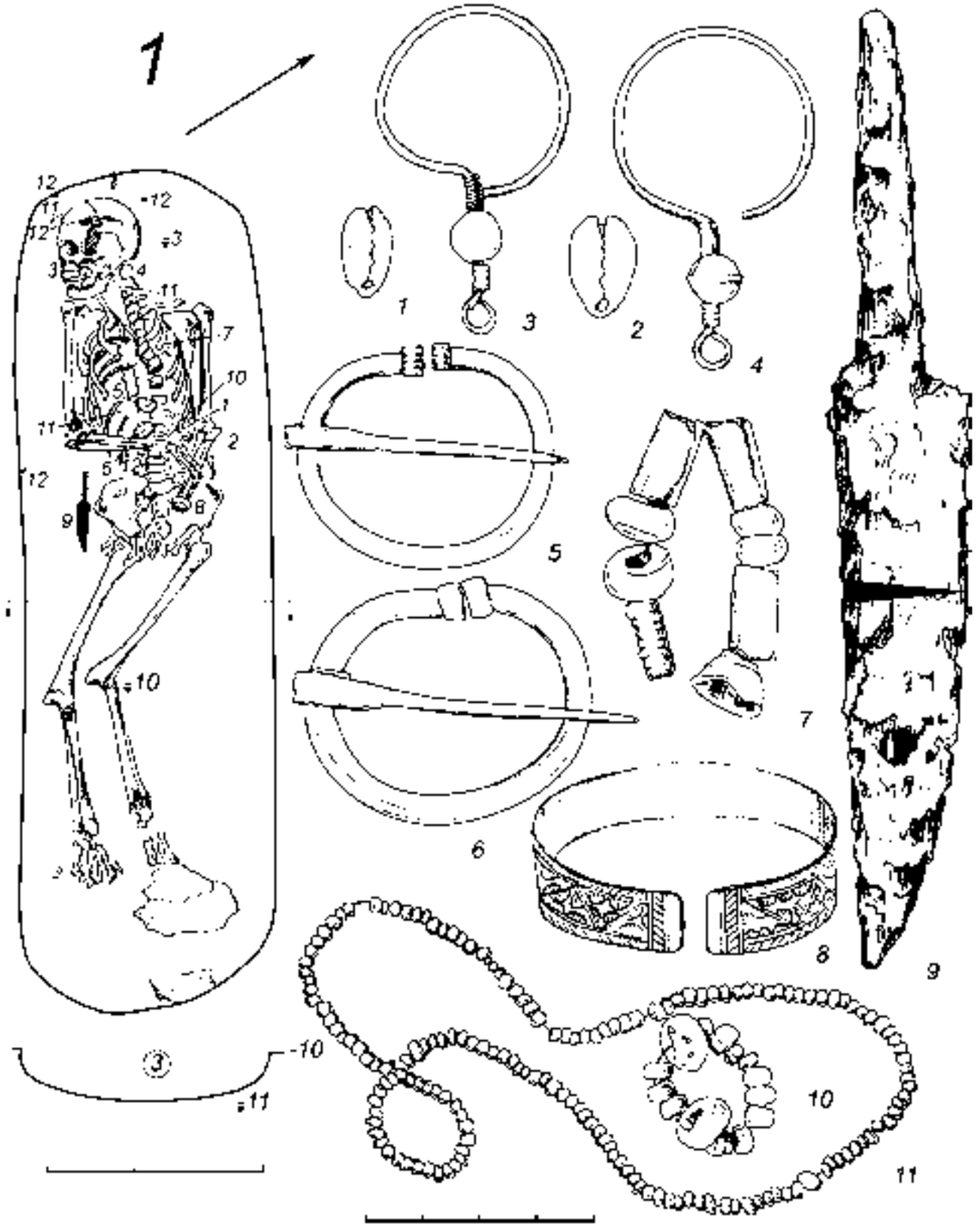

Табл. 1. Кадочниковский могильник. Погребение 1: 1, 2 – раковины-каури; 3, 4 – височные подвески; 5, 6 – сюльгамы; 7 – фрагменты накосника; 8 – браслет; 9 – нож; 10 – бусины; 11 – бисер; 12 – монеты (6 экз.). 3-6, 8 – бронза; 7 – бронза, стекло; 9 – железо; 10-11 – стекло; 12 – серебро

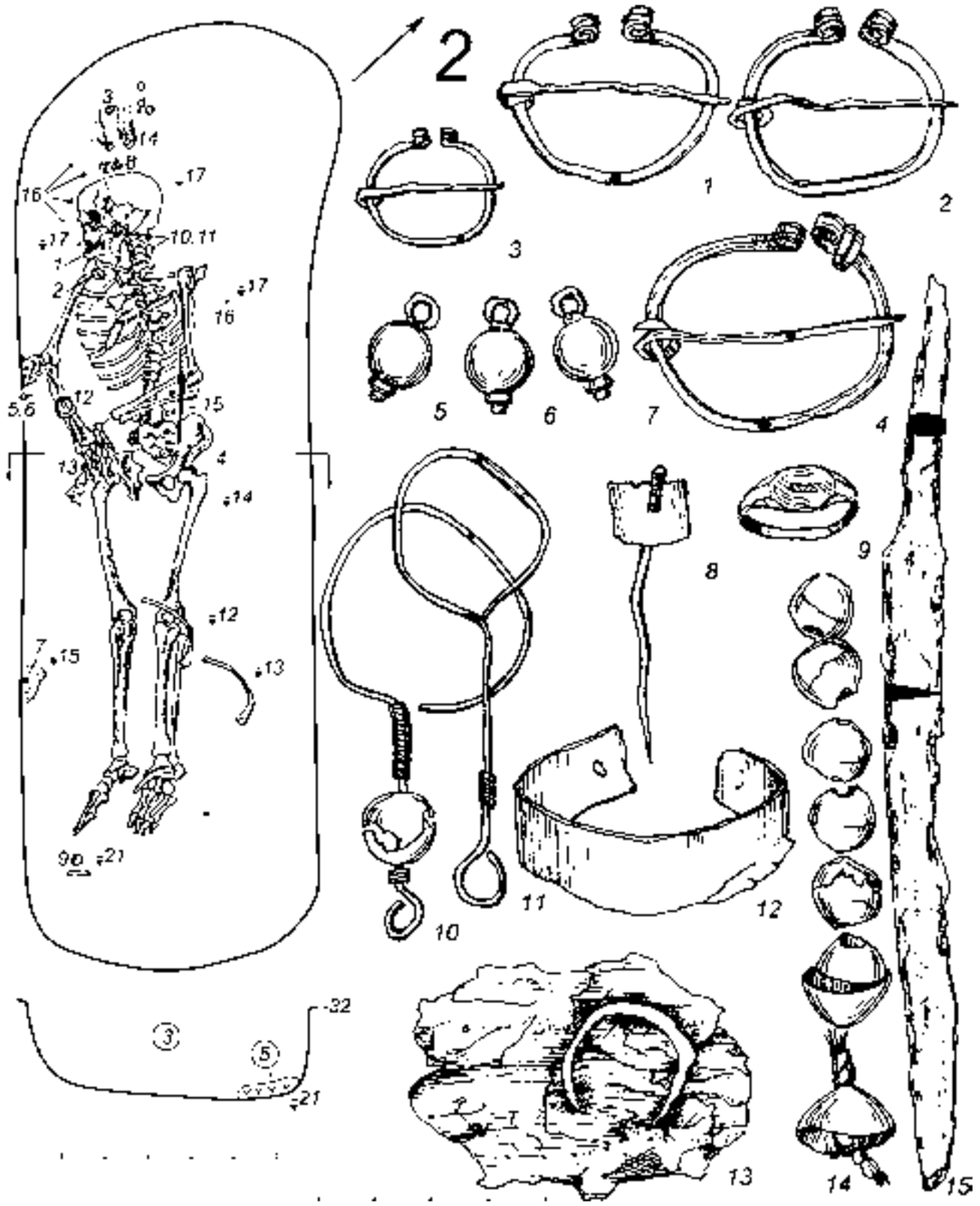

Табл. 2. Кадочниковский могильник. Погребение 2: 1-4 – сюльгамы; 5-7 – подвески; 8 – булавка; 9, 13 – перстни; 10, 11 – височные подвески; 12 – браслет; 14 – полусферическая пронизка; 15 – нож; 16 – монеты (8 экз.). 1-14 – бронза; 15 – железо; 16 – серебро

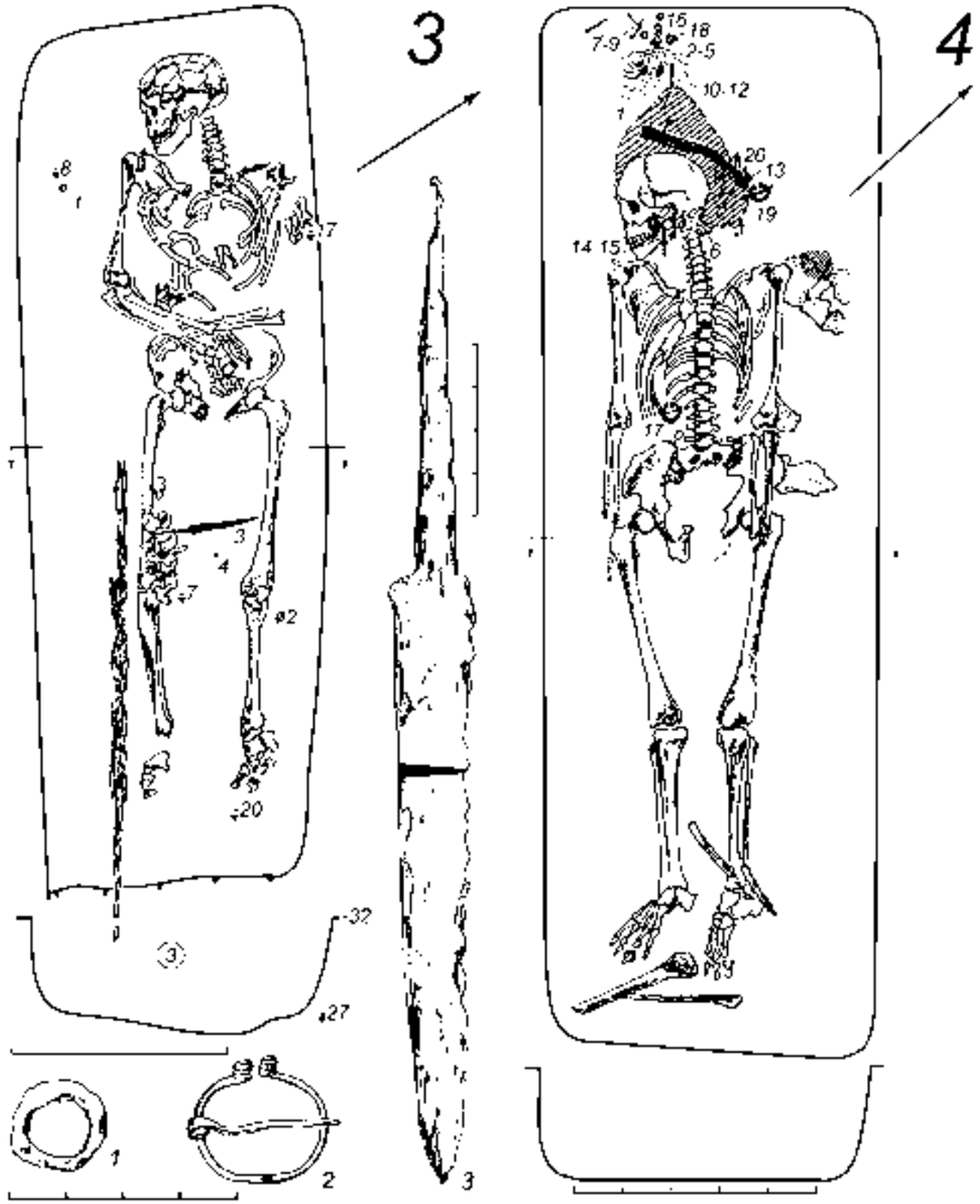

Табл. 3. Кадочниковский могильник. Погребение 3: 1 – кольцо; 2 – сюльгама; 3 – нож; 4 – монета. 1, 3 – железо; 2 – бронза; 4 – серебро

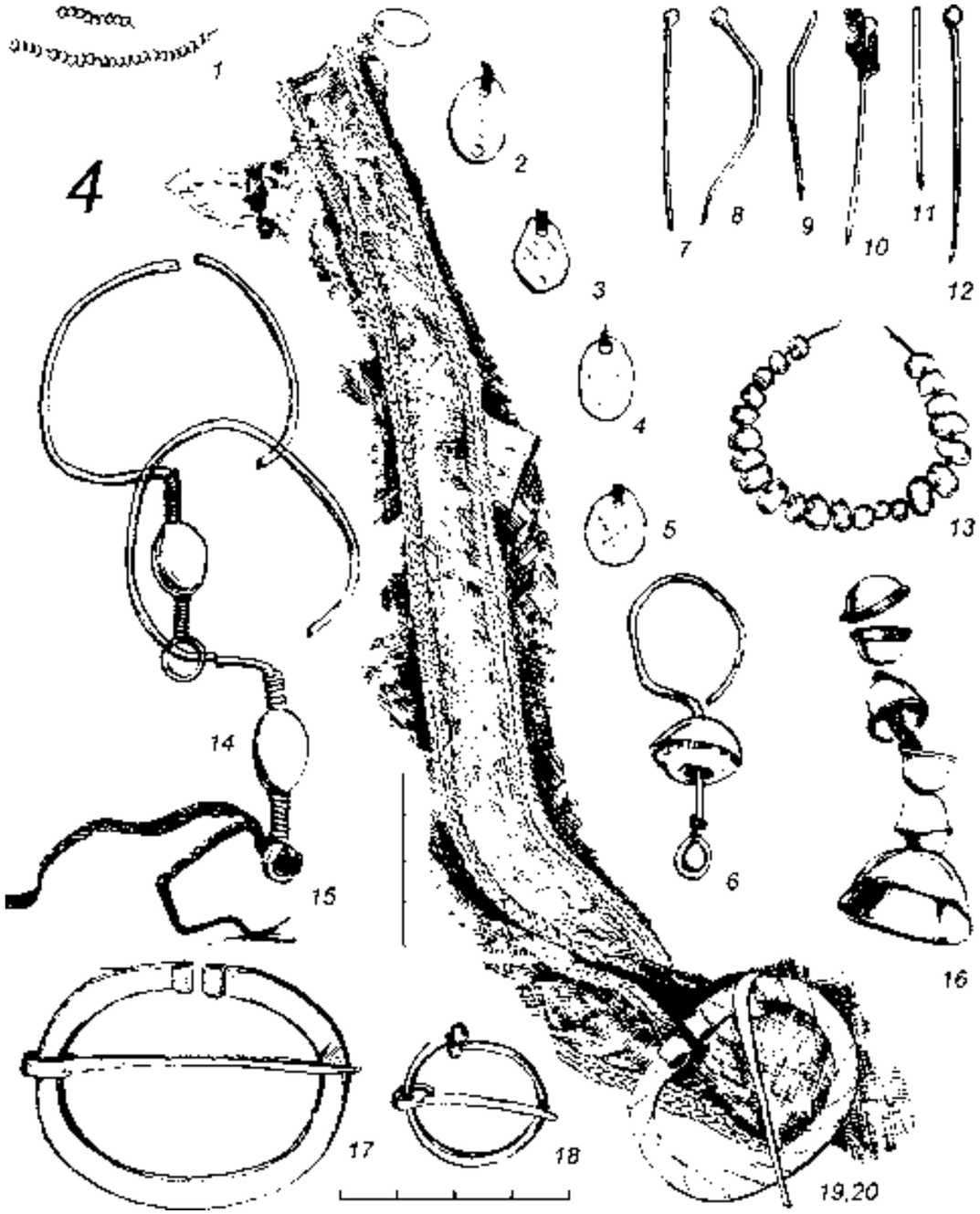

Табл. 4. Кадочниковский могильник. Погребение 4: 1 – бисер; 2, 18, 19 – сюльгамы; 3-6 – монеты-подвески; 7-12 – булавки; 13 – бусы; 14-16 – височные подвески; 17 – полусферические пронизки; 20 – налобный венчик. 1, 13 – стекло; 2, 7-12, 14-19 – бронза; 20 – ткань, бронза, серебро

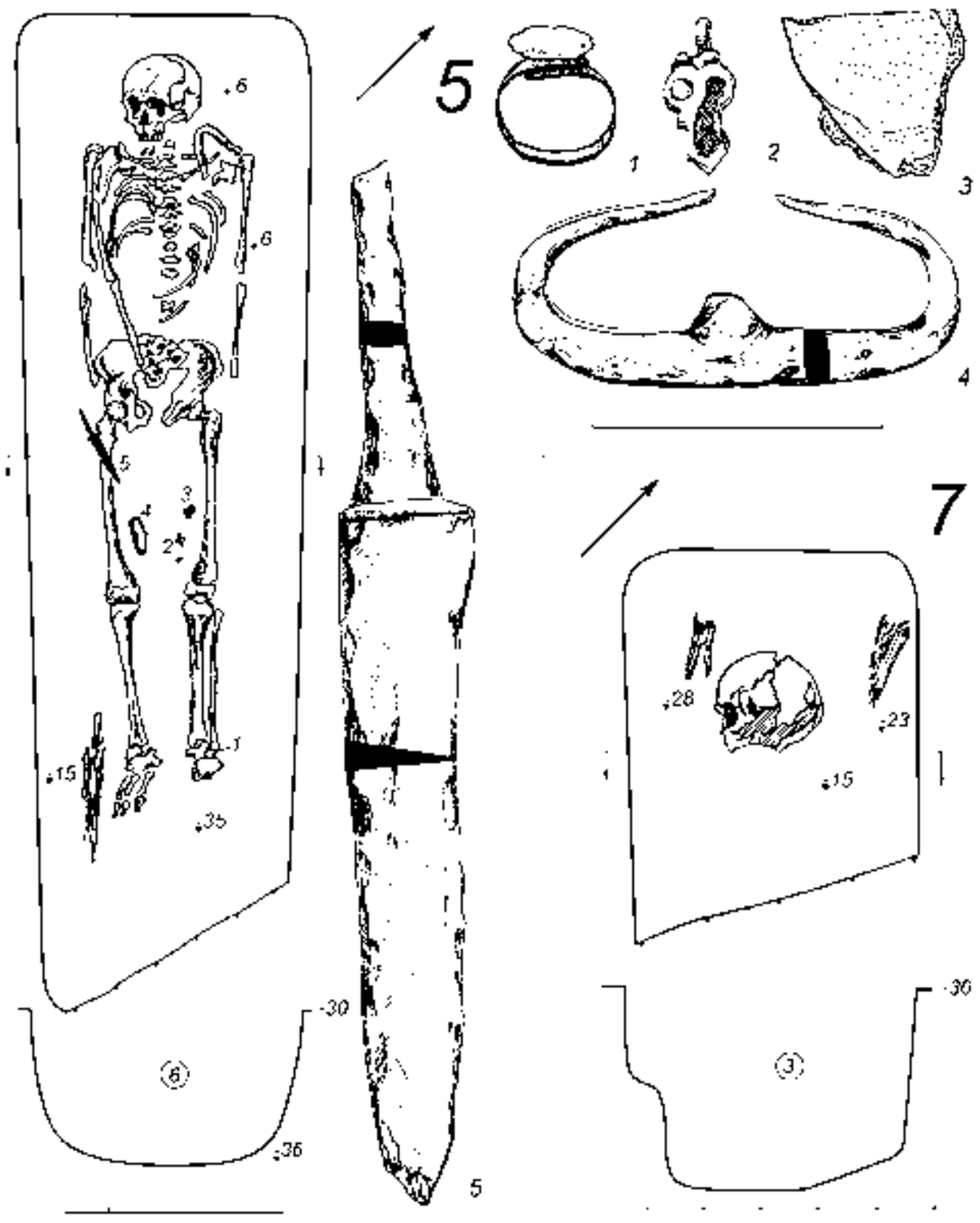

Табл. 5. Кадочниковский могильник. Погребение 5: 1 – перстень; 2 – подвеска; 3 – кремень; 4 – кресало; 5 – нож; 6 – монеты (2 экз.). 1-2 – бронза; 3 – перстень; 4, 5 – железо; 6 – серебро. Погребение 7

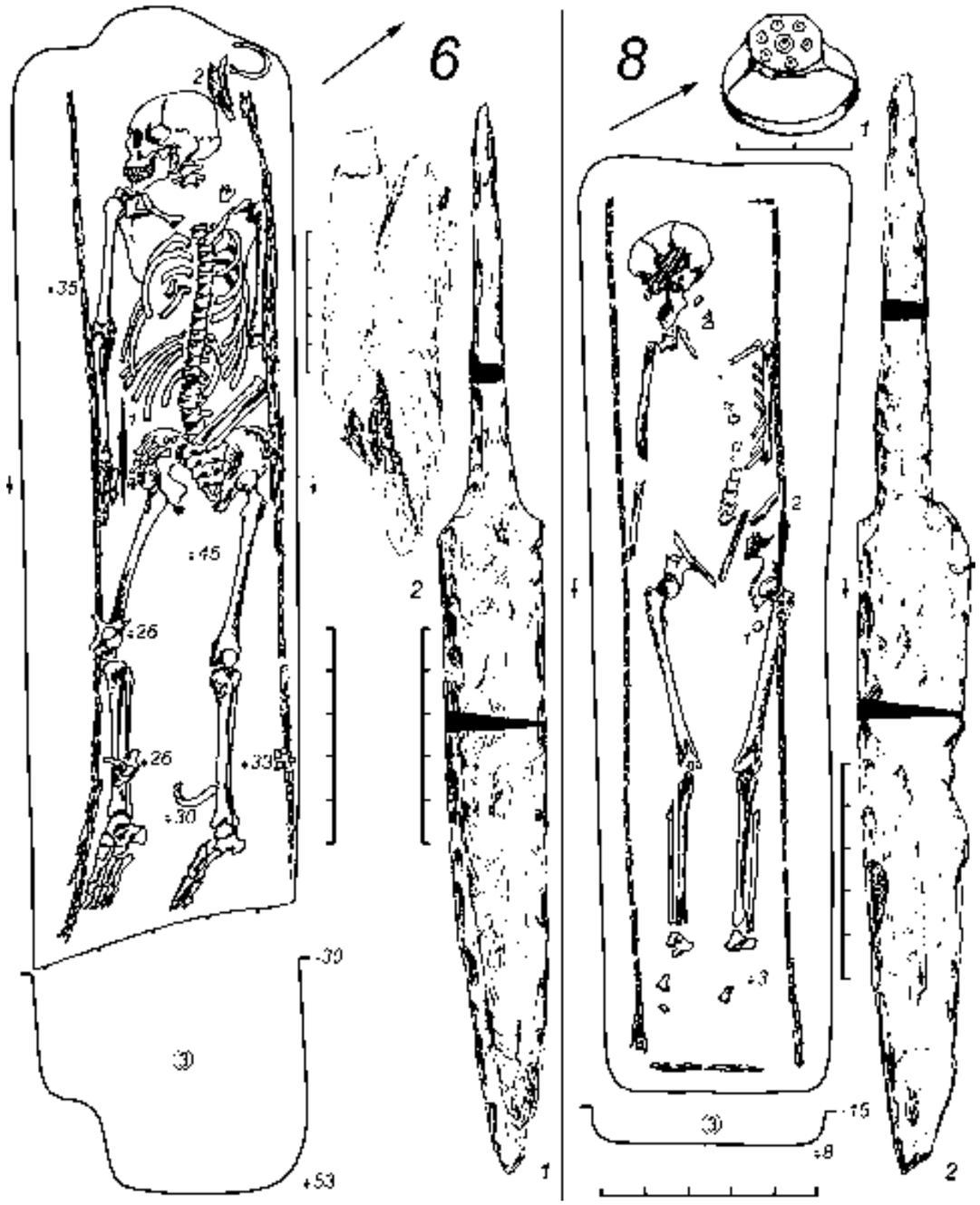

Табл. 6. Кадочниковский могильник. Погребение 6: 1 – нож; 2 – рукоятка (?). 1 – железо; 2 – дерево. Погребение 8: 1 – перстень; 2 – нож. 1 – бронза; 2 – железо

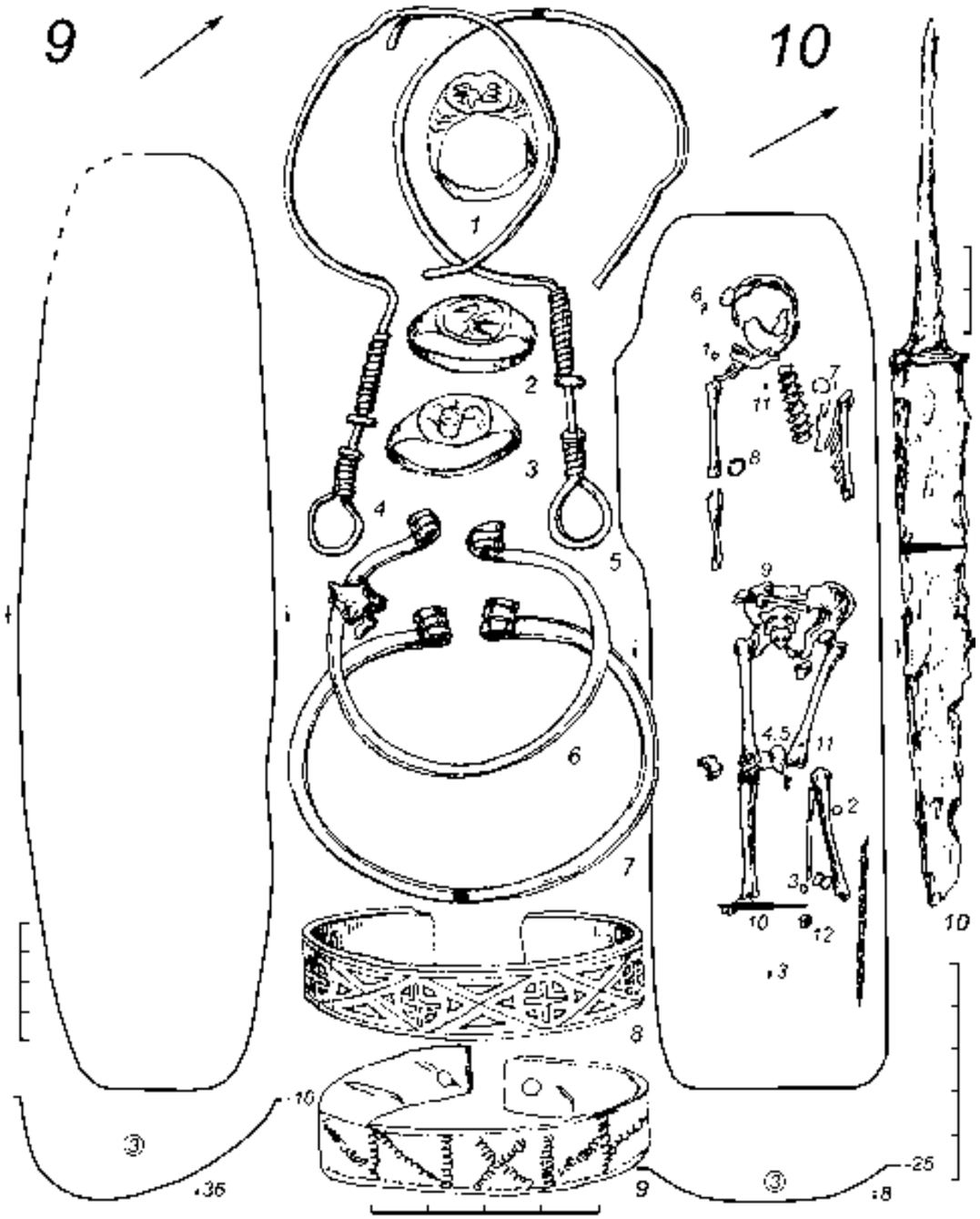

Табл. 7. Кадочниковский могильник. Погребение 9. Погребение 10: 1-3 – перстни; 4, 5 – височные подвески; 6, 7 – сюльгамы; 8, 9 – браслеты; 10 – нож; 11 – монеты (2 экз.); 12 – фрагмент перстня. 1-9, 12 – бронза; 10 – железо; 11 – серебро

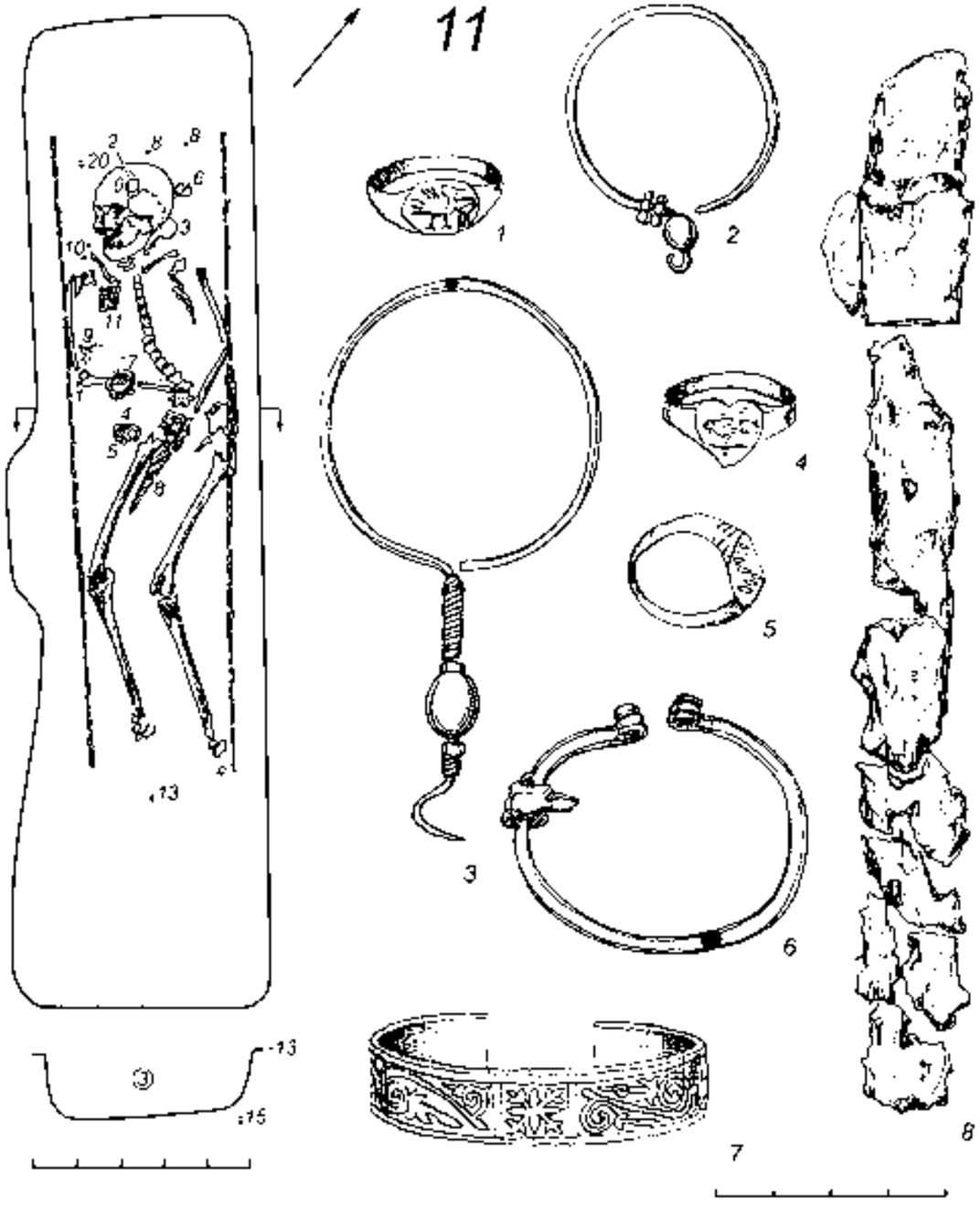

Табл. 8. Кадочниковский могильник. Погребение 11: 1, 4, 5 – перстни; 2, 3 – височные подвески; 6 – сюльгама; 7 – браслет; 8 – нож; 9 – бусины; 10 – монеты (9 экз.); 11 – булавка. 1-7, 11 – бронза; 2, 10 – серебро; 8 – железо

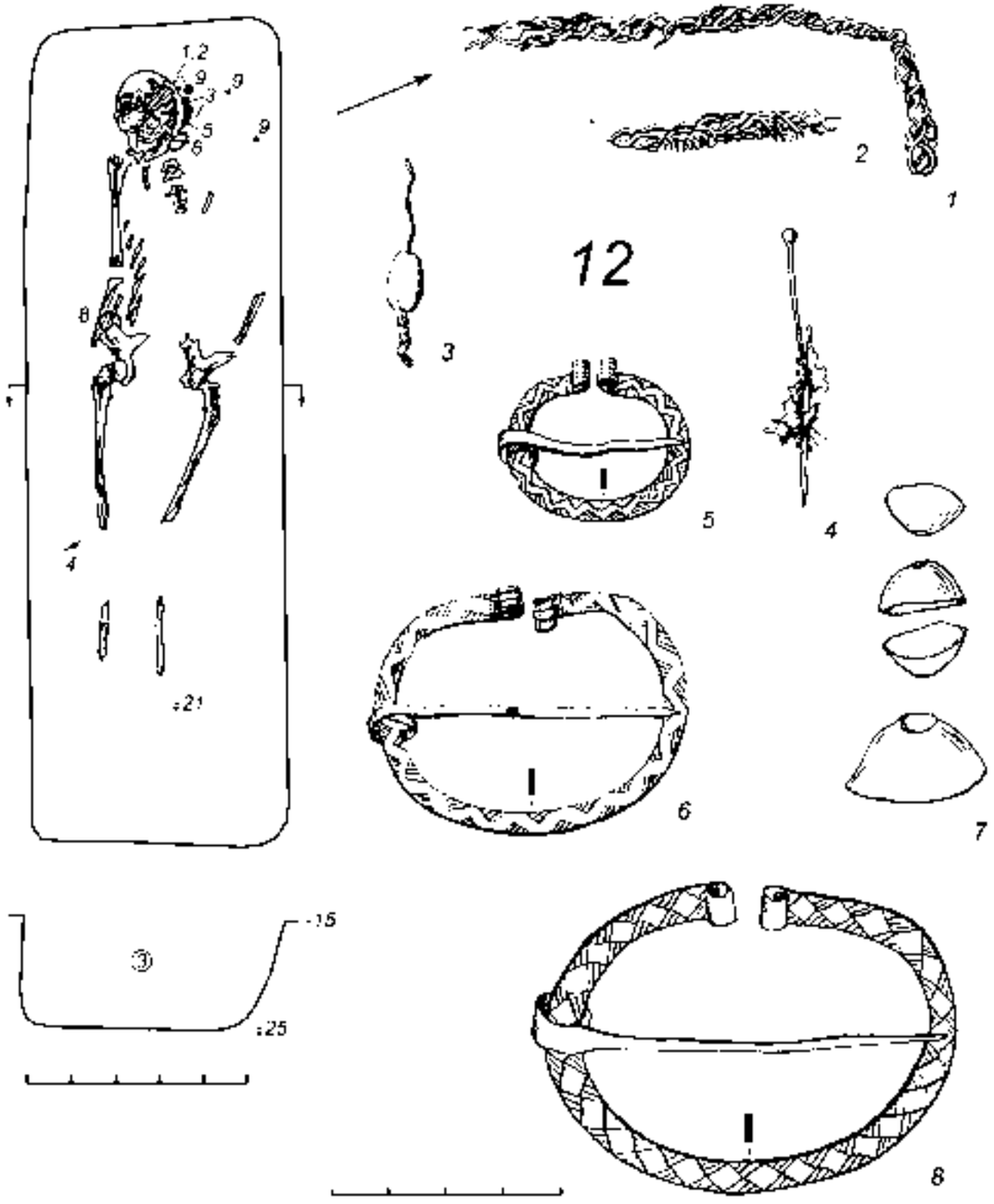

Табл. 9. Кадочниковский могильник. Погребение 12: 1, 2 – тесьма; 3 – височные подвески (фрагм.); 4 – булавка; 5, 6, 8 – сюльгамы; 7 – полусферические пронизки; 9 – бусины. 1, 2 – ткань (?); 3 – бронза, стекло (?); 4-8 – бронза; 9 – стекло

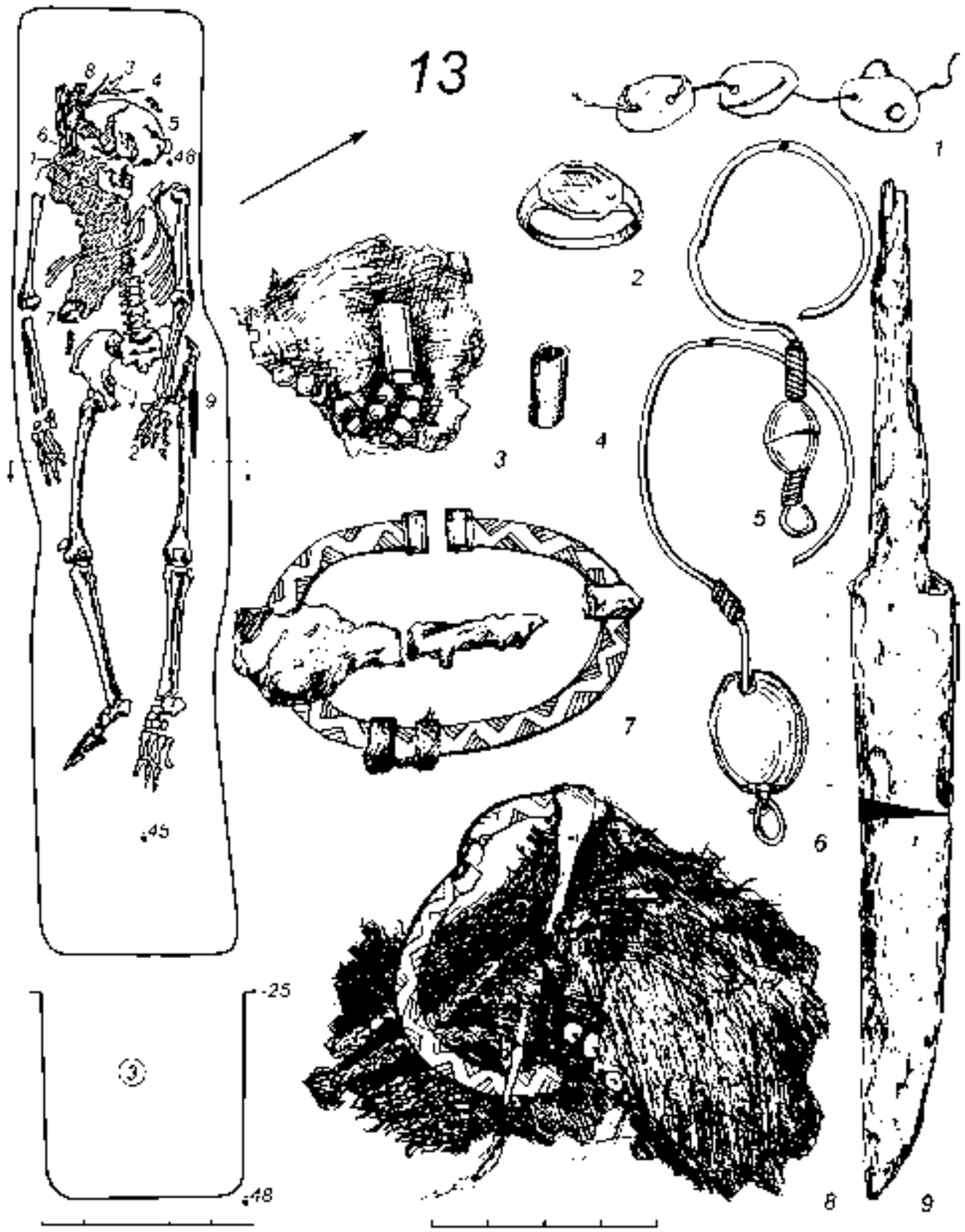

Табл. 10. Кадочниковский могильник. Погребение 13: 1 – монеты-подвески (3 экз.); 2 – перстни; 3, 4 – трубочки-пронизки, бусы на фрагментах ткани; 5, 6 – височные подвески; 7, 8 – сюльгамы с бусами и фрагментами ткани; 9 – нож. 1 – серебро; 2, 4-6 – бронза; 3, 8 – бронза, стекло; 7 – бронза, железо; 9 – железо

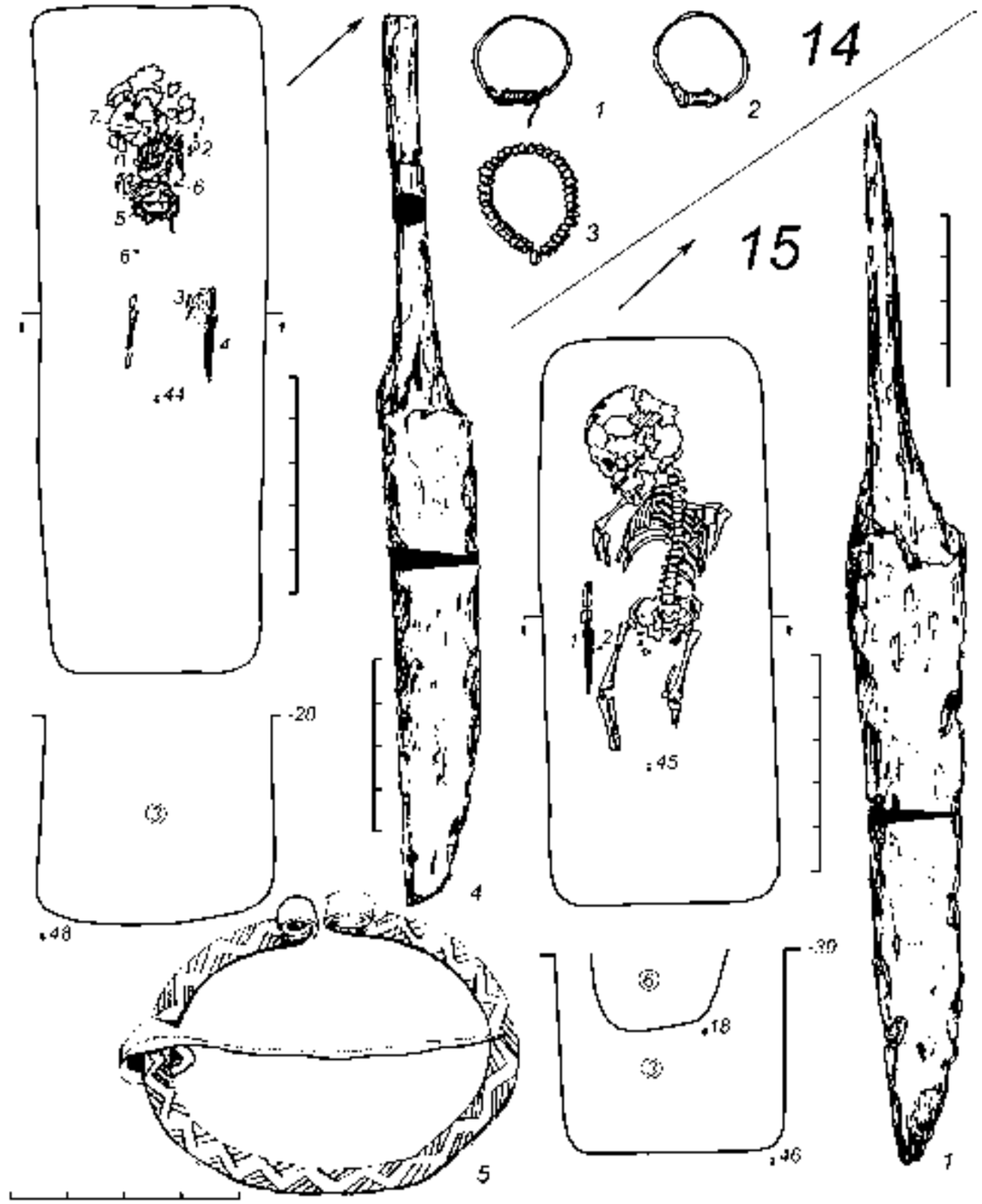

Табл. 11. Кадочниковский могильник. Погребение 14: 1, 2 – височные подвески; 3 – бисер; 4 – нож; 5 – сюльгама; 6 – монеты-подвески (2 экз.); 7 – бусина. 1, 2, 5 – бронза; 3, 7 – стекло; 4 – железо; 6 – серебро. Погребение 15: 1 – нож; 2 – монета. 1 – железо; 2 – серебро

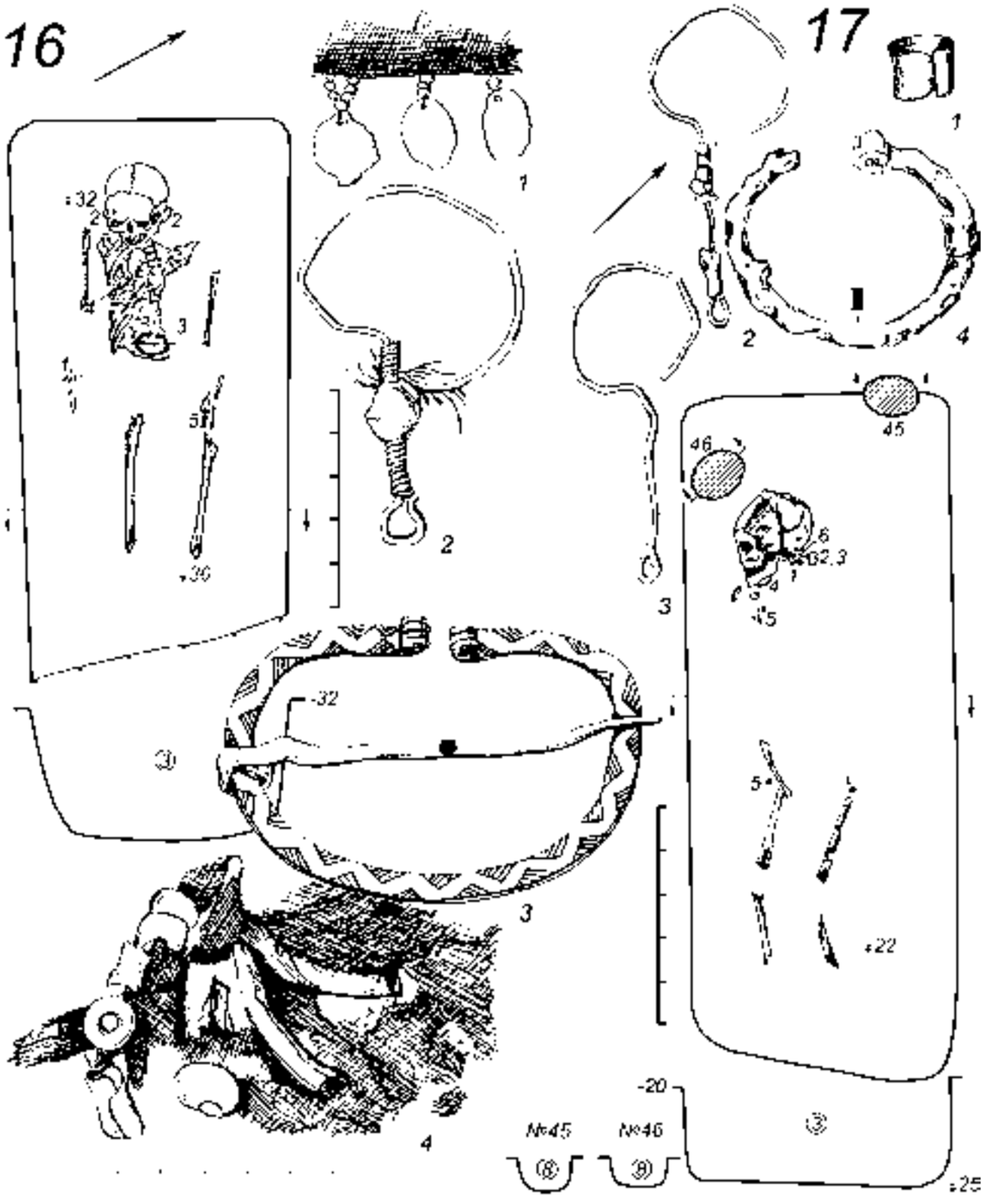

Табл. 12. Кадочниковский могильник. Погребение 16: 1 – монеты (3 экз.), бисер, ткань (фрагменты головного убора); 2 – височная подвеска; 3 – сюльгама; 4 – бусины, пронизки (фрагменты накосника); 5 – нож (утерян). 1 – серебро, стекло, ткань; 2-3 – бронза; 4 – бронза, стекло, ткань; 5 – железо. Погребение 17: 1 – пронизка; 2, 3 – височная подвеска; 4 – сюльгама; 5 – бусины; 6 – раковины-каури. 1-3 – бронза; 4 – железо; 5 – стекло

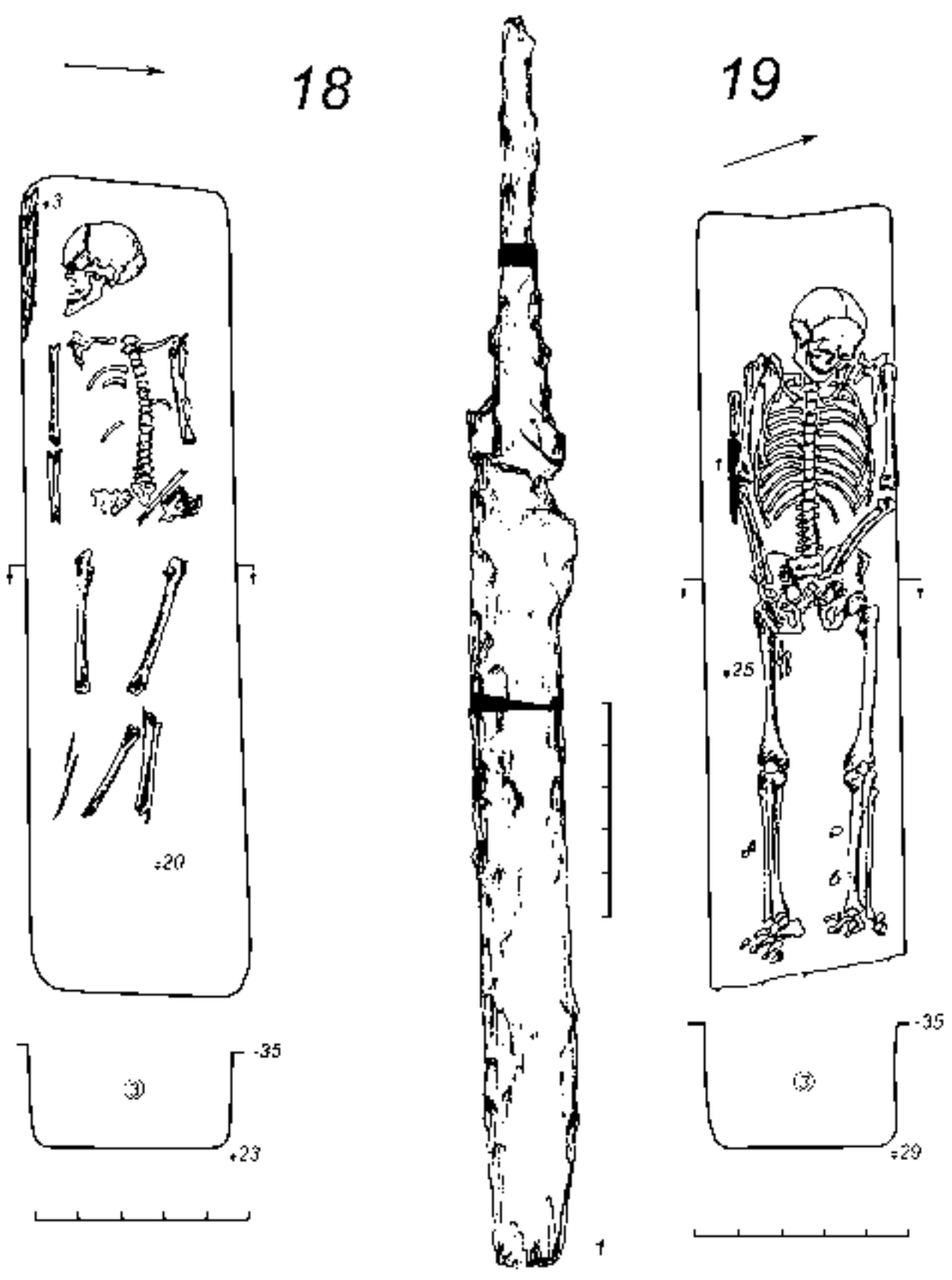

Табл. 13. Кадочниковский могильник. Погребение 18. Погребение 19: 1 – нож, железо

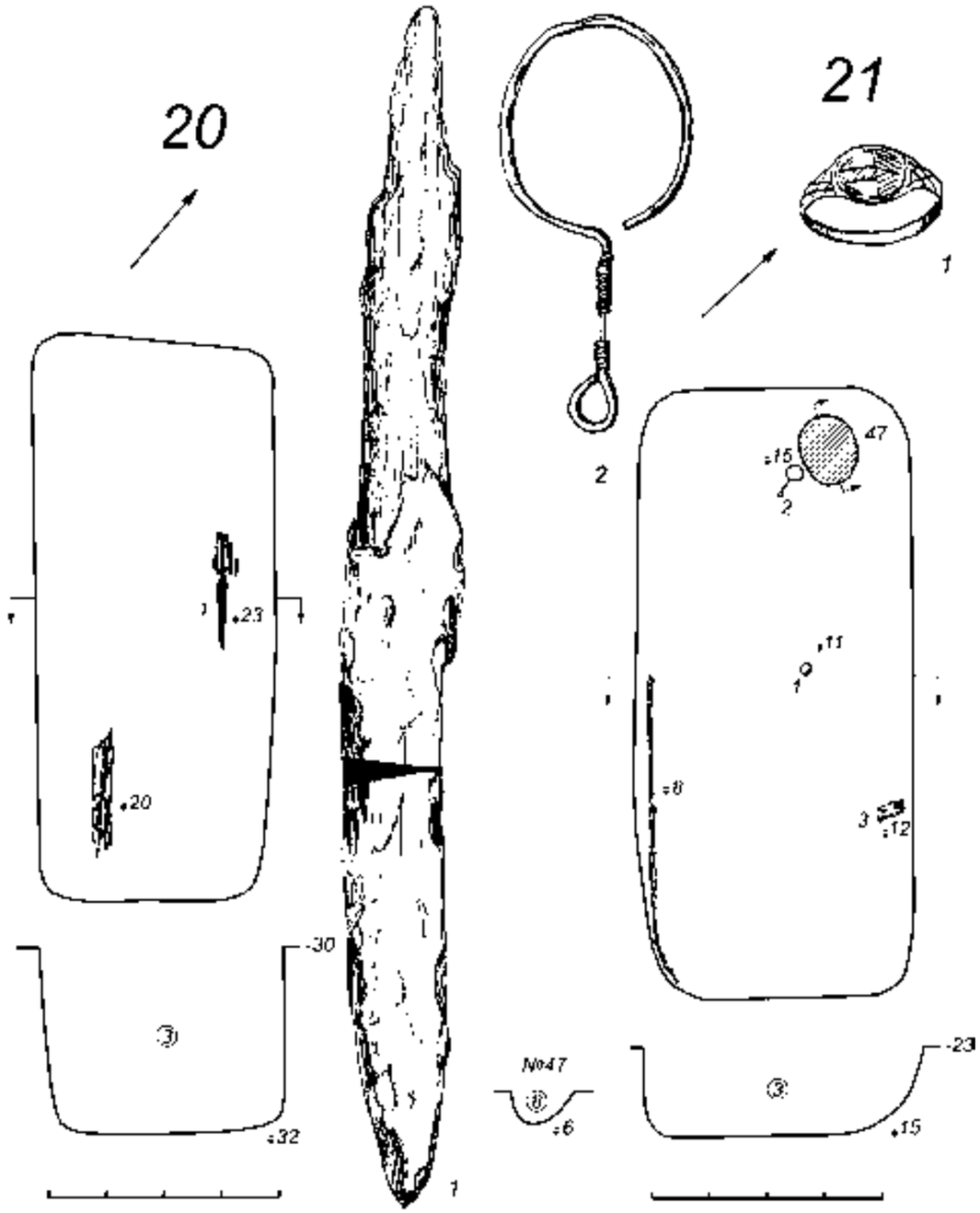

Табл. 14. Кадочниковский могильник. Погребение 20: 1 – нож, железо. Погребение 21: 1 – перстень; 2 – височная подвеска. 1, 2 – бронза

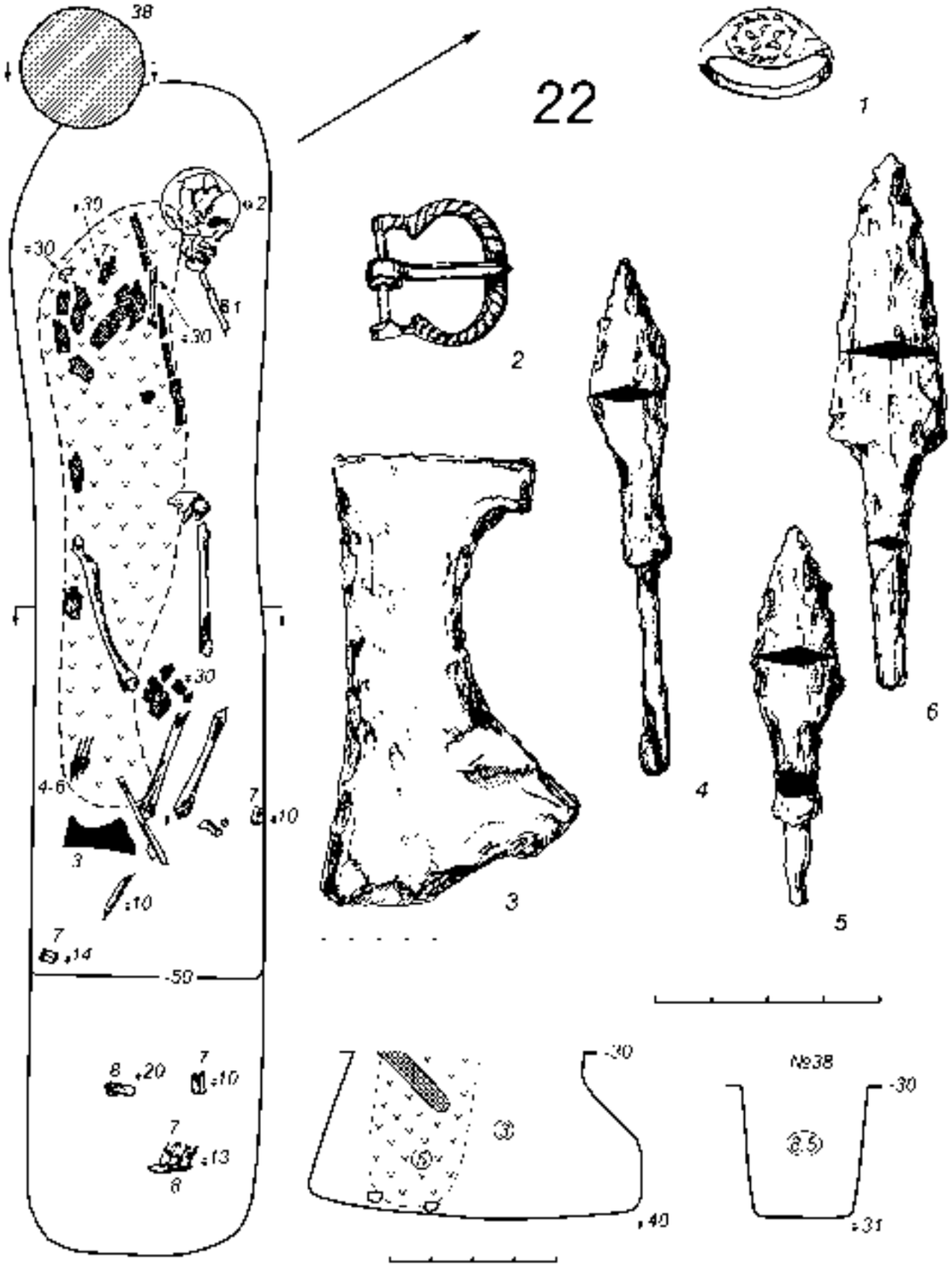

Табл. 15. Кадочниковский могильник. Погребение 22: 1 – перстень; 2 – пряжка; 3 – топор; 4-6 – наконечники стрел; 7 – зубы лошади; 8 – кости лошади. 1-2 – бронза; 3-6 – железо

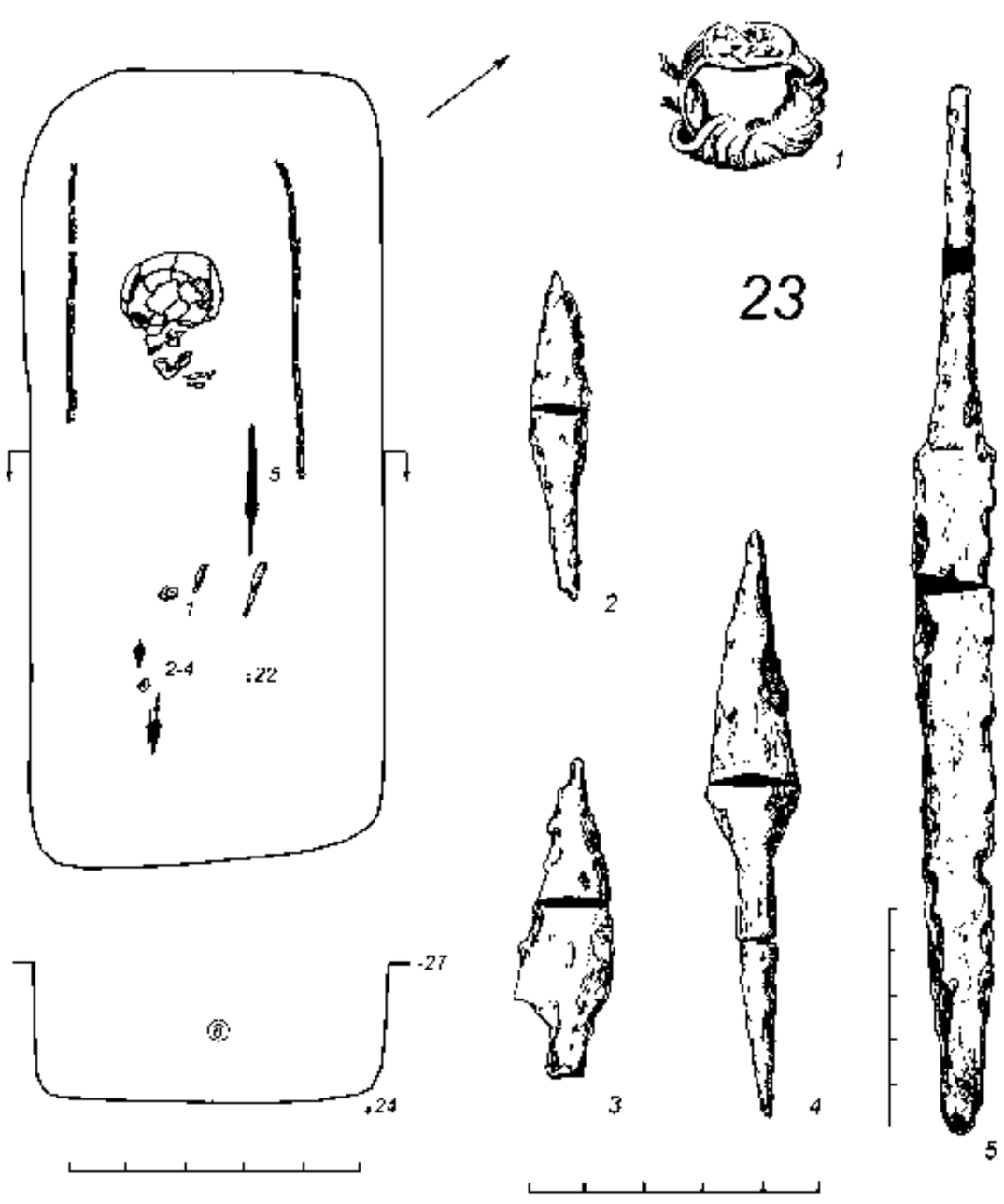

Табл. 16. Кадочниковский могильник. Погребение 23: 1 – перстень; 2-4 – наконечники стрел; 5 – нож. 1 – бронза; 2-5 – железо

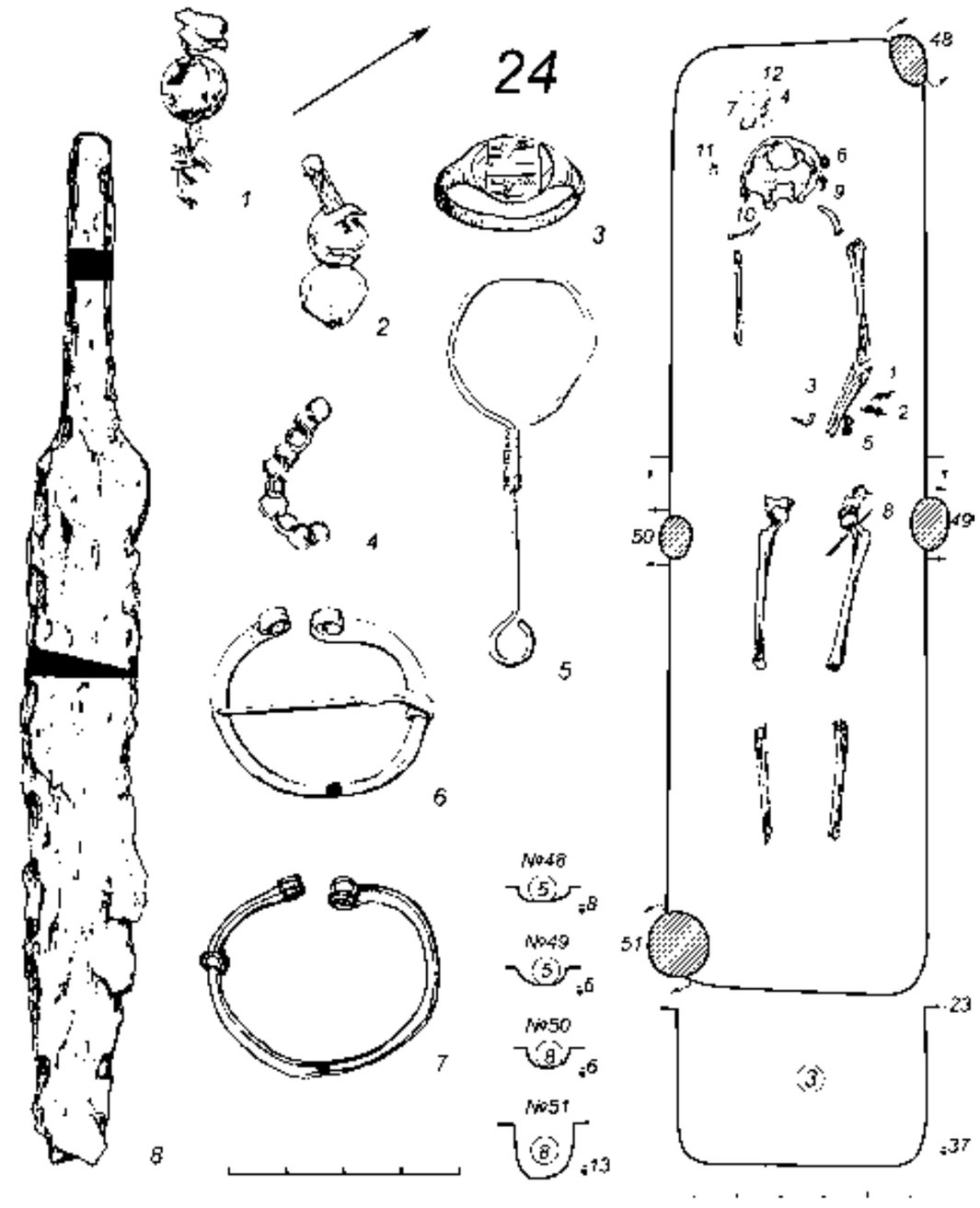

Табл. 17. Кадочниковский могильник. Погребение 24: 1, 2 – шаровидные пронизки; 3 – перстень; 4 – фрагмент цепочки; 5 – височная подвеска; 6, 7 – сюльгамы; 8 – нож; 9, 10 – височные подвески (утеряны); 11 – зуб животного; 12 – бисер. 1-7, 9, 10 – бронза; 8 – железо; 12 – стекло

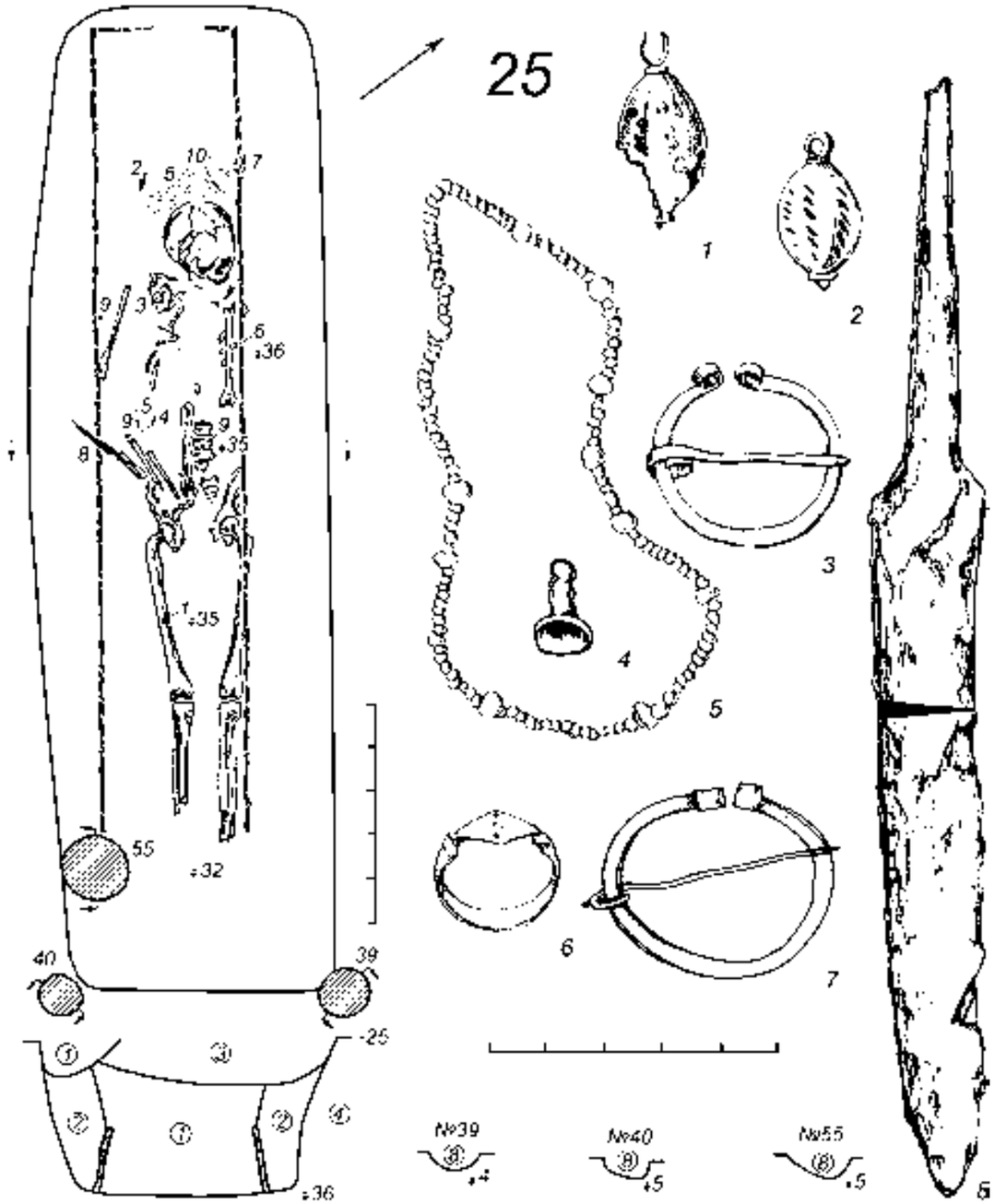

Табл. 18. Кадочниковский могильник. Погребение 25: 1-2 – подвески-бубенчики; 3, 7 – сюльгамы; 4 – фрагмент украшения; 5 – бисер; 6 – перстень; 8 – нож; 9 – монеты (3 экз.); 10 – булавка. 1-4, 6, 7, 10 – бронза; 5 – стекло; 8 – железо; 9 – серебро

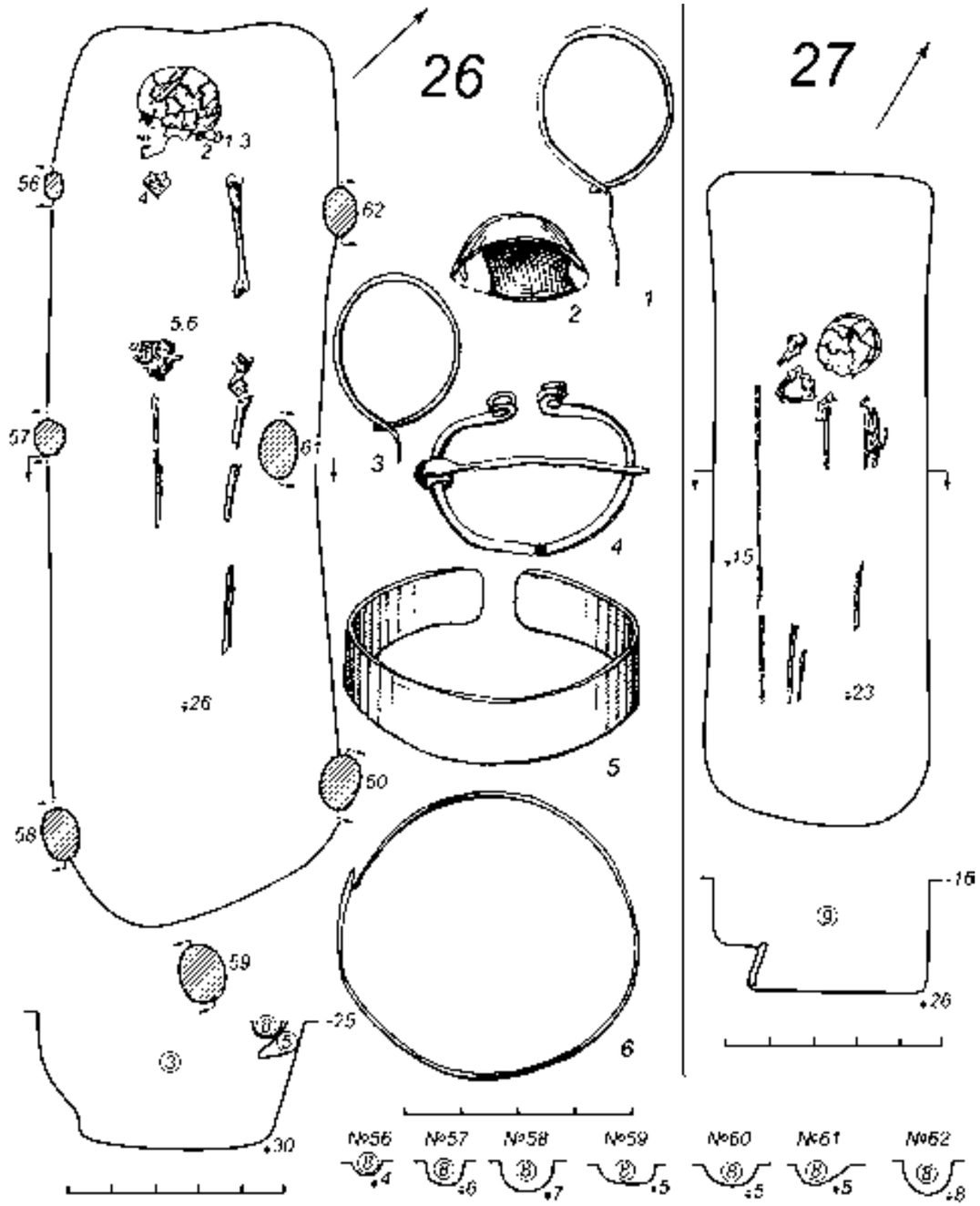

Табл. 19. Кадочниковский могильник. Погребение 26: 1, 3 – височные подвески; 2 – полусферическая пронизка; 4 – сюльгама; 5, 6 – браслеты. 1-6 – бронза. Погребение 27

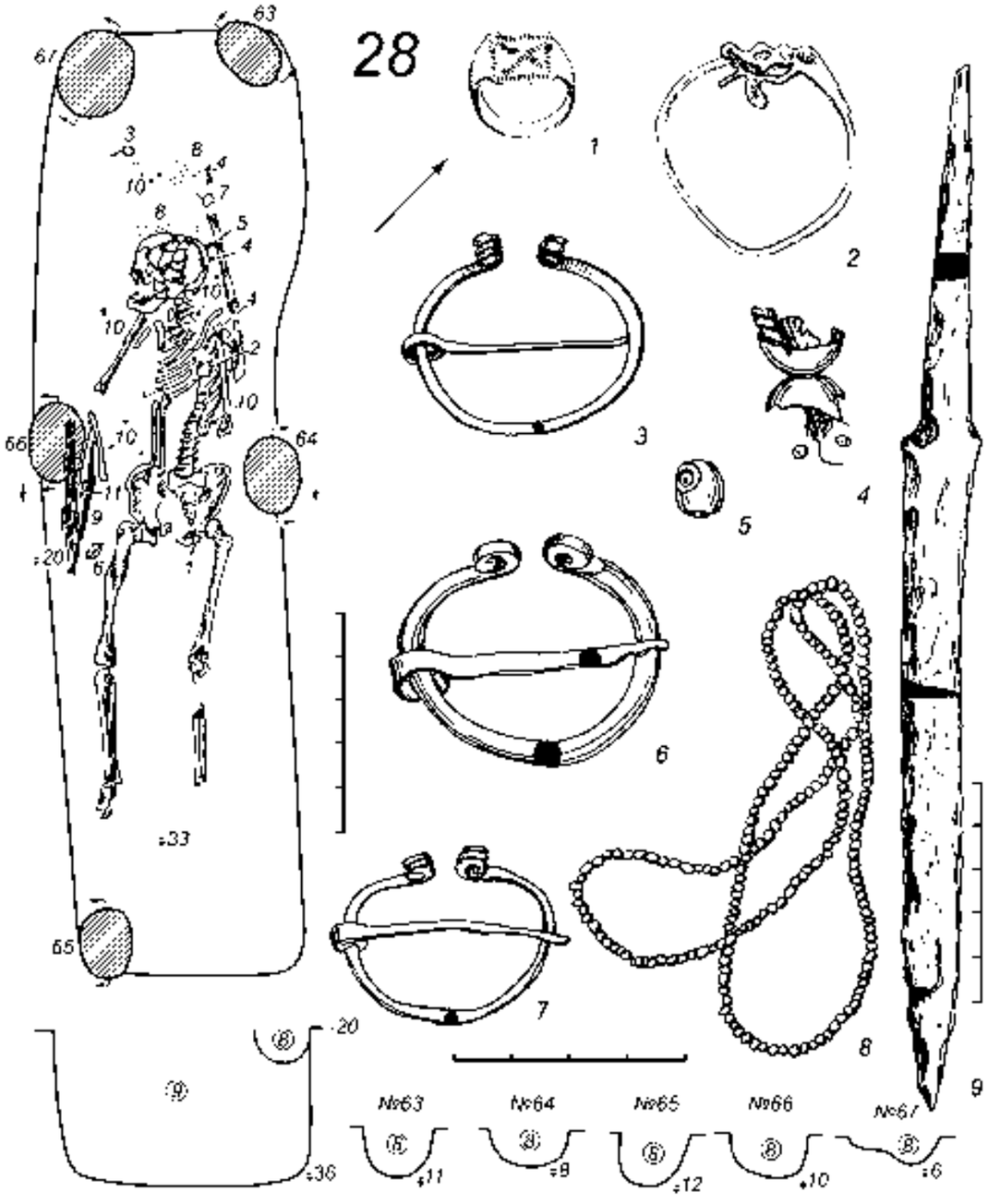

Табл. 20. Кадочниковский могильник. Погребение 28: 1 – перстень; 2 – кольцевидная подвеска; 3, 6, 7 – сюльгамы; 4 – полусферические пронизки; 5 – бусина; 8 – бисер; 9 – нож; 10 – монеты (14 экз.); 11 – зубы животных. 1, 3, 6, 7 – бронза; 2 – серебро; 4 – бронза, стекло; 9 – железо; 10 – серебро

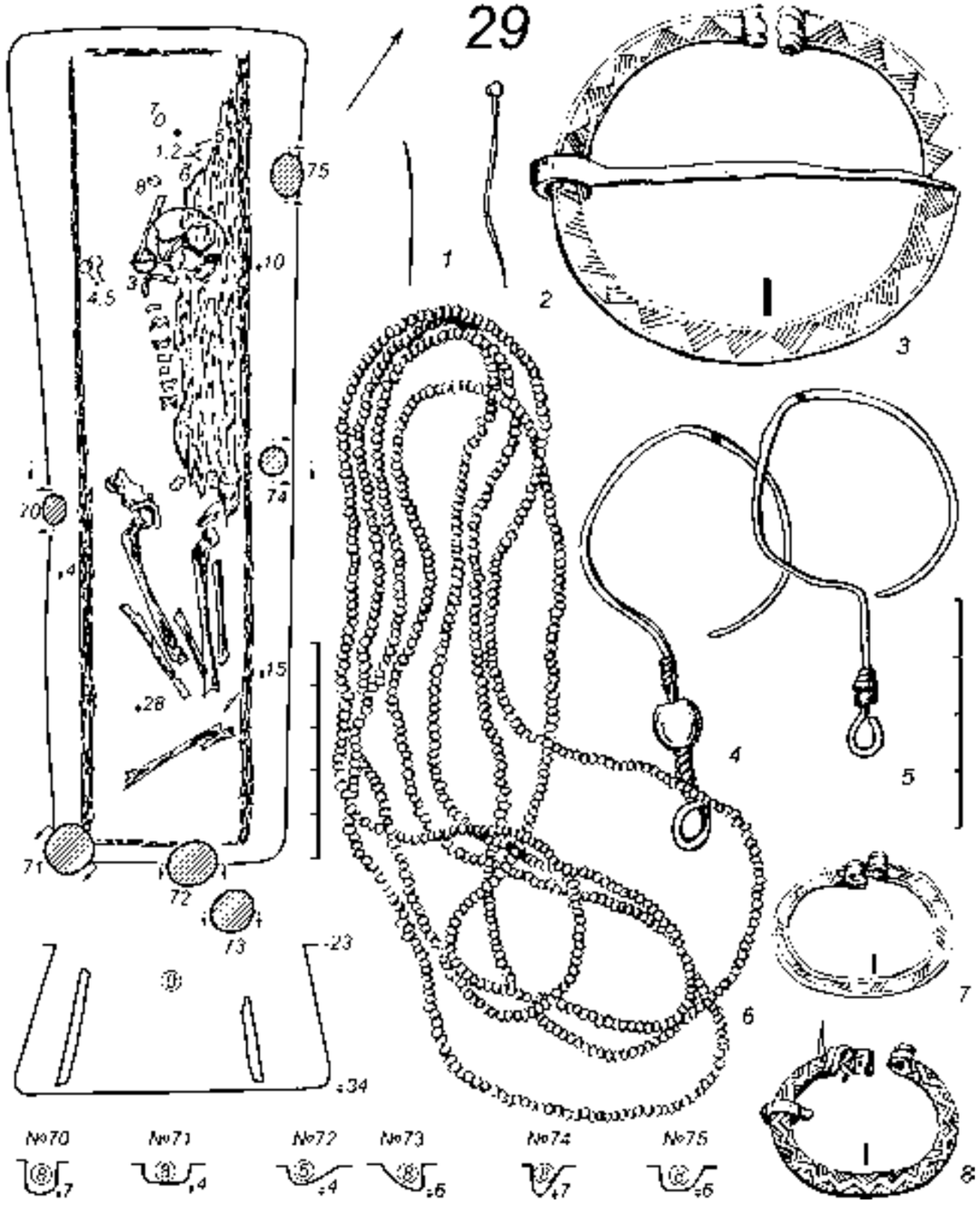

Табл. 21. Кадочниковский могильник. Погребение 29: 1, 2 – булавки; 3, 7, 8 – сюльгамы; 4, 5 – височные подвески; 6 – бисер. 1-5, 7, 8 – бронза; 6 – стекло

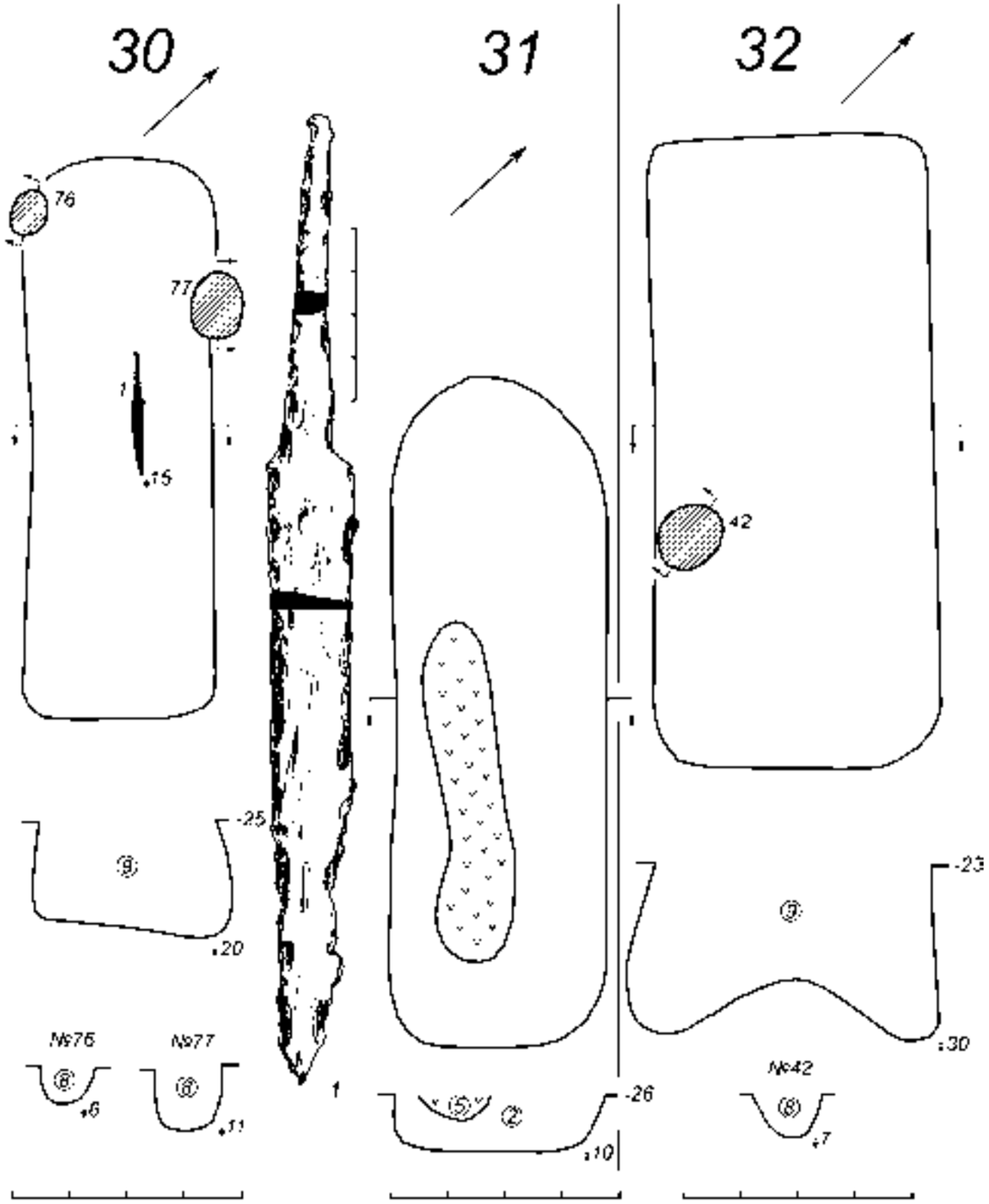

Табл. 22. Кадочниковский могильник. Погребение 30: 1 – нож, железо. Погребение 31. Погребение 32

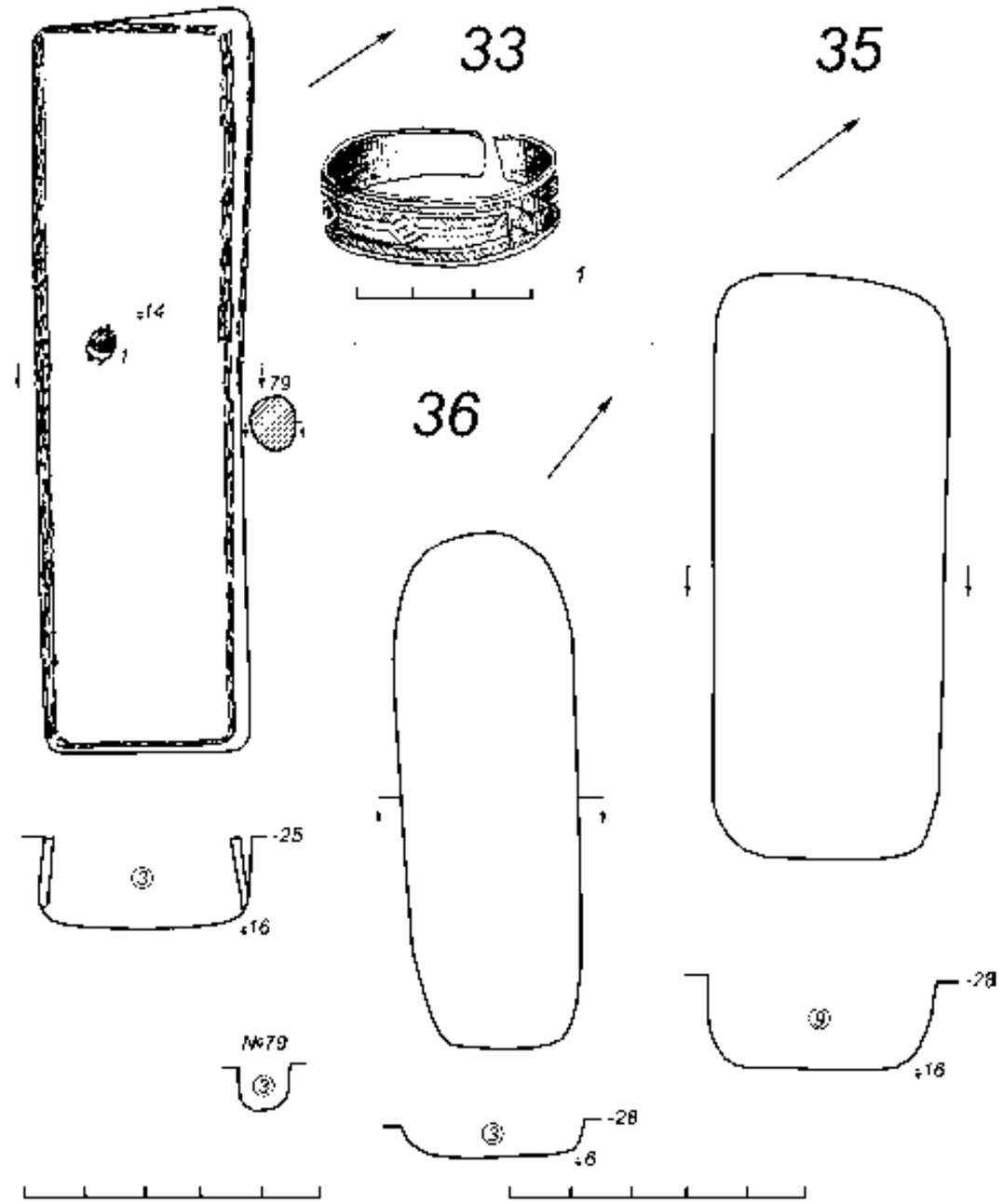

Табл. 23. Кадочниковский могильник. Погребение 33: 1 – браслет, бронза. Погребение 35. Погребение 36

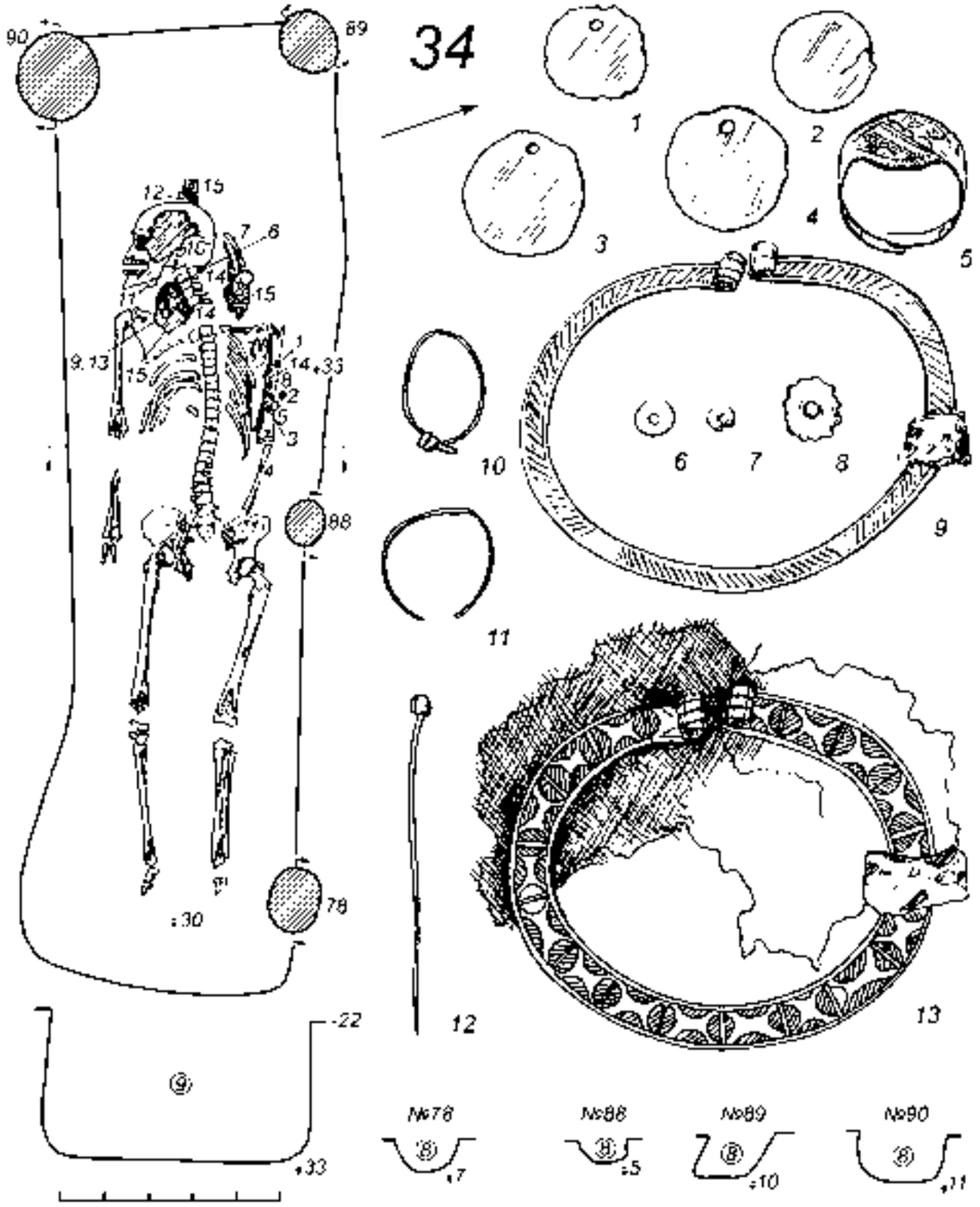

Табл. 24. Кадочниковский могильник. Погребение 34: 1-4 – жетоны (8 экз.); 5 – перстень; 6-8 – бусины; 9, 13 – сюльгамы; 10, 11 – височные подвески; 12 – булавка; 14 – фрагмент ткани; 15 – береста. 1-4, 9-13 – бронза; 5 – серебро; 6-8 – стекло

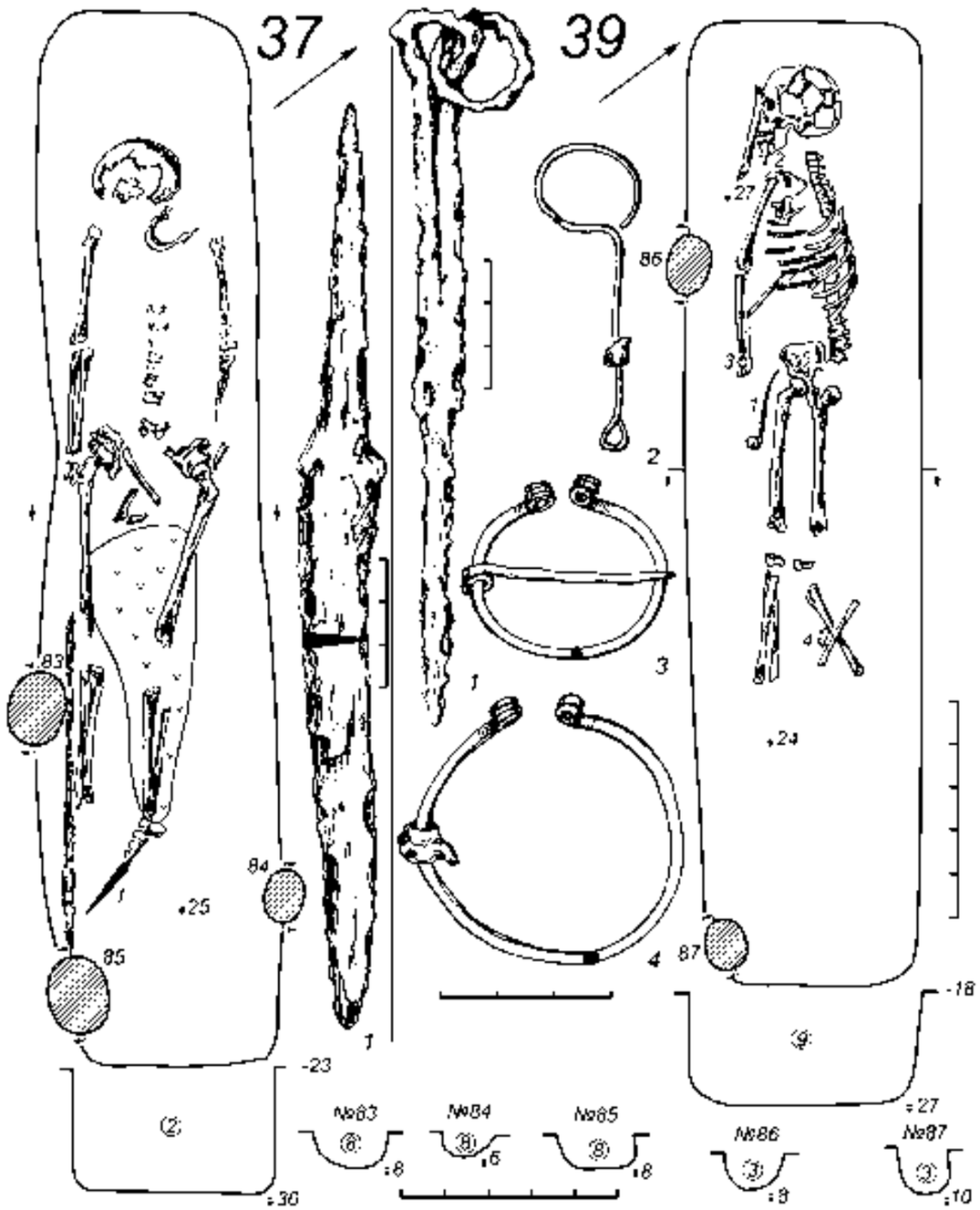

Табл. 25. Кадочниковский могильник. Погребение 37: 1 – нож, железо. Погребение 39: 1 – кочедык; 2 – височная подвеска; 3, 4 – сюльгамы. 1 – железо; 2-4 – бронза

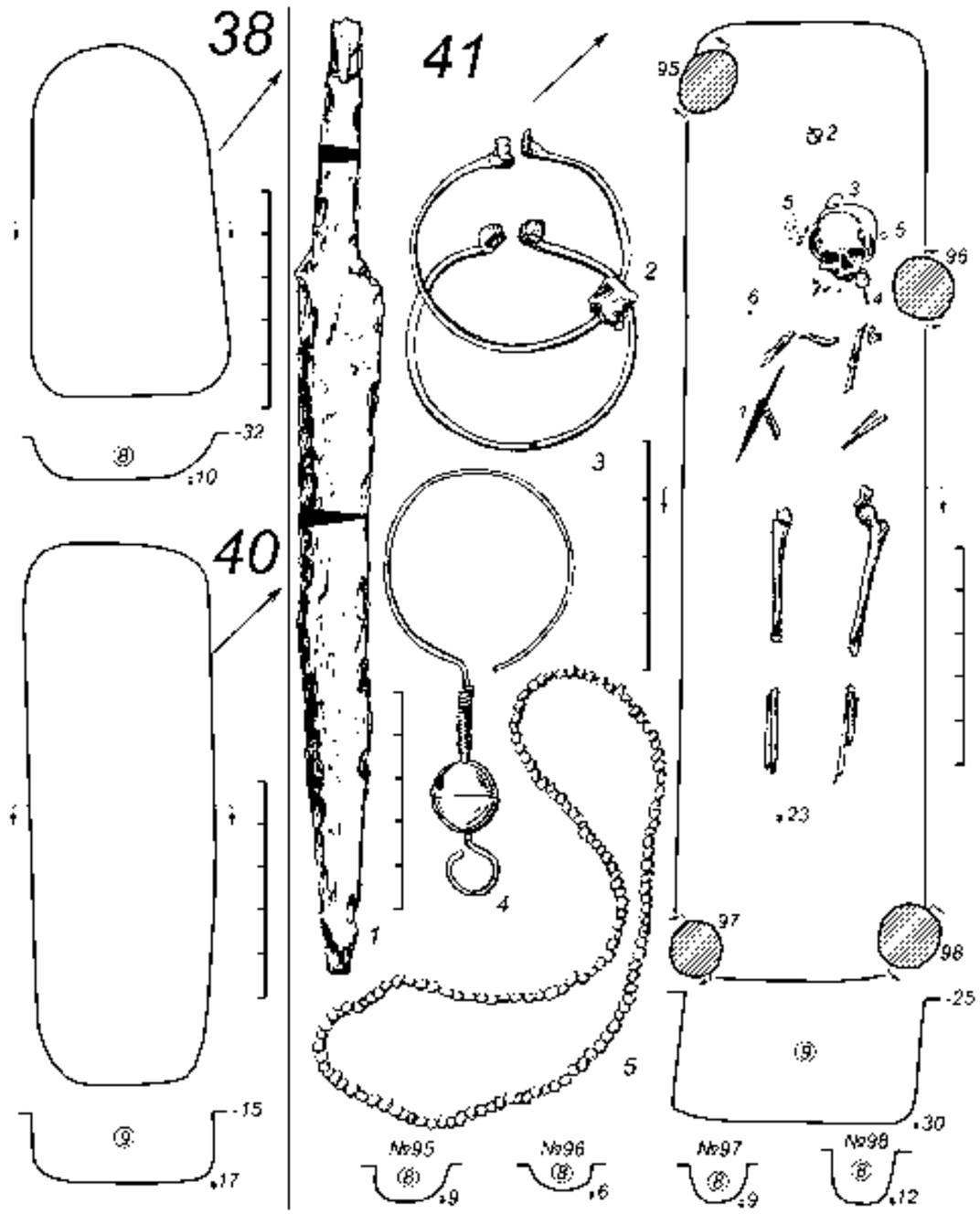

Табл. 26. Кадочниковский могильник. Погребение 38. Погребение 40. Погребение 41: 1 – нож; 2, 3 – сюльгамы; 4 – височная подвеска; 5 – бисер; 6 – монета. 1 – железо; 2 – бронза, железо; 3, 4 – бронза; 5 – стекло; 7 – серебро

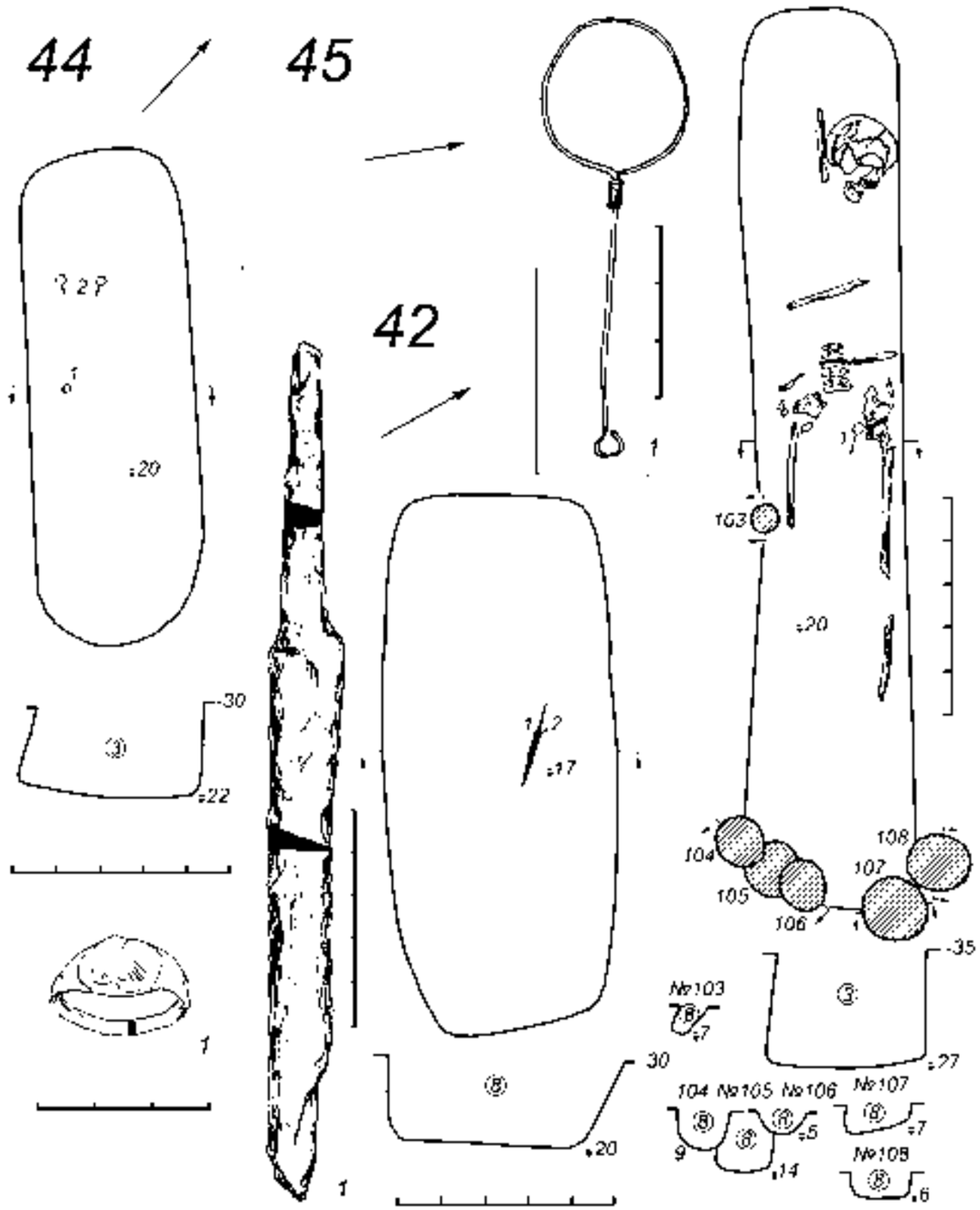

Табл. 27. Кадочниковский могильник. Погребение 42: 1 – нож; 2 – монета. 1 – железо; 2 – серебро. Погребение 44: 1 – перстень; 2 – височные подвески (2 экз.). 1, 2 – бронза. Погребение 45: 1 – височная подвеска, бронза

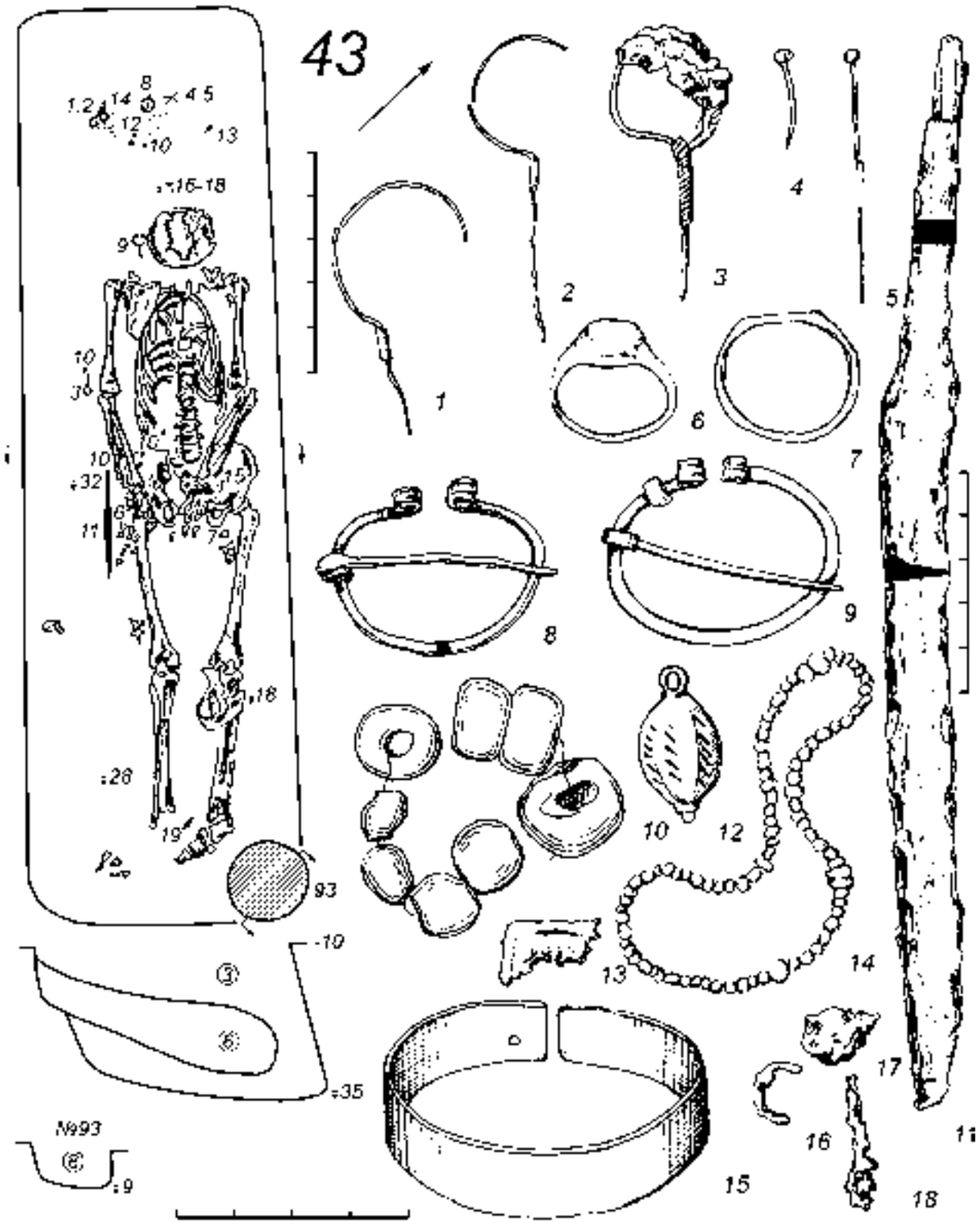

Табл. 28. Кадочниковский могильник. Погребение 43: 1-3 – височные подвески; 4, 5 – булавки; 6, 7 – перстни; 8, 9 – сюльгамы; 10 – бусины (8 экз.); 11 – нож; 12 – подвеска-бубенчик; 13 – фрагмент накладки; 14 – бисер; 15 – браслет; 16-18 – фрагменты височной подвески (?); 19 – полусферическая пронизка. 1-5, 7-9, 12, 13, 15, 19 – бронза; 6 – серебро; 10, 14 – стекло; 11, 16-18 – железо

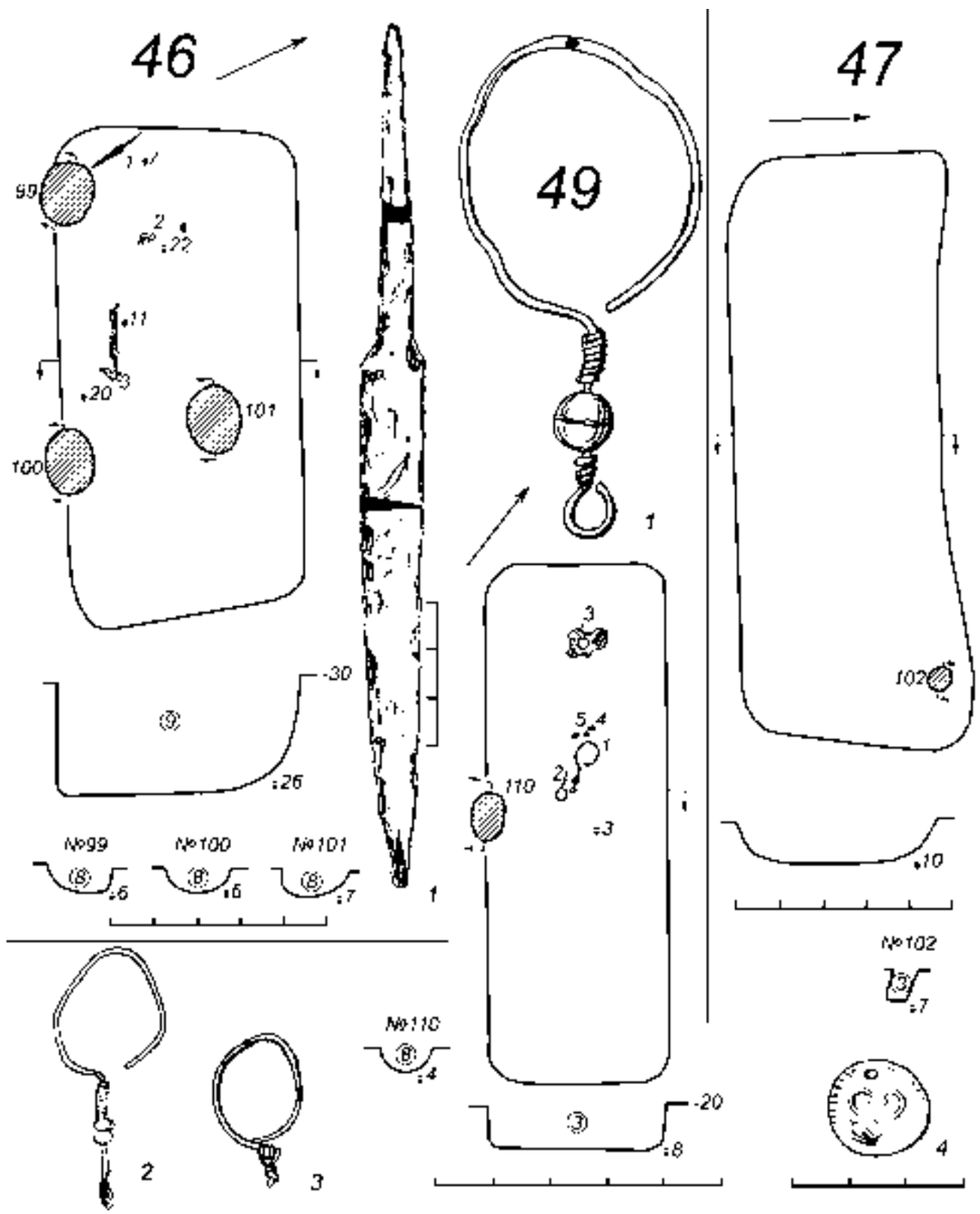

Табл. 29. Кадочниковский могильник. Погребение 46: 1 – нож; 2 – зубы человека; 3 – зуб животного. 1 – железо. Погребение 47. Погребение 49: 1-3 – височные подвески; 4 – жетон-подвеска; 5 – монеты (2 экз.). 1-4 – бронза; 5 – серебро

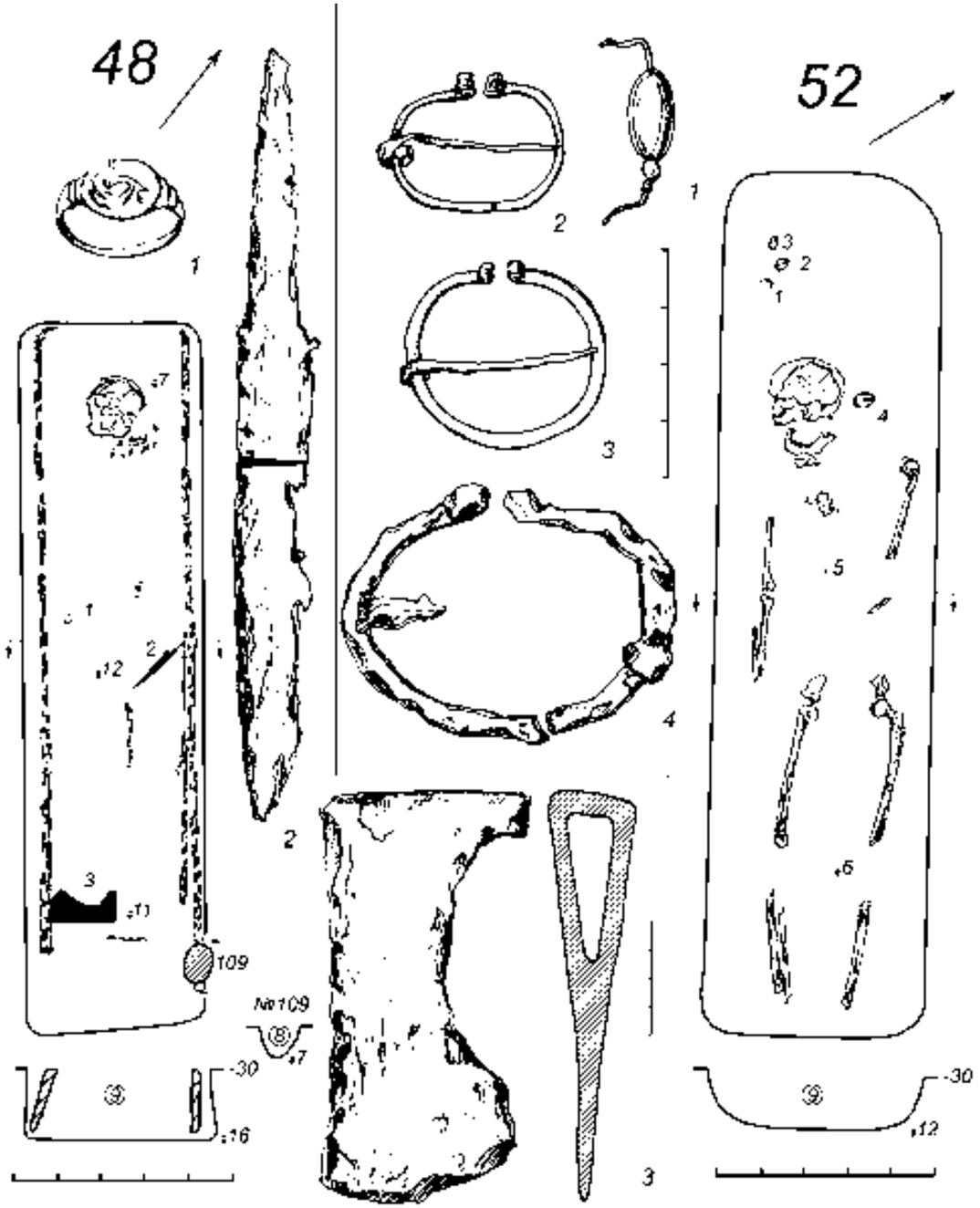

Табл. 30. Кадочниковский могильник. Погребение 48: 1 – перстень; 2 – нож; 3 – топор. 1 – бронза; 2, 3 – железо. Погребение 52: 1 – височная подвеска (фр.); 2-4 – сюльгамы; 5 – монета. 1 – бронза, стекло; 2, 3 – бронза; 4 – железо; 5 – серебро

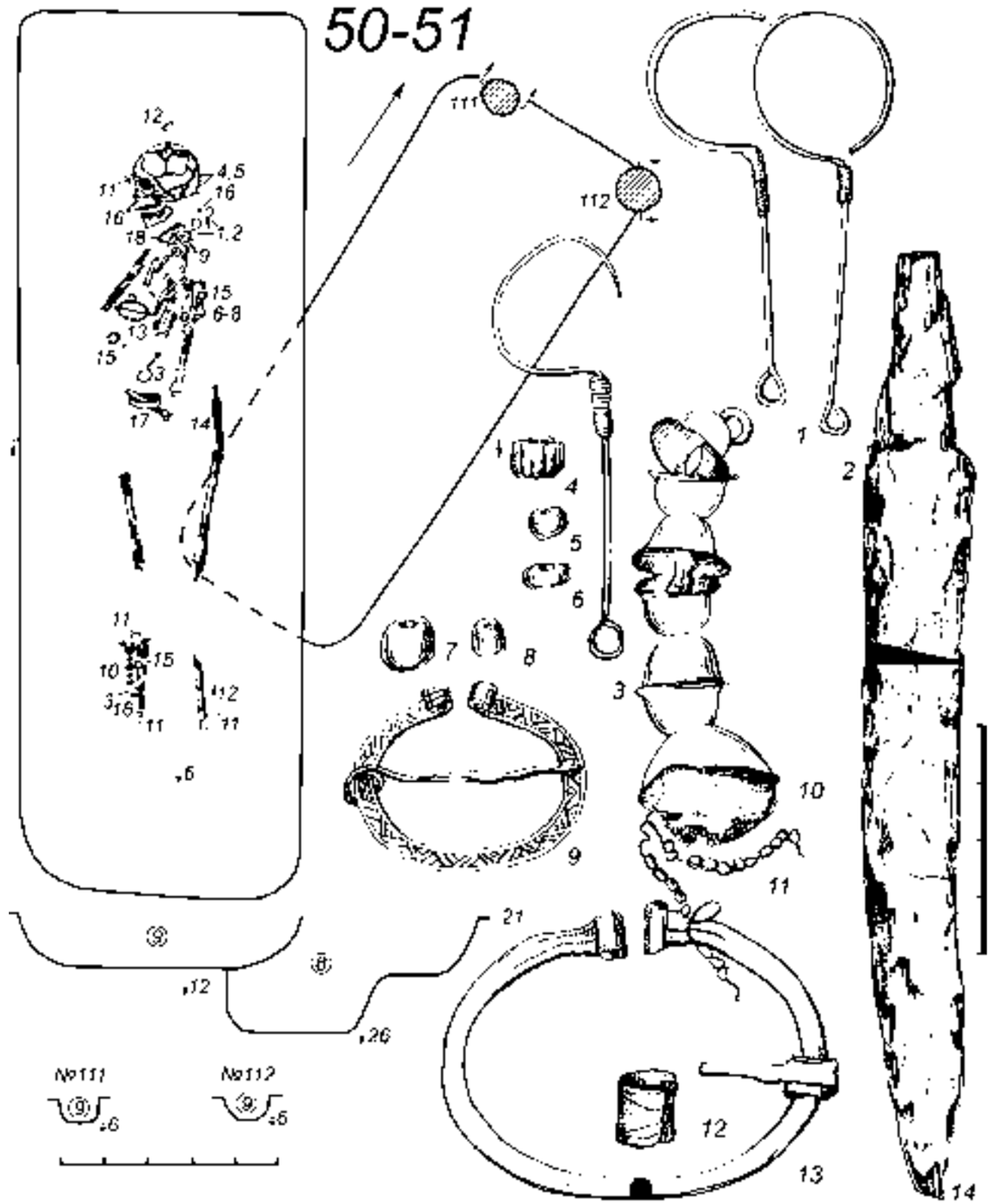

Табл. 31. Кадочниковский могильник. Погребение 50: 1-3 – височные подвески; 4-8 – бусины; 9, 13 – сюльгамы; 10 – полусферические пронизки (подвеска-венчик); 11 – бисер; 12 – пронизки-трубочки; 14 – нож; 15 – перстни; 16 – монеты; 17 – браслет; 18 – фрагменты ткани. 1-3, 9, 10, 12, 13, 15, 17 – бронза; 4-8, 11 – стекло; 14 – железо; 16 – серебро

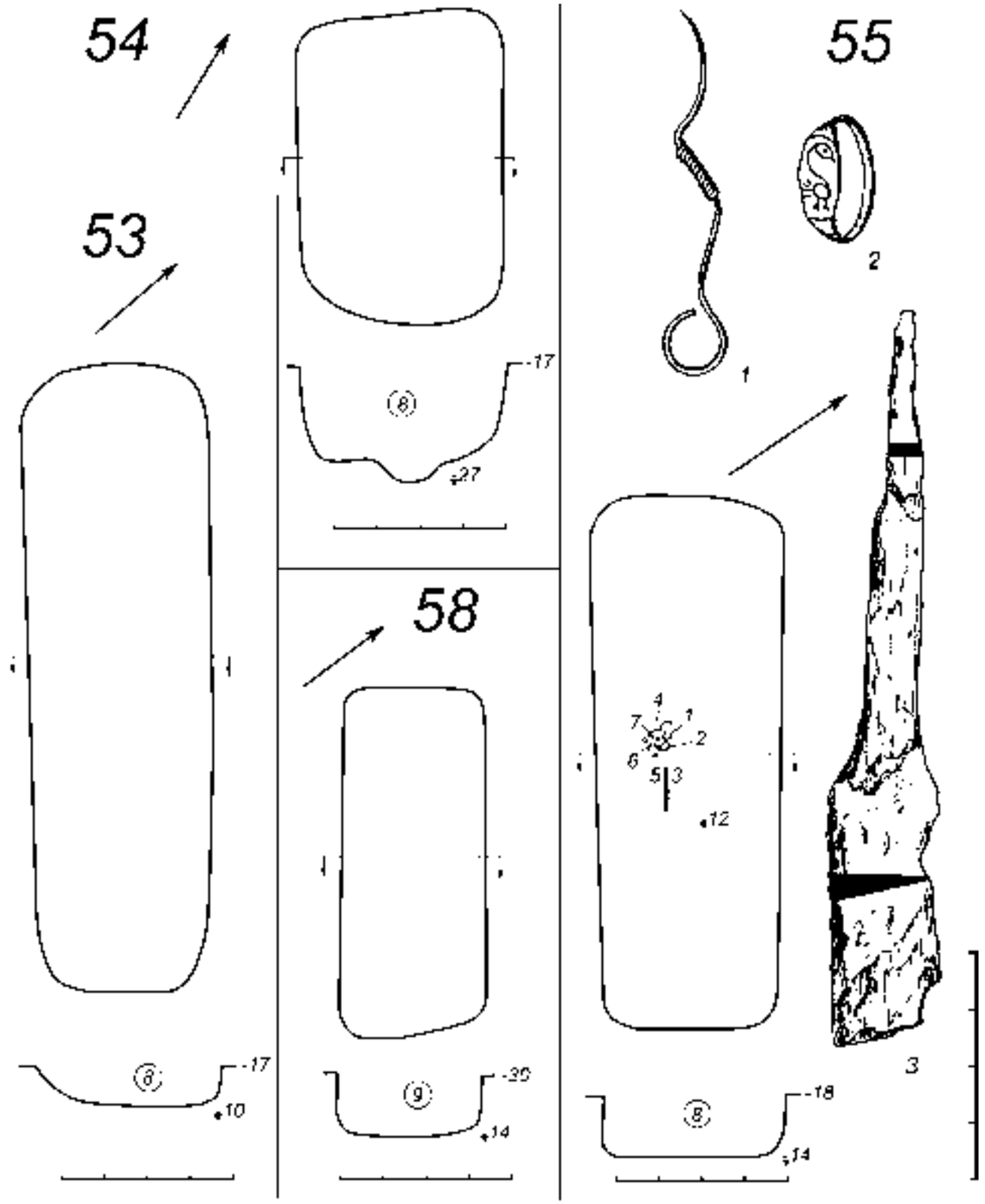

Табл. 32. Кадочниковский могильник. Погребение 53. Погребение 54. Погребение 55: 1 – височная подвеска; 2 – перстень; 3 – нож; 4 – сюльгама (фр.); 5 – бусины; 6 – монеты (3 экз.); 7 – полусферическая пронизка. 1, 2, 7 – бронза; 3, 4 – железо; 5 – стекло; 6 – серебро. Погребение 58

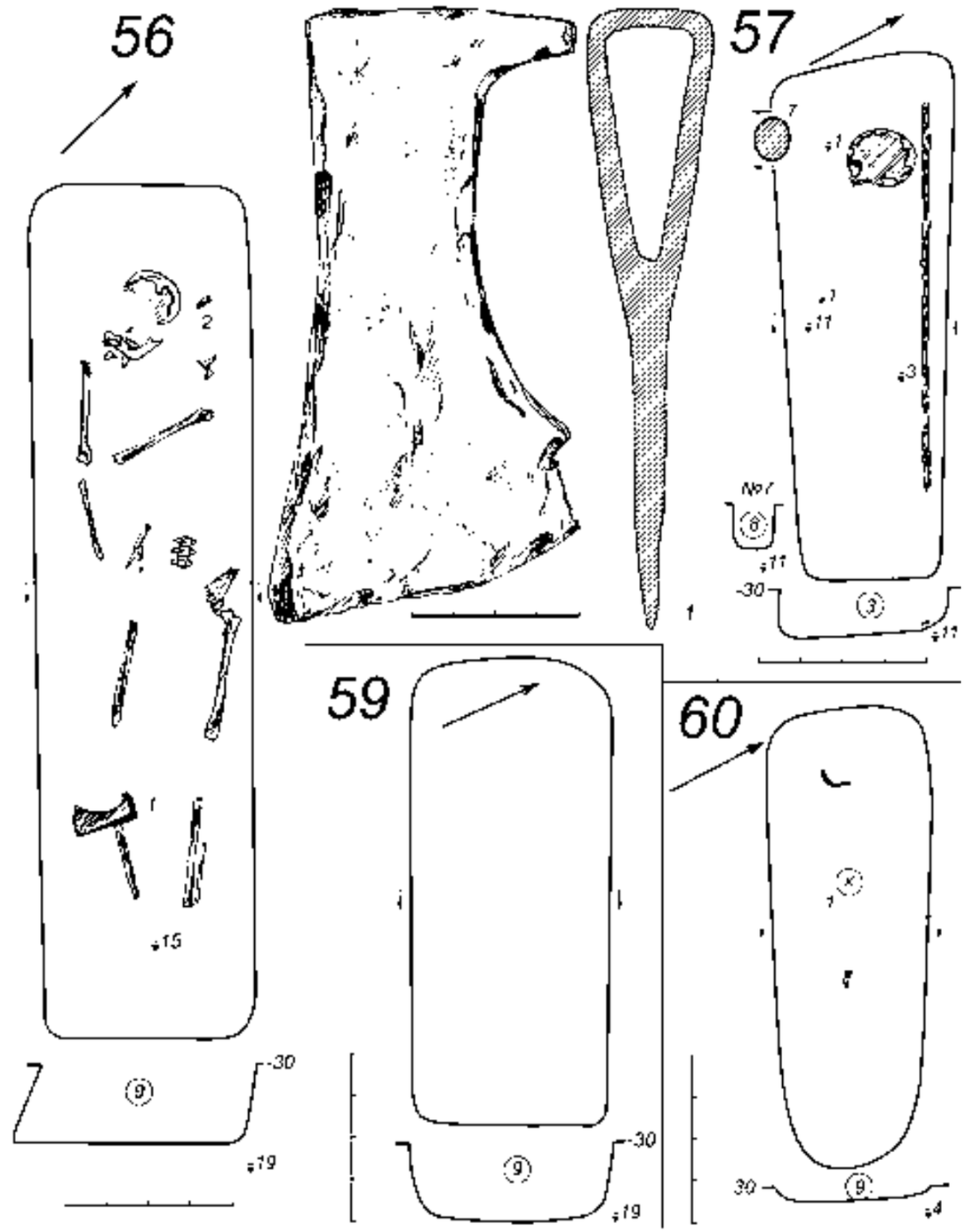

Табл. 33. Кадочниковский могильник. Погребение 56: 1 – топор; 2 – зуб лошади (?). 1 – железо. Погребение 57: 1 – монета, серебро. Погребение 59. Погребение 60: 1 – кальцинированные кости

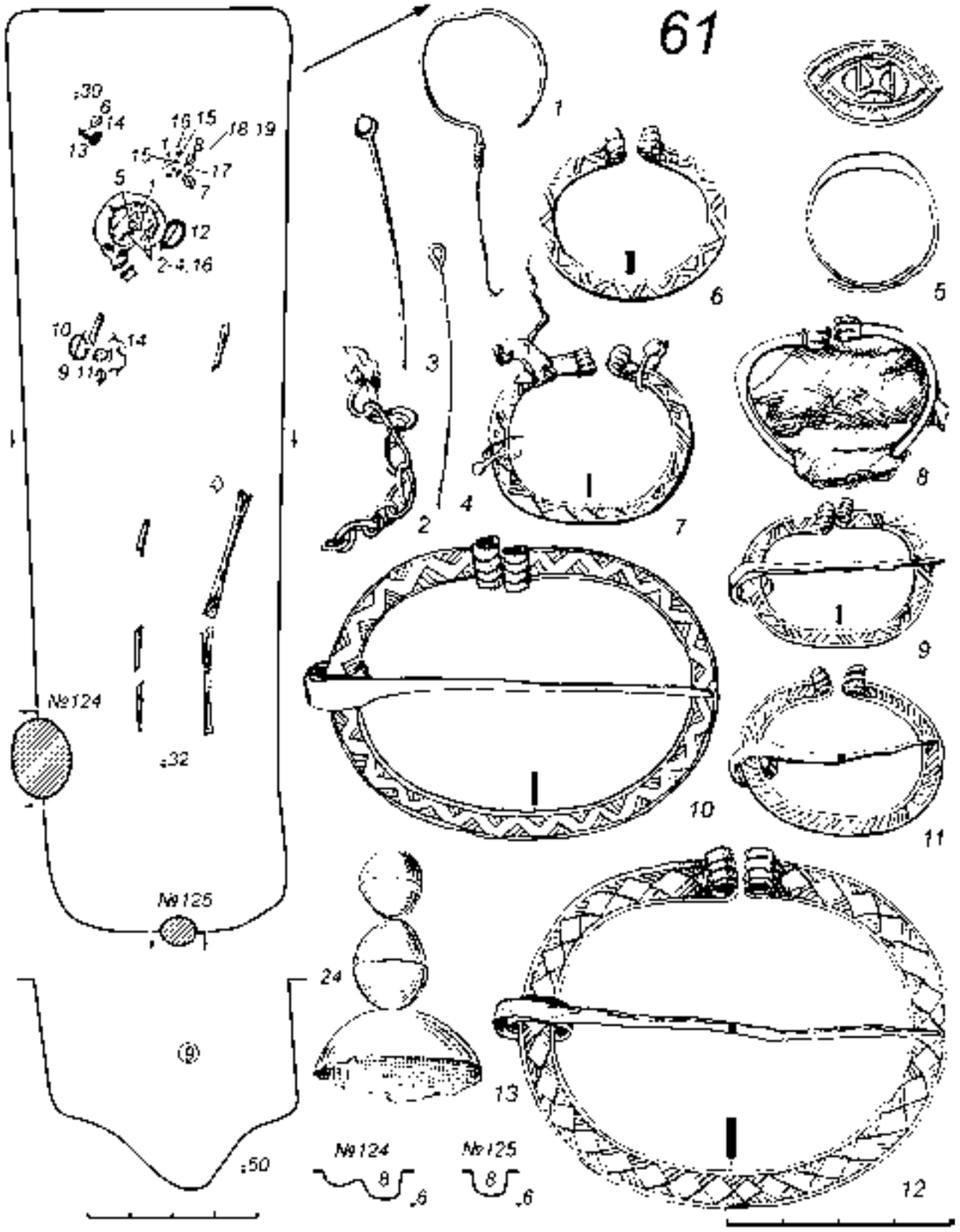

Табл. 34. Кадочниковский могильник. Погребение 61: 1 – височная подвеска; 2 – цепочка; 3, 4 – булавки; 5 – перстень; 6-12 – сюльгамы; 13 – полусферическая пронизка (подвеска-венчик); 14 – височные подвески (во фр.); 15 – монета; 16 – монеты-подвески (5 экз.); 17 – жетоны-подвески; 18 – бусы; 19 – бисер. 1-7, 9-14, 17 – бронза; 8 – бронза, ткань; 15, 16 – серебро; 18, 19 – стекло

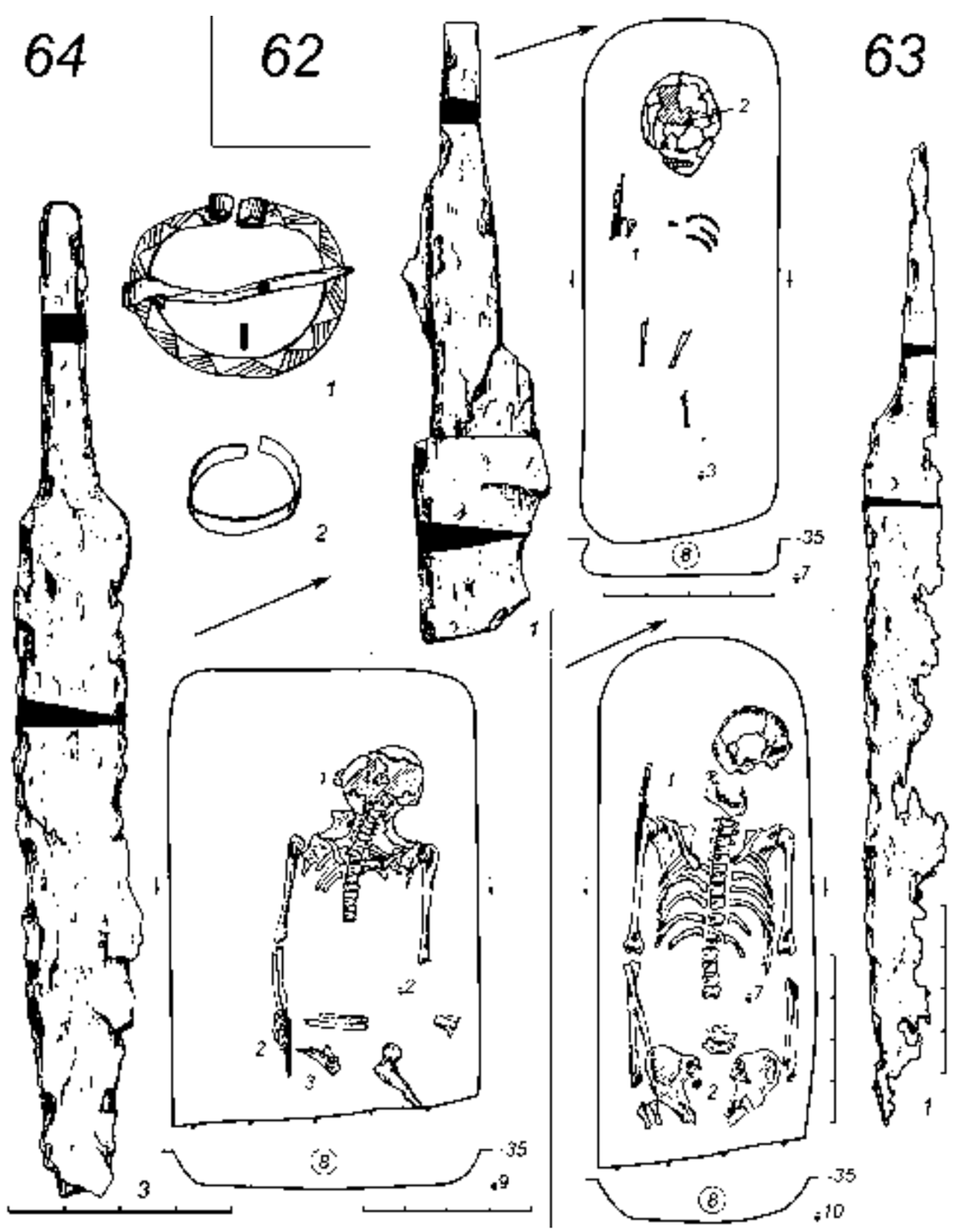

Табл. 35. Кадочниковский могильник. Погребение 62: 1 – нож; 2 – жетон. 1 – железо; 2 – бронза. Погребение 63: 1 – нож; 2 – монета. 1 – железо; 2 – медь. Погребение 64: 1 – сюльгама; 2 – перстень; 3 – нож. 1-2 – бронза; 3 – железо

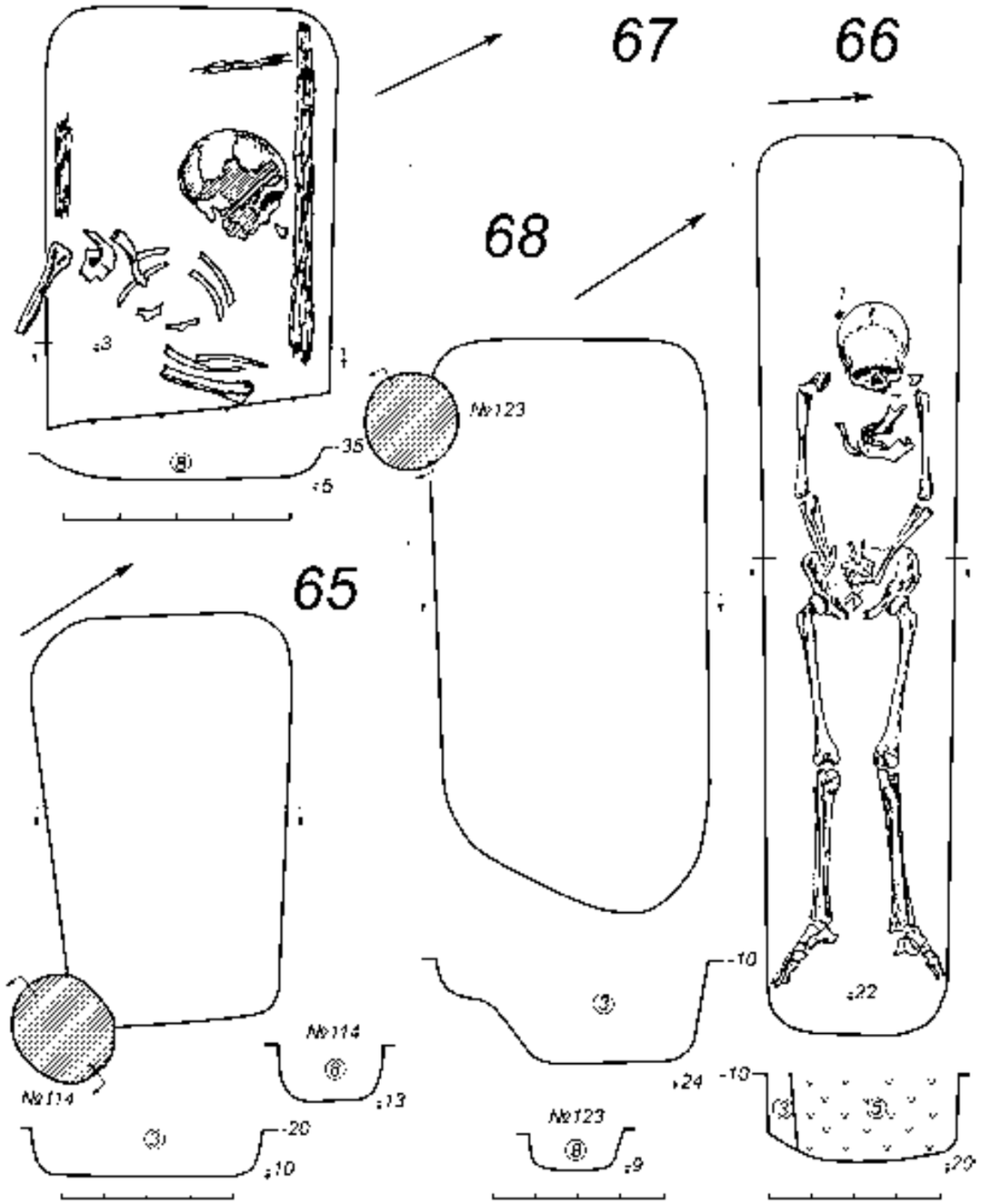

Табл. 36. Кадочниковский могильник. Погребение 65. Погребение 66: 1 – монета, медь. Погребение 67. Погребение 68

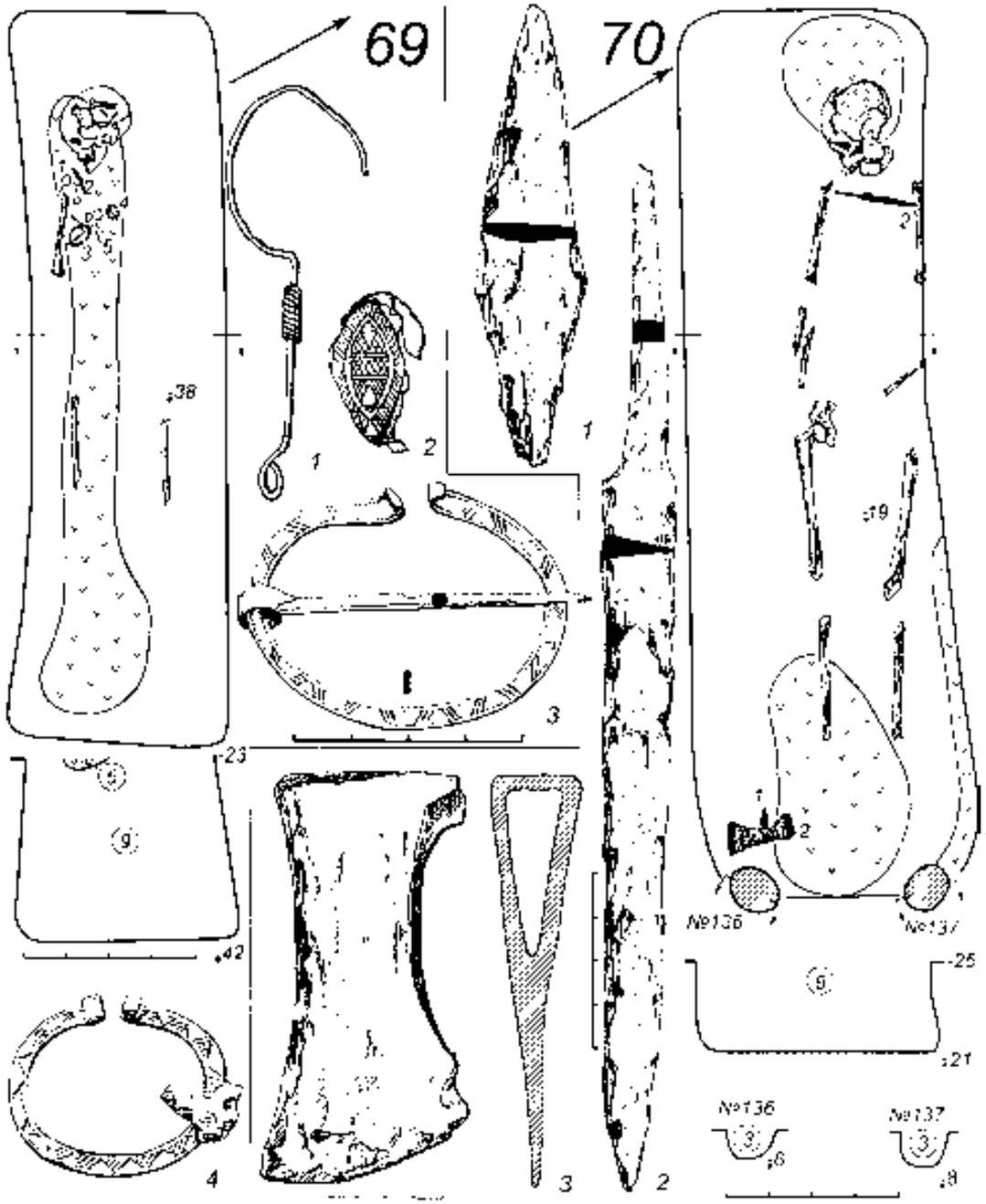

Табл. 37. Кадочниковский могильник. Погребение 69: 1, 5 – височные подвески; 2 – перстень; 3, 4 – сюльгамы. 1-5 – бронза. Погребение 70: 1 – наконечник стрелы; 2 – нож; 3 – топор. 1-3 – железо

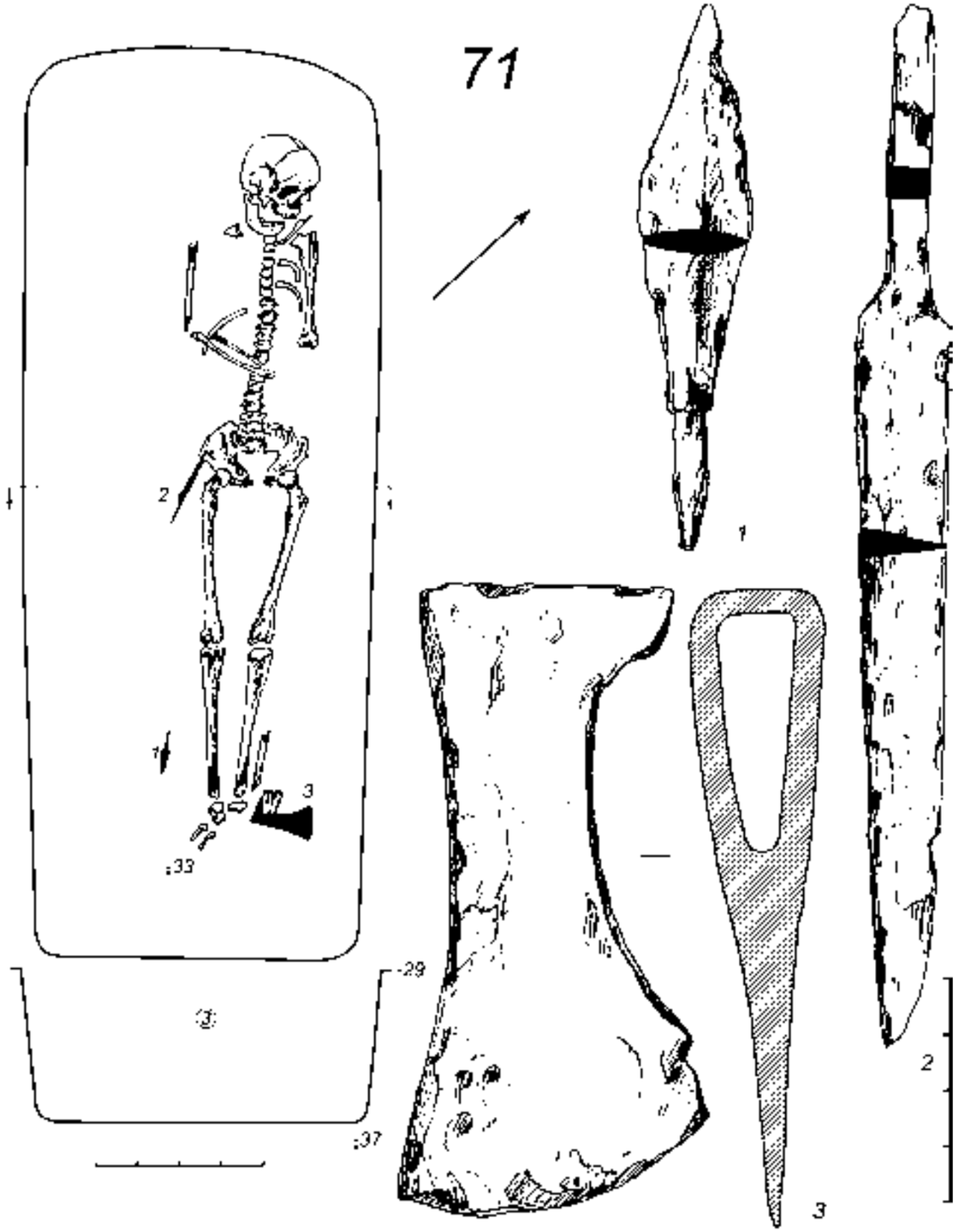

Табл. 38. Кадочниковский могильник. Погребение 71: 1 – наконечник стрелы; 2 – нож; 3 – топор. 1-3 – железо

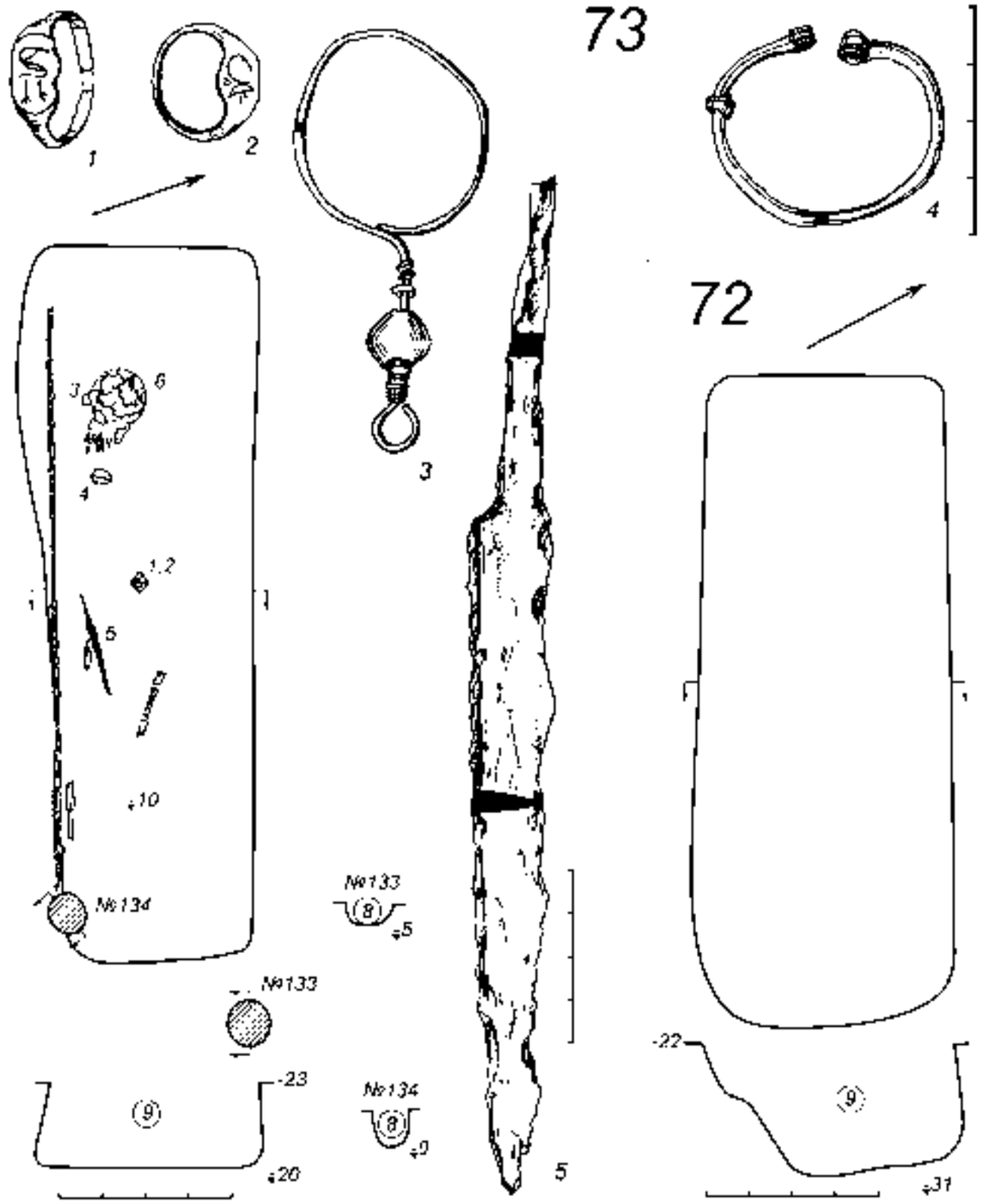

Табл. 39. Кадочниковский могильник. Погребение 72. Погребение 73: 1, 2 – перстни; 3 – височная подвеска; 4 – сюльгама; 5 – нож; 6 – монета. 1-4 – бронза; 5 – железо; 6 – серебро

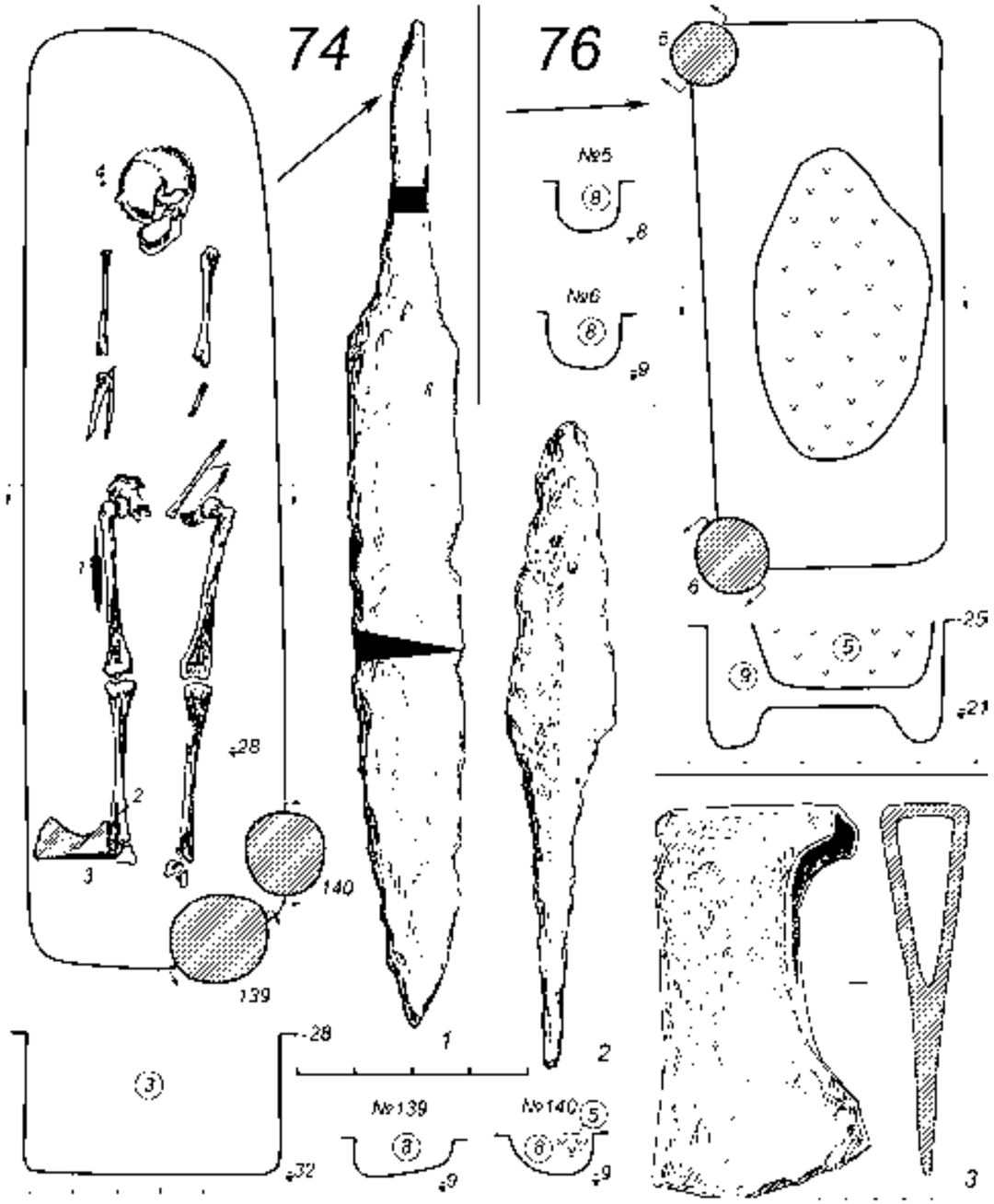

Табл. 40. Кадочниковский могильник. Погребение 74: 1 – нож; 2 – наконечник стрелы; 3 – топор; 4 – монета. 1-3 – железо; 4 – серебро. Погребение 76

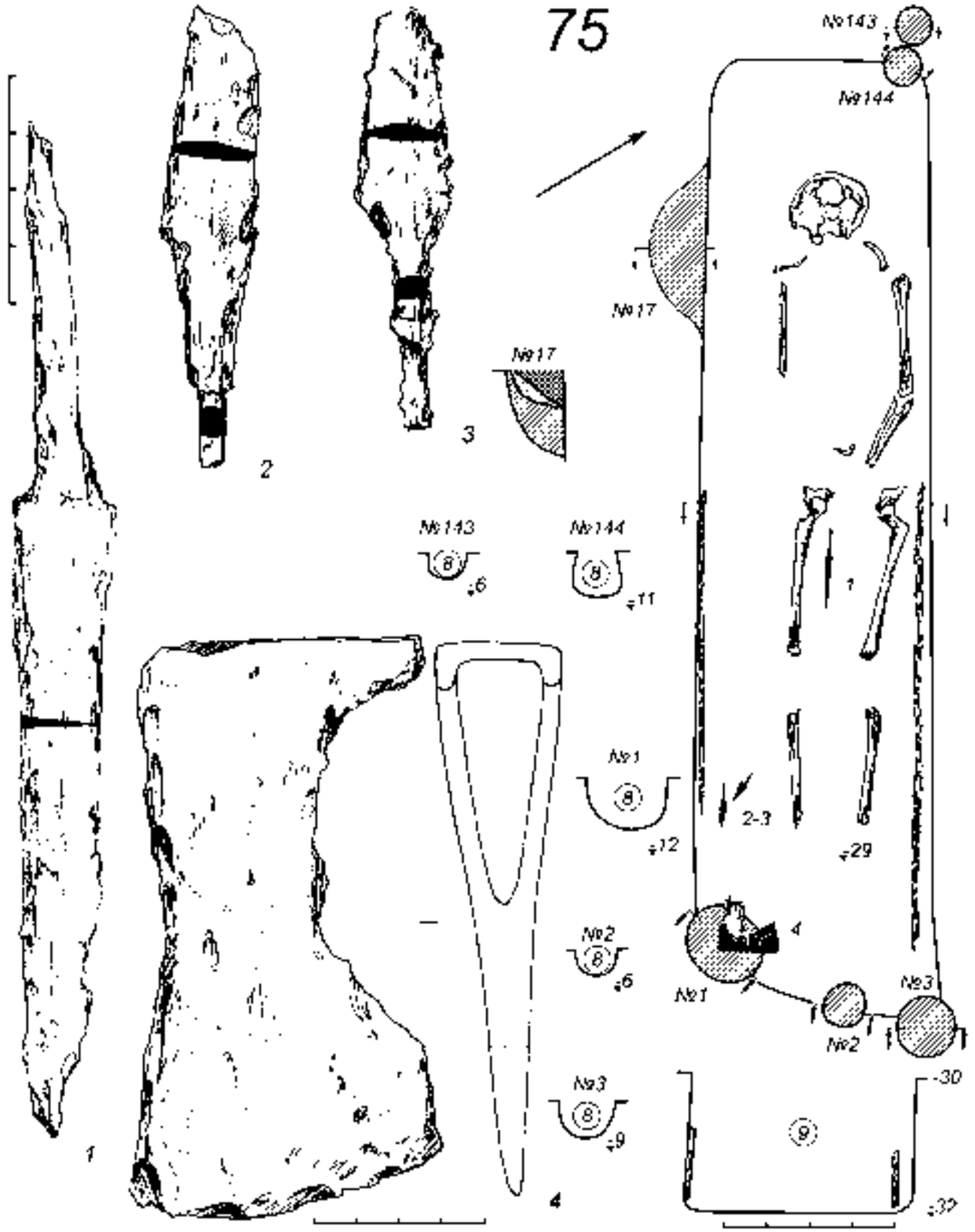

Табл. 41. Кадочниковский могильник. Погребение 75: 1 – нож; 2, 3 – наконечники стрел; 4 – топор. 1-4 – железо

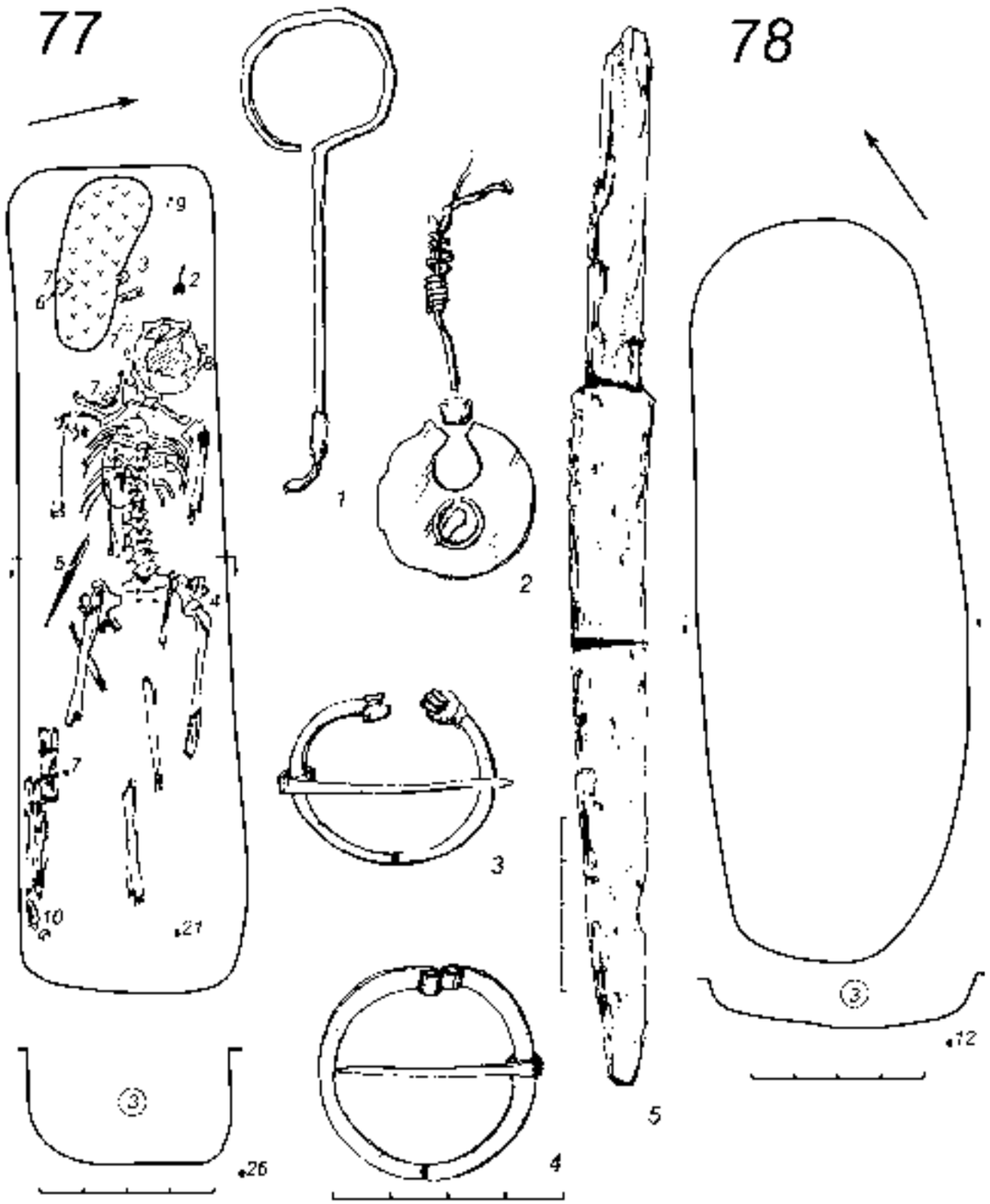

Табл. 42. Кадочниковский могильник. Погребение 77: 1 – височная подвеска; 2 – сложное украшение с подвеской; 3, 4 – сюльгамы; 5 – нож; 6 – бусины; 7 – бисер; 8 – фрагмент височной подвески; 9 – бусины с огранкой; 10 – челюсть животного. 1, 5 – железо; 2-4, 8 – бронза; 6, 7 – стекло; 9 – камень. Погребение 78

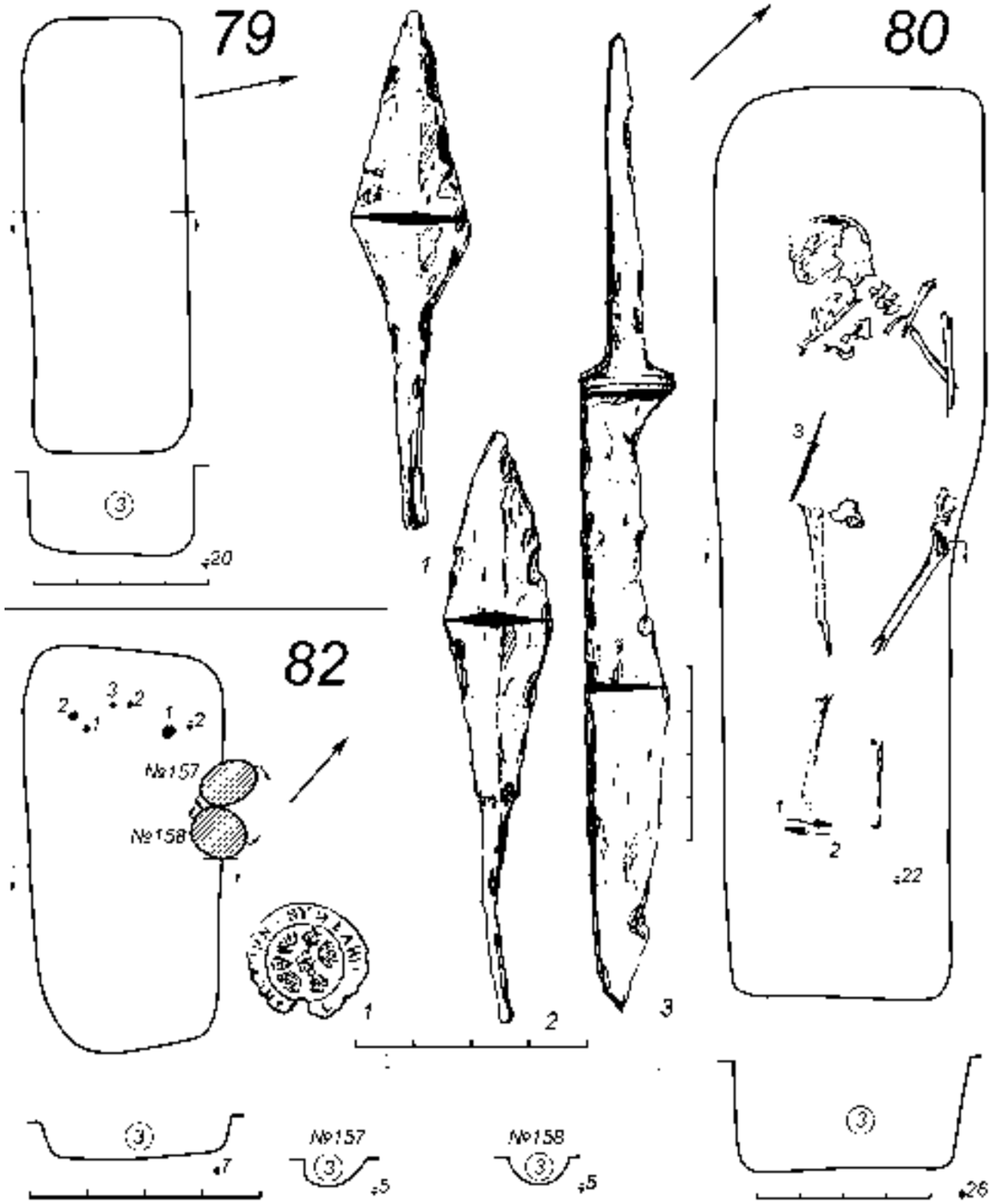

Табл. 43. Кадочниковский могильник. Погребение 79. Погребение 80: 1, 2 – наконечники стрел; 3 – нож. 1-3 – железо. Погребение 82: 1 – жетон; 2 – монета-подвеска; 3 – монета. 1 – бронза; 2, 3 – серебро

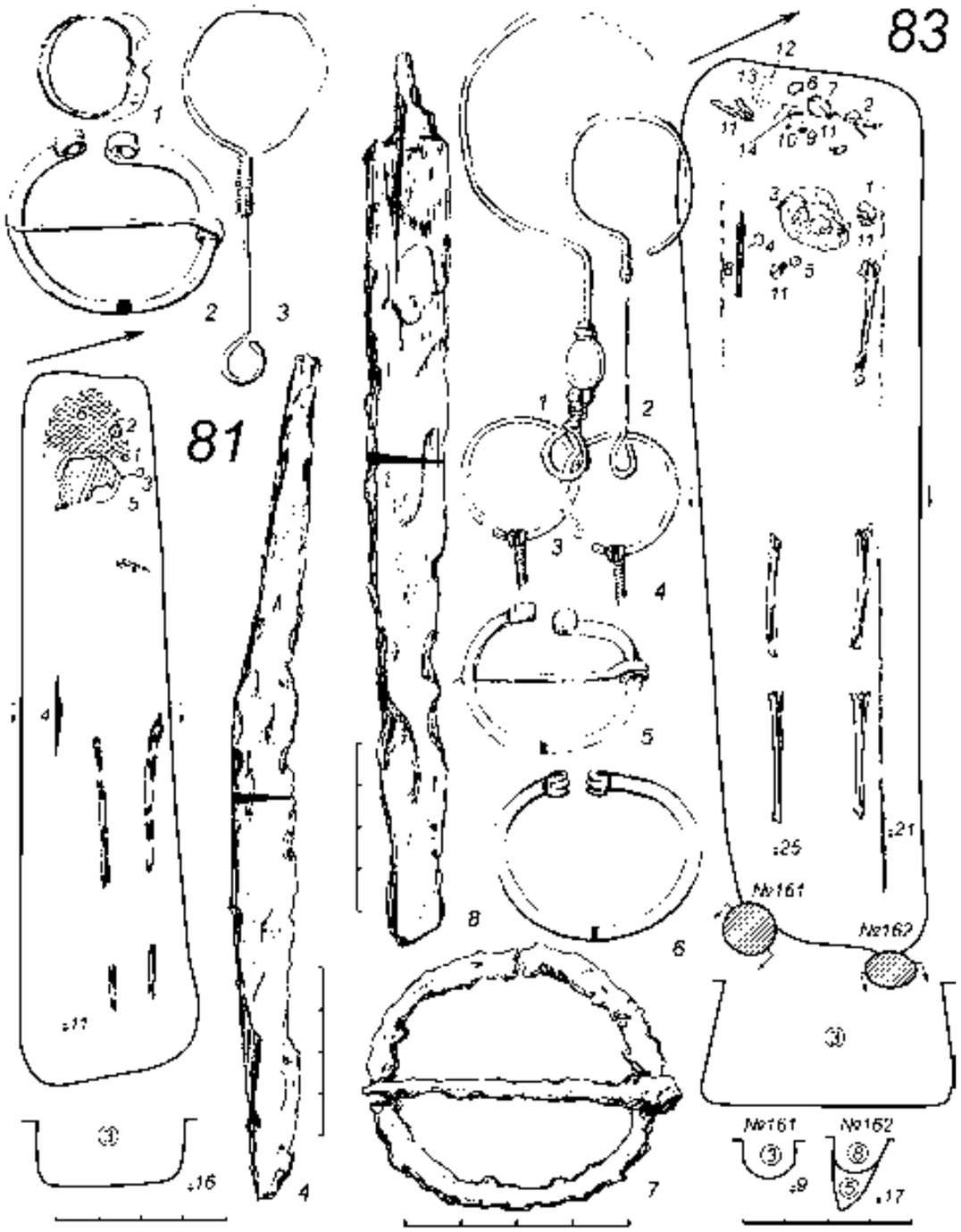

Табл. 44. Кадочниковский могильник. Погребение 81: 1 – перстень; 2 – сюльгама; 3 – височная подвеска; 4 – нож; 5 – бисер; 6 – тлен от головного убора(?). 1-3 – бронза; 4 – железо; 5 – стекло. Погребение 83: 1-4 – височные подвески; 5-7 – сюльгамы; 8 – нож; 9 – фрагмент привески-бубенчика; 10 – монета; 11 – береста; 12 – бисер; 13 – бусина во фрагментах; 14 – булавки. 1 – бронза, стекло; 2-6, 9, 14 – бронза; 7, 8 – железо; 10 – серебро; 12, 13 – стекло

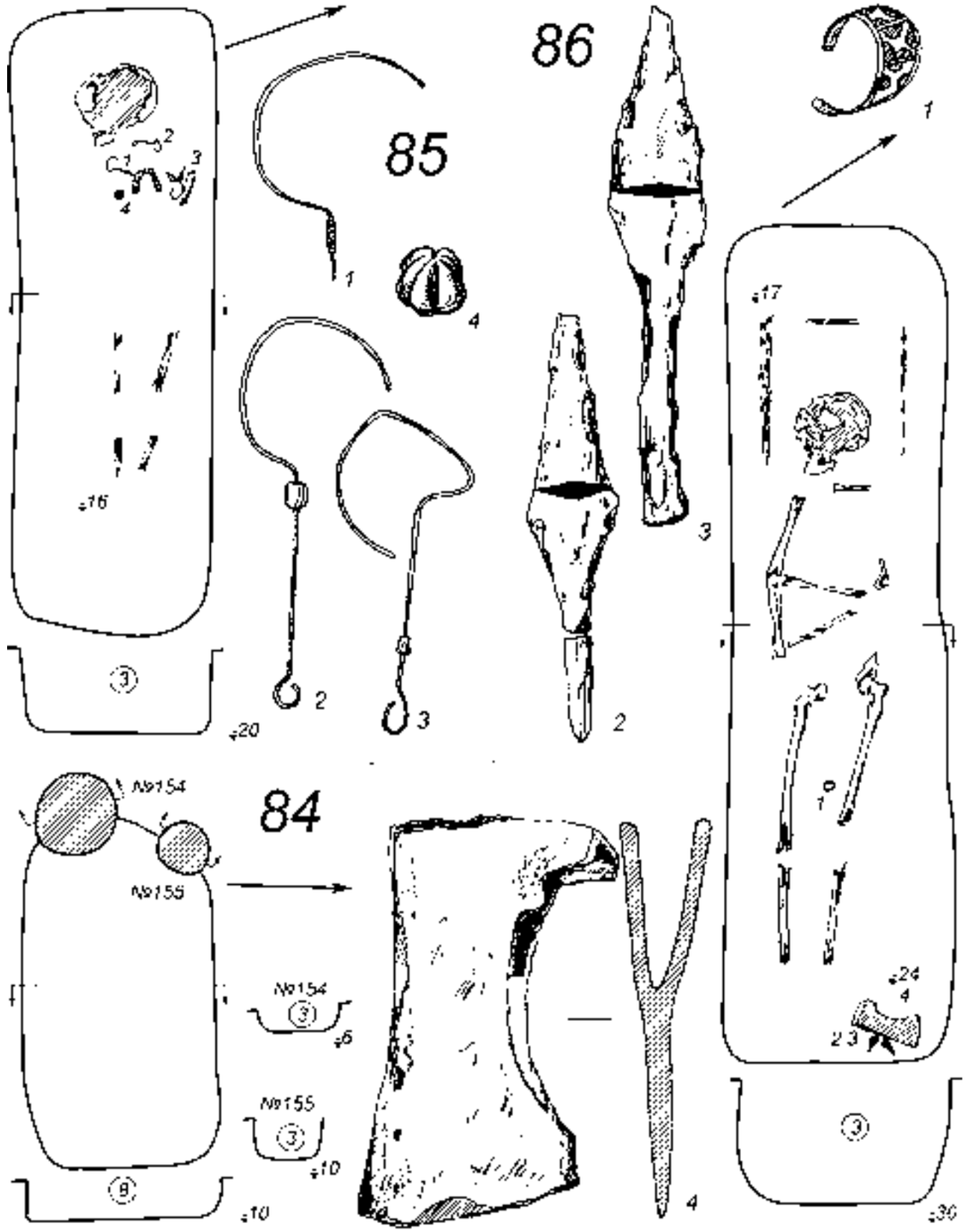

Табл. 45. Кадочниковский могильник. Погребение 84. Погребение 85: 1-3 – височные подвески; 4 – бусина. 1-3 – бронза; 4 – стекло. Погребение 86: 1 – перстень; 2-3 – наконечники стрел; 4 – топор. 1 – бронза; 2-4 – железо

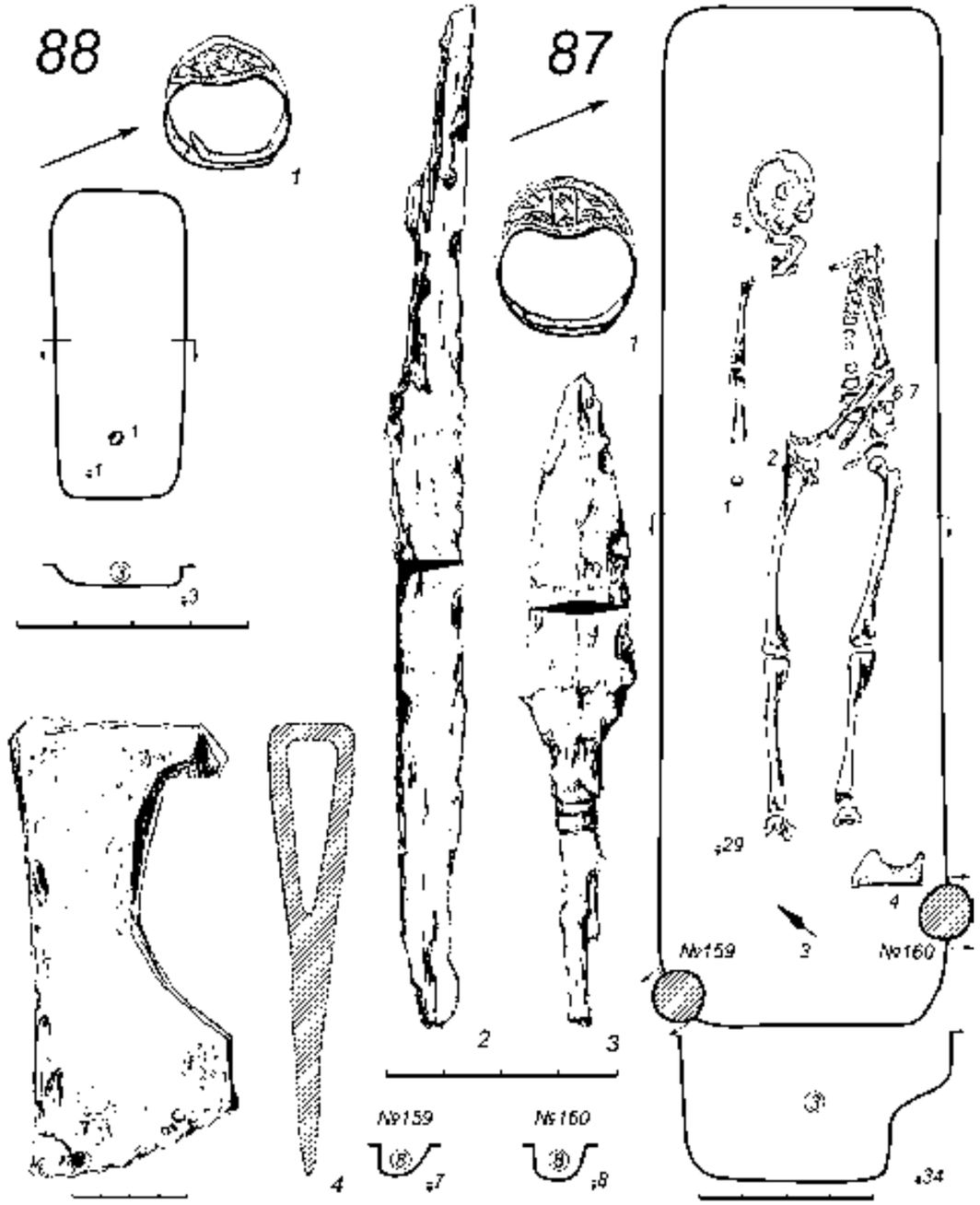

Табл. 46. Кадочниковский могильник. Погребение 87: 1 – перстень; 2 – нож; 3 – наконечник стрелы; 4 – топор; 5-7 – монеты. 1 – бронза; 2-4 – железо; 5-7 – серебро. Погребение 88: 1 – перстень, бронза

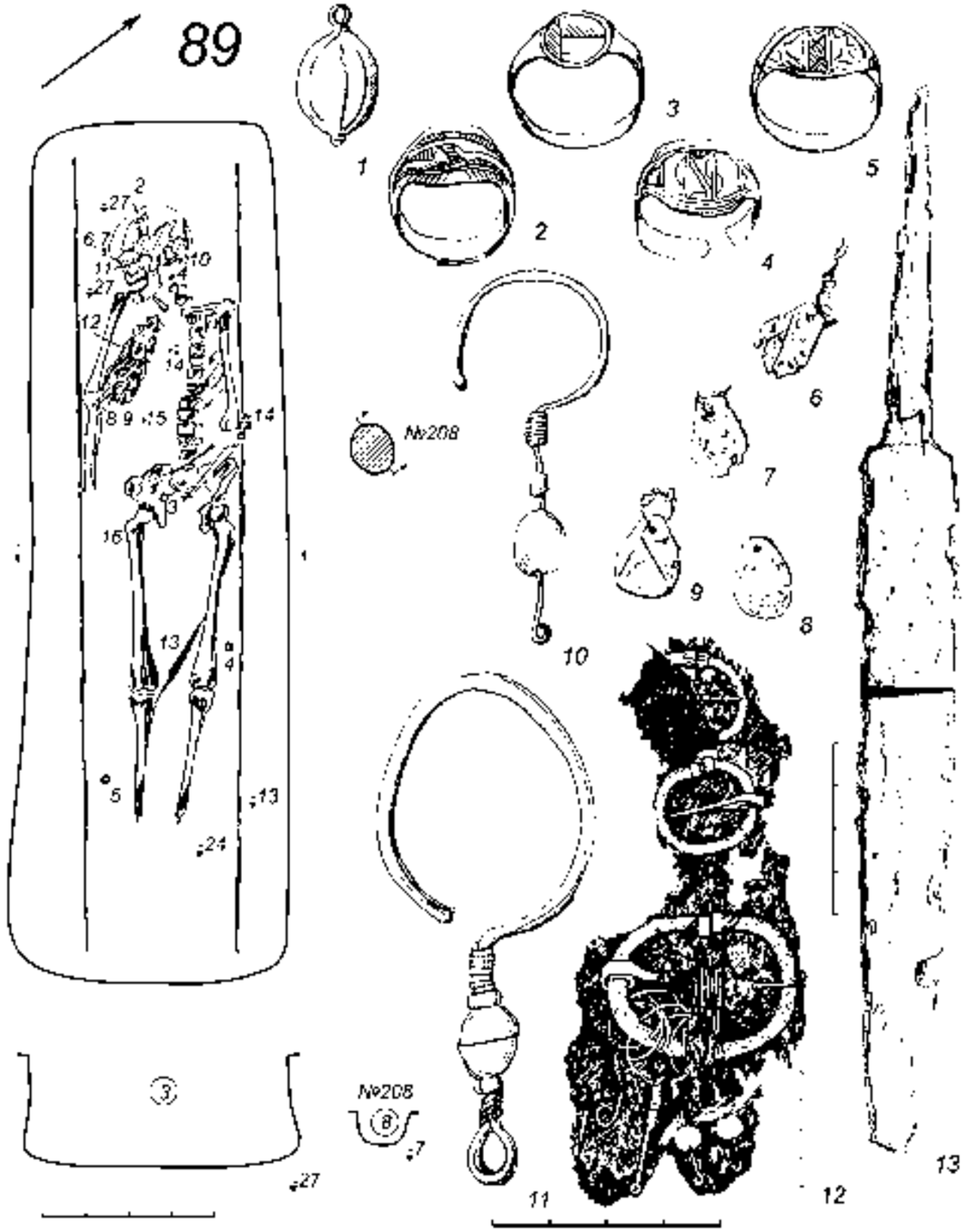

Табл. 47. Кадочниковский могильник. Погребение 89: 1 – подвеска-бубенчик; 2-5 – перстни; 6-9 – монеты-подвески; 10, 11 – височные подвески; 12 – нагрудное украшение; 13 – нож; 14 – бусы; 15, 16 – монеты. 1-5, 10, 11 – бронза; 6-9 – серебро; 12 – бронза, стекло, ткань, береста, органические остатки; 13 – железо

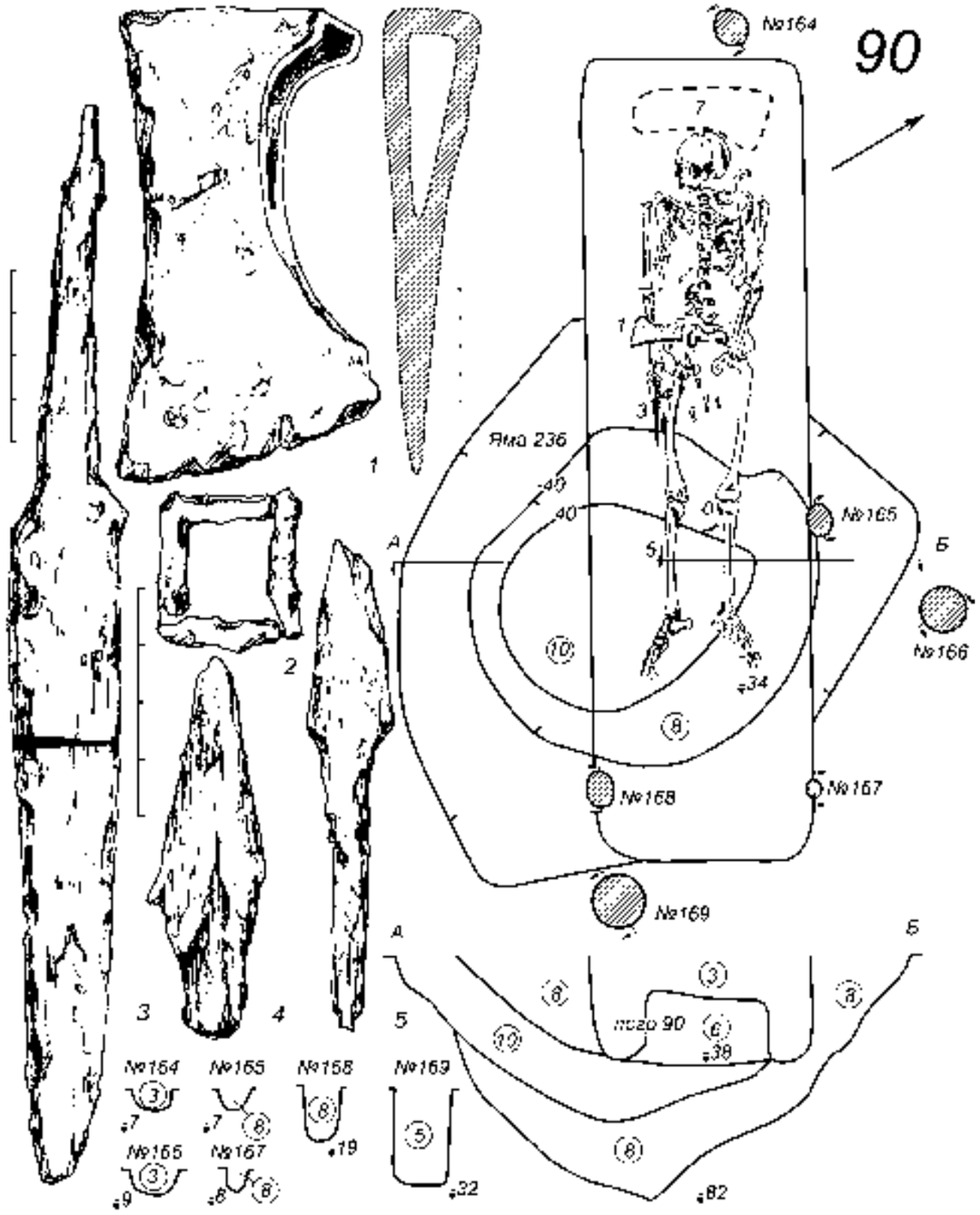

Табл. 48. Кадочниковский могильник. Погребение 90: 1 – топор; 2 – пряжка; 3 – нож; 4, 5 – наконечники стрел; 6 – монета; 7 – тлен. 1-5 – железо; 6 – серебро; 7 – органика

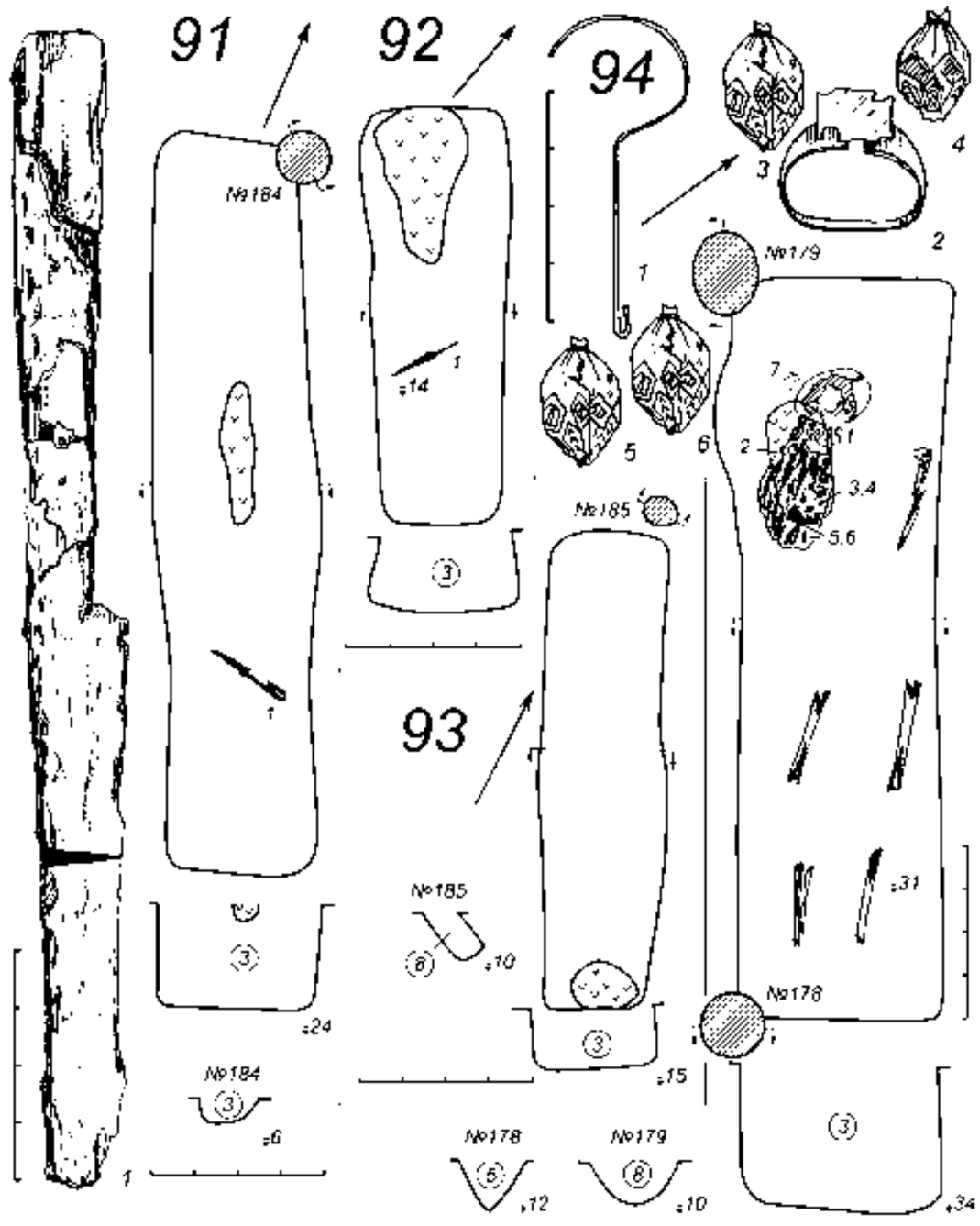

Табл. 49. Кадочниковский могильник. Погребение 91: 1 – нож, железо. Погребение 92: 1 – нож, железо. Погребение 93. Погребение 94: 1 – височная подвеска; 2 – перстень; 3-6 – подвески-бубенчики; 7 – бисер. 1-6 – бронза; 7 – стекло

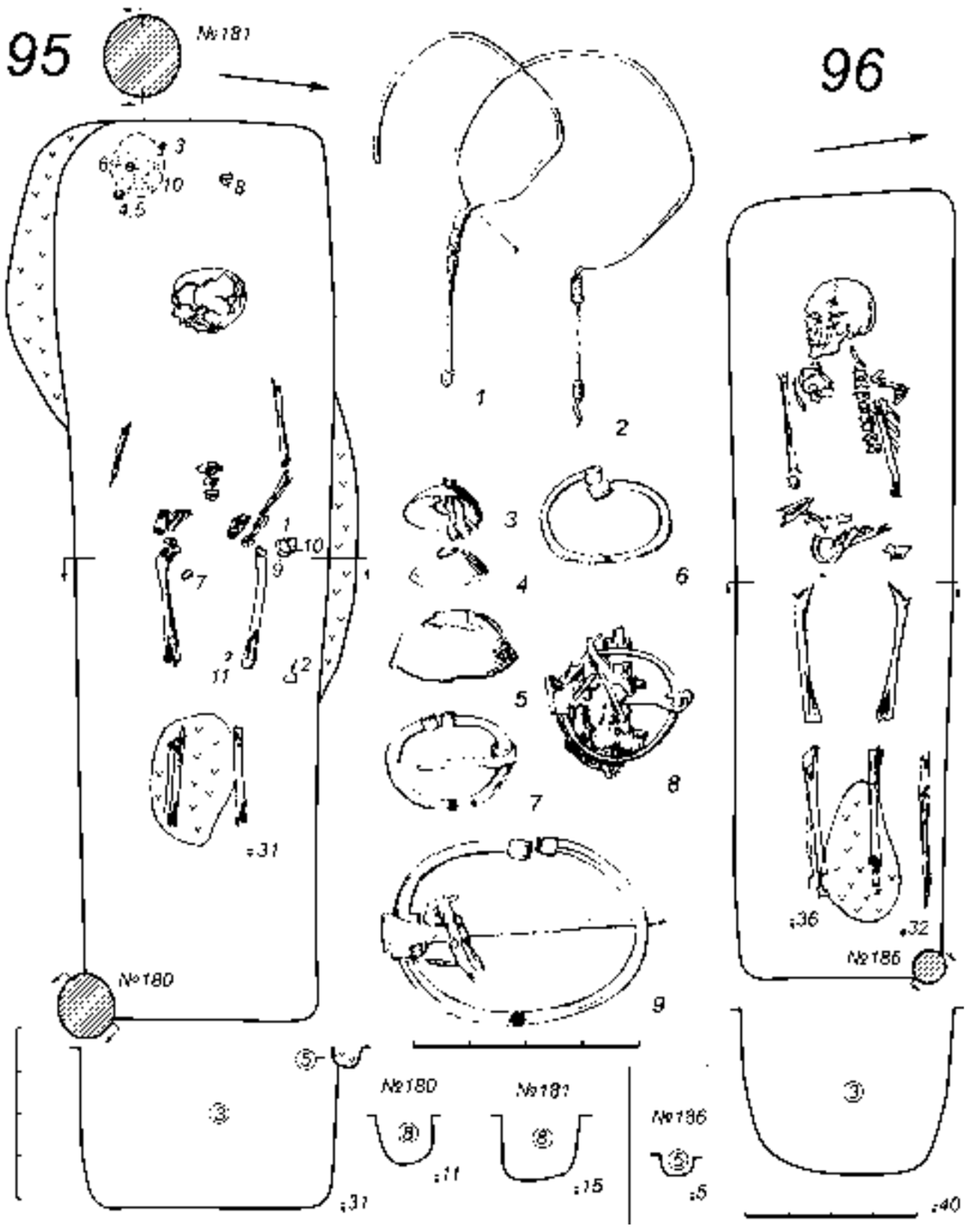

Табл. 50. Кадочниковский могильник. Погребение 95: 1, 2 – височные подвески; 3-5 – полусферические пронизки; 6-9 – сюльгамы; 10 – бисер; 11 – булавка. 1-7, 11 – бронза; 8 – бронза, береста; 9 – бронза, ткань; 10 – стекло. Погребение 96

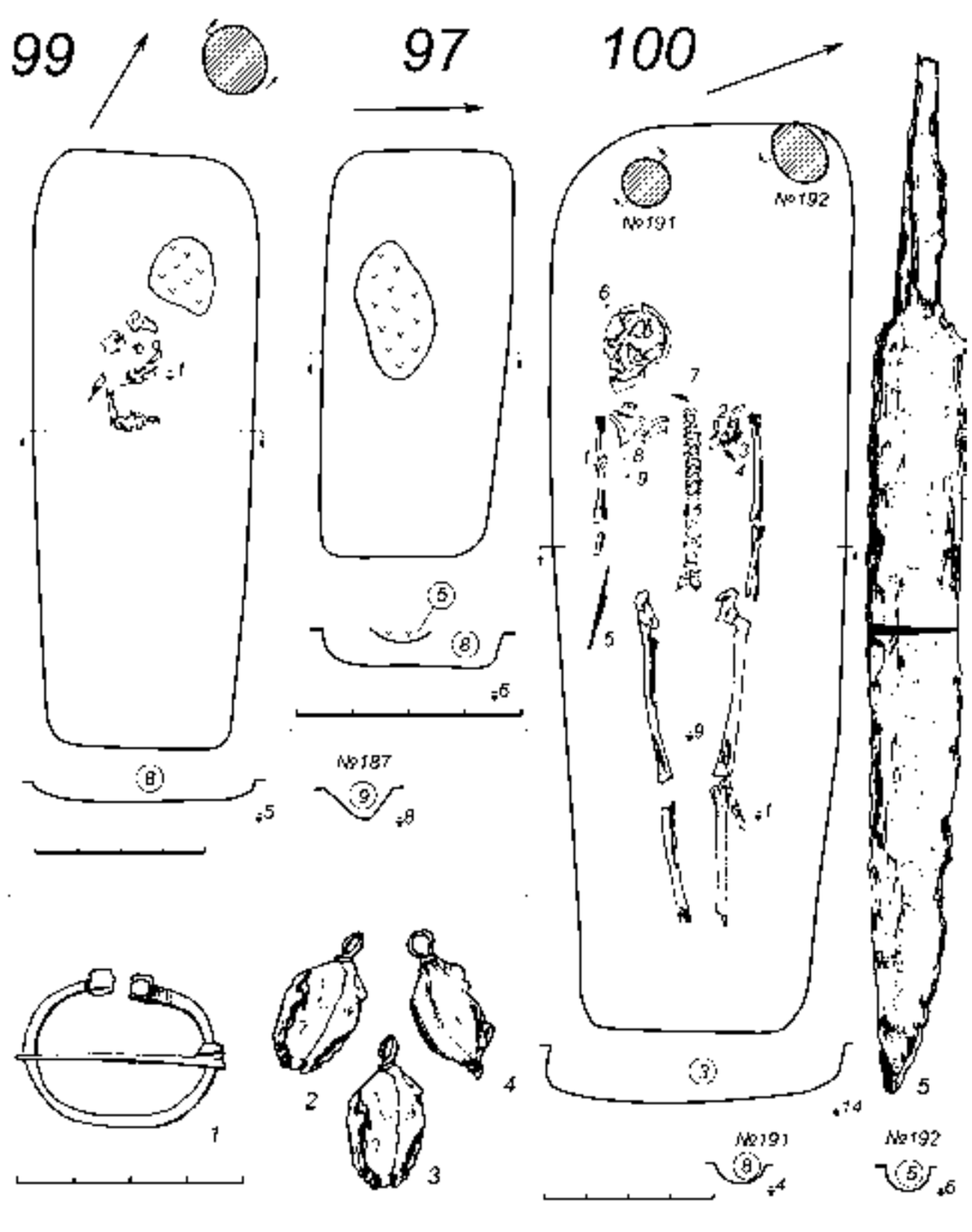

Табл. 51. Кадочниковский могильник. Погребение 97. Погребение 99. Погребение 100: 1 – сюльгама; 2-4 – подвески-бубенчики; 5 – нож; 6 – монета; 7 – бусина на металлическом стержне; 8, 9 – бусины. 1-4 – бронза; 5 – железо; 6 – серебро; 7 – стекло, бронза; 8-9 – стекло

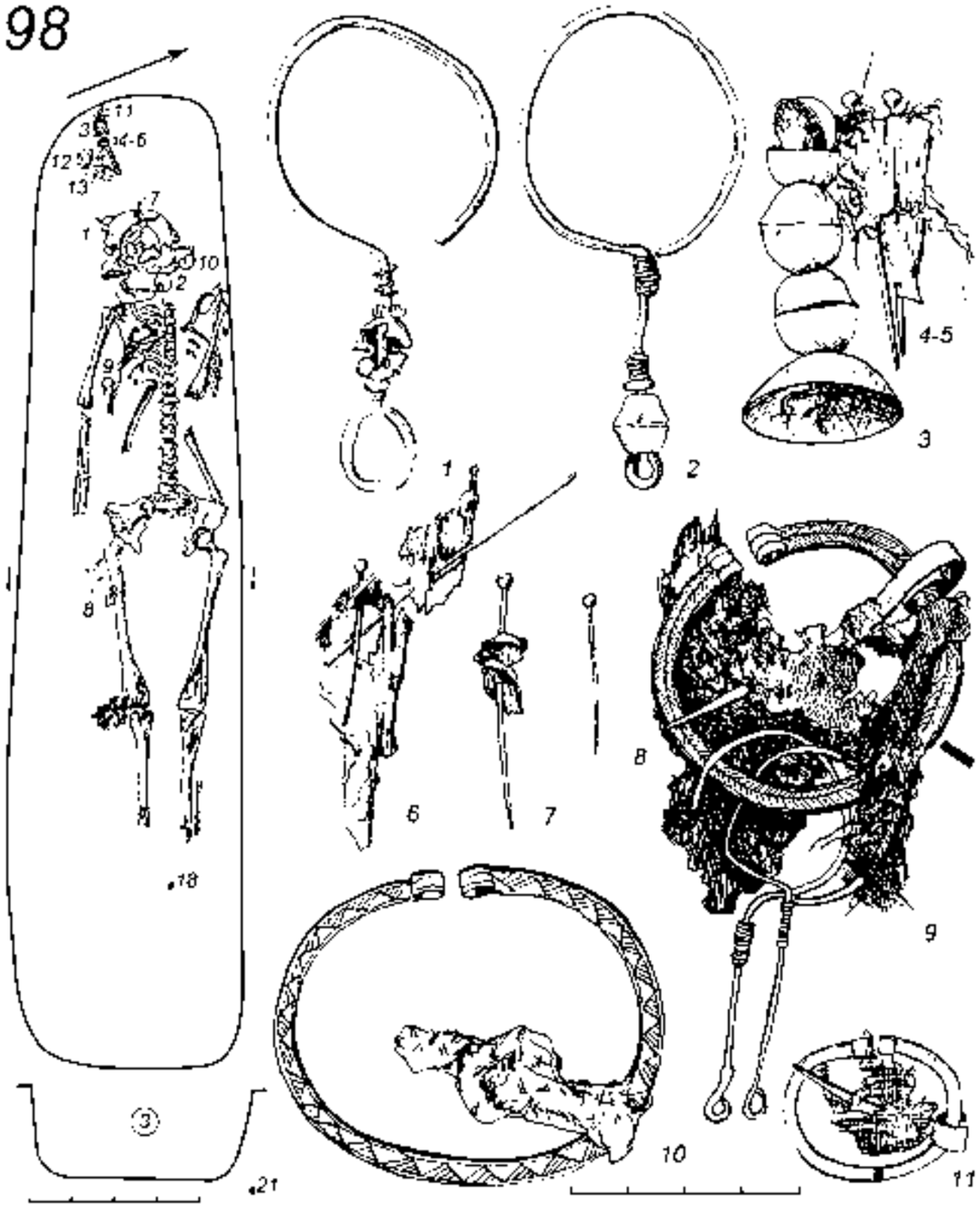

Табл. 52. Кадочниковский могильник. Погребение 98: 1, 2 – височные подвески; 3 – полусферическая пронизка (подвеска-венчик); 4-8 – булавки; 9 – сложное нагрудное украшение (сюльгама, височные подвески); 10, 11 – сюльгамы; 12 – монеты-подвески; 13 – бисер. 1, 2, 6, 8 – бронза; 3-5 – бронза, береста; 7 – бронза, ткань, органика; 9 – бронза, ткань

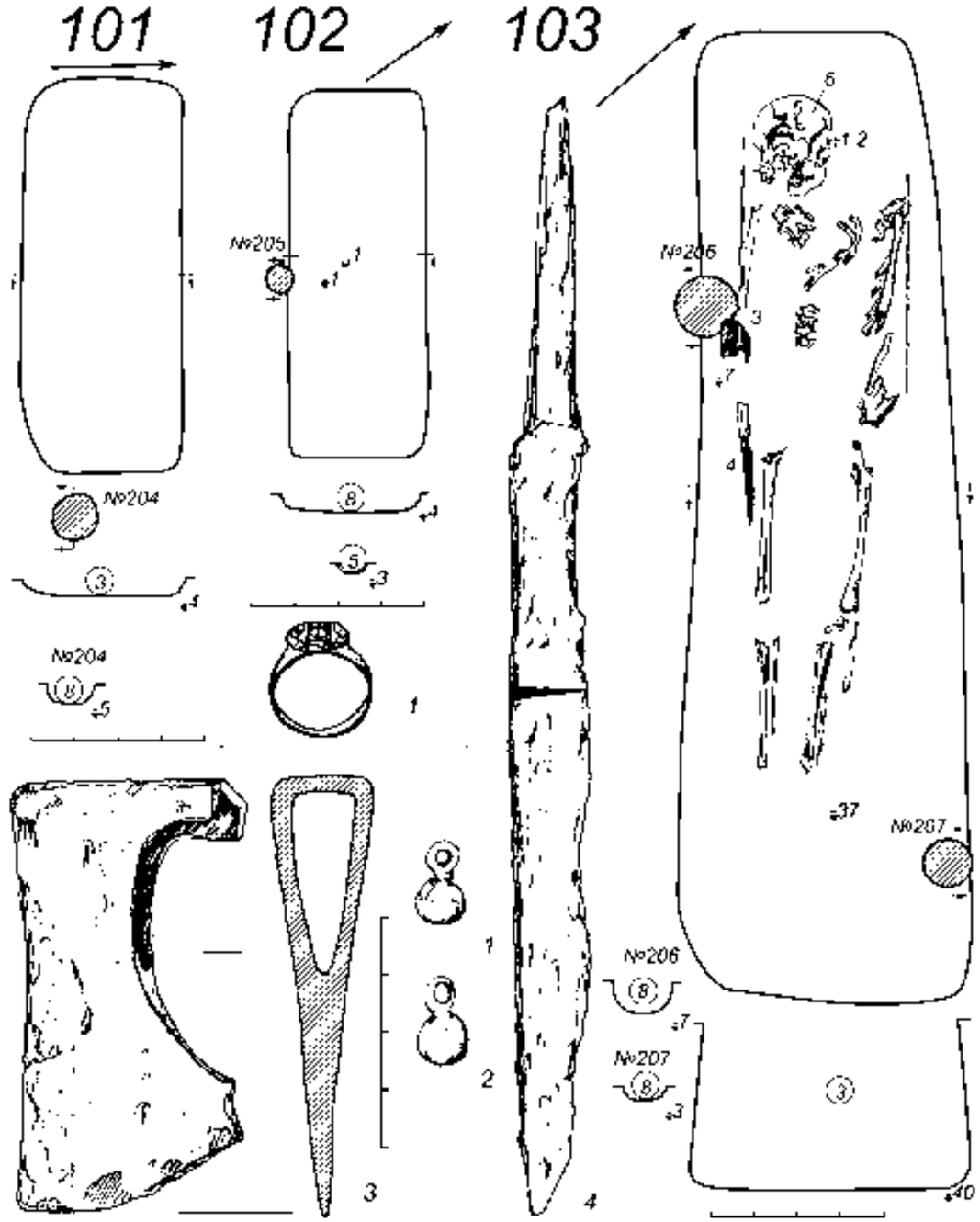

Табл. 53. Кадочниковский могильник. Погребение 101. Погребение 102: 1 – перстень, бронза. Погребение 103: 1, 2 – пуговицы; 3 – топор; 4 – нож; 5 – монета; 6 – фрагмент украшения (?). 1, 2, 6 – бронза; 3, 4 – железо; 5 – серебро

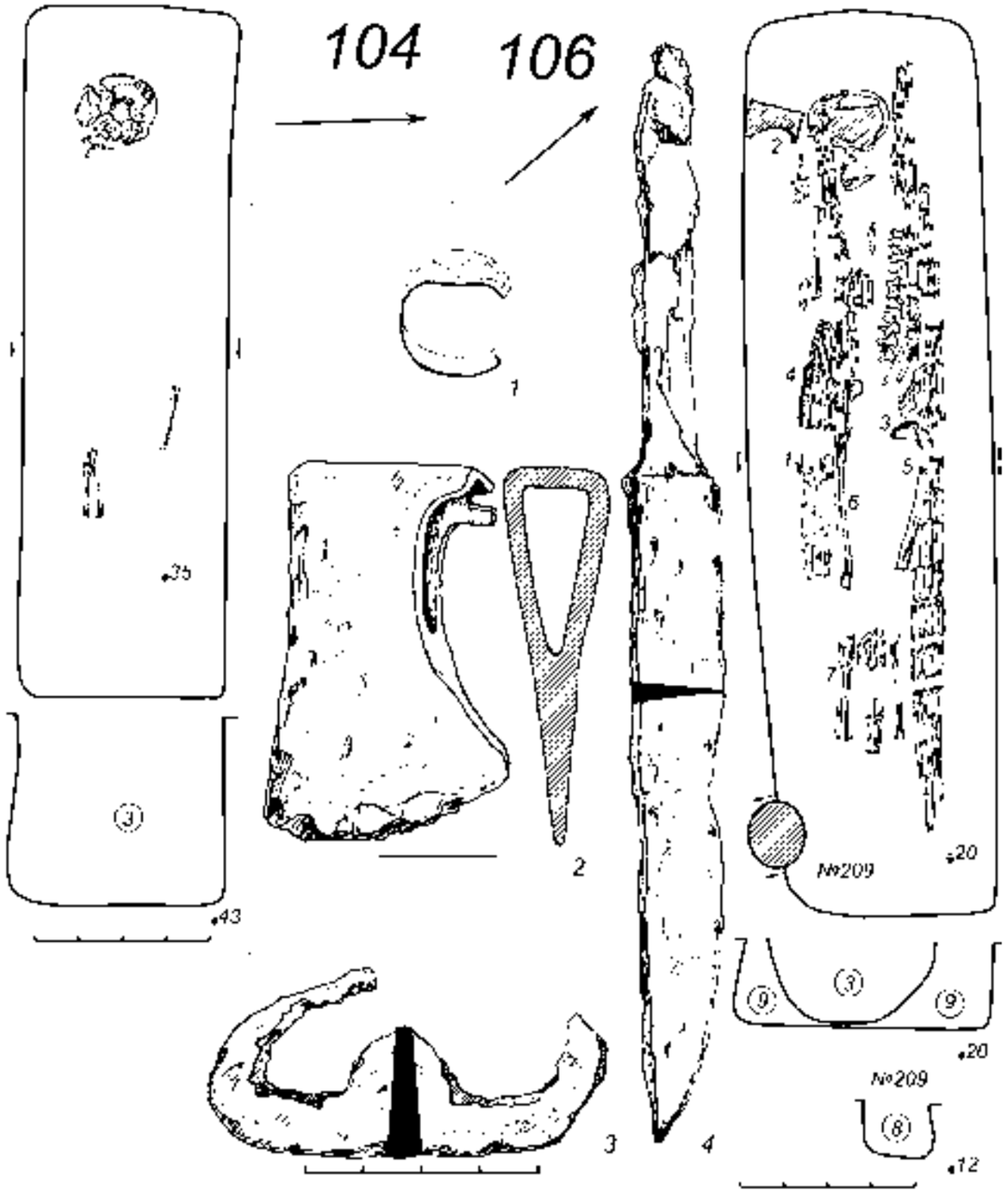

Табл. 54. Кадочниковский могильник. Погребение 104. Погребение 106: 1 – перстень; 2 – топор; 3 – кресало; 4 – нож; 5-7 – монеты (3 экз.). 1 – бронза; 2-4 – железо; 5-7 – серебро

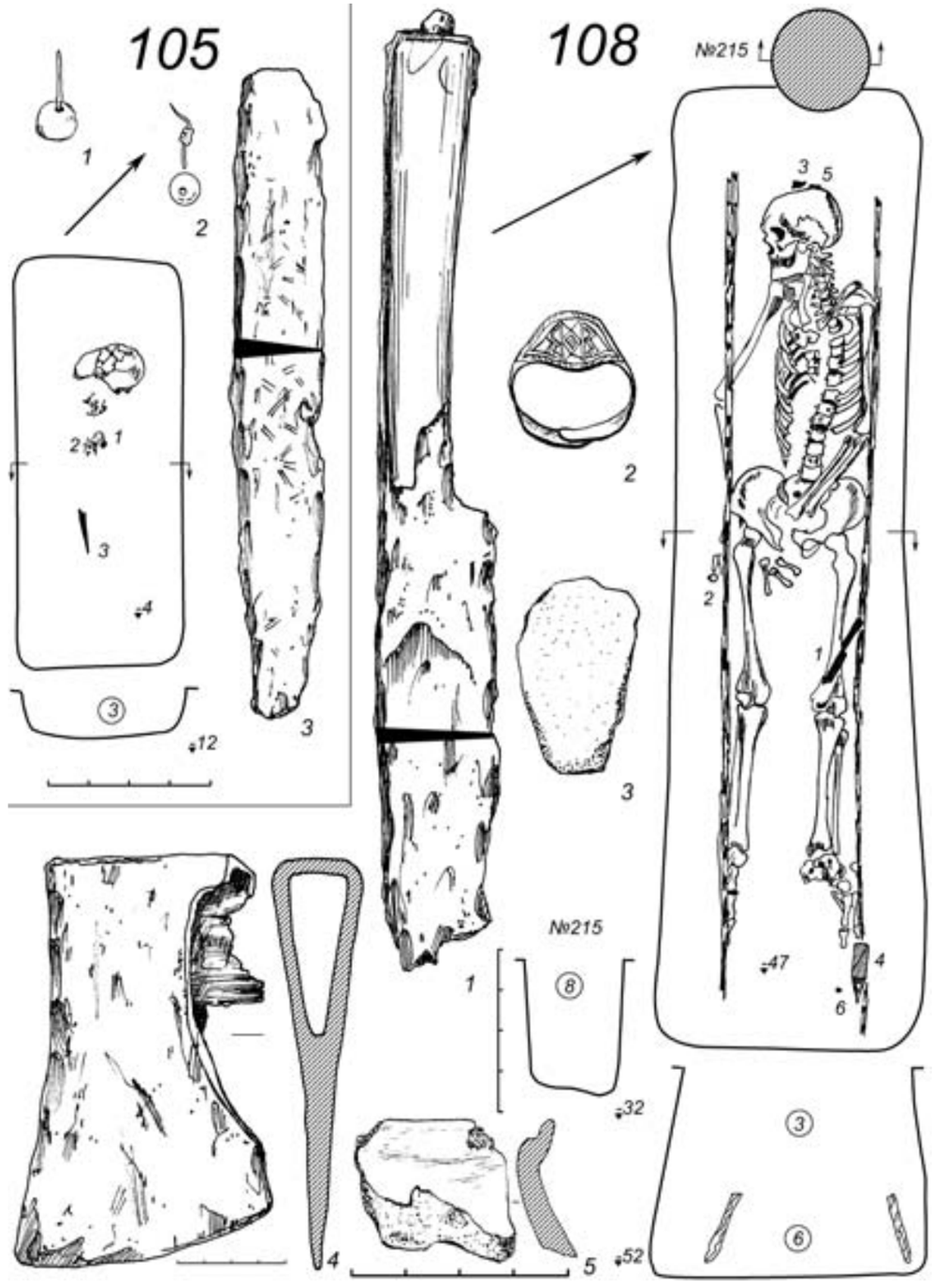

Табл. 55. Кадочниковский могильник. Погребение 105: 1, 2 – височные подвески (во фр.); 3 – нож; 4 – монета-подвеска. 1, 2 – бронза, стекло; 3 – железо; 4 – серебро. Погребение 108: 1 – нож; 2 – перстень; 3, 5 – фрагменты керамики; 4 – топор; 6 – монета. 1 – железо, кость; 2 – бронза; 3, 5 – глина; 4 – железо; 6 – стекло

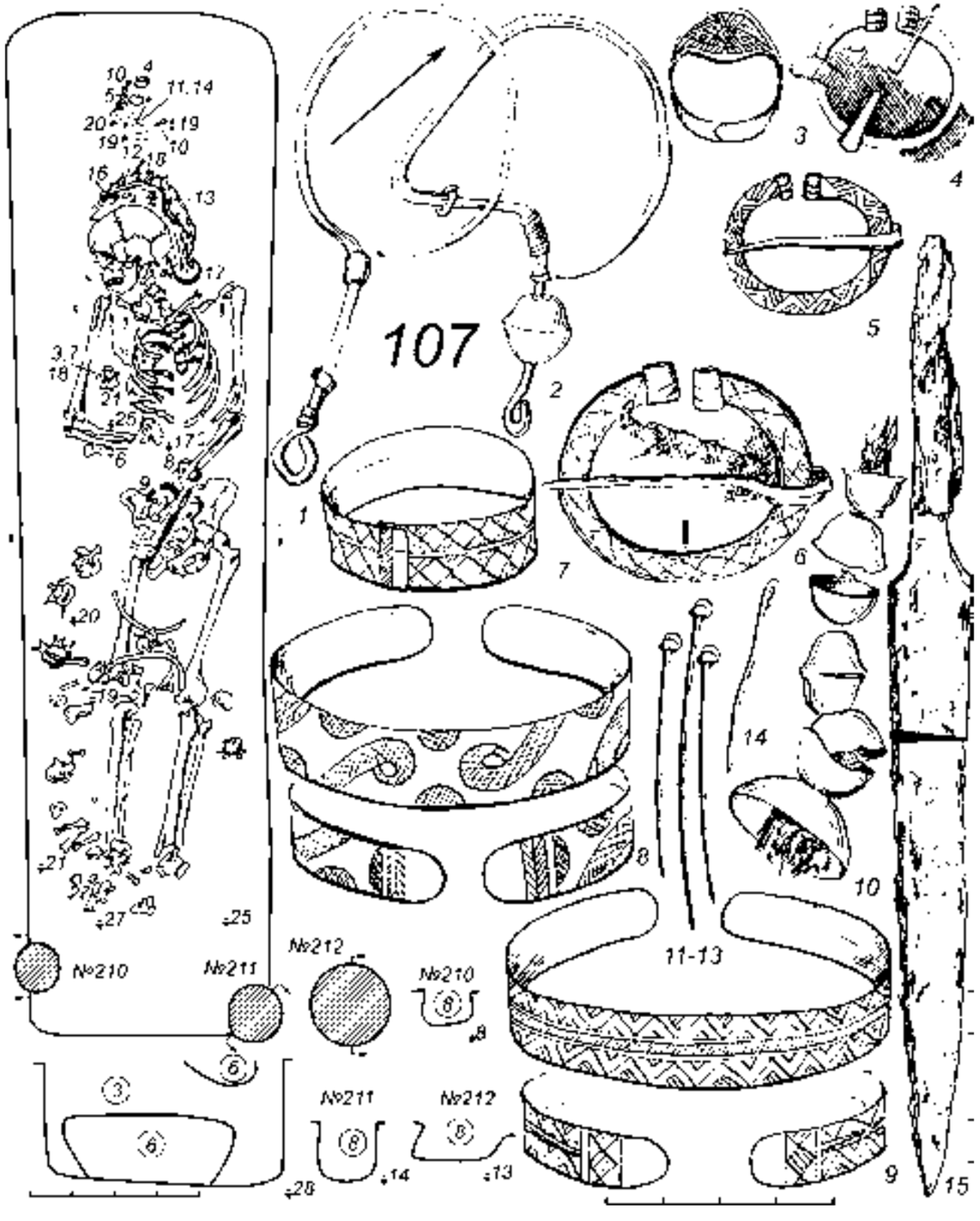

Табл. 56. Кадочниковский могильник. Погребение 107: 1, 2 – височные подвески; 3 – перстень; 4-6, 17 – сюльгамы; 7-9 – браслеты; 10 – полусферические пронизки (подвеска-венчик); 11-14 – булавка; 15 – нож; 16 – налобная повязка; 18 – береста; 19 – монета-подвеска; 20 – бисер; 21 – бусины. 1-14, 17 – бронза; 15 – железо; 16 – ткань; 19 – серебро; 20-21 – стекло

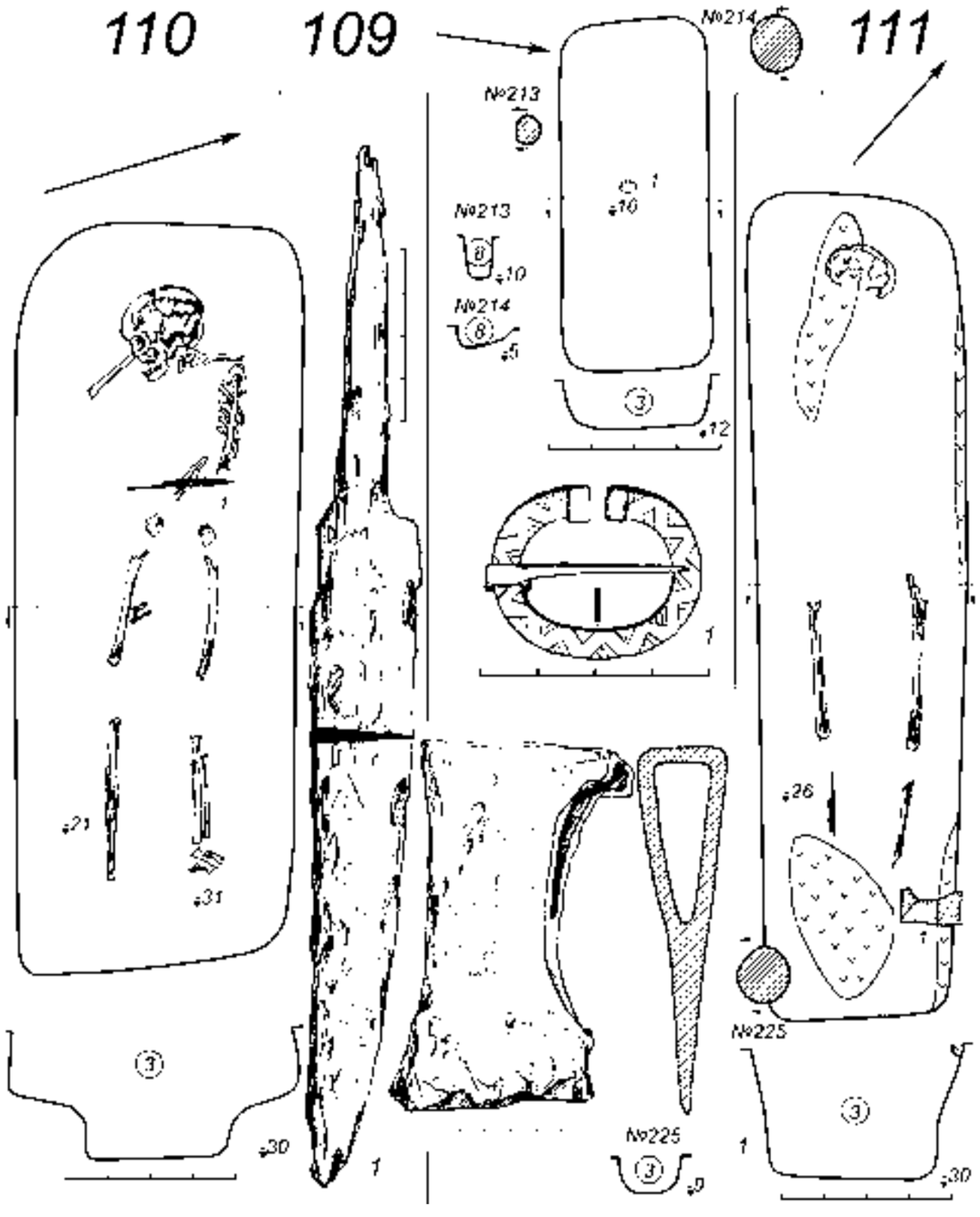

Табл. 57. Кадочниковский могильник. Погребение 109: 1 – сюльгама, бронза. Погребение 110: 1 – нож, железо. Погребение 111: 1 – топор, железо

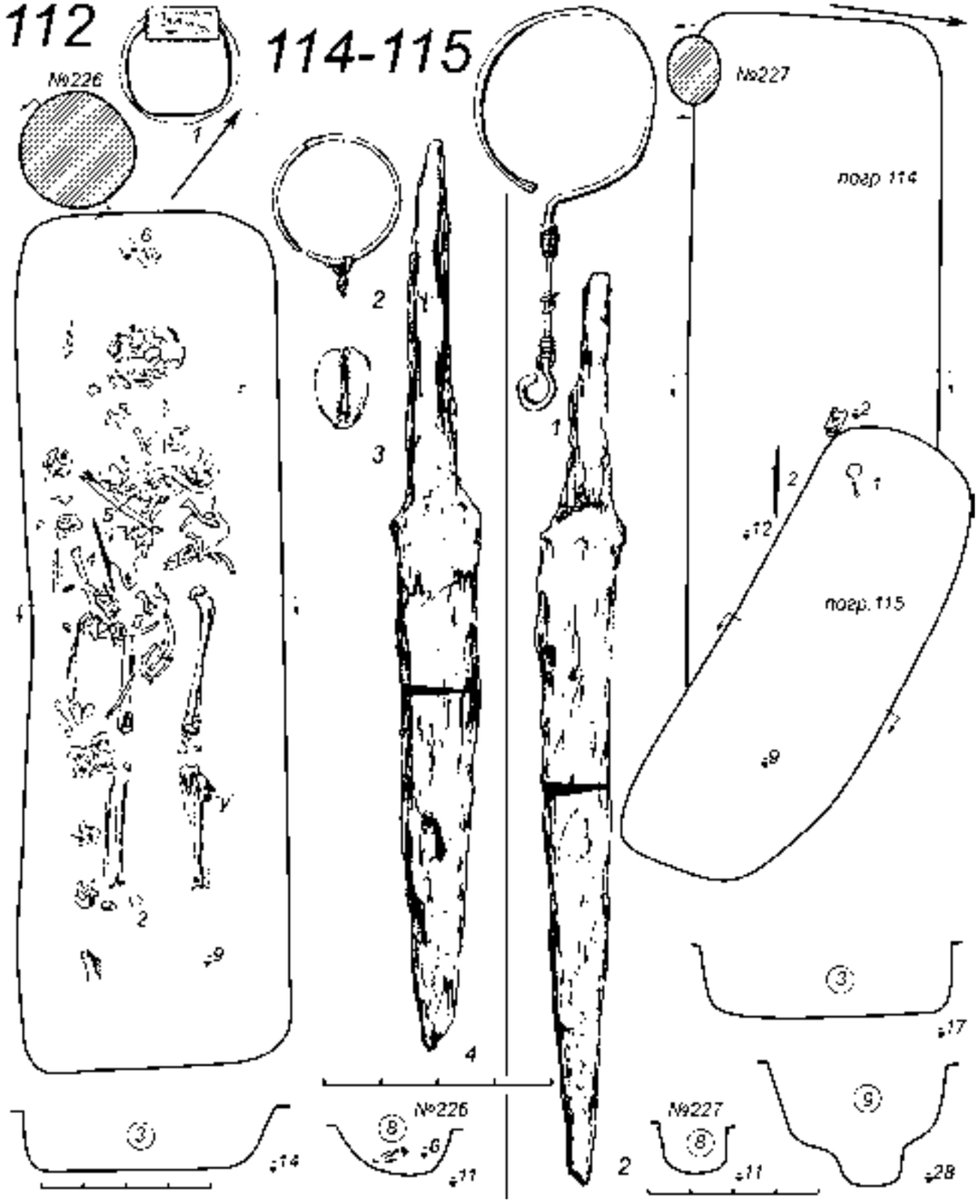

Табл. 58. Кадочниковский могильник. Погребение 112: 1 – перстень; 2 – височная подвеска; 3 – раковина ужовка; 4 – нож; 5 – монета-подвеска; 6 – зубы животного. 1, 2 – бронза; 3 – раковина; 4 – железо; 5 – серебро. Погребение 114: 1 – височная подвеска; 2 – нож; 3 – зуб животного. 1 – бронза; 2 – железо. Погребение 115: з – зубы животных; м – раковины моллюсков; к – кость животных; кк – кость кальцинированная; у – уголь

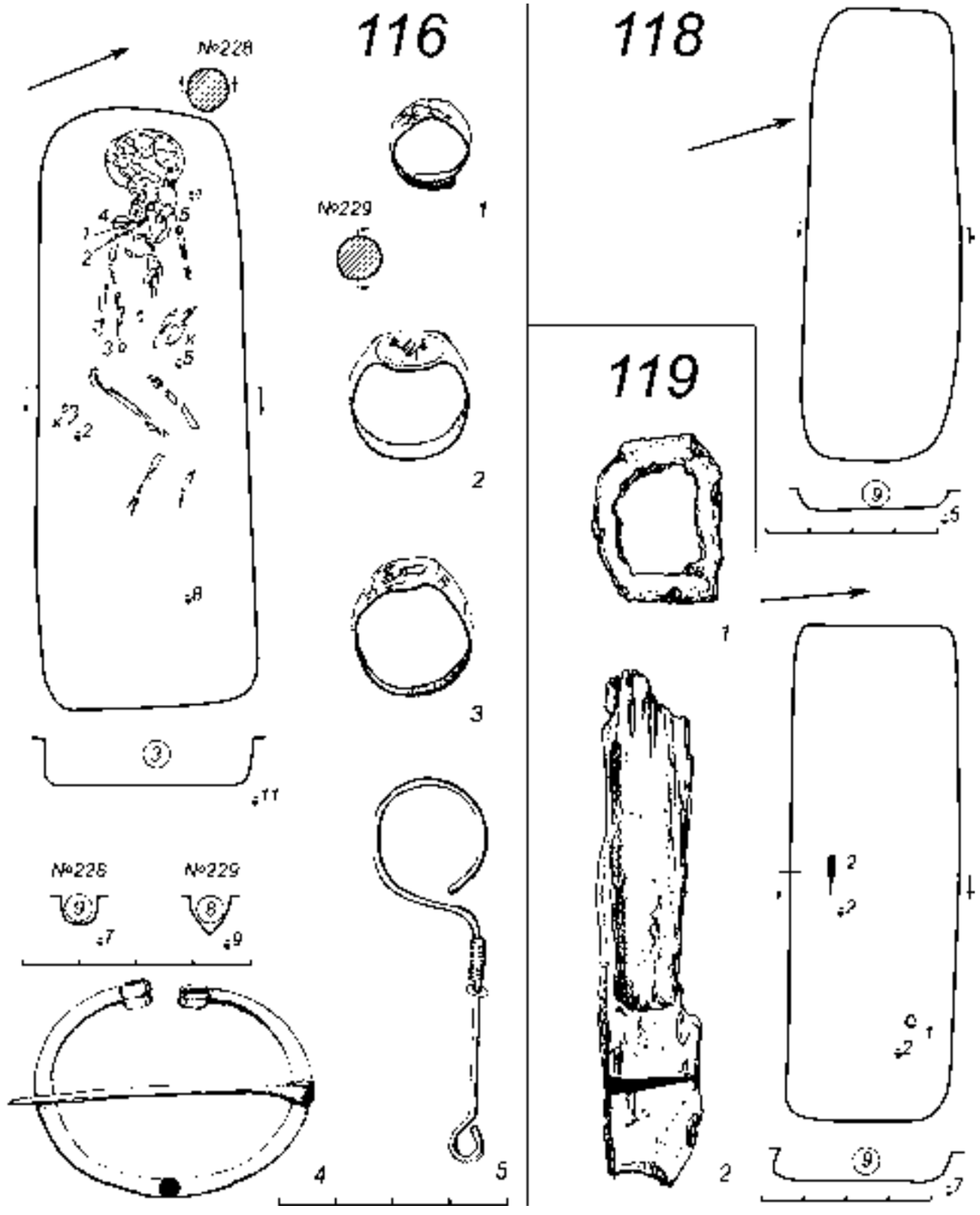

Табл. 59. Кадочниковский могильник. Погребение 116: 1-3 – перстни; 4 – сюльгама; 5 – височная подвеска; к – кости животных. 1-5 – бронза. Погребение 118. Погребение 119: 1 – пряжка; 2 – обломок ножа. 1, 2 – железо

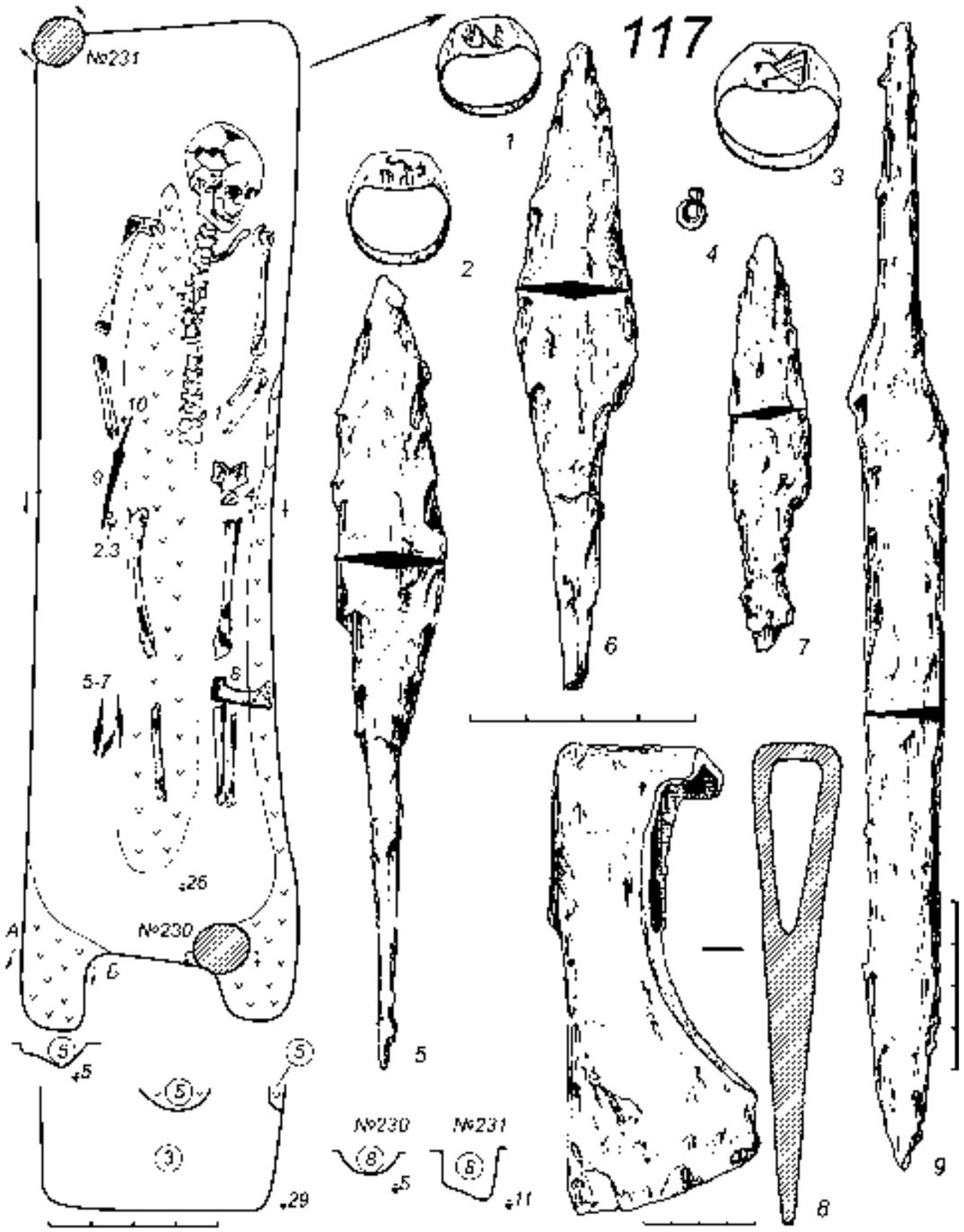

Табл. 60. Кадочниковский могильник. Погребение 117: 1-3 – перстни; 4 – фрагмент украшения (пуговица?); 5-7 – наконечники стрел; 8 – топор; 9 – нож; 10 – монета. 1-4 – бронза; 5-9 – железо; 10 – серебро

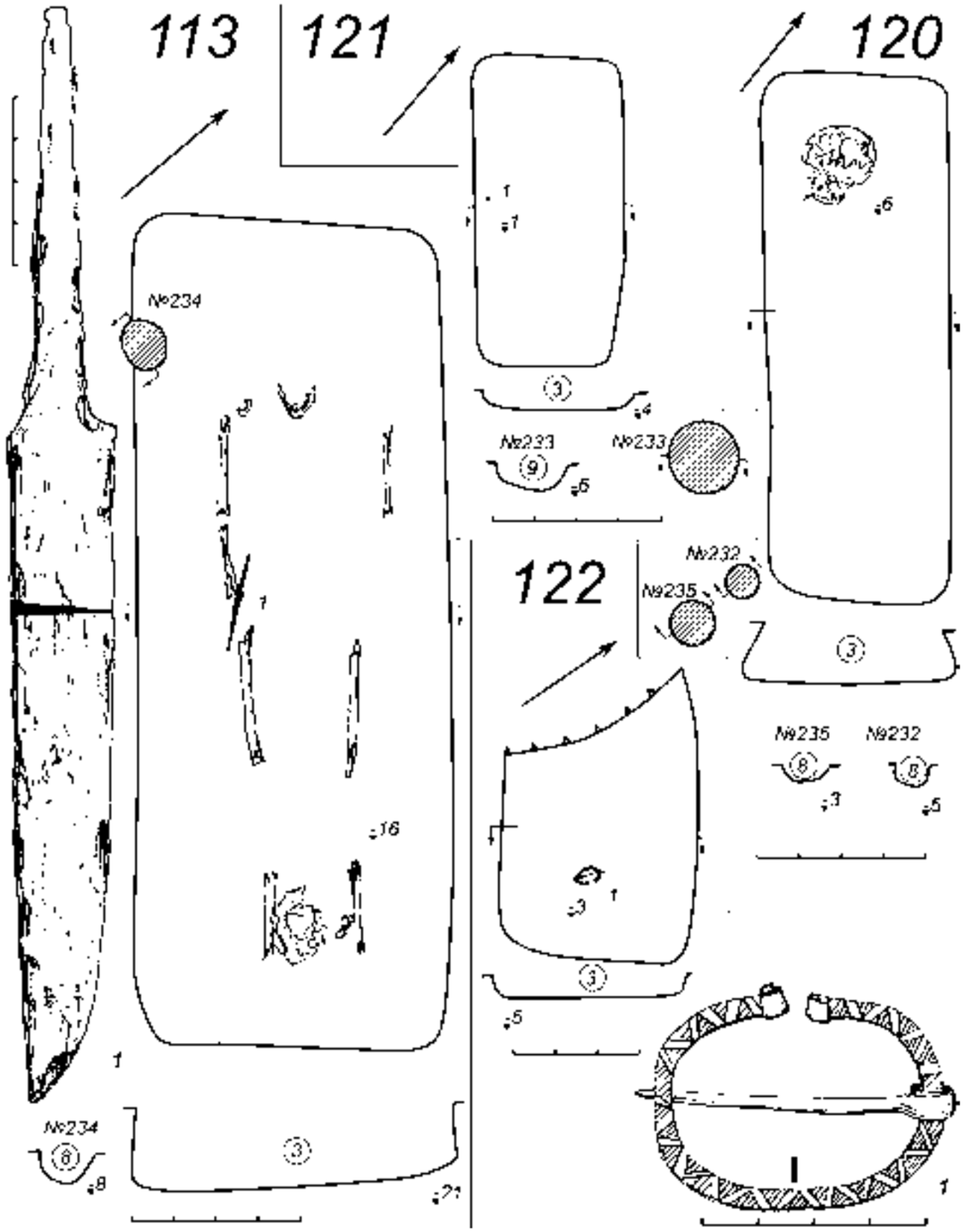

Табл. 61. Кадочниковский могильник. Погребение 113: 1 – нож, железо. Погребение 120. Погребение 121: 1 – монетовидная подвеска, медь. Погребение 122: 1 – сюльгама, бронза

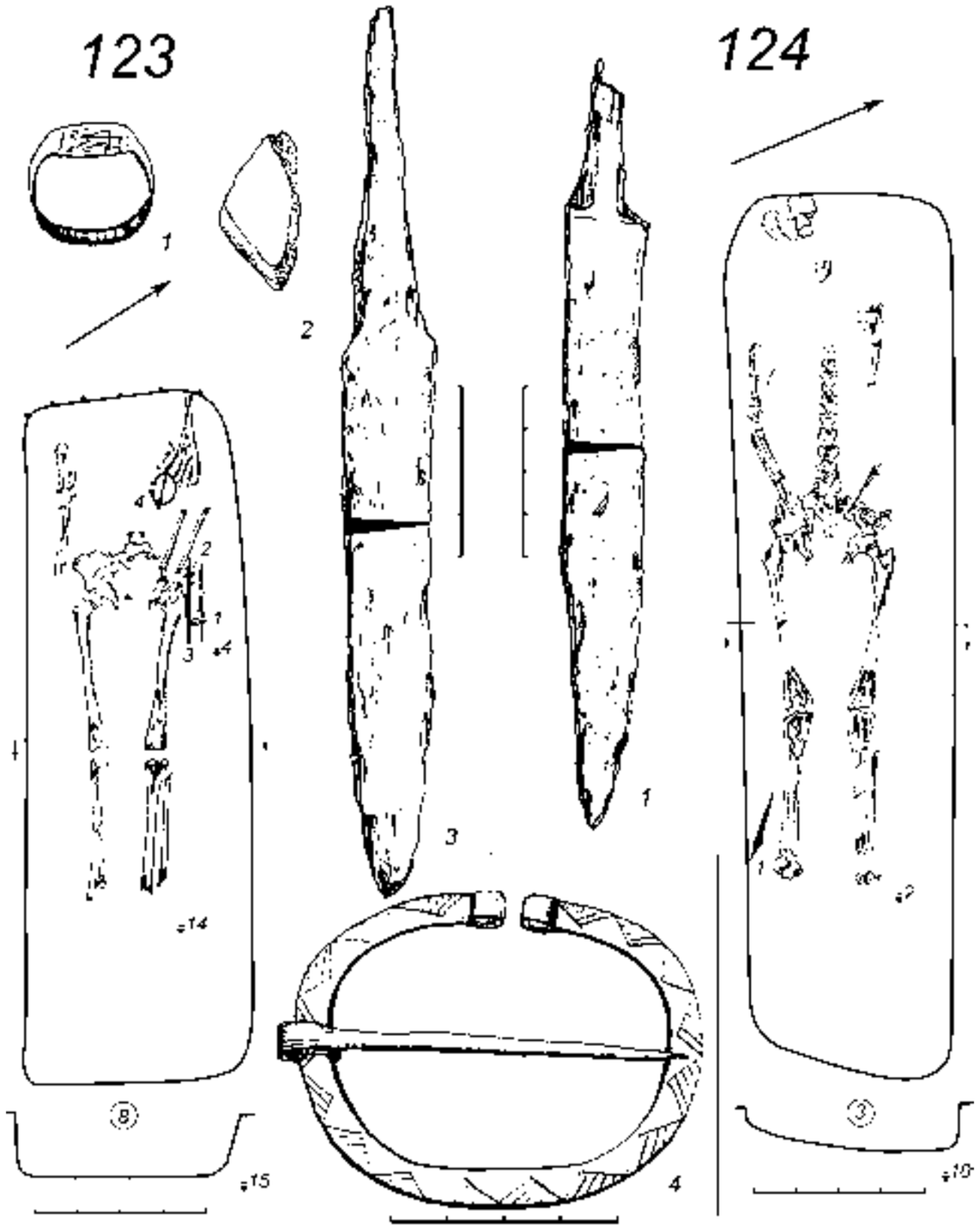

Табл. 62. Кадочниковский могильник. Погребение 123: 1 – перстень; 2 – фрагмент керамики; 3 – нож; 4 – сюльгама. 1, 4 – бронза; 2 – глина; 3 – железо. Погребение 124: 1 – нож. 1 – железо

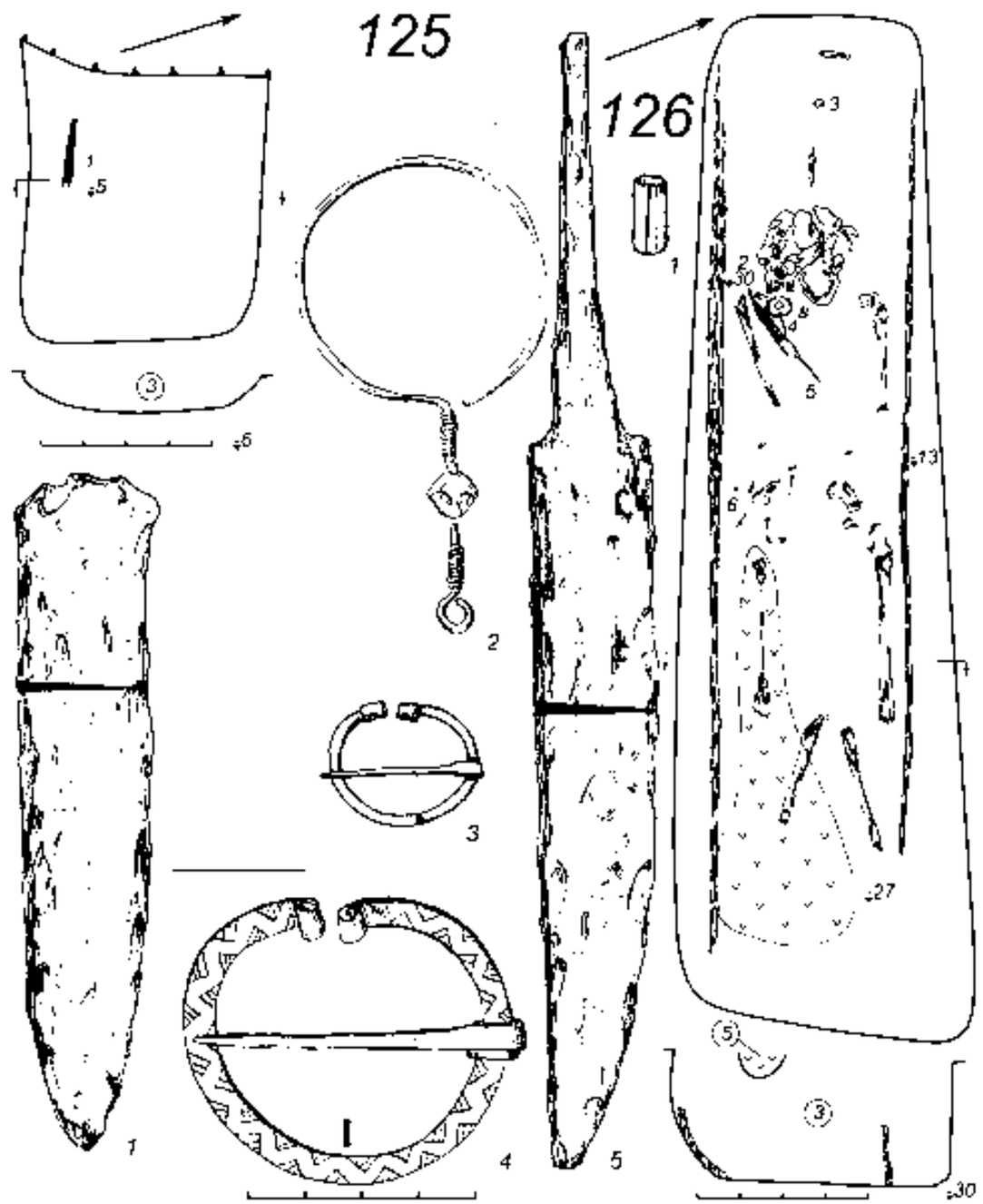

Табл. 63. Кадочниковский могильник. Погребение 125: 1 – фрагмент ножа, железо. Погребение 126: 1 – пронизка; 2 – височная подвеска; 3, 4 – сюльгамы; 5 – нож; 6 – монета-подвеска. 1-4 – бронза; 5 – железо; 6 – серебро

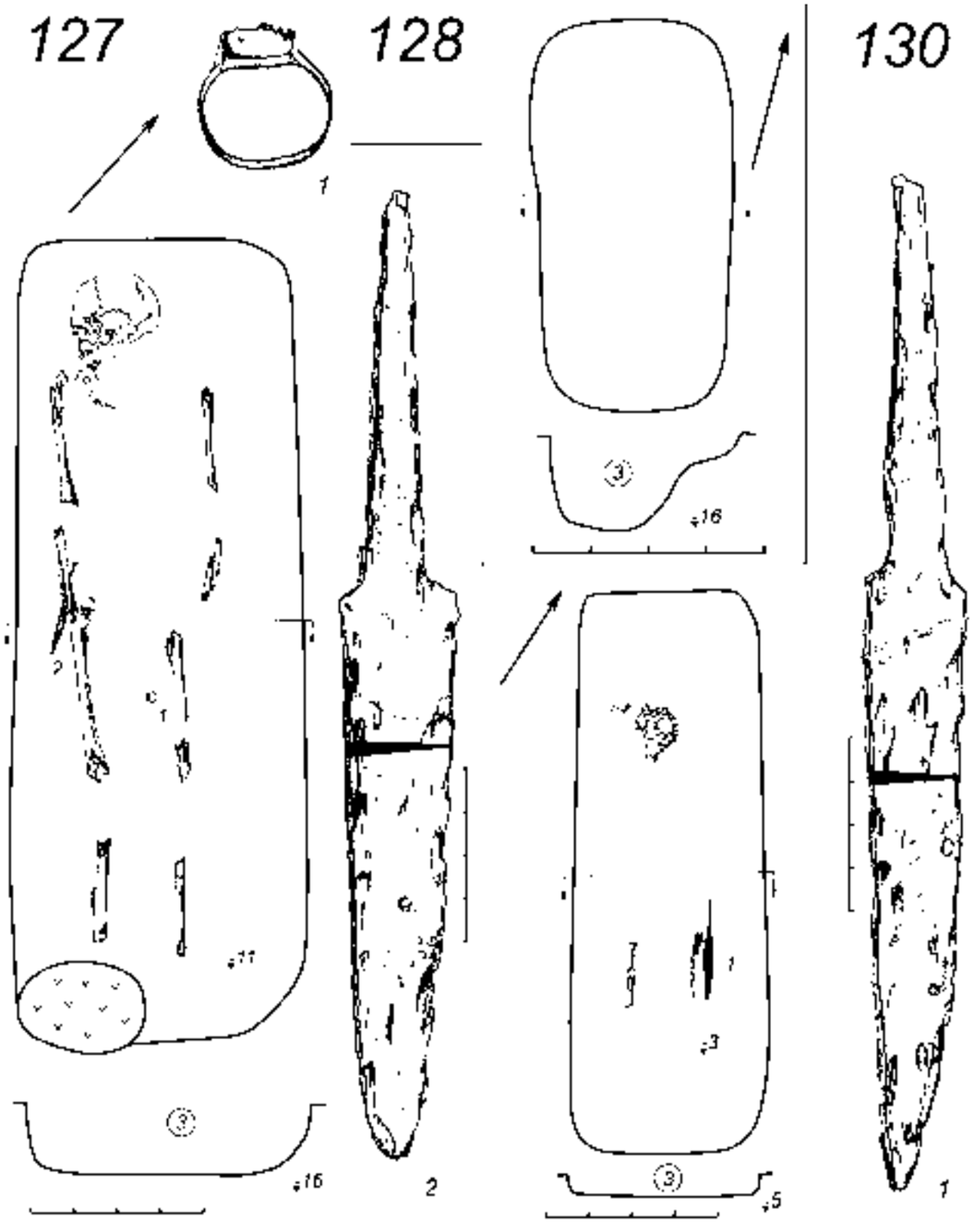

Табл. 64. Кадочниковский могильник. Погребение 127: 1 – перстень; 2 – нож. 1 – бронза, стекло; 2 – железо. Погребение 128. Погребение 130: 1 – нож, железо

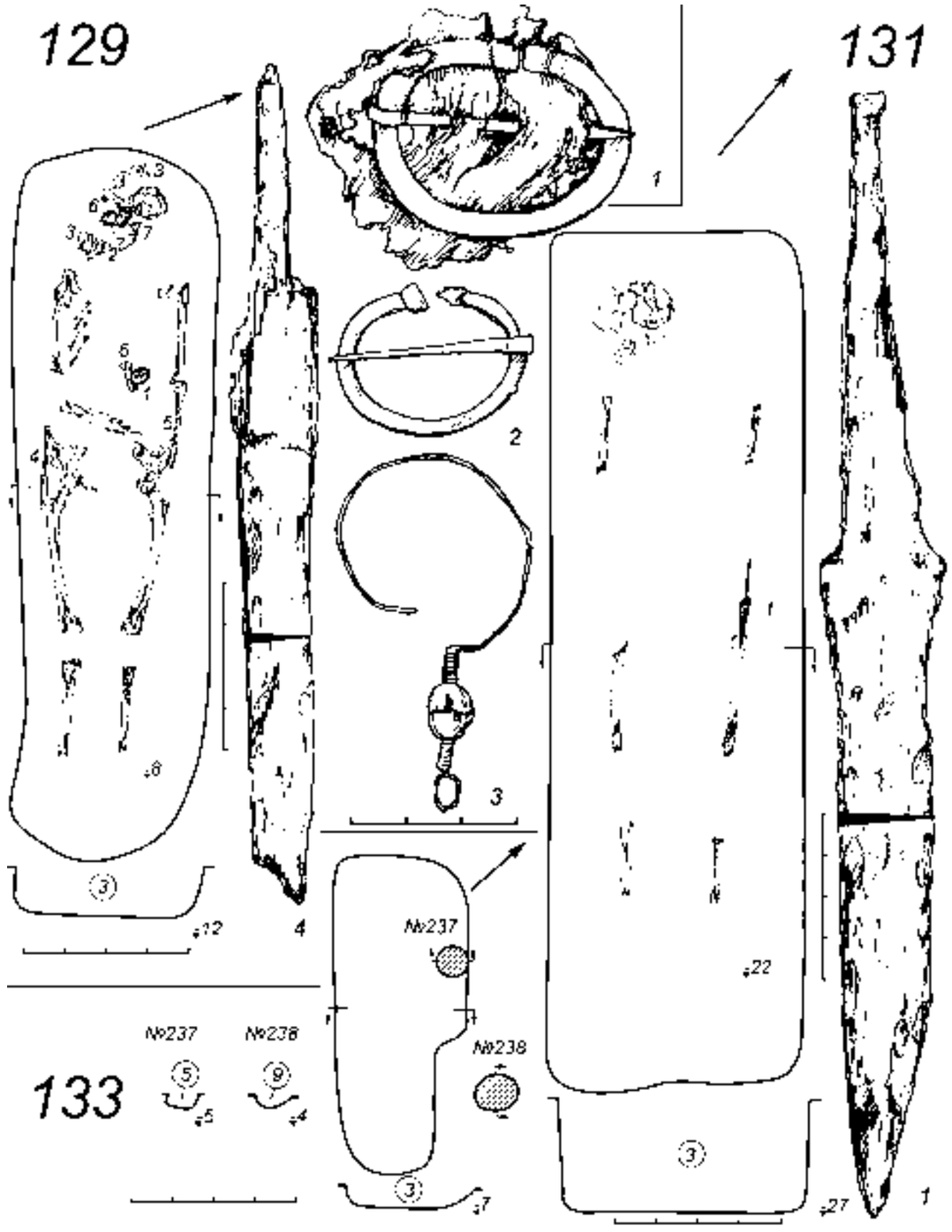

Табл. 65. Кадочниковский могильник. Погребение 129: 1-2 – сюльгамы; 3 – височные подвески; 4 – нож; 5 – монета-подвеска; 6 – фрагменты ткани; 7 – береста. 1 – бронза, ткань; 2-3 – бронза; 4 – железо; 5 – серебро. Погребение 131: 1 – нож. 1 – железо. Погребение 133

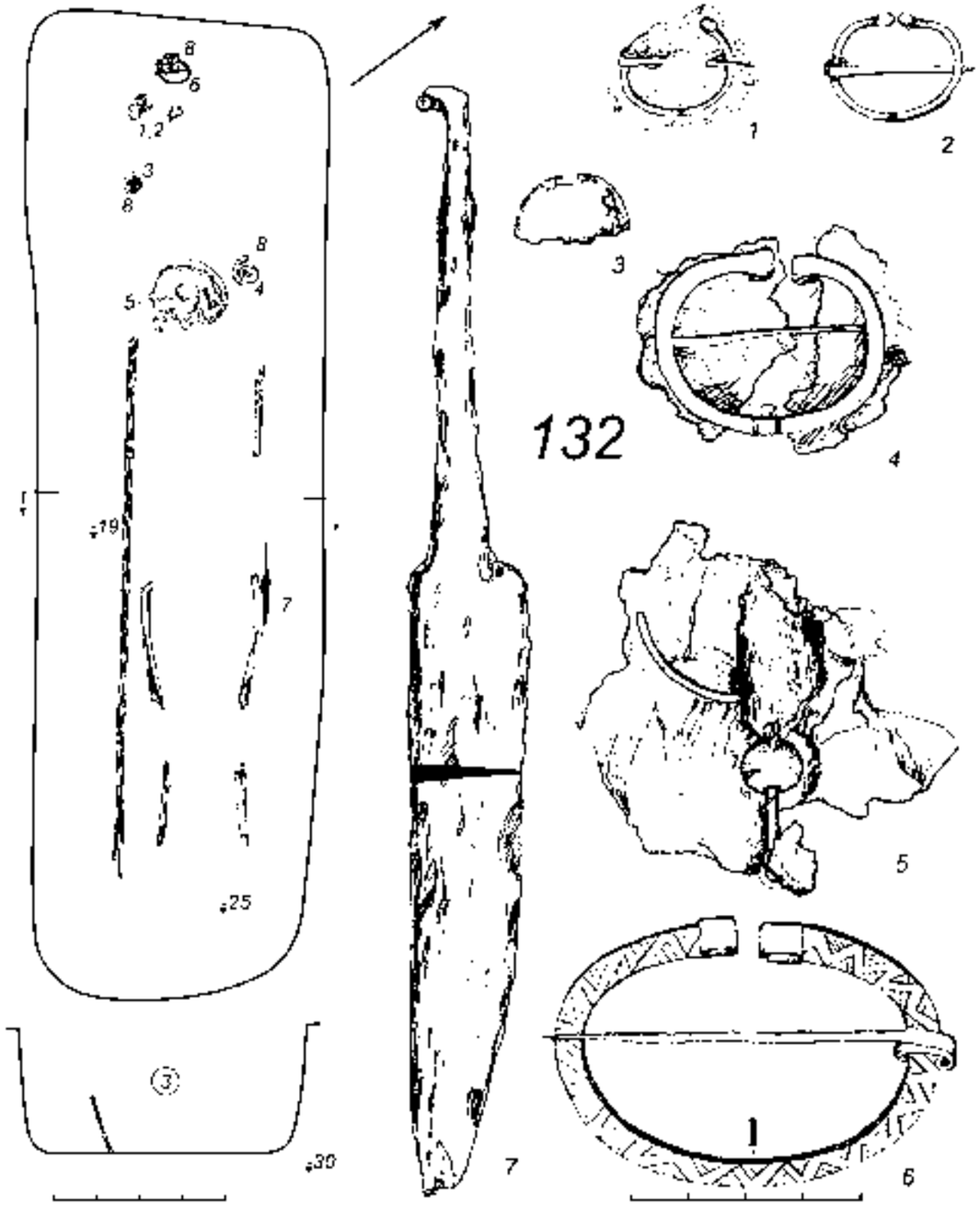

Табл. 66. Кадочниковский могильник. Погребение 132: 1, 2, 4, 6 – сюльгамы; 3 – фрагмент сферической пронизки; 5 – височная подвеска; 7 – нож; 8 – береста. 1-6 – бронза; 7 – железо

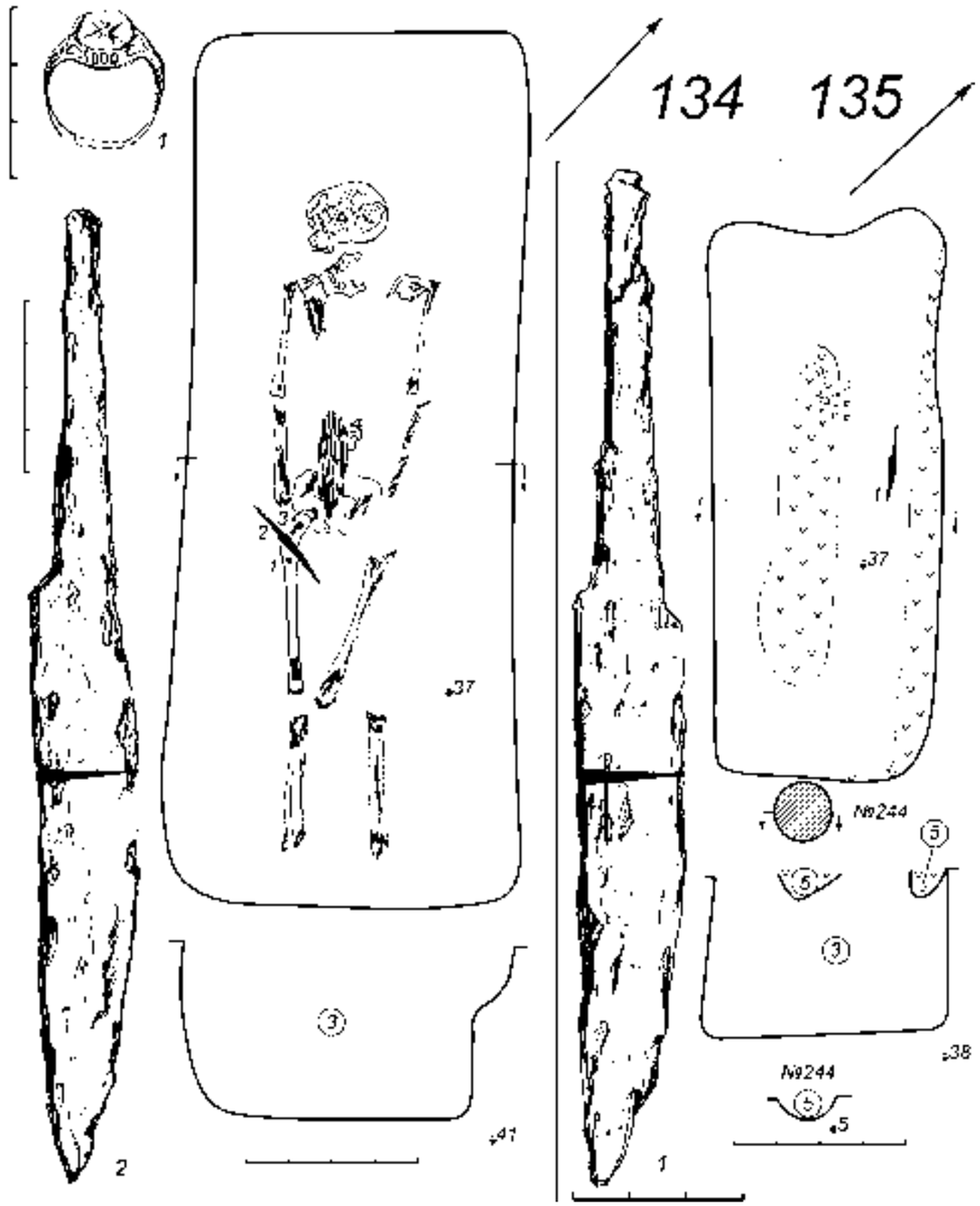

Табл. 67. Кадочниковский могильник. Погребение 134: 1 – перстень со вставкой; 2 – нож; 3 – перстень. 1 – бронза, стекло; 2 – железо; 3 – бронза. Погребение 135

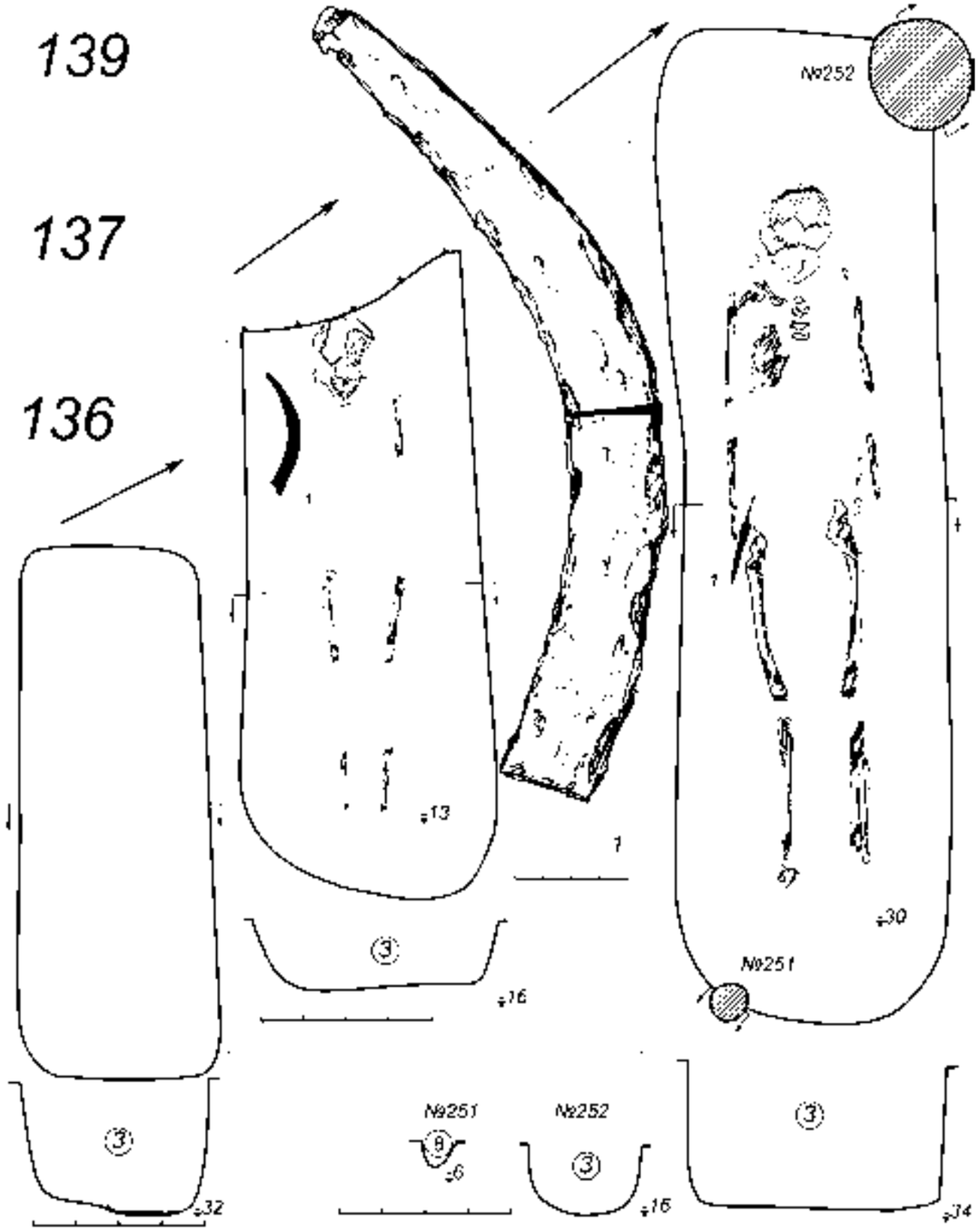

Табл. 68. Кадочниковский могильник. Погребение 136. Погребение 137: 1 – серп, железо. Погребение 139: 1 – нож, железо

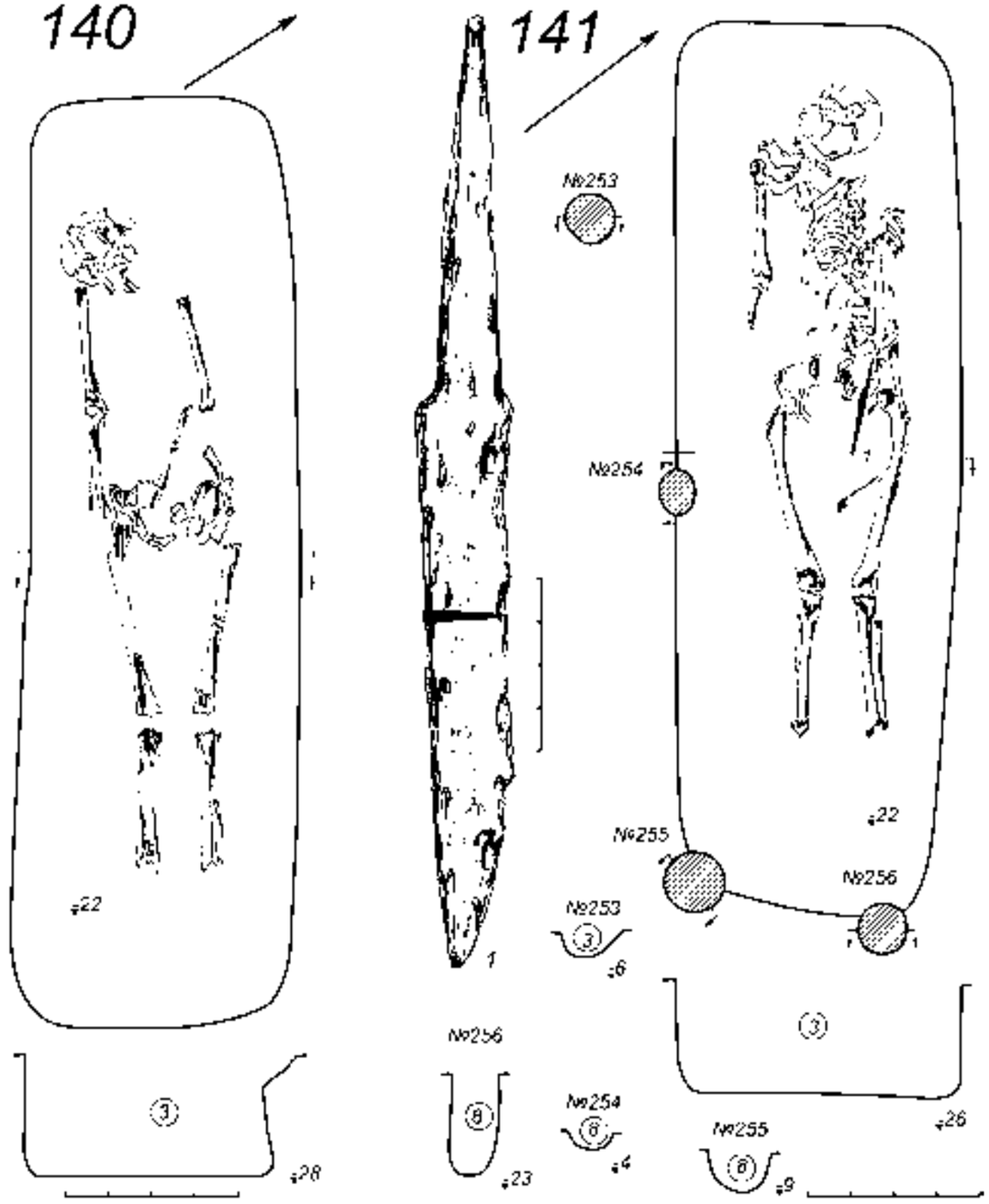

Табл. 69. Кадочниковский могильник. Погребение 140. Погребение 141: 1 – нож, железо

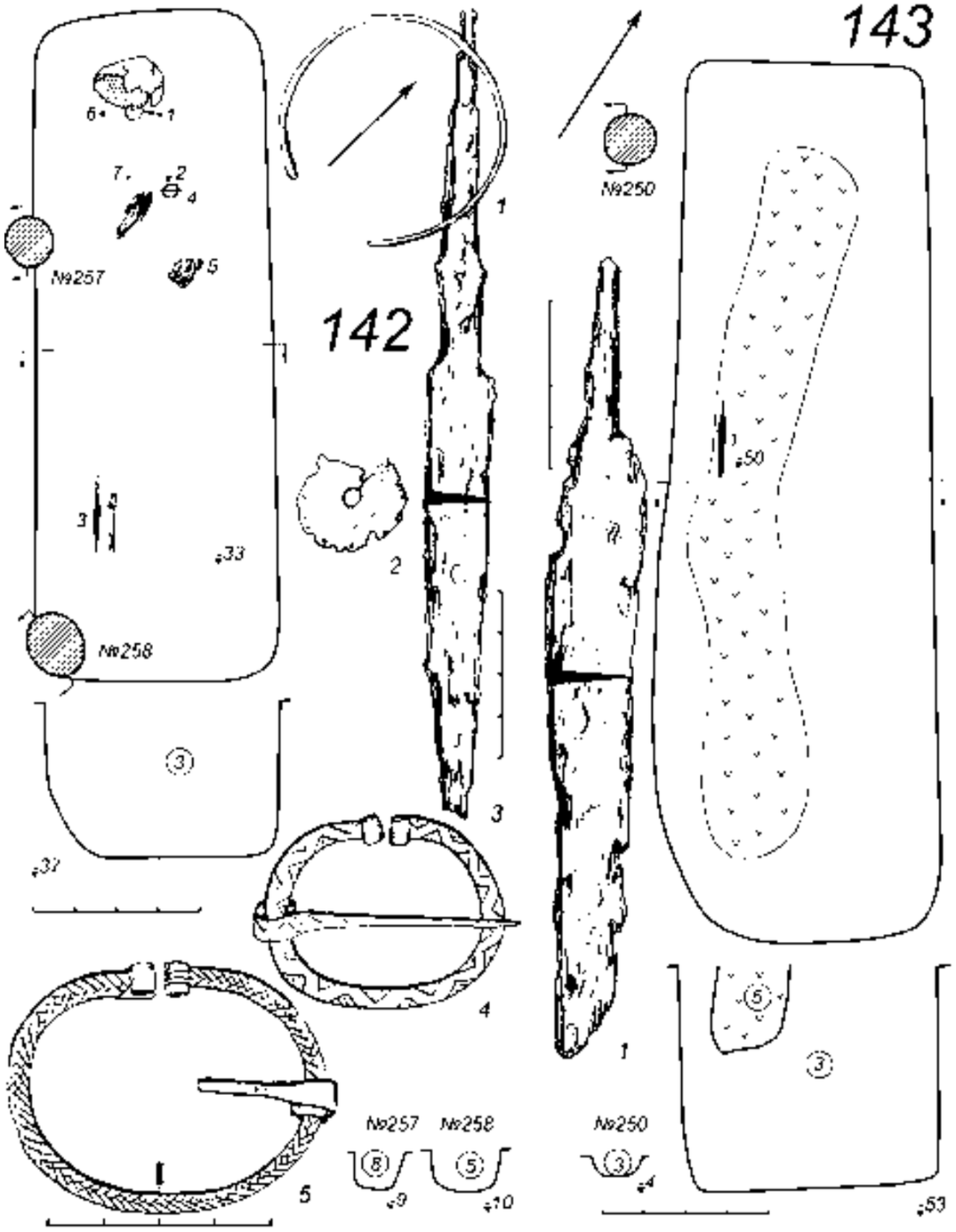

Табл. 70. Кадочниковский могильник. Погребение 142: 1 – фрагмент височной подвески; 2 – монетовидная подвеска; 3 – нож; 4, 5 – сюльгамы; 6 – монета-подвеска; 7 – бусина. 1, 2, 4, 5 – бронза; 3 – железо; 6 – серебро; 7 – стекло. Погребение 143: 1 – нож, железо

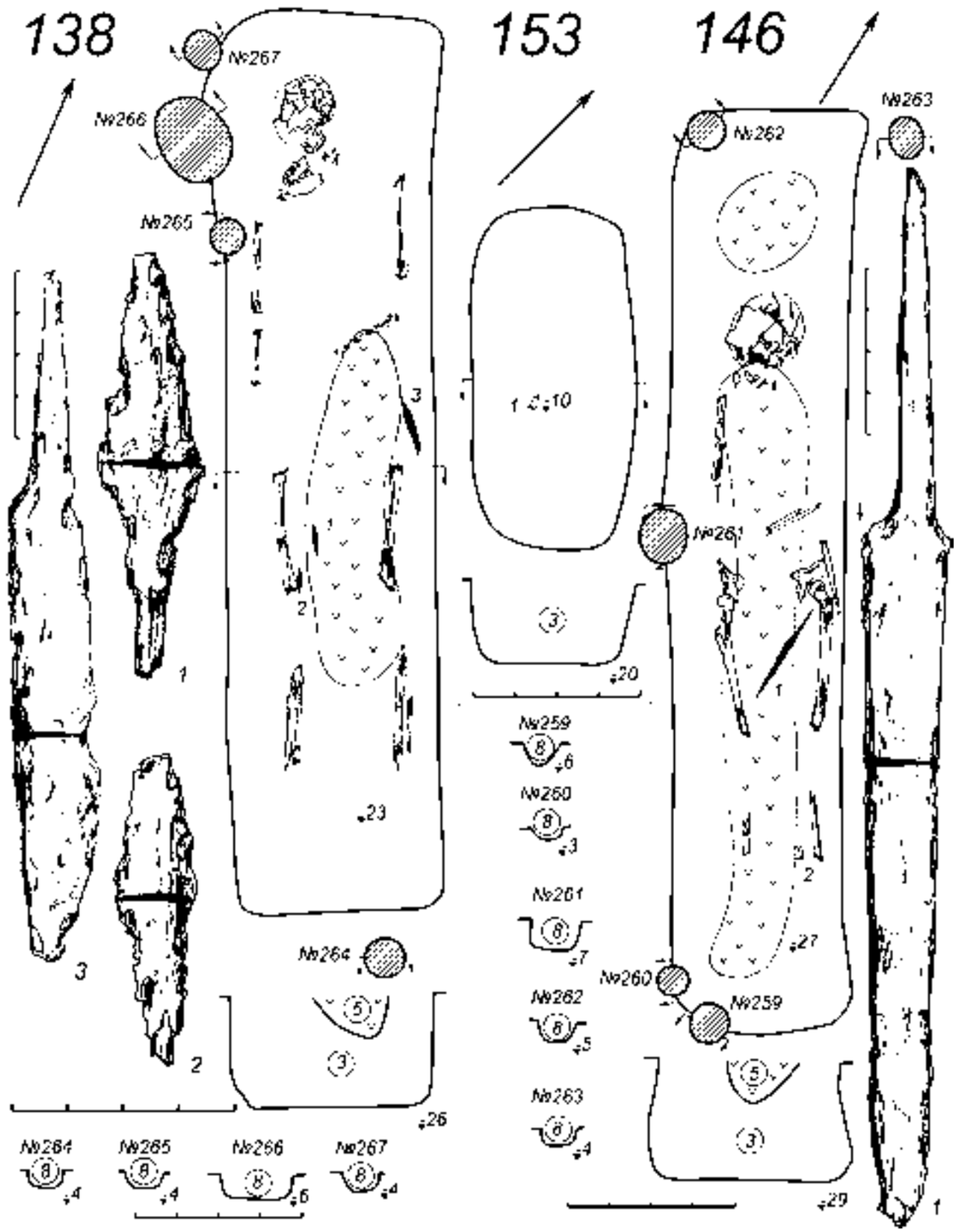

Табл. 71. Кадочниковский могильник. Погребение 138: 1, 2 – наконечники стрел; 3 – нож. 1-3 – железо. Погребение 146: 1 – нож; 2 – зуб животного. 1 – железо. Погребение 153: 1 – зуб животного

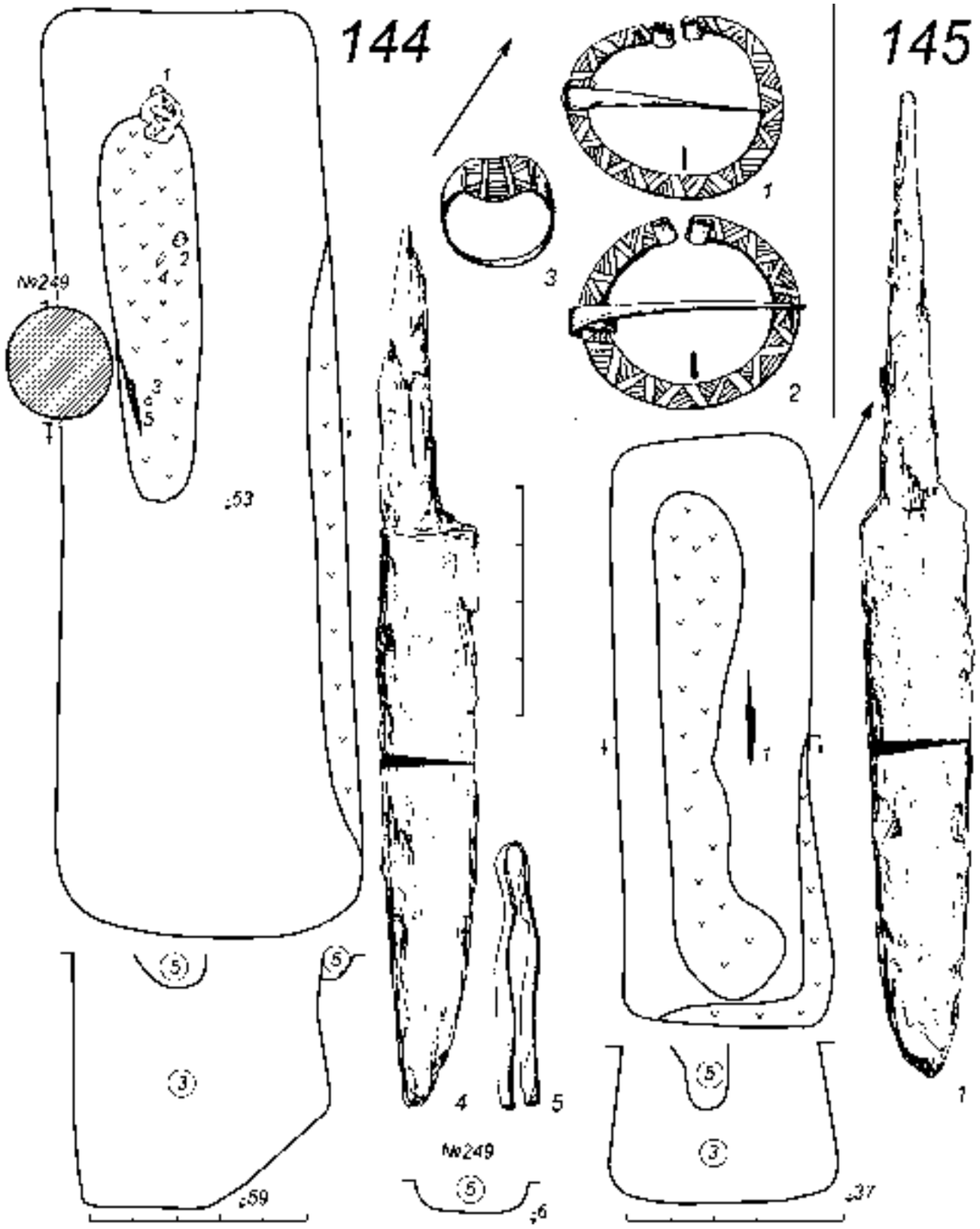

Табл. 72. Кадочниковский могильник. Раскоп II. Погребение 144: 1, 2 – сюльгамы; 3 – перстень; 4 – пинцет; 5 – нож. 1-4 – бронза; 5 – железо. Погребение 145: 1 – нож, железо

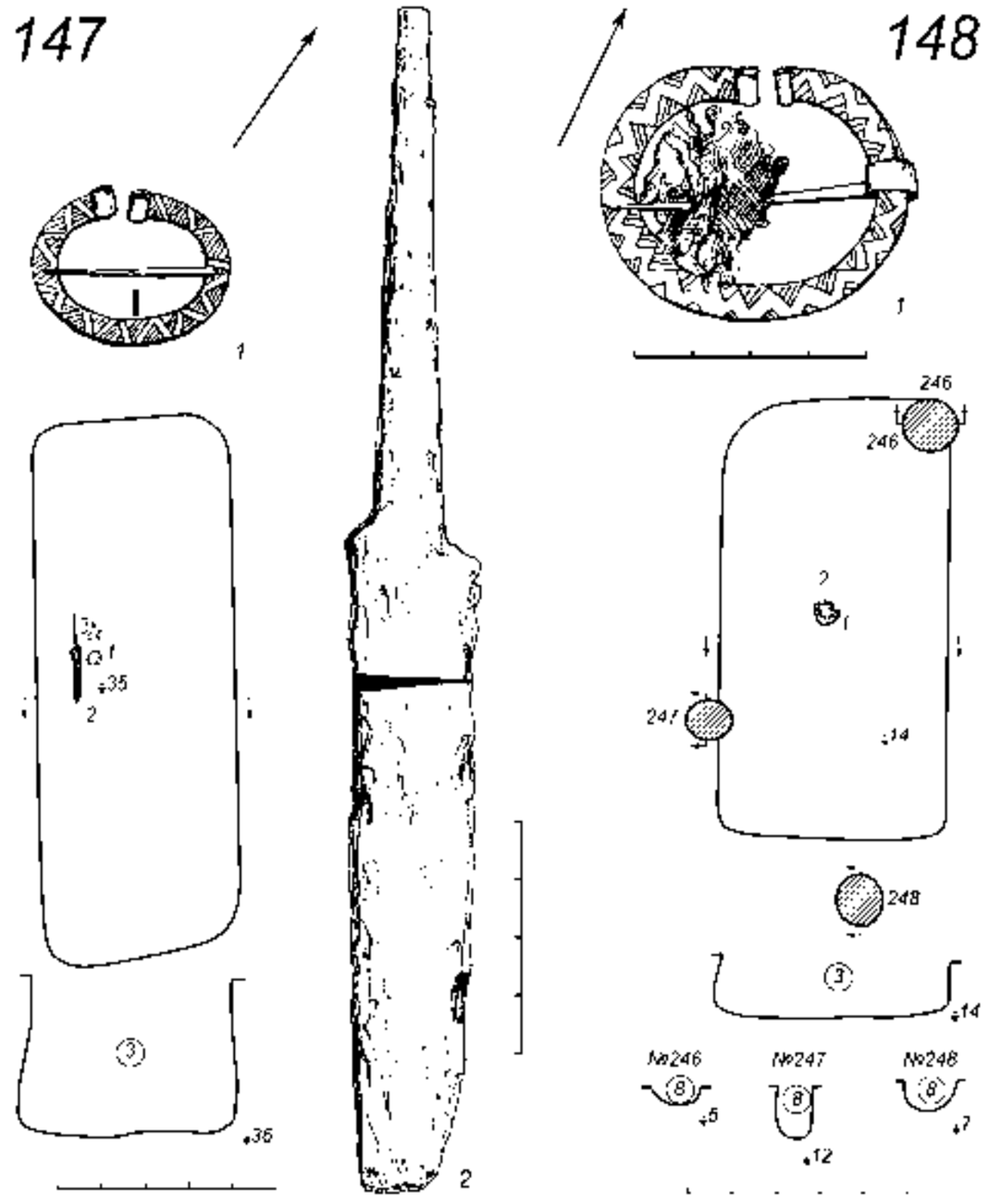

Табл. 73. Кадочниковский могильник. Раскоп II. Погребение 147: 1 – сюльгама; 2 – нож; 3 – зуб животного. 1 – бронза; 2 – железо. Погребение 148: 1 – сюльгама; 2 – бисер. 1 – бронза, ткань; 2 – стекло

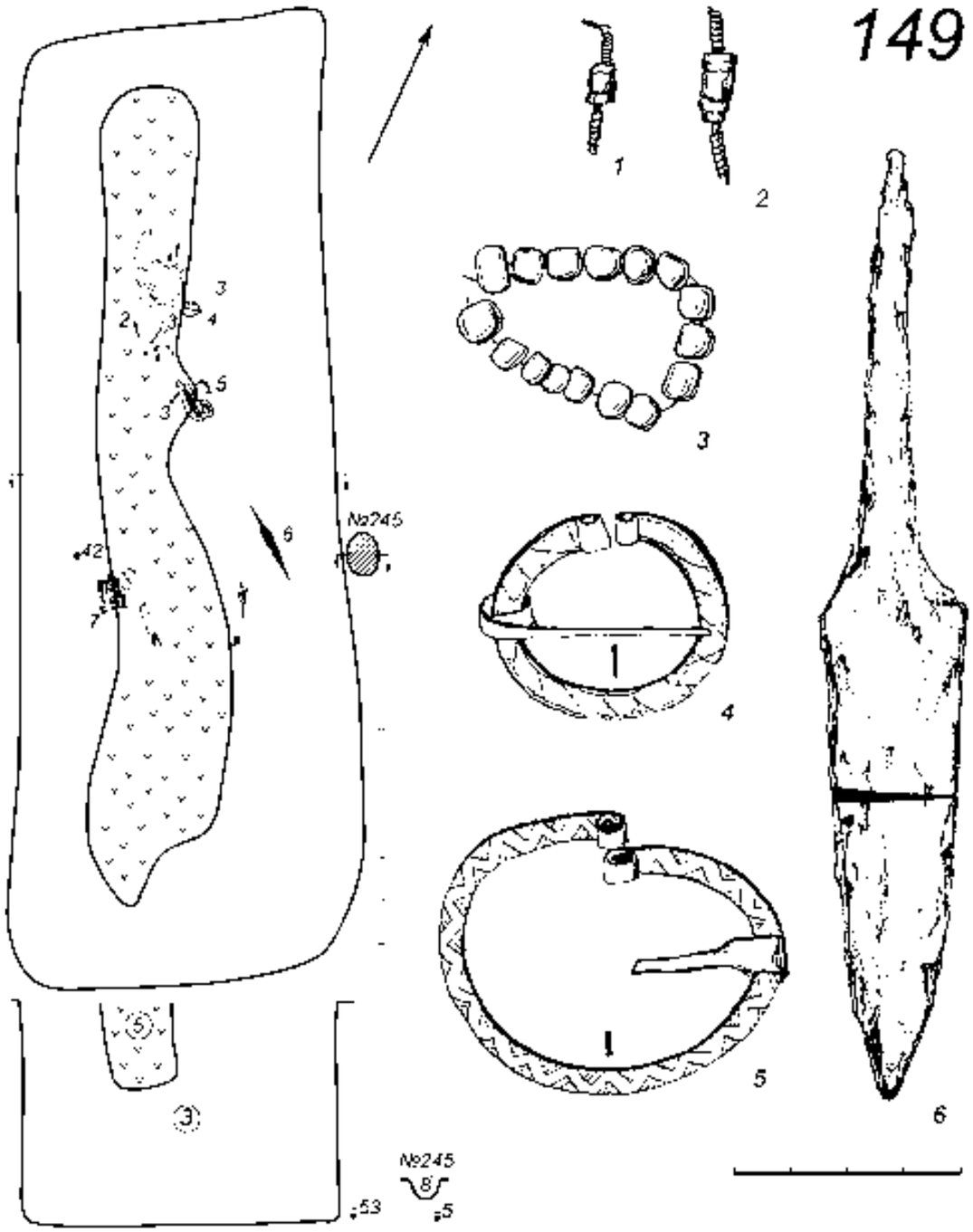

Табл. 74. Кадочниковский могильник. Погребение 149: 1, 2 – височные подвески (во фрагментах); 3 – бусы; 4, 5 – сюльгамы; 6 – нож; 7 – браслет (фрагмент) в бересте. 1, 2, 4, 5, 7 – бронза; 3 – стекло; 6 – железо

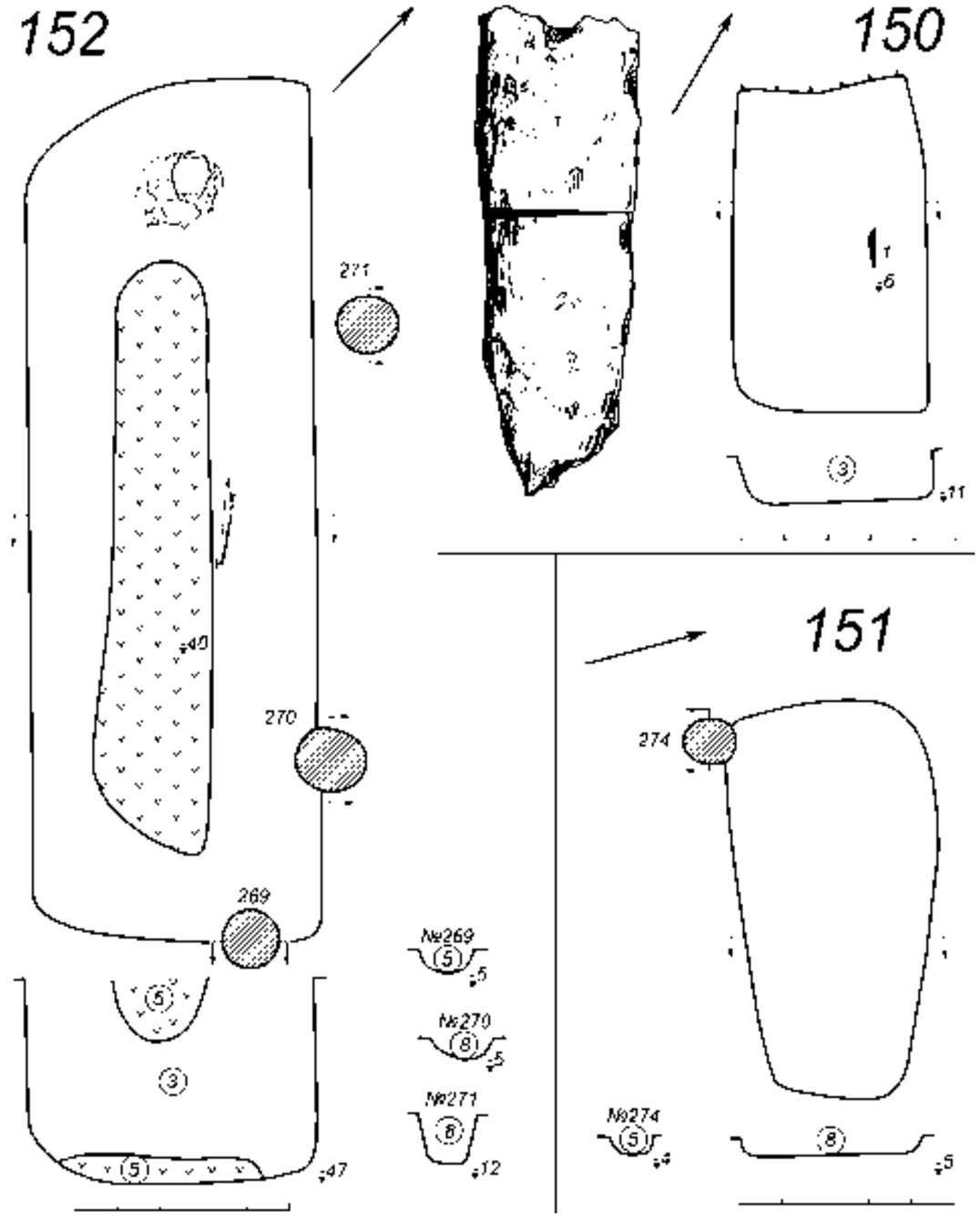

Табл. 75. Кадочниковский могильник. Раскоп II. Погребение 150: 1 – обломок ножа, железо. Погребение 151. Погребение 152

Приложение 1

Е.Ю. Мокерова

Нумизматические материалы Кадочниковского могильника

Археологами и нумизматами давно осознана необходимость разработки методики исследования нумизматических материалов, обнаруженных в культурных слоях древних поселений и в погребениях, и методики датировки этих археологических памятников по нумизматическим находкам. За прошедшие полвека опубликованы монографии и многочисленные статьи, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы, связанные с датировкой и атрибуцией монет, найденных в могильниках и на городищах[1]. Такие исследования представляют несомненный интерес, но, в целом, для них характерна ограниченность временных и территориальных рамок. Кроме того, они имеют различный уровень изучения нумизматических материалов: от составления простой сводки с определением найденных монет для дальнейшего формирования базы данных до исследований, имеющих обобщающие выводы, сделанные на стыке трех наук – археологии, нумизматики и этнологии (последние крайне немногочисленны). Еще в 1970–1980 гг. В.М. Потин отмечал, что практически нет статей, в которых датировка с помощью монет рассматривалась бы как метод, имеющий свою специфику и свои закономерности (Потин В.М., 1982, с.127), а необходимость такой разработки остро ощущается специалистами (Потин В.М., 1971, с.49). К сожалению, приходится признать, что за прошедшие годы ситуация не изменилась[2].

В целом, монеты интересуют археологов, прежде всего, как датирующий материал. Найденные при раскопках могильников они могут дать опорную дату как для всего памятника, так и отдельных типов вещей в погребениях. Датировка по монетам изолированных и одновременных комплексов считается более надежной, чем открытых слоев. Кроме того, нумизматические находки в составе погребального инвентаря могут рассматриваться в качестве показателя достижения обществом определенного уровня социально-экономических отношений.

Находки монет в археологических памятниках вызывают интерес также и у нумизматов, поскольку без них картина денежного обращения изучаемого региона была бы неполной, а в некоторых случаях даже ошибочной. Кроме того, существуют отдельные редкие типы монет, а также целые группы монет, обнаруженные только при археологических раскопках[3].

Следует учитывать, что в XVI–XVII вв. денежное обращение на территории Вятского бассейна, в Уржумской округе, где находился Кадочниковский могильник, было более интенсивным по сравнению с предыдущими столетиями, происходила довольно быстрая смена одних типов денег и копеек другими. А «чем сильнее приток монет и чем быстрее обновляется состав денежного обращения, тем точнее монета датирует культурный слой или погребение» (Потин В.М., 1981, с.86).

В Кадочниковском могильнике почти четвертая часть всех вскрытых погребений содержала монеты (41 захоронение) и счетные жетоны (8 захоронение). Всего в данном исследовании рассматривается 140 монет XV – начала XVIII в. (табл.1) и 15 счетных жетонов XVI–XVII вв., зафиксированных в погребениях и собранных с поверхности. Указанное количество монет и жетонов – довольно большое число для марийского могильника XVI – начала XVIII в. По опубликованным Т.Б. Никитиной данным количество монет и жетонов в каждом марийском могильнике XVI – начала XVIII в. укладывается в диапазон от 3 до 62 экземпляров. В отношении нумизматических находок выделяется только один могильник – Картуковский – свыше 40 могил имели 6 нюрнбергских жетонов и 236 русских монет XVI – начала XVIII в. (Никитина Т.Б., 1992, прил.1). Для всестороннего анализа нумизматические данные из Кадочниковского могильника были сведены в ряд таблиц[4].

1. Общая характеристика монет Кадочниковского могильника

Для проведения исследования монетный комплекс был разделен на три хронологические группы, связанные с основными этапами денежного дела в России: монеты XV – 30-х гг. XVI в. (5 экз.); монеты периода, начиная с реформы 1535–1538 гг. до конца XVII в. (132 экз.); монеты начала XVIII в. (3 экз.) (табл.1, 2).

Монеты были изучены с помощью метода поштемпельного анализа[5] (подробно в табл.1). Большая часть монетного комплекса имеет плохую сохранность, поэтому определение некоторых типов и датировок носит в определенной степени условный характер и может быть пересмотрено[6].

---

[1] Вопросы находок восточных и западноевропейских монет в археологических памятниках рассматривались в работах: Т.В. Берга (1988), А.С. Белякова (1986, с.95-106), И.Г. Добровольского, И.В. Дубова, В.Н. Седых (1996, с.175-191), С.И. Кочкуркиной (2011, с.3-8), Т.В. Равдиной (1988), Г.А. Федорова-Давыдова (1984, с.160-172), С.А. Яниной (1962) и др.

Находки золотоордынских монет в погребальных памятниках и на городищах освещались в статьях: Е.Ю. Гончарова (2001, с.110, 111), Е.М. Пигарёва (1995, с.54, 55), Монеты в погребениях Золотой Орды (2000, с.19-23), С.А. Яниной (1962, с.153-178) и др.

Менее повезло русским монетам XV – начала XVIII в. – публикаций о них намного меньше, это работы: А.В. Быкова (2001, с.145-146), А.Г. Векслера, С.П. Петухова (2002, с.203-206), В.А. Винничека, В.П. Лебедева (2004, с.175-176) и др.

Помимо отдельных публикаций нумизматических материалах из археологических памятников, которые перечислить все невозможно, существует обширный пласт литературы, где анализ монетных данных является составной частью исследований: Э.С. Мугуревич (1965), Т.Б. Никитина (1992); Н.И. Шутова (1992) и др.

[2] Вероятно, особо следует упомянуть статью А.А. Пушкарева, в заголовке которой в какой-то степени заявлена интересующая нас проблема – «Методика датировки погребений с нумизматическими находками из могильников Западной Сибири XVI–XIX веков» (2012). Автор верно считает датировку погребений с нумизматическими материалами сложной процедурой и разделяет ее на два уровня: датировка самих нумизматических находок (монет и счетных жетонов) и датировка погребений, в которых такие находки были сделаны. А.А. Пушкарев условно делит путь монет и счетных жетонов от момента чеканки до попадания в погребения на три этапа: время функционирования монет и счетных жетонов в той культурной среде и с теми целями, для которых они были созданы; время доставки нумизматических материалов на изучаемую территорию; время их функционирования в культуре аборигенного населения Сибири. Однако, на наш взгляд, собственно монетные находки слабо проанализированы. Вследствие этого статья содержит ряд недоработанных, а иногда и просто неверных, положений. Например: «Находки монет в погребениях XVI–XIX веков… кардинально отличаются от обычных кладов. Основное и решающее отличие – это количество монет в закрытом комплексе. Если в кладах они насчитываются сотнями и тысячами, то в погребениях XVI–XIX веков… они представлены единичными экземплярами, и только в очень редких случаях их количество превышает десяток в одном комплексе» (с.158). На наш взгляд «основное и решающее отличие» кладов и монет в погребениях – цели их тезаврации, причины невостребованности, изменение роли монет в быту, верованиях и обрядах местных народов в XVI–XIX вв. Количество же монет в кладовом комплексе может быть и менее десятка экземпляров и наоборот – более десятка монет в погребении.

[3] Так ярославская II земского ополчения из Кадочниковского могильника будет включена в каталог монет этого ополчения, который готовится к выпуску.

[4] Практически во всех публикациях, связанных с нумизматическими материалами в археологических памятниках, информация о монетах и жетонах выглядит в виде сводки или единственной статистико-хронологической таблицы с графами № погребения, номинал, правитель, дата, место чекана, пробита монета или нет, реже отмечается род погребения, вес и местоположение в погребении. На основе сводки или таблицы делается основной вывод о хронологическом диапазоне могильника. На наш взгляд невозможно составить обобщающую таблицу, в которой поместились бы все необходимые данные для полноценного исследования. В то же время, следует отметить, даже существующие таблицы используются не в полной мере.

[5] Метод поштемпельного анализа разработан в 1950-х гг. применительно к русской нумизматике И.Г. Спасским. Суть метода заключается в изучении взаимосочетаний верхнего и нижнего штемпелей, которыми чеканились монеты. Сопоставляя такие сочетания, изучая связи между различными группами штемпелей, исследователь получал возможность выделить близкие по времени изготовления чеканы, происходящие из одного центра. Наблюдения, корректированные изучением веса и пробы монет, легли в основу создания классификационной схемы. Особенностью методики является необходимость скрупулезного изучения мельчайших особенностей рисунка и надписей на монетах, даже одинаковых по сюжету, и сравнение их друг с другом (Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С., 2000, с.50).

[6] Кроме того, изучение корпуса русских монет XVI–XVII вв. продолжается и выявляются все новые и новые типы монет.

1.1. Монеты XV – 30-х гг. XVI века[7]

В погребениях Кадочниковского могильника зафиксировано пять монет XV – 30-х гг. XVI в.: в погр. 25 – три монеты: новгородская денга 1447–1478 гг. и две московских денги Ивана III 1462–1505 гг.; в погр. 112 – одна московская денга Ивана III 1462–1505 гг.; в погр. 107 – одна псковская денга Василия III 1510–1533 гг.

Все денги относятся к категории «обрезанных» монет. Следовательно, погребения 25 и 112 следует датировать не ранее конца 1520-х – начала 1530-х гг.

Псковская «обрезанная» денга Василия III найдена вместе с более поздними по времени чеканки монетами правителей от Ивана Грозного до Михаила Федоровича. Поэтому погребение 107 продатировано более поздней монетой 1619 г. выпуска.

Небольшое количество этих монет связано с запрещением их функционирования после реформы Е.В. Глинской 1535–1538 гг.

1.2. Монеты периода, начиная с реформы 1535–1538 гг. до конца XVII века

Среди нумизматических материалов Кадочниковского могильника насчитывается 132 монеты (69 типов), относящиеся к периоду, начиная с реформы Е.В. Глинской 1535–1538 гг. до конца XVII в.[8]

[7] Со второй половины XIV в. в центральных городах русских княжеств (Московского, Рязанского, Нижегородского и др.) начинается чеканка серебряных монет, получивших название деньги, или денги (термин происходит от арабского и персидского слова «данник»). В 1420-е гг. монеты начали выпускать Великий Новгород и Псков. Чеканка была вызвана потребностями экономики, развитием внутренней торговли и развитием городов, на начальном этапе существовали и политические причины, связанные с усилением освободительной борьбы против зависимости от Золотой Орды. Монеты русских княжеств различались весом и оформлением, образовалось несколько областных денежных систем. К 1480-м гг. на основе наиболее крупных денежных систем – московской и новгородской – сформировалась общерусская денежная система с двумя основными номиналами – новгородкой (денга новгородская) и московкой (денга московская): счетный рубль (реальной монеты рубль в тот период не существовало) = 100 новгородок = 200 московок = 400 полушек. Сформировалась единая монетная стопа: из гривенки серебра весом 204,756 г чеканили монеты на сумму 2,6 рубля (новгородки весом 0,79 г и московки весом 0,39 г).

Русские монеты чеканились из привозного серебра, поступавшего из Западной Европы через посредников. Поступление или ослабление ввоза серебра часто зависело от внешнеполитических событий. Техника чеканки русских монет с конца XIV в. вплоть до начала XVIII в. была довольно примитивной. Серебро, источником которого могли быть и монеты, привезенные из-за рубежа, и различные слитки, и серебряный лом («ветошь»), плавили и сливали в «гнезда». Получались слитки определенной формы и веса. Из них при помощи волочильных станов тянули серебряную проволоку, которую затем рубили на маленькие чурочки, служившие заготовками для монет. Эти заготовки предварительно плющили гладкими чеканами, после чего пластинку серебра помещали между двумя другими чеканами, верхним и нижним, на рабочих поверхностях которых были нанесены изображения и надписи. Чеканщик ударял по верхнему чекану молотком — и монета была готова (Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С., 2000, с.48).

В первой четверти XVI в. денежное обращение в России охватил кризис, вызванный массовым обрезыванием монеты: более тяжелые по весу новгородские и псковские денги XV – начала XVI в. «воровски» обрезали по краю, в результате чего они теряли часть металла. Причем порчу монеты производили ее «потребители», а не производители-денежники. Кроме того, распространились и фальшивые низкопробные монеты. Выходом из наступившего денежного расстройства послужила реформа Е.В. Глинской 1535–1538 гг. После реформы любая старая монета, «обрезанная» или целая, была «заповедана» (запрещена) для обращения и рассматривалась как сырье для изготовления новой монеты. Новые пореформенные деньги, которые пришли на смену монетам периода раздробленности (среди которых значительное место занимали обрезанные и фальшивые), были популярны у населения. Поэтому «ничтожно малый процент «старых» денег XV – начала XVI века» встречается в кладах Ивана IV Грозного (Мельникова А.С., 1980, с.26. 29).

[8] В 1530-е гг. начинается новый период в русском денежном обращении, связанный с окончательным оформлением денежной системы и экономическими интересами централизованного государства.

Денежная реформа правительства Е.В. Глинской была направлена на унификацию монет: единообразное оформление и единая весовая норма. Новые монеты стали чеканить на сумму 3 рубля из гривенки серебра весом 204,756 г. В виде реальных монет существовали бывшие новгородки весом 0,68 г, получившие название копейки, т.к. на лицевой стороне изображался всадник с копьем; бывшие московки весом 0,34 г, получившие название денги, на них изображался всадник с саблей (мечом); а также полушки весом 0,17 г, на которых изображался голубь (чеканились эпизодически). Не следует воспринимать изображение всадника с копьем на русских

Наиболее приемлемым является рассмотрение монет по периодам правления российских государей и отдельное выделение периода Смутного времени.

1.2.1. Монеты периода правления Ивана Грозного (1533–1584 гг.)

Наибольшее количество монет относится ко времени правления Ивана Грозного – 62 экземпляра (61 монета из погребений, 1 – сбор с поверхности). Из них: денги – 43, денги в весе копейки – 2 и копейки – 17 экземпляров. Монеты чеканены на всех «государевых денежных дворах» - в Москве, Твери, Новгороде и Пскове.

В погребениях могильника среди монет Ивана Грозного в 2,5 раза преобладают денги, чеканенные в Москве и Твери, по сравнению с копейками, чеканенными в Новгороде и Пскове: денги и денги в весе копейки – 45, копейки – 17 экземпляров.

28 монет из 34 в погребениях 2, 10, 11, 28, 41, 49, 50, 55, 82, 83, 87, 89, 100 относятся к типам денег, отчеканенных до 1550-х гг. (Мельн., табл.1, типы: 2-2 – 4 экземпляра; 4-2 – 3; 5-2 – 4; 5-3; 6-2; 6-7; 6-10 – 2; 6-9 – 3; 6?-18; 15-9 – 3; 16-19 – 2; 16-20 – 3) на Московском денежном дворе. Со второй

монетах до начала XVIII в. как образ св. Георгия. Существует немало письменных источников, указывающих на восприятие населением всадника («ездеца») на монетах XVI–XVII вв. как «князь велики на коне», «государь на аргамаке» и т.п. Изображение правителя на монете могло быть абстрактным (например, Федора Ивановича, Михаила Федоровича и др.), а могло быть и «портретным» (например, копейки Б.Ф. Годунова – см. далее). Оборотная сторона имела надписи – титулатуру правителя. Усовершенствовалась техника чеканки монет. Рисунки и надписи на чеканах снашивались очень быстро, приходилось их или подправлять, или резать заново, что было и трудно, и долго. Уже в первой четверти XV в. изображения и надписи стали резать не на чеканах, а на особо прочном, закаленном стержне. Эти выпуклые рисунки представляли собой позитивное изображение. С закаленных стержней («маточников») зеркальные изображения и надписи оттискивали на чеканы, которые и применялись непосредственно для изготовления монеты. Теперь по мере снашивания чекана его вновь оттискивали с маточника, и чекан обретал вторую жизнь. Благодаря этому продуктивность труда монетчиков значительно возросла, а рисунки и легенды на монетах стали гораздо более однообразными, ибо для их воспроизведения фактически использовался один и тот же маточник. Но в XV в. использование маточников носило эпизодический характер. Их применение стало нормой только после денежной реформы 30-х гг. XVI в. (Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С., 2000, с.49).

Копейка XVI в. имела большую покупательную способность. Время Б.Ф. Годунова (1598–1605) – классический период русской серебряной копейки, когда все характерные черты денежного дела централизованного государства нашли наиболее законченное выражение. Царь Борис проводил политику централизации и стандартизации денежного производства в стране. Однако потрясения Смутного времени (1605–1612) поставили процесс упорядочения денежного дела на край гибели. В период Смуты денежное обращение перестало быть единым, объемы чеканки (кроме новгородской) резко сократились, началось снижение веса копейки. К тому же города, в которых располагались денежные дворы, оказались в руках враждебных группировок (Москва – польской, Новгород – шведской).

При царе Михаиле Федоровиче (1613–1645) возрождается денежное хозяйство после «литовского разорения»: восстанавливается денежная система с прежними тремя номиналами – с 1613 г. чеканились копейки облегченного веса четырехрублевой стопы (копейки весом 0,51 г на 4 рубля из гривенки серебра), чуть позже добавились денги и полушки, чеканка которых прекратилась еще в конце XVI в. Главным стал Московский денежный двор, остальные денежные дворы играли вспомогательную роль и в 1627 г. были упразднены. Объем чеканки монет Михаила был «колоссальным» и может быть сравним только с объемом чеканки Ивана Грозного (Мельникова А.С., 1989, с.159). Однако вес копейки постепенно снижался и во второй половине 1630-х гг. он фактически был 0,45-0,46 г. Русская денежная система с каждым десятилетием становилась все более архаичной. Русские деньги на международном рынке не выдерживали конкуренции: они были слишком малы и неудобны, их оформление не соответствовало западноевропейским канонам. Кроме того, время правления Михаила Федоровича – «пик денежного воровства» в России, когда денежное обращение засорялось различного рода фальшивыми («воровскими») копейками, чекан которых производился как в России, так и в других странах.

Царь Алексей Михайлович (1645–1676) стремился вывести российское денежное хозяйство из кризиса. В 1554–1663 гг. он провел неудачную реформу, в ходе которой были предприняты попытки ввести систему крупных и мелких номиналов, ранее существовавших как счетные понятия (рубль, полуполтина и другие), и внедрить медь в качестве монетного металла.

К концу XVII в. серебряная копейка была не в состоянии удовлетворять возросшие потребности российского рынка. Крупные платежи копейками требовали огромных затрат времени на счет. В то же время для мелкой торговли копейка оставалась слишком ценной, несмотря на понижение веса в 1681 г. до 0,42 г.

половины XVI в. происходит спад производственной активности Московского двора. Причинами упадка двора были: пожар 1547 г. (или сгорел или серьезно пострадал), сокращение заказов от частных лиц (происходило истребление Иваном Грозным «лучших людей» – потенциальных заказчиков) (Мельникова А.С., 1989, с.40). Кроме того, произошло еще одно внутриполитическое событие, связанное непосредственно с денежным делом. В 1550-е годы был изготовлен новый маточник, на котором всадник имел не трехчастный венец, а великокняжескую шапку, что являлось нарушением существовавшей системы знаков феодальной иерархии [9]. Такие монеты зафиксированы в погребениях 10, 42, 50, 55, 106 (Мельн., табл.1, типы 17-19 – 3 экземпляра; 17-20; 17-21 – 2). Однако, было и более существенное обстоятельство сокращения деятельности Московского денежного двора с середины XVI в. – экономическое развитие страны: расширение и углубление торговых связей внутри страны привело к необходимости пользоваться копейкой как самым крупным и удобным номиналом денежной системы, полкопейки отходили на второй план (Мельникова А.С., 1989, с.42). Соответственно сокращались чеканка и функционирование денги.

О работе денежного двора в Твери известно мало. Скорее всего, чекан монет был значительно меньше, чем на Московском дворе. В погребениях 2, 11, 28, 50, 89, 117 могильника встречено всего 8 экземпляров преимущественно первых лет правления Ивана IV (Мельн., табл. 1, типы 11-13 – 3 экземпляра; 11-15 – 3; 12-15; 18-22).

Для новгородских копеек свойственно многообразие буквенных сочетаний на лицевой стороне монеты. После 1550-х гг. появляется устойчивая комбинация трех букв «к/ВА»[10], которая продержалась до 1580-х гг. Эти монеты многочисленны среди других копеек Ивана Грозного новгородского чекана. В погребениях 2, 28, 57, 61 Кадочниковского могильника зафиксировано четыре монеты с буквами «к/ВА» 1550-1570-х гг. (Мельн., табл.1, типы 28-26, 29-26 – 2, 31-26) – половина всех новгородских копеек. При этом особенно многочисленным был тип 29-26 (Мельникова А.С., 1989, с.44). Соответственно, две монеты из четырех относятся к указанному типу.

Псковский двор был небольшим и в начале правления Ивана Грозного работал довольно умеренно. Наибольшее количество царских именных монет псковского чекана в конце 1540-х–1550-х гг. имело буквы «ГР» (Мельникова А.С., 1989, с.45)[11]. Единственная монета с подобным буквенным обозначением обнаружена в погр.107 (Мельн., табл.1, тип 21-25).

В 1560-1570-е гг. Псков переживает пору расцвета и оживления работы денежного двора[12]. Пять копеек псковского чекана из девяти с буквами «с/МН», «МА», «IВ-р» и без букв относятся к этим годам (погр.61, 98, 107; Мельн., табл.1, типы 35-27, 36-28, 37-27 – 2 экз., 38?-30?).

В целом же, исследуя монеты Ивана Грозного из погребений Кадочниковского могильника, следует признать, что они отражают основные тенденции денежного чекана того периода: до 1550-х гг. активно работает Московский денежный двор – в погребениях появляется больше денег (28 экз.); со второй половины XVI в. происходит спад в деятельности Московского двора и в погребениях количество денег уменьшается (6 экз. конца 1540-х – 1550-х гг.), в это же время повышается роль Новгородского и Псковского денежных дворов, связанная с увеличением значения копейки.

[9] Смысловой нагрузке изображения головных уборов в средневековой период придавалось большое значение. Трехчастный венец появляется на монетах после 1542 г. и связан с системой мероприятий по пропаганде самодержавной власти митрополитом Макарием. В 1550-е гг. происходит конфликт между Иваном Грозным и оппозицией царя среди Избранной рады, которая, возможно, использовала в своих интересах денежные дворы. Возможно, изображение всадника в великокняжеской шапке символизировало изображение великого князя В.А. Старицкого, двоюродного брата царя, ставленника боярской оппозиции, и было завуалированным вызовом Ивану Грозному. Таким образом Московский денежный двор сильно «провинился» (Мельникова А.С., 1989, с.41, 42). В 1561 г. патриарх Константинопольский и Собор восточных святителей утвердил акт венчания на царство Ивана Грозного, после чего Иван IV стал изображаться в пятилучевой короне.

[10] А.С. Мельникова связывает оформление монет буквами «к/ВА» с переходом Новгородского двора в опричнину и попыткой унифицировать внешний вид монет (Мельникова А.С., 1989, с.44).

[11] С.В. Зверев считает, что среди копеек 1550-х гг. псковские монеты с буквами «ГР» составляют 69,8% (Зверев С.В., 2001, с.138).

[12] В 1560-х гг. Псков был базой для развертывания военных действий русских войск в Прибалтике во время первой половины Ливонской войны. Город отстраивался, оживилась торговая деятельность и, соответственно, приток сырья на денежный двор. Военные и дипломатические поражения русского правительства в 1580-е гг. положили конец процветанию города и денежного двора (Мельникова А.С., 1989, с.45, 46).

В Кадочниковском могильнике копеек псковского чекана чуть более чем новгородского, – девять экземпляров против восьми.

1.2.2. Монеты периода правления Федора Ивановича (1584-1598 гг.)

Объем чеканки сына Ивана Грозного – царя Федора Ивановича в первое десятилетие его правления был невелик из-за острого недостатка сырья, поступавшего на денежные дворы. После 1595 г. внутренний рынок вступил в процесс стабилизации, оживилась внутренняя и внешняя торговля, усилился приток серебра на государственные денежные дворы, что, в свою очередь, привело к оживлению работы денежных дворов и увеличению выпуска монет (Мельникова А.С., 1989, с.45, 46).

Соответственно в погребениях Кадочниковского могильника зафиксировано небольшое количество монет этого правителя – всего пять копеек и одна денга Федора Ивановича. Они представляют собой иллюстрацию двух этапов денежного обращении при этом правителе. К первому этапу относятся две монеты – московская денга с буквами «НС» в погр.50 (Мельн., табл.2, тип 1-1) и псковская копейка в погр.107 (Мельн., табл. 2, тип 1-1) к 1584–1594 гг. На втором этапе активизация работы денежных дворов в стране приводит к увеличению притока монет и в погр.61, 82, 107 Кадочниковского могильника попадают уже четыре монеты – три псковские копейки 1596 г. (Мельн., табл.2, типы 3-1, 3-2, 4-2), одна московская копейка – 1598 г. (Мельн., табл.2, тип 9-4). Причем копейки Федора Ивановича, чеканенные в Пскове и продатированные 1596 г., несут на себе только что появившийся знак Псковского денежного двора – буквы «ПС».[13]

Одна из копеек (Мельн., табл.2, тип 4-2) относится к наиболее обильному типу псковских монет, что объясняется продолжительным использованием маточника с именем царя Федора Ивановича – последнего Рюриковича на московском престоле. Этот маточник применялся и после завершения царствования Федора Ивановича при царе Б.Ф. Годунове вследствие государственных интересов[14]. Однако, указанная копейка находилась в погр.61 среди пяти монет-украшений и одного «обола мертвых», чекан которых осуществлялся правителями от Ивана Грозного до Лжедмитрия I. Поэтому она не оказала влияние на датировку захоронения, которое было продатировано по копейке Лжедмитрия I 1606 г. Новгородские копейки периода правления Федора Иванович вообще отсутствуют в могильнике. Четыре копейки из пяти, зафиксированных на Кадочниковском могильнике, относятся к выпуску Псковского двора. По мнению С.В. Зверева Псков играл ведущую роль в чеканке копеек царствования Федора Ивановича (Зверев С.В., 1994, с.54-68; 2001, с.137-139)[15].

1.2.3. Монеты периода правления Бориса Федоровича Годунова (1598–1605 гг.)

В погр.4, 50, 87, 89, 98, 107 выявлено девять копеек царя Бориса Федоровича Годунова (Мельн., табл.3, типы 1-1, 2-2, 4-2 – 4 экз., 4-4, 6?-3?, ?-1?). Среди монет преобладают копейки московского чекана – семь экземпляров, остальные два экземпляра выпущены Новгородским денежным двором. Эти дворы работали интенсивнее других в период царствования Б. Годунова.

Один экземпляр из захоронения 87 относится к самым ранним монетам Бориса Годунова и имеет дату 7107 год от сотворения мира (1599 год от Рождества Христова) – это новгородская копейка с буквами «В/НО.РЗ». «В/НО» – «Великий Новгород» – знак Новгородского денежного двора. «РЗ» – усеченная дата, выраженная буквами – 107 год (Мельн., табл.3, тип 1-1). Вторая новгородская копейка из этого же погребения несет на себе буквенное обозначение места чекана «В/НО» и даты «IРИ» – 1600 год (Мельн., табл.3, тип 2-2).

В 1600 г. в Москве появляется новая пара маточников, где изображения отличались особой тщательностью. Маточник лицевой стороны относится к категории так называемых «портретных» маточников[16], имевших большое прокламативное значение: на нем был изображен всадник – царь Б.Ф. Годунов с атрибутами царской власти. По сторонам изображения помещались буквы «Б» и «О»,

[13] Изменения в денежном хозяйстве страны после 1596 г. сказались и в появлении знаков денежных дворов, которыми они стали маркировать продукцию «о/м», «с/м», «мо» – Москва; «н/но» в сочетании с датой – Великий Новгород (Мельникова А.С., 1989, с.54).

[14] Царь Федор умер в начале 1598 г. Б. Годунов не мог сразу осуществить монетную чеканку от своего имени, т.к. весной или летом 1598 г. шла дипломатическая борьба сторонников Б. Годунова и Боярской Думы, которая не поддержала решения Земского собора выдвинуть кандидатуру Бориса на царский трон (Мельникова А.С., 1989, с.65, 66).

[15] Мнение С.В. Зверева является дискуссионным (см.: Мельникова А.С., 2005, с.8-16).

[16] В царствование Федора Ивановича принята система изображения абстрактного правителя.

что означало «Борис» и «Осподарь». Под всадником находился знак Московского денежного двора – «о/М» («Москва»). Маточник «БО о/М» был самый употребительный в работе Московского денежного двора. Монеты с «портретной» лицевой стороной вытесняют все остальные типы московских копеек Б. Годунова (Мельникова А.С., 1989, с.71; Зверев С.В., Колызин А.М., 1996, с.21).

В погр.4, 89, 107 пять московских копеек имеют лицевую сторону, чеканенную штемпелем с этого маточника (Мельн., табл.3, типы 4-2 – 4 экз., 4-4 – 1). Восемь из девяти монет Бориса Годунова датируются 1600–1602 гг.

1.2.4. Монеты периода Смуты и оккупации денежных дворов (1605–1617 гг.)

В недолгое правление Лжедмитрия I (1605–1606) усиленно чеканились монеты от имени последнего сына Ивана Грозного Дмитрия Ивановича. Экономика страны при Самозванце была довольно благополучной, а денежное обращение насыщено достаточным количеством монет (Мельникова А.С., 2003, с.73).

Две копейки с именем Дмитрия Ивановича из погр.89 и 98 отчеканены на Московском денежном дворе (Мельн., табл.4, типы 1-1 и ?-1), который активно выпускал монеты для торговли и вознаграждений наемникам, помогавшим Лжедмитрию занять русский трон.

Третья монета Лжедмитрия I из погр.61 имеет плохую сохранность, но, возможно, была выпущена Псковским денежным двором (Мельн., табл.4, тип 2?-1).

Единственная копейка Василия Ивановича Шуйского (1606–1610) из могильника (погр.98) относится к первому году царствования – 1606, когда еще продолжается нормальное функционирование хозяйственного механизма страны и очень слабо намечаются опасные тенденции, ведущие к кризису денежного хозяйства в последующие годы правления (Мельникова А.С., 2003, с.96). По типу копейка относится к первому, причем самому обильному, выпуску монет В.И. Шуйского (Мельникова А.С., 1989, с.93) (Мельн., табл.4, тип 1-1). Копейка имеет буквы «ПС» – Псков.

1610–1612 годы – наиболее тяжелые годы Смуты, когда торговля и ремесло были в упадке, жалованье выплачивалось нерегулярно, а налоги не собирались. Общество не располагало достаточными денежными средствами, монеты стали исчезать и у горожан, и у крестьян (Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1999, с.116). Тем не менее, чеканка, хоть и в ограниченном количестве, на некоторых денежных дворах продолжалась. Поляки, захватившие Москву в 1610 г., начали выпуск монет от имени провозглашенного русским царем польского королевича Владислава Сигизмундовича (Жигимонтовича), постепенно понижая вес монет. Почти в то же время занявшие в 1611 г. Великий Новгород шведы чеканили копейки с именем свергнутого царя В.И. Шуйского для оккупированных северо-западных русских территорий (до начала 1617 г.). Среди монет Кадочниковского могильника зафиксированы единичные экземпляры копейки королевича Владислава московского чекана и новгородской копейки периода шведской оккупации. Тип копейки Владислава Сигизмундовича (Мельн., табл.4, тип 2-2), обнаруженный при сборах на поверхности, относится к категории наиболее многочисленных, так как чеканился дольше других типов (Мельникова А.С., 1989, с.116).

Шведы использовали налаженное денежное производство в Новгороде Великом. В частности, они применяли маточники предыдущих правителей. С марта 1615 г. по февраль 1617 г. с маточников были оттиснуты чеканы: для лицевой стороны времени Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I), приготовленный еще в 1605 г., для оборотной – времени Василия Шуйского 1607 г. (Мельникова А.С., 1989, с.137).

Такими штемпелями отчеканена монета из погр.1 Кадочников. Она имела буквенное обозначение «НРГІ»: «Н» – «Новгород» и «РГІ» – 113 год (1605), что позволяет отнести ее к 1615–1617 гг. (Мельн., табл.6, тип 2-2). Следует заметить, что с 1615 г. в Новгороде шел «усиливающийся процесс» перечеканки монет трехрублевой стопы на более легкие копейки весом 0,499 г (Зверев С.В., 1998, с.15).

Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде собрано II земское ополчение во главе с К. Мининым и Д. Пожарским, затем перебазировавшееся в Ярославль. Здесь образовано временное земское правительство, для которого, как и для любого законного правительства, был важен выпуск собственной монеты, чтобы заявить о своей силе. В Ярославле организован денежный двор, чеканивший монету для закупок продовольствия, торговли и жалованья служилым людям.

Кроме того, монеты служили и политическим символом, так как несли на себе имя последнего «законного» царя династии Рюриковичей – Федора Ивановича, умершего 14 лет назад (Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1999, с.117-118). Монеты декларировали программу ополчения – избрание царя из числа православных государей, русского по происхождению и «царского корени». На копейках

был помещен знак «с/ЯР», обозначавший место чеканки – Ярославль, и в то же время в нем читалось название центра национально-освободительной борьбы. Ярославские монеты более грамот и словесных призывов должны были действовать на сознание людей (Мельникова А.С., 1989, с.125).

В погребении 89 среди одиннадцати монет зафиксирован именно тот тип копейки, с которого и начался чекан ополчения (Мельн., табл.5, тип 1-1).

Количество монет Смутного времени и периода оккупации денежных дворов (1605–1617) чуть менее, чем монет Б. Годунова, – 7 экземпляров. Они находились в четырех погребениях и сборах с поверхности. При этом три погребения были продатированы именно по монетам указанного периода.

1.2.5. Монеты периода правления Михаила Федоровича (1613-1645 гг.)

Монеты Михаила Федоровича среди нумизматических находок из Кадочниковского могильника стоят на втором месте по количеству после монет Ивана Грозного – 32 экз. (Мельн., табл.6, тип 1-1; табл.8, типы 3-1, 3-3, 3-5, 3-12, 3-8 – 4, 3-18?, ?-8?, 6-8, 7а-8, 9-11, 9-12, 9-13 – 2, 10-14, 14?-18, 17-20, 20-31? – 2, 22-45*, 31-52; табл.9, типы 2(5)-1). Среди них преобладает московский чекан и только одна копейка 1617 г. относится к новгородскому выпуску.

С 1614 г. и в первые годы царствования Михаила Федоровича самой популярной была новая пара маточников (Мельн., табл.8, тип 3-3), которой, возможно, предназначалась роль эталонного образца чеканки четырехрублевой стопы, – первого выпуска монет новой династии, как когда-то паре маточников 1600 г., изготовленных при Б.Ф. Годунове. На лицевой стороне, однако, при всей тщательности изображения не было портретного сходства с царем. Под ногами царя обычно помещалось слово, разбитое на части, – «МОС/КВА». Лицевой маточник обладал высокими техническими качествами, поэтому использовался почти десятилетие (Мельникова А.С., 1989, с.162).

В Кадочниковском могильнике в погр.1 встречен тип 3-3 в одном экземпляре. Кроме этого типа лицевой штемпель 3 зафиксирован в сочетании с разнообразными оборотными сторонами: типы 3-1, 3-5, 3-12, 3-18? в единичных экземплярах и тип 3-8 – четыре экземпляра (погр.1, 4, 90, 106, 107). Монеты с указанным лицевым штемпелем датируются 1614–1621 гг. В погребении 108 найдена единственная денга 1614 г. (Мельн., табл.9, тип 2(5)-1). Чеканка денег Михаила Федоровича производилась только на Московском денежном дворе.

Денежное обращение Российского государства «с жадностью впитывало новую» монету первых лет правления Михаила Федоровича, она быстро завоевала авторитет у населения благодаря своей полноценности, стабильности веса, высокому качеству оформления (Мельникова А.С., 1989, с.165).

С 1618 г. снижается вес монет и их численность, позднее начинается скрытая порча монет государством, что было связано с внешними и внутренними проблемами[17]. Из наиболее обильных типов конца 1620-х гг. в погр.107 Кадочниковского могильника выявлен тип 9-13 – два экземпляра 1619 г. (Мельн., табл.8, тип 9-13). В погребениях 1 и 49 встречены монеты 1618 г. с лицевой стороной типа 9 и оборотной 11 и 12 (Мельн., табл.8, тип 9-11, 9-12).

А.С. Мельникова выделила пять этапов чеканки монет Михаила Федоровича: 1613–1617, 1618–1625, 1626–1635, 1636–1643 и 1644–1645 гг. (см.: Мельникова А.С., 1989, с.157-180). По большому объему чекана приравниваются первый (1613–1617) и четвертый этапы (1636–1643) (Мельникова А.С., 1989, с.178). Однако, подавляющее большинство монет московского выпуска из Кадочниковского могильника относится к двум первым этапам чеканки монет Михаила Федоровича (1613–1617 и 1618–1625) – 20 экземпляров из 24. Только одна копейка 1642 г. из погр.14 может быть отнесена к четвертому периоду (Мельн., табл.8, тип 9-11, 22-45*).

Новгородский денежный двор при Михаиле Федоровиче отличался низкой продуктивностью вплоть до своего закрытия в 1626/27 г.[18]. Поэтому в Кадочниковском могильнике найдена только одна новгородская монета Михаила. Копейка с датой «н/РКЕ» – 125 год (1617) из погр.3 чеканена парой маточников, на которую приходится самое большое количество новгородских монет Михаила Федоровича (Мельн., табл.6, тип 1-1). Возможно, этот тип чеканился и в следующем 1618 г. (Мельникова А.С., 1989, с.180).

---

[17] Возможность новой интервенции в 1618 г., требования казачества выплаты прежнего жалованья и его увеличение и т.п. чрезвычайные события требовали денежных затрат (Мельникова А.С., 1989, с.168).

[18] Пути западноевропейской торговли, а вместе с ними и поставки серебра, перемещались из Новгорода в Архангельск вследствие препятствий, установленных Швецией русской торговле на Балтике.

1.2.6. Монеты периода правления Алексея Михайловича (1645–1676 гг.)

В период царствования Алексея Михайловича происходит сокращение объема денежной массы в стране, хотя он правил более 30 лет, как и его отец. Соответственно среди монет Кадочниковского могильника обнаружены всего две серебряных и одна медная копейка в погр.16, 142, 55.

Одна серебряная копейка имеет плохую сохранность и, возможно, чеканилась непосредственно перед реформой 1655–1663 гг. (Мельн., табл.12, тип?-19?). Другая, тип которой со знаком денежного двора «о/М», определяется (Мельн., табл.12, тип 29-37), относится к пореформенному выпуску 1670-х гг.

В годы проведения денежной реформы чеканили медные копейки по весу и образцу серебряных, которые население первоначально приняло достаточно хорошо, но усиленный выпуск медных копеек привел к их обесцениванию[19]. Несмотря на то, что медные монеты в свое время выкупались у населения, сокрытые комплексы медных монет встречаются сравнительно часто (Мельникова А.С., 1989, с.213).

Медная копейка из погр.55 имеет очень плохую сохранность, изображения практически не видны, поэтому определить тип и место чекана невозможно.

1.2.7. Монеты периода правления Федора Алексеевича (1676–1682 гг.)

Во время царствования Федора Алексеевича в стране ощущалась нехватка денежной наличности[20]. Соответственно только в погр.13 зафиксировано две монеты этого правителя 1676 и 1680 гг. (Мельн., табл.13, типы 2-1 и 8-9).

1.3. Монеты начала XVIII века[21]

Несмотря на то, что в целом общая масса денег в стране в конце XVII – начале XVIII в. резко возросла, в захоронениях и сборах с поверхности Кадочниковского могильника найдено всего три медные монеты начала XVIII в.: две денги Петра I и денга с неполной датой 17..8 год. На монетах Петра I указаны конкретные даты – 1704 г. и 1707 г. Погребения 63 и 66, где обнаружены денги Петра I, находятся на краю могильника и, вероятно, являются одними из поздних захоронений.

Денга с частичной датой – 17..8 год – найдена в полностью разрушенном погребении.

2. Счетные жетоны

Двенадцать целых экземпляров и несколько фрагментов происходят из восьми захоронений (погр.34, 49, 50, 61, 82, 98, 107, 121) и три экземпляра – из полностью разрушенных погребений Кадочниковского могильника. Восемь экземпляров имеют диаметр 15-17 мм, семь экземпляров – 21-23 мм. Все счетные жетоны[22] Кадочниковского могильника имеют однотипные изображения: на

[19] Медные копейки вводились исключительно для нужд внутреннего рынка. В 1663 г. денежное обращение вернулось к прежней системе, основанной на серебряной копейке, а медные монеты выкупили у населения в расчете 1 серебряная копейка за 100 медных.

[20] Царствование Федора Алексеевича было спокойным, происходит активизация товарооборота, но в 1679 г. изменилась система налогового обложения – введен подворный налог. Возможно, потребовалась мобилизация всех денежных ресурсов для своевременной выплаты налогов (Мельникова А.С., 1989, с.227).

[21] Денежная реформа Петра I 1698–1704 гг. создала монетную систему, построенную по десятичному принципу на основе серебряного рубля весом 28 г (вес западноевропейского талера) = 100 копеек. Началом реформы было снижение веса копейки до 0,28 г в 1698 г. С 1700 г. начался выпуск серебряных номиналов от полтины до 10 денег (5 копеек) и медных – от денги до полуполушки. Серебряный рубль и медная копейка появились в обращении в 1704 г., одновременно продолжалась чеканка проволочной серебряной копейки до 1718 г.

[22] Счетный жетон или пфенниг (нем. Rechenpfennig, Raitpfennig, франц. gectoir, jeton) – металлическая марка для подсчетов с помощью счетной доски – абака (абак – разграфленная доска, на которой счет производился перекладыванием каких-либо предметов – камешков, косточек и т.п. Этот счет был известен еще в Древней Греции, где передвигаемым камешкам приписывали значения различных денежных единиц. В России разновидностью счета на линиях стали счет костьми и дощаный счет. Первый осуществлялся косточками от слив и вишен, а второй привел к возникшим в XVI–XVII вв. счетам (Никифоровский В.А., 1993, с.240). Счетные жетоны существовали в средние века в различных государствах Европы. На них часто встречались сведения и изображения, относившиеся к политическим и историческим событиям, т.к. жетоны имели хождение среди широких кругов населения и служили носителями информации. Нередки также символы счастья и торговли (Фенглер Х, Гироу Г., Унгер В.,

лицевой стороне – три короны и три лилии, чередующиеся вокруг помещенной в центре розетки, вдоль края расположена отделенная частым бусовым ободком легенда и на оборотной стороне – увенчанная крестом держава в драйпасе[23], вдоль края отделенная бусовым ободком легенда, которая представляет собой нравоучительную сентенцию. Жетоны этой серии были популярны в 1550–1630-х гг.

Внешнее различие жетонов связано с отчеканенными на них легендами. Большинство жетонов имеет плохую сохранность: покрыты ржавчиной и патиной, надписи и изображения почти стерты. Тем не менее, на четырех жетонах надписи удалось восстановить по известным типам жетонов и перевести[24]:

1. Счетный жетон из погр.49 (диаметр 17 мм)

Надписи на лицевой стороне: HAN…AV…CKEL IN NVR

(HANNS KRAVWINCKEL IN NVR – Ганс Крауфвинкель в Нюрнберге)

На оборотной стороне: GOT…S SEGEN…AC…ICH

(GOTTES SEGEN MACHT REICH – Божье благословение создает власть)

Изображения и надписи полностью совпадают с изображениями и надписями жетона из собрания при Томском университете (Спасский И.Г., 1951, с.136).

2. Счетный жетон из погр.50 (диаметр 23 мм)

Надписи на лицевой стороне: HANN…RAVWINCKEL IN NVRENBE

(HANNS KRAVWINCKEL IN NVRE – Ганс Крауфвинкель в Нюрнберге)

На оборотной стороне: CLVCK BESCHERT IST VNGE…ERT (Подаренное счастье нельзя отнять).

Изображения и надпись на лицевой стороне совпадают с изображениями и надписью жетона, найденного на месте Мангазеи (Спасский И.Г., 1951, с.136), надписи на оборотной стороне разные.

3. Счетный жетон из погр.61 (диаметр 17 мм)

Надписи на лицевой стороне: …AVWINCKEL INN

(HANNS KRAVWINCKEL INN – Ганс Крауфвинкель в Нюрнберге)

На оборотной стороне: …OTT ALLE…N DI…E SE…

(GOTT ALLEIN DIEEERE SEI – Одному богу слава)

Изображения и надписи совпадают с изображениями и надписями жетона из кургана 113 Кыштовского могильника (Молодин Э.Н., 1979, с.130)[25]

1993). Металлические пфенниги чеканились из меди или латуни, редко из серебра; размеры чаще 20-28 мм, т.о. жетоны меньшего или большего размера использовать в качестве счетчиков было неудобным. Рельеф жетонов всегда низкий для простоты передвижения по плоской поверхности счетной доски. Поскольку жетоны не являлись монетами, на них никогда не указывался номинал. В Германии жетоны вошли в употребление гораздо позже, чем во Франции и Нидерландах. Начиная с XV в., жетоны чеканятся в Нюрнберге. Хотя в XVI в. мастеров было довольно много, в производстве господствовали четыре семейных фирмы: Шультес, Крауфвинкель (Краувинкель), Лауффер, Лауэр. В период с XVI по XIX вв. нюрнбергские счетные пфенниги распространились по всей Европе. По большей части, это были дешевые имитации известных монет, а также французских и голландских жетонов. В отличие от французских и нидерландских, нюрнбергские жетоны не были связаны с правительственными заказами. Поэтому каждый изготовитель пфеннигов работал за свой счет и рассчитывал лишь на собственные усилия по их реализации. Чаще всего жетоны продавались вместе с разнообразными товарами из Нюрнберга, например, игрушками. Наиболее известный производитель жетонов – Ганс Крауфвинкель (Ханс Краувинкель) имел представительства в Париже и Амстердаме (*Берт ван Бик* URL:). После распространения арабских чисел появляются письменные методы счета и с конца XVI в. счетные пфенниги начинают утрачивать свое прямое назначение. В XVII в. они все больше использовались как расчетные единицы в карточных играх, хотя счет на линиях в Германии удерживался на протяжении всего этого столетия.

Находки немецких счетных жетонов в могильниках на территории России не редки. В то же время они не говорят о прямых торговых связях с Германией. Пфенниги поставлялись значительными партиями из Европы через Архангельск и далее следовали в Поволжье, Приуралье, Сибирь, где купцы обменивали их на товары местным народам. Причем население Сибири использовало их и как монеты, и как украшения. Возможно, жетоны были внешне более привлекательны по сравнению с русскими деньгами, в то время как стоили намного дешевле (Спасский И.Г., 1951, с.134; Пушкарев А.А., 2012, с.152; Еманов А.Г., 2009, с.117).

[23] Драйпас – геометрическая фигура, состоящая из трех чередующихся дуг и углов.

[24] Перевод доктора исторических наук Е.С. Щукиной (ОН ГЭ)

[25] Автором допущены ошибки в описании лиц.ст. (в центре изображены не 6 корон, а 3 короны и 3 лилии) и в воспроизведении надписи на об.ст. (надпись не DIEHE?E?EI (крест) GOTT ALLEN, правильное написание – GOTT ALLEIN DIEEERE SEI.

4. Счетный жетон из погр.82 (диаметр 21 мм)
Надписи на лицевой стороне: HANN…INCKEL IN NV
(HANNS KRAVWINCKEL IN NV – Ганс Крауфвинкель в Нюрнберге)
На оборотной стороне: GOTTES GAB…NLOB
(GOTTES GABEN SOL MANLOB – Божьи дары следует восхвалять)

Надписи совпадают с надписями жетона типа 2, найденного на о. Фаддея (Спасский И.Г., 1951, с.130), изображения на лицевой стороне разные.

Жетоны зафиксированы в детской могиле 49 и в погребениях без костяка (№82 и 121), а также в пяти женских захоронениях (№34, 50, 61, 98, 107). Все они имеют отверстия и использовались в качестве украшений. В женских погребениях жетоны входили в состав головных уборов и в состав жертвенного комплекса на локте в погр.34. В погр.50, 61, 82, 98, 107 счетные пфенниги находились вместе с монетами-украшениями и «оболом мертвых», в захоронении 49 – только с «оболом мертвых». Жетоны не несут на себе датировку, в целом их следует датировать периодом работы мастера. Счетные пфенниги Кадочниковского могильника изготовлены наиболее известным производителем жетонов Гансом Крауфвинкелем (Ханс Краувинкель) из Нюрнберга, мастерская которого действовала в период с 1586 по 1635 год *(Берт ван Бик* URL: www.inoantiqpressa.com/index.php/numhistory/217-jetons).

Находки счетных жетонов в марийских могильниках не являются исключительным явлением в регионе. Кроме Кадочниковского могильника в Кировской области счетные жетоны выявлены в Грековском могильнике XVI–XVII вв. (Тужинский район). В пяти погребениях были зафиксированы 10 экземпляров, которые располагались в области черепа (5 экземпляров в погр. 18, 36), грудной клетки (2 экземпляров в погр.36, 39), на поясе (Шапран И.Г., 1984, с.100, 102, 104, 106). По всей вероятности, эти жетоны использовались как украшения. Так же следует отметить факты обнаружения счетных пфеннигов в могильниках XVI – начала XVIII в., расположенных на соседних Вятскому краю территориях Мари-Эл, Удмуртии, Татарстана и Башкортостана[26].

3. Монеты - украшения

Монеты, найденные в погребениях, по классификации В.М. Потина, делятся по их назначению на две категории: этнографические (монеты – украшения костюма (или монеты-подвески)) и культовые (монеты – «обол мертвых») (Потин В.М., 1968, с.12, 13). Основной признак, по которому проведено разделение монет на две группы – это наличие или отсутствие отверстия на монете для подвешивания. Однако деление монет на две категории носит весьма условный характер. В первую очередь это связано с неоднозначностью их функционирования. Как известно, монета с отверстием (монета-украшение) в случае необходимости снова могла выполнять функцию платежного средства и уйти в денежное обращение на равных правах с неповрежденными монетами. Этот переход неоднократно отмечали исследователи для различного вида монет (см. напр.: Спасский И.Г., 1954, с.201; Потин В.М., 1968, с.12 и др.). Кроме того, отверстия на монетах пробивались не только с целью превращения монеты в украшение, но и в связи с местными традициями. Например, марийцы, жившие в тесном контакте с русскими, имели такой обычай: после опускания гроба в могилу, от гроба до надмогильного столба протягивали ниточку, на конце которой вешали серебряную монету. Нити в погребальном обряде выполняли магическую функцию как нити жизни, обретаемые человеком при рождении и объединяющие его с иным миром. Монета должна была олицетворять солнце для умершего (Попов Н.С., 1981, с.168, 169)[27]. Следовательно, монета с отверстием могла быть использована в качестве «обола мертвых».

[26] Мари-Эл: Арзебелякский – 12 жетонов (6 – Нюрнберг, 6 – Европа) и 50 монет; Картуковский – 6 жетонов (Нюрнберг) и 236 монет; Мало-Кугунурский – 4 жетона (Нюрнберг) и 53 монет; Кадышевский – 1 жетон (Нюрнберг) и 12 монет; Владимирский – 4 жетона (Нюрнберг) и 8 монет (см. Никитина Т.Б., 1992); Удмуртия: Атынский и Поломский чабьящай могильники – 2 жетона. Из Атынского могильника жетон изготовлен нюрнбергским мастером Лауфером приблизительно в 1618-1660 гг. (см. Шутова Н.И., 1992, с.9); Татарстан: Больше-Меминский – 11 жетонов (Нюрнберг?) и 59 монет (см. Дроздова Г.И., Булыгин А.И. www.tataroved.ru); Башкортостан: Кушулевский – 3 жетона с отверстиями в одном погребении использовались для украшений головного убора (см. Агеев Б.Б., Акбулатов И.М., 1987, с.157-163).

[27] Т.Б. Никитина отмечает, что около погребений позднесредневековых могильников выявлены остатки столбов, на которых, вероятно держался навес. Иногда столб стоял в ногах или в изголовье (Никитина Т.Б., 2002, с.63,64).

В восемнадцати погребениях Кадочниковского могильника и в сборах с поверхности выявлено 62 монеты с отверстиями. Они находились в женских захоронениях (№1, 4, 13, 50, 61, 89, 98, 107, 112, 126, 129, 142); мужском погребении (№5); детских могилах (№14, 16, 105), погребениях без костяка (№55, 82).

Из 62 монет 60 представляют собой копейки XVI–XVII вв. Остальные две монеты являются псковской денгой 1510-1533 гг. и московской денгой 1462–1505 гг., обрезанные в конце 1520-х – начале 1530-х гг. Денги Ивана Грозного в качестве подвесок не использовались, вероятно, из-за небольшого размера.

Среди копеек XVI–XVII вв. выделяется группа копеек периода царствования Михаила Федоровича – 23 экземпляра, количество монет других правителей значительно меньше – от 1 до 6 экземпляров.

В половине погребений найдено по одной монете – украшению. В восьми погребениях количество монет – подвесок варьирует от 2 до 7 экземпляров. В одном погребении (№107) зафиксировано максимальное число – 16 монет-украшений. Максимальный разрыв между датами чеканки старшей и младшей монеты-подвески в погребениях колеблется от 4 до 59 лет, в погр.107 – 109 лет.

Монеты-украшения встречаются как отдельными экземплярами, так и в комплексе с другими деталями украшений (бисером, бусинами, тканью, нитками). Украшения могут быть соотнесены с определенными частями человеческого тела (таблица 3). Монеты-подвески в погр.1 – 2 экземпляра, погр.13 – 4 экз., погр.61 – 5экз., погр.98 – 3экз., погр.107 – 16экз., погр.142 – 1 экз. располагались в области черепа. В погребениях 50 и 89, где монеты-украшения зафиксированы вместе с монетами – «оболом мертвых», часть монет также находилась в области черепа, но какие конкретно – неизвестно. Таким образом, более половины монет имели местоположение в области головы. Причем все захоронения – женские. Вероятно, монеты в большей степени использовались для украшения головных уборов, чем других частей марийского костюма[28]. Археологические материалы, касающиеся головных уборов XVII–XVIII вв. и их датировок, имеют особую ценность, так как в этнографических коллекциях большую часть составляют головные уборы, датировка которых относится ко второй половине XIX – первой половине XX в.[29], а литературные источники XVII–XVIII вв. содержат довольно краткие описания.

В этой связи следует более подробно остановиться на погребении 107, где были обнаружены элементы высокого убора на берестяной основе, известного под названием «шурка»[30]. Остатки высокого головного убора найдены в ряде погребений Кадочниковского могильника, но только в одном из них находились остатки шурки с монетами и жетоном. Такой убор был принадлежностью костюма вятских мари и не находит аналогий в материальной культуре других групп марийцев.

Впервые марийская шурка была описана в 1630-е гг. путешественником Адамом Олеарием: «Невесты носят спереди на головах своих украшение, почти в роде рога; оно с локоть длиной и направлено кверху; на конце его в пестрой кисточке висит небольшой колокольчик»[31]. В XVIII в. о шурке упоминал другой знаменитый путешественник и ученый Г.Ф. Миллер: «...примечания достойнейший есть безмерно высокий головной убор, о котором упоминает Олеарий», украшенный «набором из серебряных копеек и мелких корольков». А черемисские девки отличаются от баб тем, что «носят на головах чепцы, серебряными копейками, или таковыми же оловянными бляшками укладенные» или платки (Миллер Г.Ф., 1791, с.16, 21).

[28] Монеты с отверстиями входили в состав женских головных и шейно-нагрудных украшений мари, а также нашивались на одежду как женскую, так и мужскую (хотя и значительно меньше).

[29] Головные уборы всегда украшались. Проведенный А.Ю. Заднепровской историко-генетический анализ этнографических материалов показал: большая часть марийских украшений XIX–XX вв. имеет прямые аналогии только в материалах позднего средневековья XVI–XVIII вв. Следует отметить, что по сведениям А.Ю. Заднепровской, одинаковые типы марийских украшений, распространенные у всех локальных групп, составляли лишь порядка 10% от их общего количества. Формирование единого общенационального комплекса украшений не происходило (Заднепровская А.Ю., 1992).

[30] Название этого головного убора происходит от слова «шур» – рог, дословно «шурка» – «рогатый» (Молотова Т.Л., 1992, с.34).

[31] Это было вообще первое письменное упоминание о марийских головных уборах (Олеарий А., 2003, с.316).

На данный момент общее описание шурки в археологической и этнографической литературе дается таким образом: берестяной[32] остов шурки был в форме усеченного конуса[33], обтягивался материей, на которую нашивали ряды бус, монет XVI – начала XVIII в. и бисера. В центре находилась подвеска, которая завершалась бубенчиком и прядью шерстяных нитей, унизанных бисером. Остов держался с помощью налобной повязки из ткани с накладками и монетами.

По типу женского головного убора (высокий составной убор на берестяной основе) марийская шурка близка к удмуртскому айшону. По мнению Т.Б. Никитиной: очевидно, что первые высокие берестяные уборы были заимствованы марийскими женщинами у удмуртов, поэтому не случайно они распространены именно в Вятском бассейне – месте интенсивных марийско-удмуртских контактов (Никитина Т.Б., 1992, с.50).

Шурку носили только замужние женщины, костюм которых до 40 лет отличался богатством съемных украшений и орнаментации[34]. Шурка, по мнению марийцев, как и все женские головные уборы, обладала магией[35]. Шурка вышла из употребления к концу XIX в., на последних этапах своего бытования в начале XX в. она использовалась как свадебный убор (Молотова Т.Л., 1992, с.35)[36].

Головной убор был обязательным предметом похоронной одежды. На женщину надевали свадебный головной убор, в изголовье, под подушку помещали будничный головной убор (Молотова Т.Л., 1992, с.79).

Фрагменты головных уборов указанного типа найдены исключительно в археологических памятниках XVI – начала XVIII в. в бассейне р. Вятки и ее притоков: Грековский могильник (20 погребений), Тюм-Тюмский (5 погребений), Уржумнолинский (15 погребений) могильники XVI – начала XVIII в. (Никитина Т.Б., 1992, с.50; 2002, с.94, 95)[37].

[32] Т.А. Крюкова отмечает, что у марийцев береста была священным предметом и служила оберегом при обрядовых празднествах. Здесь прослеживается связь с культом растительности и, возможно, с культом матери всех растений. Поэтому весьма вероятно, что остов высоких женских головных уборов служил не только для твердости, но имел и священное значение, связанное с культом великой богини (Крюкова Т.А., 1956, с.134-136).

[33] В погр.53 Уржумнолинского могильника высота усеченного конуса 30-40 см, ширина в верхней части – 10 см (Никитина Т.Б., 1992, с.49).

[34] После 40 лет женщина надевала ограниченное количество украшений. В Уржумской округе в этом случае пользовалась только серьгами, шейными ожерельями и фибулой для скрепления разреза рубахи.

Монеты накапливались десятилетиями для изготовления украшений в качестве приданого задолго до свадьбы, а затем украшения обновлялись в течение всей жизни. Украшения очень ценились марийками и передавались по наследству от матери к дочери. Полный набор украшений молодушки носили в течение года после свадьбы, так как он предохранял не только ее, но и будущего ребенка от порчи. Даже в жаркий сенокосный период молодушке не разрешалось снимать тяжелые украшения из серебряных монет. Бывали случаи, когда в этот период женщины теряли сознание от жары и тяжести надетых украшений (Молотова Т.Л., 1992, с.13, 71, 72, 78).

[35] Как и у многих других народов, марийские девушки носили головной убор, оставлявший волосы открытыми, так как магия волос представительниц рода была наиболее благоприятной. Замужние женщины должны были прятать волосы, чтобы обезопасить род мужа от губительной магической силы, принадлежащей другому роду. Ношение головного убора было обязательно: простоволосая женщина могла навлечь неурожаи, засуху и эпидемии. Марийская замужняя женщина не могла показаться без головного убора даже перед ближайшими родственниками (обычай избегания), иначе ей приходилось платить своеобразный штраф: деньги, платок, рубаху, что, вероятно, должно было компенсировать нанесенный ею вред. Кроме защиты женщины и рода ее мужа от негативной магии волос представительницы другого рода, головной убор имел вполне самостоятельное ритуальное значение. Восстановить ритуальные функции головных уборов в настоящее время полностью невозможно. Следует отметить важную роль головного убора в свадебной обрядности мари, для которых характерны особые свадебные головные уборы (Павлова А.Н., 2009, с.75, 76; Молотова Т.Л., 1992, с.71, 77, 78).

[36] Удмуртский айшон также как и марийская шурка обладал магией, выполнял роль свадебного головного убора, принадлежал замужней женщине и окончательно исчез в начале XX в. (Шутова Н.И., 2008, с.196-202).

[37] Однако не во всех этих захоронениях были обнаружены монеты. В частности в Тюм-Тюмском могильнике среди найденных фрагментов шурки монет и жетонов нет вообще. В научной литературе можно встретить реконструкцию женского костюма из погр.53 Уржумнолинского могильника, проведенную Т.Б. Никитиной. В составе костюма реконструирована шурка, украшенная монетами. К сожалению, определение и датировки монет не приводятся (Никитина Т.Б., 1992, с.156).

В погребении 107 Кадочниковского могильника в области черепа располагалось 15 монет с отверстиями, один счетный жетон – подвеска и одна монета – «обол мертвых». Это самое большое количество монет в одном погребении из всех монет, найденных в могильнике, и почти четверть монет – украшений, что свидетельствует о богатстве погребенной здесь женщины[38]. В целом типы монеты шурки можно охарактеризовать как типы обильных чеканов ведущих денежных дворов определенного периода (для копеек периода правления Ивана Грозного и Федора Ивановича – Псковского денежного двора, Бориса Годунова и Михаила Федоровича – Московского)[39]. Монеты находились в хронологическом диапазоне приблизительно 109 лет, от денги Василия III, чеканенной в 1510-1533 гг., до копеек Михаила Федоровича (1613–1645). Относительно определенно можно выявить и продатировать типы 13-ти монет, из которых две последние однотипные копейки имеют дату 1619 г. Однако еще две почти стертые монеты можно предположительно отнести ко времени правления Михаила Федоровича (1613–1645) и две совсем стертые – к XVII столетию. Среди подвесок шурки был отмечен немецкий счетный жетон Ганса Крауфвинкеля из Нюрнберга, датировка которого имеет большой хронологический диапазон – почти 50 лет. Предположение о времени его появления в Уржумской округе связано также с большим временным отрезком – с начала – по 30-е годы XVII в.

Вопрос о датировке шурки не может быть решен однозначно по монетам – 1619 г. или по жетону 1635 г. Датировка шурки в обоих случаях не противоречит замечанию Т.Б. Никитиной: «первые вещественные доказательства (*не указано какие – Е.М.*) бытования высокого твердого убора у марийцев относятся к первой половине XVII века… В более ранних марийских могильниках никаких сведений о подобных головных уборах нет…» (Никитина Т.Б., 1992, с.50). Датировка шурки соответствует также письменному свидетельству о ее существовании А. Олеария.

Как было выше указано, марийская шурка близка удмуртскому айшону. В свое время удмуртские головные уборы изучались Н.И. Шутовой. Она пришла почти к такому же выводу: судя по монетам и вещевому инвентарю из удмуртских погребений, большинство могил с находками головных уборов, в том числе и айшонов, относится ко времени XVII – начало XVIII в.[40]. В погребениях XV–XVI вв. находки головных уборов составляют большую редкость (Шутова Н.И., 2008, с.194).

По мнению Т.Б. Никитиной марийский налобный венчик – повязка, основа женского головного убора, украшался в раннее средневековье металлическими накладками и только в XVI в. (Никитина Т.Б., 1999, с.179) или в конце XVI в. (Никитина Т.Б., 2002, с.91) в качестве накладок стали использовать монеты. Однако, в Кадочниковском могильнике монеты – украшения, за исключением одной подвески, появляются в захоронениях только в начале XVII в., в том числе и в составе головных повязок.

Остальные монеты – подвески из могил Кадочниковского кладбища размещались в области груди, кисти руки, пояса, бедра. Следует отметить, в условиях отсутствия органических материалов, например, детали накосников могут быть интерпретированы как нагрудные украшения и тому подобное.

Возможно, следует указать еще на один факт, связанный с появлением монет-украшений в захоронениях. Монеты могли оказаться не на погребенных, то есть композиционно не соединены с костюмом умершей. Такие предметы имели ритуальное значение, связанное с изменением социального статуса погребенного в ином мире. У марийцев умершей девушке клали в гроб головной женский убор (Попов Н.С., 1981, с.161).

[38] По данным Т.Б. Никитиной в состав одного головного убора в погр.136 Картуковского могильника вошло не менее 90 монет от 1535 до 1645 гг. Однако, Картуковский могильник оставлен группой горных мари, которые не носили шурку (Никитина Т.Б., 2002, с.93). Неизвестно, какую сумму в средневековый период составляли монеты в полном комплекте украшений и одежды. Мы можем привести данные более позднего времени. Так в 1791 г. в Царевосанчурской округе Вятской губернии было возбуждено уголовное дело по краже у черемисина Веденея Идолова Анисьей Яндерешевой шурки – головного убора, на котором «по обыкновению носят... серебряные копейки, стоящие 30 рублей» (ГАКО. Ф.20. Оп.24. Д.2240. Л.4). В XIX в. некоторые комплекты марийских украшений могли иметь монеты на сумму 100 рублей (Молотова Т.Л., 1987, с.89).

[39] Какие обстоятельства способствовали появлению монет в Уржумской округе см. подробнее – ниже в данной статье в п.8. Денежное обращение в Уржумской округе.

[40] Хотя по археологическим материалам прослеживается появление удмуртских айшонов на территории Вятско-Чепецкого бассейна в VI–VIII вв. Монеты раннего средневековья обнаружены только в составе ожерелий (Шапран И.Г., 1994, с.382).

В качестве монет – украшений в подавляющем большинстве случаев использовались проволочные серебряные монеты. В погребении без костяка 55 зафиксирована подвеска в виде медной копейки очень плохой сохранности. Возможно, ее появление связано с тем, что в начале денежной реформа Алексея Михайловича 1655–1663 гг. население страны первоначально хорошо приняло новые медные копейки, чеканившиеся по образцу серебряных, и только позднее чрезмерный выпуск медных копеек привел к их обесцениванию и провалу реформы.

Технические приемы использования монет в марийских украшениях[41] были просты и ограничивались нанизыванием составных частей на шерстяную или суровую нитку или же нашиванием их на основу из кожи или холста (Марийские украшения…, 1985, с.3). Для этого в монетах пробивали одно или два отверстия для подвешивания. Практически не использовались монеты с ушками.

Соответственно, каждая из монет украшений, обнаруженная в захоронениях Кадочниковского могильника, имела одно или два отверстия. Расположение отверстий не связано с изображениями и надписями на монете. Оно зависело от формы монеты: отверстие большей частью пробивалось у той части края монеты, где находилось начало или конец кусочка проволоки, из которого делали монету.

Обособленно следует отметить находку в женском погребении 112 – монета с отверстием (московская денга Ивана III 1462–1505 гг., обрезанная в конце 1520-х – начале 1530-х гг.) была найдена в области ступни. С большой долей уверенности можно предполагать, что она выполняла роль «обола мертвых».

4. Монеты – «обол мертвых»[42]

У многих народов прослеживается двойственность отношения живых к покойнику: его почитали, устраивали поминки, обеспечивали необходимыми для загробной жизни предметами и в то же время его боялись, старались избавиться, чтобы он не вернулся домой, не мстил за плохие похороны или поминки и не беспокоил живущих.

В этнографических источниках отмечается, что марийцы-язычники верили в трех владык загробного мира. После смерти душа умершего шла по «черемисским мытарствам» (через горы, пропасти, отбивалась от собак и змей и т.п.), пока не добиралась до одного из владык – «строгого адского судьи Киамат-Тора». Для его задабривания и клали в гроб деньги (Кузнецов С.К., 1907, с.15-22).

Известно описание обряда погребения марийцев с использованием монет в Уржумском уезде Вятской губернии. Во время обрядовых действий марийцы одну монету давали в руку покойного, с боку же привешивали кошелек с деньгами, говоря: «Будь с деньгами на том свете» (Васильев В.М., 1920, с.52).

При анализе материалов марийских могильников конца XVI – начала XVIII в. Т.Б. Никитина также отмечала, что для откупа от злых сил марийцу клали в карман или кошелек умершего монету. Соответственно при раскопках захоронений она находилась справа или слева от бедра или у колена. Монеты могли попасть в могилу до помещения в нее трупа или в могильную засыпь. Чтобы покойник на том свете не мог ничего рассказать о живых, в рот ему клали монету[43].

На Кадочниковском могильнике «обол мертвых» отмечен в 31-м погребении: в 15-и женских (№2, 10, 11, 25, 28, 41, 50, 52, 61, 73, 83, 89, 98, 100, 107); в 10-и мужских (№3, 5, 63, 66, 87, 90, 103, 106, 108, 117); в 3-х детских (№15, 49, 57); без костяка (№42, 55, 82). Всего обнаружено 78 монет без отверстий. Общее количество монет – «оболов мертвых» превышает количество монет-украшений (62 экземпляра). В 23-х погребениях из 31 выявлен только «обол мертвых».

Максимальное количество монет в одном погребении – 14 экземпляров, минимальное – 1 (в 15-и могилах)[44]. Разрыв между датами чеканки старшей и младшей монеты в погребении составляет от 12 до 83 лет. Если «обол мертвых» состоял из нескольких монет, то в погребении, возможно, их складывали грудкой или столбиком. Такой столбик из четырех монет был обнаружен в погребении 11 в области черепа. Наибольшее количество монет – «обол мертвых», так же как и монет-украшений, найдено возле черепа – около 30 экземпляров из 78. Особо следует подчеркнуть находки «оболов мертвых» в погребениях XVI в.: из 45 обнаруженных монет – 44 монеты без отверстия; из последних 23 экземпляра располагались в области черепа.

Кроме того, в погребениях Кадочниковского могильника в большинстве случаев местоположение монет-украшений и «обола мертвых» совпадает - помимо области черепа это зоны предплечья, груди, пояса. Поэтому при изучении данного материала расположение монеты в погребении не всегда может иметь решающее значение для определения назначения монеты (в 30-и захоронениях). Исключение – погребение 112, о котором было сказано выше.

В XVI–XVII вв. в качестве «обола мертвых» обычно клали серебряные монеты денги и копейки, в начале XVIII в. появляются медные монеты без отверстий, имеющие номинал денга.

5. Погребения с монетами обоих видов назначения

В восьми погребениях зафиксированы монеты обоих видов: монеты – подвески и «обол мертвых». Вместе с ними в пяти погребениях находились счетные жетоны.

№ п/п	№ погр.	Род погр.	Кол-во монет - украш.	Датировка монет - украш., гг.	Кол-во монет - «оболов мертвых»	Датировка монет - «оболов мертвых», гг.	Датировка погр. по монетам, гг.	Датировка по жетонам, гг.
1	82	б/к	1	1596	1	1535–1538	1596	1635
2	50	ж	1	1598–1600	5	1535–1594	1600	1635
3	61	ж	5	1547–1606	1	1570-е	1606	1635
4	98	ж	3	1602–1606	1	1560-е	1606	1635
5	89	ж	6	1605–1612	5	1535–1602	1612	
6	107	ж	16	1462–1619	1	1616	1619	1635
7	5	м	1	XVII	1	1613–1645?	1613–1645?	
8	55	б/к	1	1655–1663	3	1535–1550-е	1655–1663	

Из приведенных данных следует, что семь из восьми могил могут быть продатированы по младшим монетам – подвескам.

Погребение 5 весьма условно датируется «оболом мертвых», так как монета с отверстием имеет очень плохую сохранность и не может быть определена более конкретно.

Количество монет – украшений в этих захоронений почти в два раза превышает количество «обола мертвых»: 34 и 18 экземпляров. В половине погребений (№61, 89, 98, 107) монет – подвесок больше, чем монет – «оболов мертвых».

При этом монеты – украшения составляют более половины всех монет данного вида, обнаруженных в погребениях Кадочниковского могильника, – 34 экземпляра из 60.

---

[41] Монеты с отверстиями входили в состав женских головных и шейно-нагрудных украшений мари, а также нашивались на одежду как женскую, так и мужскую (хотя и значительно меньше).

[42] Термин «обол мертвых» употребляется зарубежными учеными и введен в отечественную нумизматическую и археологическую литературу В.М. Потиным (см. Потин В.М., 1971, с.49). Следует отметить, что ряд ученых предпочитает использовать термин «обол Харона» (например, Быков А.В., 2001, с.145-146; Векслер А.Г., Петухов С.П., 2002, с.203-206 и др.). Кроме того, существует мнение, что «название «обол Харона» или «обол мертвых» … создает некоторую заданность в понимании обычая, однозначно определяя его как явление, порожденное эллинской культурой». В то время как погребальный обряд и религиозные представления местных племен и народов не имеют ничего общего с греческой «моделью» (см., например, Костюков В. Буддизм в культуре Золотой Орды. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/mongol/kost_buddzol.php). Обычай «обола мертвых» появился в античном мире: в Древней Греции умершим клали в рот обол – монету, по номиналу равную 1/6 драхмы – как плату Харону, перевозившему души усопших через Лету в мир теней. Позднее, в Западной и Восточной Европе этот обычай претерпел определенную трансформацию, месторасположение монет в погребениях стало более разнообразным, изменилась и сущность обычая – монету клали по самым различным причинам (купить место на том свете или на кладбище, откупиться от злых духов и т.п.). Однако основа обычая оставалась одна и та же – развитие товарно-денежных отношений привело к тому, что и «загробная жизнь» человека не мыслилась без наличия денег (Берга Т.В., 1988, с.56, 57; Потин В.М., 1971, с.54 и др.)

[43] Из 235 погребений монеты у бедра были в 73-х могилах и у колена в 16-и. В 11-и погребениях монеты попали в могилу до помещения в нее трупа, в 27-и – в могильную засыпь (Никитина Т.Б., 1992, с.31).

[44] Из этнографических источников известен случай нахождения «в древних черемисских могилах» 135 серебряных копеек XVII в. в особом кожаном кисете (Кузнецов С.К., 1907, с.15).

6. Особенности датировки погребений Кадочниковского могильника

Для определения хронологического диапазона погребений и могильника в целом 140 были изучены посредством метода поштемпельного анализа. 105 монет (69 типов) XVI – XVII вв. определены по таблицам А.С. Мельниковой (1989) и каталогам И.В. Гришина, В.Н. Клещинова (1998; 2001; 2007). Датировка монет в таблицах дается синхронно (таблица 1). Следует обратить внимание на то, что большая часть монет имеет плохую сохранность, поэтому определение некоторых типов и датировок носит в какой-то степени условный характер и может быть подвергнуто пересмотру.

Нумизматический материал позволяет датировать раскопанные погребения в пределах не ранее 30-х гг. XVI в. и до 1710-х гг. включительно (таблица 5). По периодизации Т.Б. Никитиной время существования кладбища относится к четвертому этапу развития марийского этноса (Никитина Т.Б., 2002, с.216).

Погребения с монетами Кадочниковского могильника были продатированы по младшим монетам. При этом из восьми погребений, в которых зафиксировано совместное нахождение монет – подвесок и монет – «оболов мертвых», семь (№82, 50,61, 98, 89, 107, 55) продатировано по монетам – украшениям, имеющим более позднюю дату, чем «обол мертвых». Погребение 5 продатировано по «оболу мертвых» по причине плохой сохранности монеты-украшения.

Шесть погребений (№49, 50, 61, 82, 98, 107), в которых зафиксировано совместное нахождение пфеннигов и монет, по монетам датируются 1618, 1600, 1606, 1596, 1606, 1619 годами. Датировка по жетонам имеет более позднюю дату – 1635 год. Однако, на наш взгляд, вопрос датировки вышеуказанных захоронений не может быть разрешен однозначно. Однотипность жетонов указывает на синхронность их попадания на территорию Южной Вятки. Но хронологический диапазон выпуска жетонов Кадочниковского могильника довольно большой – 50 лет. Его можно уменьшить лишь до 30-35 лет в начале XVII в. Это сложный период для центра и западных районов Российского государства: природные катаклизмы и голод 1601–1603 гг., период Смуты и интервенция иностранных государств, ухудшение экономического положения, разрушение сложившихся торговых связей. Тем не менее ничего подобного в Вятском бассейне не наблюдалось, перечисленные события обошли регион почти стороной, торговые связи с Архангельском не нарушались (по крайней мере достоверных сведений нет). Жетоны из Западной Европы поступали достаточно быстро[45]. Мы не можем категорично указать в какие годы или десятилетия первой половины XVII в. комплекс нюрнбергских жетонов попал на территорию Уржумской округи. Вопрос о датировке погребений по монетам или по жетонам пока остается открытым. Датировка только двух безмонетных погребений 34 и 121 может быть безоговорочно проведена по счетным жетонам нюрнбергского мастера Г. Крауфвинкеля.

При датировке монеты учитывалось то, что время ее чекана не всегда совпадает с датой, указанной на монете (например, новгородская копейка периода шведской оккупации 1615–1617 гг. в погр.1 имеет дату 1605 г.), так же как время чекана монеты может не соответствовать периоду правления царя, имя которого обозначено на копейке. Например, имя Федора Ивановича (1584–1598) на копейке II земского ополчения 1612 года в захоронении 89.

7. Динамика выпадения монет в захоронения

После установления датировки сорока одного погребения по монетам была составлена таблица 4, в которой показана динамика выпадения монет в погребения, которая условно разбита на четыре этапа:

7.1. 1530-е гг. – конец XVI в. Специфика первого этапа заключается в том, что все 45 монет, зафиксированные в 14-ти погребениях относятся к «оболу мертвых». Подавляющее большинство – монеты Ивана Грозного – 41 экземпляр. При этом 29 монет – денги и денги в весе копейки – 2, только 10 экземпляров – копейки. Единственная монета с отверстием из погр.112 с большой долей вероятности относится к «оболу мертвых», так как обнаружена в области ступни, о чем уже было сказано.

Всего захоронений с одним экземпляром монеты более половины (9). Причем, из восьми погребений, которые датируются 1530-ми гг., имеют всего по одному экземпляру монеты семь могил.

[45] Жетоны вряд ли после чекана задерживались в Западной Европе, так как они не имели там хождения. По предположению А.А. Пушкарева (2012, с.155, 156), транспортировка жетонов из Европы в Западную Сибирь занимала не более 1-2 лет.

Во второй половине XVI в. происходит увеличение количества монет в погребениях (max – 14) и уменьшение могил с одной монетой (2).

Мы проанализировали встречаемость монет в погребениях по половозрастным признакам, из чего видно следующее отличие периода – «обол мертвых» характерен для всех погребений – и детских, и мужских, и женских. Однако подавляющее большинство погребений с монетами – «оболом мертвых» – женские – десять захоронений из 14-ти.

7.2. Конец XVI в. – 1645 г. Период условно ограничивается хронологическими рамками в 50 лет.

Ко второму периоду относится 19 погребений с весьма насыщенным нумизматическим материалом. Из указанных 19-ти могил семь погребений по-прежнему имеют только «обол мертвых».

Впервые появляются погребения, где сделаны синхронные находки монет – украшений и монет – «оболов мертвых». Также впервые появляются захоронения исключительно с монетами – украшениями (пять погребений). К этому же периоду относятся шесть погребений с монетами и немецкими счетными жетонами – украшениями. Кроме того, еще два погребения имеют только счетные пфенниги (не входят в общее количество захоронений).

Изменилась и встречаемость монет в погребениях по половозрастным признакам. Теперь «обол мертвых» в первую очередь типичен для мужских погребений (пять из шести мужских могил). Для женских захоронений свойственно смешанное нахождение монет различного назначения (пять из восьми погребений) или только монет-подвесок (три погребения). Увеличилась группа детских могил с монетами (четыре погребения).

Произошла перемена в династическом составе и назначении монет. Основная масса монет весьма разнообразна – от псковской денги Василия III до монет Михаила Федоровича. Доминируют две группы монет – Ивана Грозного (17 экз.) и Михаила Федоровича (26 экз.). Большая часть монет становится подвесками (46 экз.), только 15 копеек и 12 денег используются как «обол мертвых». Почти все денги в этот период применяются по-прежнему в роли «обола мертвых», при этом подавляющее большинство из них остается – денги Ивана IV, чеканенные в XVI веке (10 экз.).

Уменьшается количество захоронений с одной монетой (6 из 19-ти погребений)

7.3. 1645 г. – конец XVII в. К третьему периоду относится меньшее количество захоронений – всего шесть.

Количество монет в погребениях уменьшилось (17 экз.) по сравнению с первым (было 45 экз.) и со вторым периодом (было 73экз.).

Преобладающими, как и во втором периоде, остаются монеты-украшения. В то же время продолжается падение роли монеты – «обола мертвых». Если в первом периоде она играет главную роль (44 (45)), во втором периоде ее намного меньше, чем монет – украшений (27 и 46), то на данном этапе ее количество сокращается в три раза.

Вырастает значение номинала копейки, так как чеканка денги происходит нерегулярно. Все экземпляры копеечного достоинства, за исключением трех денег Ивана Грозного из погр.55 без костяка, где также найдена медная копейка – подвеска Алексея Михайловича. Однако, совместное нахождение этих монет вызывает сомнение. Мы не исключаем случайность попадания медной копейки и соответственно изменения датировки погребения на более раннюю.

Династический состав монет небогат по сравнению с предыдущим периодом – монеты Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Отсутствуют проволочные копейки Ивана и Петра Алексеевичей.

7.4. Начало XVIII в. К последнему периоду относятся две медные денги 1704 и 1707 гг. Хотя Петр I чеканил серебряную проволочную копейку до 1718 г. и ее находки в погребениях других марийских могильников нередки (Никитина Т.Б., 1992, прил.1). Все медные монеты Петра I использовались в качестве «обола мертвых».

Таким образом, мы можем констатировать неравномерное попадание монет в погребения в различные хронологические периоды: если в XVI веке все монеты в захоронениях – «обол мертвых» и они характерны прежде всего для женских погребений, то в первой половине XVII века наблюдается некий «всплеск» активности применения монет в погребальном обряде (половина всех монет, попавших в могильник): они зафиксированы и в женских, и в мужских, и в детских могилах. Появившиеся монеты – украшения резко преобладают над «оболом мертвых», который теперь становится элементом мужских погребений. Также именно в этот период для украшений используют

немецкие счетные жетоны. Далее, во второй половине столетия, происходит резкое снижение количества монет обоих видов и в начале XVIII в., после денежной реформы Петра I, наблюдается угасание функции монет как элемента погребального инвентаря. Возможно, монеты теперь переходят из погребального в поминальный обряд.

8. Денежное обращение в Уржумской округе

В Уржумской округе, на территории которой располагался Кадочниковский могильник, проживала локальная группа вятских марийцев, относящаяся к более обширной группе – луговым марийцам. Во второй половине XV – 30-х гг. XVI в. марийские земли находились под влиянием Казанского царства, в котором денежное обращение состояло из джучидских и русских монет. Денги русских княжеств до 70-80-х гг. XV в. не играли значительной роли на территории Среднего Поволжья. Однако с конца правления Ивана III (1462–1505) русские монеты начинают занимать значительную долю местного денежного рынка и ко времени Василия III (1505–1533) и Ивана IV (1533–1584) становятся основной платежной единицей в казанских землях (Волков И.В., 2001, с.131-133)[46].

Поэтому нахождение новгородских, псковских и московских денег в погребениях 30-х гг. XVI в. в Кадочниковском могильнике является вполне объяснимым. Небольшое количество этих монет связано с запрещением их хождения после реформы 1535-1538 гг.

Еще в XV в. появилась традиция, согласно которой денежное обращение Московской и Тверской земель обслуживалось мелким номиналом – московкой, с 1530-х гг. – денгой, Новгородской и Псковской земель более крупным номиналом – новгородкой, затем копейкой. Сложилась своеобразная специализация денежных дворов: В Москве и Твери чеканились только денги, в Новгороде и Пскове – копейки. Из-за пережитков раздробленности, недоразвитости внутреннего рынка, слабости экономических связей между регионами страны денежное обращение было плохо «перемешано». Поэтому структуры монетных комплексов, отражающих денежное обращение XVI – первой половины XVII в., тяготели либо к московскому, либо к новгородско-псковскому ареалу. В первом случае клады целиком состояли из денег, или имели значительное их количество, во втором – состояли из копеек, денги в них встречались довольно редко (Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1999, с.85).

Изучение монетных комплексов Ивана Грозного, сокрытых на территории Вятского бассейна, показало, что в основном места их находок располагаются в южных районах Вятско-Камского междуречья, заселенных марийцами и южными удмуртами и отношения к русской «Вяцкой стране» (Хлыновскому уезду) не имеют (Мокерова Е.Ю., 2009. Клады №8-14). В нумизматической литературе известны два клада, датируемые 1535–1538 гг., найденные на землях марийцев, проживавших на правобережных притоках р. Вятки[47]. К сожалению, состав кладов известен только частично, тем не менее, с большой долей уверенности можно говорить о наличии в них определенного процента монет московского чекана и денег Ивана IV.

Как было сказано, марийские земли в той или иной степени связаны с Казанским царством[48], в котором русские монеты с конца XV в. являются основной платежной единицей. Казанские земли, несомненно, тяготели к Московскому ареалу и, вероятнее всего, именно через Казань в марийский край поступали монеты Ивана Грозного[49].

Данные монетных кладов согласуются с нумизматическими данными Кадочниковского могильника: в погребениях среди монет Ивана Грозного в 2,5 раза преобладают денги, чеканенные в

[46] Монеты, чеканенные в Москве и на подчиненных ей территориях, доминируют в конце XV в. даже в кладах самой Казани (см. Ситдиков А.Г., Шакиров З.Р., Булыгин А.И., 2010, с.312, 313).

[47] Клад из д. Шаганур найден в 1898 г. – 274 серебряные монеты: денги Ивана III, Василия Ивановича, Ивана IV и новгородские. Клад из д. Сардык найден в 1908 г. – 91 серебряная монета: две денги Василия Ивановича, денги и копейки Ивана IV (см. Мельникова А.С., 1980, с.45. № 46, 45).

[48] Собственно и после присоединения Казанского ханства к Российскому централизованному государству уржумские земли в административном отношении входили в состав Казанского края, подчиняясь приказу Казанского дворца. Город Уржум был понизовым городом (казанским пригородом). По реформе 1708 г. он был отнесен к Казанской губернии и только в 1780 г. передан Вятскому наместничеству.

[49] Клады «Вятской земли» – Хлыновского уезда, располагавшегося на Средней Вятке, время тезаврации которых приходится на первую половину XVII в., показывают ее принадлежность к московскому ареалу денежного обращения (см. Мокерова Е.Ю., 2009).

Москве и Твери, по сравнению с копейками, чеканенными в Новгороде и Пскове: денги и денги в весе копейки – 45, копейки – 17 экземпляров. Монетный комплекс Ивана Грозного из захоронений Кадочниковского могильника отражает основные тенденции денежного чекана этого правителя: до 1550-х гг. активно работает Московский денежный двор; после происходит спад в деятельности Московского двора и в погребениях количество денег уменьшается, в это же время повышается роль Новгородского и Псковского денежных дворов, связанная с увеличением значения копейки.

К чекану Ивана IV относится наибольшее количество монет в погребениях – 62 экземпляра. Однако не все они попали в погребения в XVI в. Ранние монеты Ивана Грозного находились в законном денежном обращении около 80 лет. После 1613 г. «заповедания» старых денег не было, поэтому выход из обращения старых полновесных монет протекал значительно медленнее, чем при реформе Елены Глинской 1535–1538 гг. (Спасский И.Г., 1955, с.286, 354). Таким образом, в XVI в. в захоронения попали 41 монета, а в первые двадцать лет следующего столетия – еще 17 экземпляров[50].

Небольшое количество монет Федора Ивановича (1584–1598) связано с малым чеканом на денежных дворах того периода. Однако и эти монеты, за исключением одной монеты, попали в погребения в начале XVII в.

Монеты царя Бориса Федоровича Годунова (1598–1605) в общем массиве денежных выпусков периода трехрублевой монетной стопы 1535–1613 гг. в процентном соотношении занимают второе место после монет Ивана Грозного (Мельникова А.С., 2003, с.8), что прослеживается в кладах первой половины XVII в., а так же и в Кадочниковском могильнике. В целом денежная масса, находившаяся в обращении, количественно выросла. Отчасти это было связано с тем, что в 1601–1603 гг. центральные районы Российского государства испытывали стихийные бедствия и голод. Правительство принимало меры по борьбе с голодом, которые требовали значительных средств и, соответственно, вызывали рост казенных заказов на чеканку монет. Среди таких мер была закупка зерна в отдаленных районах страны. Бассейн р. Вятки был благополучным районом, который миновали все природные катаклизмы начала XVII в. и, к тому же, в это время земледелие здесь делает значительные успехи. Кроме того, Уржумская округа была одной из немногих зон Вятского бассейна, где были «добрые» земли. В регионе проводятся большие закупки хлеба. Восемь из девяти монет Бориса Годунова датируются 1600–1602 гг., поэтому их появление на рассматриваемой территории вполне может быть увязано с продажей зерна [51].

В Смутное время и первые годы царствования Михаила Федоровича местные жители использовали запасы полновесных монет Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I). По мнению А.С. Мельниковой: снабжение монетами Поволжья было затруднено в годы польско-литовской и шведской интервенции, поэтому местное население употребляло полновесные монеты. Таких монет оказалось довольно много и в более позднее время легковесные монеты не смогли вытеснить тяжеловесные (Мельникова А.С., 1977, с.125). Это положение прослеживается в кладовых комплексах[52]. Однако, после 1620-х гг. монет трехрублевой стопы в погребениях Кадочниковского могильника практически нет.

Копейки II земского ополчения Ярославского денежного двора чеканили для закупок продовольствия, торговли и жалованья служилым людям. В Кадочниковском могильнике отмечен тип копейки, с которого начался чекан ополчения. Ее появление на территории Нижней Вятки может быть связано с закупками хлеба в регионе для II Ополчения или участием местных жителей в ополчении[53].

Количество монет Смутного времени и периода оккупации денежных дворов (1605–1617) чуть меньше, чем монет Б. Годунова, – 7 экземпляров. При этом три из четырех захоронений были продатированы именно по монетам указанного периода. Возможно, денежный приток в Уржумскую округу в этот период был довольно регулярным.

[50] Мы не учитываем сомнительное погребение 55 без костяка, где три денги Ивана IV находились с медной копейкой Алексея Михайловича, и копейку из сборов с поверхности.

[51] Вероятно, следует отметить и находку клада времени правления Б.Ф. Годунова в Уржумской округе 500 монет, включая денги Новгорода Великого, Ивана III, денги и копейки Ивана IV, копейки Бориса Годунова (ДАК. Ф.1. 1892 г. Д.215. Л.54об.-56 и 1893 г. Д.166. Л.1-20об.) (Подробнее см. Мокерова Е.Ю., 2009, №19).

[52] На Вятской земле до начала XVIII века.

[53] В 1611 г. уржумцы участвовали в ополчении против поляков под началом казанского воеводы В. Морозова, в 1612 г. – во II земском ополчении К. Минина и Д. Пожарского (Эммаусский А.В., 1956, с.85-87).

Монеты первых лет царствования Михаила Федоровича (1613–1645) быстро завоевали авторитет у населения.

В денежной чеканке выделяется пять этапов. По большому объему чекана приравниваются первый (1613–1617) и четвертый этапы (1636-1643) (Мельникова А.С., 1989, с.178). Однако подавляющее большинство монет московского выпуска из Кадочниковского могильника относится к двум первым этапам чеканки монет Михаила Федоровича (1613–1617 и 1618–1625) – 20 экземпляров из 24. Только одна копейка 1642 г. может быть отнесена к четвертому периоду.

Мы имеем возможность сравнить состав монет из Кадочниковского могильника и клад времени Алексея Михайловича из Уржумского района Кировской области, найденный в июне 2010 года (Зверев С.В., Мокерова Е.Ю., 2011, с.140-142). Для исследования была доступна часть клада из 62 экземпляров: копейки Михаила Федоровича (57 экз.) и копейки Алексея Михайловича (5 экз.). Сохранившиеся монеты клада позволяют датировать комплекс концом 40-х гг. XVII в.

Состав клада можно соотнести с периодами чекана Михаила Федоровича. К четвертому периоду 1636–1643 гг. относится 14 копеек из клада. Следовательно, монеты четвертого периода выпуска царя Михаила Федоровича обращались в регионе, но это не отражается в нумизматических материалах могильника.

Далее, при царе Алексее Михайловиче (1645–1676), происходит резкое снижение общего количества монет. Данное обстоятельство можно объяснить сокращением объема денежной массы в стране. Так же и во время царствования Федора Алексеевича (1676–1682) в стране ощущалась нехватка денежной наличности. Соответственно монеты правителей обнаружено совсем немного.

Однако, когда в конце XVII – начале XVIII в. общая масса денег в стране в целом резко возросла и, как следствие активизировался процесс кладообразования[54], это увеличение почти не сказалось на количестве монет в захоронениях.

В целом, на наш взгляд, появлению русских монет в Уржумской округе способствовали: закупка мехов (охота – одно из основных занятий марийцев в XVI–XVII вв.); развитие земледелия (здесь были «добрые» земли – достаточно редкое явление для Вятского бассейна); разбои и «воинственность» черемисов (о чем писали С. Герберштейн, Гваньини и др., документы – ограбление К. Мартьянова в 1557 г. и др.); русская колонизация (Уржум превращается в русский город[55], появляются дворцовые, боярские и монастырские вотчины, наделы стрельцов); торговля (в 1614 г. впервые упоминается Уржумский караул (таможенная застава); торговлей занимались стрельцы, посадские люди; в конце XVII в. в городе были представители крупного московского купечества); пограничный характер понизового города (гарнизон Уржума в 1625 г. – свыше 350 человек, больше, чем жителей посада; все служилые люди получали государево жалованье; в составе гарнизона было около 70 новокрещенов из марийцев, которые помимо жалованья получали и земли в округе за службу); взимание ясака с ясачных земель в основном деньгами (Эммаусский А.В., 1956, с.150; Карпов В.Б., 1994, с.220; Козлова К.И., 1978, с.92; Спицын А.А., 1995, с.64.).

От характера товарно-денежных отношений в регионе и от насыщенности денежного обращения монетной массой в общем зависит интенсивность образования и сокрытия монетных кладов [56]. Однако на примере Кадочниковского могильника можно видеть, что насыщение монетной массой региона не всегда приводит к наполнению захоронений нумизматическими материалами (как это было в последнее десятилетие правления Михаила Федоровича или правление Петра I). Возможно, дело в изменении роли монет под влиянием христианских тенденций[57] – из погребального они переходят в поминальный обряд. В качестве примера приведем такой обычай использования монет, зафиксированный у луговых мари: во время траура нельзя было плясать, так как плясать – означает топтать грудь покойника. Чтобы сократить траур, прибегают к компромиссу: на сороковой день становятся ногами на украшения из серебряных монет, после чего можно плясать беспрепятственно (Васильев В.М., 1920, с.55; 1927, с.79).

[54] В клады выпадали в основном серебряные проволочные копейки.

[55] Спорным является вопрос о том, когда же Уржум стал русским городом. А.В. Эммаусский относит это событие к 1584 г., А.А. Зимин – к 1594-1595 гг.

[56] Увеличение захоронений монетных кладов в моменты социально-экономических и политических потрясений общества на этом фоне не более чем частный случай, и более справедливо по отношению к вещевым кладам. Клады XVII в. – обычный способ хранения денег (Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1999, с.98).

[57] Одно из требований христианского погребального обряда – безинвентарность.

Возможно, во второй половине XVII в. монеты предпочитают накапливать для изготовления украшений в качестве приданого задолго до свадьбы, а затем украшения обновлялись в течение всей жизни (Никитина Т.Б., 2002, с.94). Не следует забывать, что украшения очень ценились марийками и передавались по наследству от матери к дочери (Молотова Т.Л., 1992, с.13).

9. К вопросу о критериях деления монет по назначению

В раннее средневековье, по мнению В.М. Потина, монеты – «обол мертвых» выделяются по трем критериям: они не имеют отверстия или ушка для привешивания; месторасположение монеты – «обола мертвых» обычно было во рту, в руке, на груди; монеты – украшения большей частью находились в женских погребениях, в то время как «обол мертвых» встречается как в женских, так и мужских погребениях (Потин В.М., 1971, с.52,53). Для позднего средневековья, на наш взгляд, эти критерии должны быть подвергнуты корректировке.

Первый критерий – наличие отверстия на монете-украшении и отсутствие на «оболе мертвых» – является достаточно зыбким, что отмечал и сам В.М. Потин. Монета с отверстием в случае необходимости из декоративного предмета снова становилась платежным средством и могла вернуться в денежное обращение на равных правах с неповрежденными монетами. Тем не менее, именно этот критерий является наиболее приемлемым для разграничения монет в погребениях по назначению.

В погребениях Кадочниковского могильника в большинстве случаев местоположение монет – украшений и «оболов мертвых» совпадает – это области черепа, предплечья, груди, пояса. Наибольшее количество монет в любой из периодов динамики попадания монет в захоронения располагалось в области черепа. Обращает внимание на себя тот факт, что в XVI в. из 44 монет – «оболов мертвых» более половины (24 экз.) находилось в области черепа. Поэтому в данном материале местоположение монеты не всегда может иметь решающее значение для определения назначения монеты в погребении. Местоположение имеет большее значение для раннего средневековья (Берга Т.В., 1988, с.57; Потин В.М., 52, 53 и др.).

Третий критерий, связанный с тем, что монеты – украшения большей частью обнаружены в женских погребениях, в то время как «обол мертвых» зафиксирован как в женских, так и мужских погребениях, на нумизматическом материале прослеживается только в XVII в. В XVI же столетии «обол мертвых» большей частью находился в женских могилах (из 13 (14) могил с «оболом мертвых» – 10 женских захоронений).

Однако отсутствие необходимого анализа нумизматических материалов других средневековых марийских могильников заставляет нас не делать окончательные выводы.

10. Заключение

Анализ нумизматических материалов Кадочниковского могильника дает опорную дату памятника – 30-е гг. XVI – начало XVIII в. Однако, решая вопрос о правомерности датировки погребений по монетам или жетонам, следует учитывать, что нумизматические материалы нельзя безоговорочно использовать в качестве хронологического маркера, так как существует период между временем чеканки и временем доставки в изучаемый регион, а также время функционирования монет в среде местного населения до выпадения их в погребения. Датировка по сопровождающему инвентарю не должна противоречить найденным в них монетам.

Изучение нумизматических материалов Кадочниковского могильника показывает необходимость дальнейшего изучения темы о соотношении монет в захоронениях и состава денежного обращения, в том числе с составами монетных комплексов, о критериях деления монет по назначению на украшения и «обол мертвых».

Исследование нумизматических материалов только одного могильника вынуждает к большой осторожности в окончательных выводах и оставляет некоторые из них под большим или меньшим сомнением.

Литература

Агеев Б.Б., Акбулатов И.М., 1987. Марийский могильник кон. XVII – нач. XVIII вв. в Башкирии // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.

Беляков А.С., 1986. Серебряные монеты конца IX – XI в. из курганов у д.Плешково // Тр. ГИМ. НС. Ч.9. Новые нумизматические исследования. М.

Берга Т.В., 1988. Монеты в археологических памятниках Латвии IX-XII вв. Рига.

Берт ван Бик (Bert van Beek) Жетоны: история и использование // URL: www.inoantiqpressa.com/index.php/numhistory/217-jetons.

Быков А.В., 2001. «Обол Харона» русских кладбищ второй половины XVII –первой половины XVIII в. (на примере подъемного материала из Вологды) // Девятая ВНК. Тез. докл. СПб.

Васильев В.М., 1920. Верования и обряды мари // ИОАИЭ. Т.31. Вып.1. Казань.

Васильев В.М., 1927. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск.

Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1999. Российская история в московских кладах. М.

Векслер А.Г., Петухов С.П., 2002. «Обол Харона» в погребениях средневекового некрополя церкви св. Троицы в Старых Полях (г.Москва) // Десятая ВНК. Тез. докл. Псков. М.

Винничек В.А., Лебедев В.П., 2004. Монетный комплекс мордовского погребения начала XVIII в. из Егинского могильника // Двенадцатая ВНК. Тез. докл. М.

Волков И.В., 2001. Некоторые итоги составления сводки кладов русских серебряных монет конца XIV – первой трети XVI в. // Девятая ВНК. Тез. докл. СПб.

ГАКО. Ф. 20. Оп. 24. Д. 2240. Л. 4

Гончаров Е.Ю., 2001. Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Поволжье в средние века. Тез. докл. Всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рожд. Г.А. Федорова-Давыдова. Нижний Новгород.

Гришин И.В., Клещинов В.Н., 1998. Каталог Русских средневековых монет (с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533-1617 гг.). М.

Гришин И.В., Клещинов В.Н., 2001. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613-1645 гг.). М.

Гришин И.В., Клещинов В.Н., 2007. Каталог русских средневековых монет времени правления царей Алексея Михайловича, Федора, Ивана и Петра Алексеевичей (1654-1696). М.

Добровольский, И.Г. Дубов И.В., Седых В.Н., 1996. Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны. М.

Дроздова Г.И., Булыгин А.И., 2012. Больше-Меминский могильник // Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Публикации сотрудников. www.tataroved.ru.

Еманов А.Г., 2009. Нюрнбергский счетный пфенниг в Сибири // Пятнадцатая ВНК. Тез. докл. Ростов-на-Дону. М.

Заднепровская А. Ю., 1992. Традиционные украшения народов Среднего Поволжья (вторая пол. XIX – первая четверть XX вв.). Спб. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: URL: www.dissercat.com/content/traditsionnye-ukrasheniya-narodov-srednego-povolzhyavtoraya-polovina-xix-pervaya-chetvert-xx#ixzz2ZwKZvDNh

Зверев С.В., 1994. Псковский денежный двор. Конец XVI – начало XVII веков // НС МНО. Вып.3. М.

Зверев С.В., 1998. Денежное обращение и монетное дело на Северо-Западе Русского государства в первой половине XVII в. / Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.

Зверев С.В., 2001. Новгородский и Псковский денежные дворы при Иване Грозном // Девятая ВНК. Тез. докл. Великий Новгород. СПб.

Зверев С.В., Колызин А.М., 1996. Некоторые вопросы работы Московского денежного двора в 1596–1606 гг. // Монеты, медали, жетоны. М.: Археографический центр.

Зверев С.В., Мокерова Е.Ю., 2011. Клад времени Алексея Михайловича из Уржумского района Кировской области // Шестнадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. Санкт-Петербург - Репино. СПб.

Карпов В.Б., 1994. Уржум // Энциклопедия земли Вятской. Т.1. Города. Киров.

Козлова К.И., 1978. Очерки этнической истории марийского народа. М. 345 с.

Костюков В. Буддизм в культуре Золотой Орды. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/mongol/kost_buddzol.php

Кочкуркина С.И., 2011. К вопросу о датировке погребений с монетами Приладожских (оятских) курганов // Тр. Карельского научного центра РАН. №6.

Крюкова Т.А., 1956. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола.

Кузнецов С.К., 1907. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // ЭО. Кн. 60, 61. Отдельный оттиск. Вятка.

Марийские украшения…, 1985. Марийские украшения (первая половина XIX – первая четверть XX вв.). Л. С.3.

Мельникова А.С., 1977. Клады русских монет в Вологодском музее // ГИМ НС. Ч.5. Вып.1. (Тр. ГИМ. Вып. №49). М.

Мельникова А.С., 1980. Монетные клады времени Ивана Грозного // Тр. ГИМ. НС. Ч.6. Монетные клады собрания ГИМ. М.

Мельникова А.С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.

Мельникова А.С., 2003. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII вв. Киев.

Мельникова А.С., 2005. К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI–XVII вв. // Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М.

Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С., 2000. Деньги России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М.

Миллер Г.Ф., 1791. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб.

Мокерова Е.Ю., 2009. Монеты и платежные слитки в истории Вятского края в VII – начале XVIII века. Киров: Вятский государственный университет (электронная библиотека). Серия «Этнокультурное наследие Вятского региона». Т.9. [Электронный ресурс] Клады № 8-14.

Молодин Э.Н., 1979. Кыштовский могильник. Новосибирск.

Молотова Т.Л., 1987. Материалы и технология изготовления марийского народного костюма (вторая половина XIX - начало XX в.) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья (АЭМК. Вып.11). Йошкар-Ола.

Молотова Т.Л., 1992. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола. 112 с.

Монеты в погребениях Золотой Орды, 2000 // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.

Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига.

Никитина Т.Б., 1992. Никитина Т.Б., 1992. Марийцы (конец XVI- начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола.

Никитина Т.Б., 1999. Марийцы // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск.

Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола.

Никифоровский В.А., 1993. Чарльз Бэббедж // Вестник РАН. Т.63. №3.

Олеарий А., 2003. Описание путешествия в Московию. М.

Павлова А.Н., 2009. Семантика марийского обрядового костюма // Вестник Челябинского государственного университета. №18 (156). Философия. Социология. Культурология. Вып.12.

Пигарёв Е.М., 1995. Принцип «обола мертвых» в погребальном обряде населения Золотой Орды // Сб. тезисов регион. науч. конф. «Проблемы взаимодействия национальных культур (межэтнические общения в полиэтническом регионе)». Астрахань.

Попов Н.С., 1981. Погребальный обряд марийцев в XIX- начале XX в. //Материальная и духовная культура марийцев (АЭМК. Вып.5). Йошкар-Ола.

Потин В.М., 1968. Древняя Русь и европейские государства в X – XIII вв. Л.

Потин В.М., 1971. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Тр. ГЭ. Т.XII. Л.

Потин В.М., 1981. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Тр. ГЭ. Т.XXI. Л.

Потин В.М., 1982. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Средневековая Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Пушкарев А.А., 2012. Методика датировки погребений с нумизматическими находками из могильников Западной Сибири XVI–XIX веков // Вестнике Томского госуниверситета. История. №2 (18).

Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.

Ситдиков А.Г., Шакиров З.Р., Булыгин А.И., 2010. Клады Казанского Кремля // Средневековые тюркско-татарские государства. Вып.2. Казань.

Фенглер Х, Гироу Г., Унгер В., 1993. Словарь нумизмата,. М.

Спасский И.Г., 1951. Счетные жетоны// Исторический памятник русского полярного мореплавания XVII века. М.-Л.

Спасский И.Г., 1954. Денежное обращение на территории Поволжья в первой половине XVI в. и так называемые «мордовки» // СА. Т. XXI. М.-Л.

Спасский И.Г., 1955. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг. // МИА СССР. № 44. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т.III. М.

Спицын А.А., 1995. Земля и люди на Вятке в XVII столетии (очерк истории землевладения) // ЭЗВ. Т. 4. История. Киров.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Монеты из Дубовского могильника // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. Вып.8.

Шапран И.Г., 1984. Предварительные итоги исследования Грековского могильника на средней Вятке // Памятники железного века Вятско-Камского междуречья. Ижевск.

Шапран И.Г., 1994. Женские головные уборы удмуртов // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию ВУАК). Тез. докл. к межрегион. науч. конф. Киров.

Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. Ижевск.

Шутова Н.И., 2008. Женские головные уборы удмуртов XVII - начала XX в.: (археолого-этнографические параллели) // КСИА. Вып. 222. М.

Эммаусский А.В., 1956. Исторический очерк Вятского края XVII – XVIII веков. Киров.

Янина С.А, 1962. Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай. ВАУ. Вып.3. Свердловск.

Янина С.А, 1962. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. №111. М.-Л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ	– Вопросы археологии Урала.
ВНК	– Всероссийская нумизматическая конференция.
ГАКО	– Государственный архив Кировской области.
ГИМ	– Государственный Исторический музей.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж.
ИОАИЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КСИА	– Краткие сообщения института археологии РАН
МИА	– Материалы и исследования по археологии
НС	– Нумизматический сборник.
СА	– Советская археология
ЭЗВ	– Энциклопедия земли Вятской
ЭО	– Этнографическое обозрение

Таблица 1

Определение типов монет Кадочниковского могильника

№ п.п.	№ погр.	№ фото	Имя правителя	Номинал	Место чекана	Датировка, гг.	№ по каталогам Гришина, Клещинова, 2001, 2007	№ по таблицам Мельниковой, 1989	Букв. обозн. на лиц. ст.	Монета-украшение	Монета – «обол мертвых»
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	1	1-1 л. 1-1 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1614	№ 331 1-4	Табл. 8 3-3		*	
2	1	1-4 л. 1-4 об.	Шведская оккупация	копейка	Новгород	1615–1617	№ 327 2*-2*	Табл. 6 2-2	НРГІ	*	
3	1	1-3 л. 1-3 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1618	№ 407 10-5	Табл. 8 9-11		*	
4	1	1-2 л. 1-2 об.	Михаил Федорович	копейка (лиц. ст. – двойной удар)	Москва	1621	№ 446 15?-21	Табл. 8 14?-18		*	
5	2	2-7 л. 2-7 об.	Иван IV	копейка	Новгород	1560-е	№ 86 14-8	Табл. 1 28-26	(к/ВА)		*
6	2	2-1 л. 2-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 26 4-1	Табл. 1 4-2			*
7	2	2-2 л. 2-2 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 21 3-1	Табл. 1 2-2			*
8	2	2-3 л. 2-3об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 26 4?-1	Табл. 1 4?-2			*
9	2	2-4 л. 2-4 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)	№ 60 11-16	Табл. 1 16-20			*
10	2	2-6 л. 2-6 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 48 8-12	Табл. 1 6-9			*
11	2	2-5 л. 2-5 об.	Иван IV	денга	Тверь	1535–1538	№ 65 2-1	Табл. 1 11-13			*
12	2	2-8 л. 2-8 об.	Иван IV	денга	Тверь	1550-е	№ 72 5-6	Табл. 1 18-22			*

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
13	3	3-1 л. 3-1 об.	Михаил Федорович	копейка	Новгород	1617	№ 644 2-1а	Табл. 6 1-1	н/Р(КЕ)		*
14	4	4-3 л. 4-3 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Москва	1600	№ 173 4-2	Табл. 3 4-2	о/М	*	
15	4	4-2 л. 4-2 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1614	№ 330 1-3	Табл. 8 3-1	МОС/КВА	*	
16	4	4-1 л. 4-1 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1616	№ 338 1-10	Табл. 8 3-8	МОС/КВА	*	
17	4	4-4 л. 4-4 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1616	№ 393 9а-10	Табл. 8 7а-8	МО	*	
18	4	4-5 л. 4-5 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1621	№ 349 1-21?	Табл. 8 3-18?	МОС/КВА	*	
19	5	5-1 л.	Михаил Федорович?	копейка	?	1613-1645 ?	№?	Табл. 8?			*
20	5	5-2 об.	?	копейка	?	XVII в.	№?	Табл.?		*	
21	10	10-2 л. 10-2 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 26 4-1	Табл. 1 4-2			*
22	10	10-1 л. 10-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)	№ 61 12-15	Табл. 1 17-19	ДЕ		*
23	11	11-9 л. 11-9 об.	Иван IV	денга в весе копейки	Москва	1535–1547	№ 73 1-1	Табл. 1 1-1	пск		*
24	11	11-5 л. 11-5 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1547	№ 56 10-12	Табл. 1 15-9			*
25	11	11-6 л. 11-6 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 48 8-12	Табл. 1 6-9			*
26	11	11-7 л. 11-7 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 33 7-1	Табл. 1 5-2			*
27	11	11-8 л. 11-8 об.	Иван IV	денга	Тверь	1535–1538	№ 65 2-1	Табл. 1 11-13			*
28	11	11-1 л. 11-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)	№ 60 11-16	Табл. 1 16-20	ДЕ		*

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
29	11	11-2 л. 11-2 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)	№ 56 10-12	Табл. 1 15-9			*
30	11	11-3 л. 11-3 об.	Иван IV	денга	Москва	15471550-е (1554)	№ 59 11-15	Табл. 1 16-19	ДЕ		*
31	11	11-4 л. 11-4 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)?	№ 59? 11-15?	Табл. 1 16-19?	ДЕ		*
32	13	13-4 л. 13-4 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1629?	№ 486? 21-35?	Табл. 8 20-31?	о/М	*	
33	13	13-5 л. 13-5 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1629?	№ 486? 21?-35? (36?)	Табл. 8 20-31?		*	
34	13	13-6 л. 13-6 об.	Михаил Федорович?	копейка	?	1613–1645?	№?	Табл. 8?		*	
35	13	13-2 л. 13-2 об.	Михаил Федорович	копейка	?	1613–1645	№?	Табл. 8		*	
36	13	13-3 л. 13-3 об.	Федор Алексеевич	копейка	Москва	1676	№ 1426 2-1	Табл. 13 2-1	(о/М)	*	
37	13	13-7 л. 13-7 об.	Федор Алексеевич	копейка	Москва	1680	№ 1458 8-9	Табл. 13 8-9	о/М	*	
38	13	13-1 л. 13-1 об.	?	копейка	?	?	№?	Табл.?		*	
39	14	14-2 л. 14-2 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1642	№ 505 23-31	Табл. 8 22-45*	о/М	*	
40	14	14-1 л. 14-1 об.	Михаил Федорович?	копейка	?	1613–1645?	№?	Табл. 8?		*	
41	15	15-1 л. 15-1 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1645	№ 626 34-51?	Табл. 8 31-52	о/М		*
42	16	16-1 л. 16-1 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1619	№ 415 11-16	Табл. 8 10-14	о/М	*	
43	16	16-2 л. 16-2 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1622	№ 469 18-27	Табл. 8 17-20		*	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
44	16	16-3 л. 16-3 об.	Алексей Михайлович	копейка	Москва	1645–1676	№? ?-3?	Табл. 12 ?-19?		*	
45	25	25-1 л. 25-1 об.	Период независимости	денга	Новгород	1447-1478, обрезана в кон. 1520 – нач. 1530-х					*
46	25	25-2 л.	Иван III	денга	Москва	1462-1505, обрезана в кон. 1520 – нач.1530-х					*
47	25	25-3 л. 25-3 об.	Иван III	денга	Москва	1462-1505, обрезана в кон. 1520 – нач.1530-х					*
48	28	28-11 л. 28-11 об.	Иван IV	денга в весе копейки	Москва	1535-1547	№ 73 1-1	Табл. 1 1-1			*
49	28	28-5 л. 28-5 об.	Иван IV	копейка	Новгород	1547-1550-е	№ 77 5-5	Табл. 1 19-23	ПС		*
50	28	28-10 л. 28-10 об.	Иван IV	копейка	Новгород	1560-е	№ 87 15-8	Табл. 1 29-26	(к/ВА)		*
51	28	28-6 л. 28-6 об.	Иван IV	копейка	Новгород	1560-е–1584	№? ?-8	Табл. 1 ?-26			*
52	28	28-8 л. 28-8 об.	Иван IV	копейка	Новгород	1550-е–1584	№? ?-8	Табл. 1 ?-26			*
53	28	28-4 л. 28-4 об.	Иван IV	копейка	Псков	ок. 1535	№ 74 2-2	Табл. 1 8-11	(А)		*
54	28	28-14 л. 28-14 об.	Иван IV	копейка	Псков	1560-е	№ 95 23-9	Табл. 1 37-27	(IВ-р)		*
55	28	28-2 л. 28-2 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 45 8-5	Табл. 1 6-10			*
56	28	28-3 л. 28-3 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 45 8-5	Табл. 1 6-10			*
57	28	28-7 л. 28-7 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 34 7-2	Табл. 1 5-3			*

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
58	28	28-9 л. 28-9 об.	Иван IV	денга	Москва	1547	№ 58? 10?-15	Табл. 1 15?-19			*
59	28	28-1 л. 28-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1547	№ 50? 8?-14	Табл. 1 6?-18			*
60	28	28-12 л. 28-12 об.	Иван IV	денга	Тверь	1535–1538	№ 65 2-1	Табл. 1 11-13			*
61	28	28-13 л. 28-13 об.	Иван IV	денга	Тверь	1535–1538	№ 67 2-3	Табл. 1 11-15			*
62	41	41-1 л. 41-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 41 8-1	Табл. 1 6-2			*
63	42	42-1 л. 42-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)	№ 61 12-15	Табл. 1 17-19			*
64	49	49-1 л. 49-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 44 8-4	Табл. 1 6-7			*
65	49	49-2 л. 49-2 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1618	№ 405 10-13	Табл. 8 9-12	М		*
66	50	50-2 л. 50-2 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 21 3-1	Табл. 1 2-2			*
67	50	50-4 л. 50-4 об.	Иван IV	денга	Тверь	1535–1538	№ 69 3-3	Табл. 1 12-15			*
68	50	50-5 л. 50-5 об.	Иван IV	денга	?	1547–1550-е (1554)	№?	Табл. 1			*
69	50	50-6 л. 50-6 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)	№ 63 12-17	Табл. 1 17-21			*
70	50	50-3 л. 50-3 об.	Федор Иванович	денга	Москва	1584–1594	№ 105 1-1	Табл. 2 1-1	НС		*
71	50	50-1 л. 50-1 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Москва?	1598–1600	№? ?-1?	Табл.3 ?-1?		*	
72	52	52-1 л. 52-1 об.	?	копейка	Москва	XVII в.	№?	Табл.?	о/М		*

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
73	55	55-2 л. 55-2 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 21 3-1	Табл. 1 2-2			*
74	55	55-3 л. 55-3 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 21 3-1	Табл. 1 2-2			*
75	55	55-1 л. 55-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)	№ 63 12-16	Табл. 1 17-20			*
76	55	55-4 л. 55-4 об.	Алексей Михайлович?	копейка? (медь)?	?	1655–1663				*	
77	57	57-1 л. 57-1 об.	Иван IV	копейка	Новгород	1560-е	№ 87 15-8	Табл. 1 29-26	к/ВА		*
78	61	61-5 л. 61-5 об.	Иван IV	копейка	Новгород	1547–1550-е (1554)	№ 77 5-5	Табл. 1 19-23	ПС	*	
79	61	61-1 л. 61-1 об.	Иван IV	копейка	Новгород	1570-е	№ 89 17-8	Табл.1 31-26	к/ВА		*
80	61	61-6 л. 61-6 об.	Иван IV	копейка	Псков	1560-е – 1584	№ 97? 24?-12?	Табл. 1 38?-30?		*	
81	61	61-2 л. 61-2 об.	Федор Иванович	копейка	Псков	1596	№ 136 5-3	Табл. 2 4-2	ПС	*	
82	61	61-3 л. 61-3 об.	Федор Иванович	копейка	Псков	1596	№ 135 4-3	Табл. 2 3-2	ПС	*	
83	61	61-4 л. 61-4 об.	Лжедмитрий I	копейка	Псков?	1605–1606	№? ?-1	Табл. 4 2?-1		*	
84	63	63-1 л. 63-1 об.	Петр I	денга	Москва	1707					*
85	66	66-1 л. 66-1 об.	Петр I	денга	Москва	1704					*
86	73	73-1 л. 73-1 об.	Иван IV	Копейка (подделка?)	Псков	1535–1538?	№?	Табл. 1?			*
87	82	82-2 л. 82-2 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 33 7-1	Табл. 1 5-2			*

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
88	82	82-1 л. 82-1 об.	Федор Иванович	копейка	Псков	1596	№ 133 3-1	Табл. 2 3-1	ПС	*	
89	83	83-1 л. 83-2 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 48 8-12	Табл. 1 6-9			*
90	87	87-1 л. 87-1 об.	Иван IV	денга	Москва	11547–1550-е (1554)	№ 60 11-16	Табл. 1 16-20	ДЕ		*
91	87	87-3 л. 87-3 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Новгород	1598-1599	№ 206 1*-1	Табл. 3 1-1	В/(НО).РЗ		*
92	87	87-2 л. 87-2 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Новгород	1600	№ 209 2-2	Табл. 3 2-2	В/НО(ІРИ)		*
93	89	89-6 л. 89-6 об.	Иван IV	денга	Тверь	1535–1538	№ 67 2-3	Табл. 1 11-15			*
94	89	89-8 л. 89-8 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 33 7-1	Табл. 1 5-2			*
95	89	89-9 л. 89-9 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Москва	1600	№ 173 4-2	Табл. 3 4-2	БО о/М		*
96	89	89-10 л. 89-10 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Москва	1602	№ 175 4-4	Табл. 3 4-4	БО о/М		*
97	89	89-5 л. 89-5 об.	Лжедмитрий I	копейка	Москва	1605–1606	№? ?-1	Табл. 4 ? – 1		*	
98	89	89-3 л. 89-3 об.	II земское ополчение	копейка	Ярославль	1612	№ 303 1-1	Табл. 5 1-1	с/ЯР	*	
99	89	89-11 л. 89-11 об.	?	копейка	?	XVII в.	№?	Табл.?		*	
100	89	89-1 л. 89-1 об.	?	копейка	?	XVII в.	№?	Табл.?		*	
101	89	89-2 л. 89-2 об.	?	копейка	?	XVII в.	№?	Табл.?		*	
102	89	89-4 л. 89-4 об.	?	копейка	?	XVII в.	№?	Табл.?		*	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
103	89	89-7 л. 89-7 об.	?	копейка	?	XVII в.	№?	Табл.?			*
104	90	90-1 л. 90-1 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1618	№ 338 1-10	Табл. 8 3-8	МОС/КВА		*
105	98	98-4 л. 98-4 об.	Иван IV	копейка	Псков	1560-е	№ 94 22-10	Табл. 1 36-28	(МА)		*
106	98	98-3 л. 98-3 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Москва	1602	№? 6*?-3?	Табл. 3 6?-3?	(с/М)	*	
107	98	98-1 л. 98-1 об.	Лжедмитрий I	копейка	Москва	1605	№ 241 1*-1	Табл. 4 1-1	с/(М)	*	
108	98	98-2 л. 98-2 об.	Василий Иванович Шуйский	копейка	Псков	1606	№ 265 1*-1	Табл. 4 1-1	ПС	*	
109	100	100-1 л. 100-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1535–1538	№ 33 7-1	Табл. 1 5-2			*
110	103	103-1 л. 103-1 об.	Иван IV	копейка	Новгород	ок. 1535	№ 75 3-3	Табл. 1 9-12			*
111	105	105-1 л. 105-1 об.	Михаил Федорович?	копейка	?	1613–1645	№?	Табл. 8?		*	
112	106	106-1 л. 106-1 об.	Иван IV	денга	Москва	1547–1550-е (1554)	№ 61 12-15	Табл. 1 17-19			*
113	106	106-2 л. 106-2 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1615	№ 335 1-7	Табл. 8 3-5	(МОС/ КВА)		*
114	106	106-3 л. 106-3 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1618	№ 341 1-13	Табл. 8 3-12	МОС/КВА		*
115	107	107-8 л. 107-8 об.	Василий III	денга	Псков	1510-1533, обрезана в кон. 1520 – нач. 1530-х				*	
116	107	107-9 л. 107-9 об.	Иван IV	копейка	Псков	1547-1550-е	№ 79 7-7	Табл. 1 21-25	ГР	*	
117	107	107-12 л. 107-12 об.	Иван IV	копейка	Псков	1560-е	№ 93 21-9	Табл. 1 35-27	с/МН	*	
118	107	107-16 л. 107-16 об.	Иван IV	копейка	Псков	1570-е	№ 95 23-9?	Табл. 1 37-27?	(IВ-р)	*	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
119	107	107-10 л. 107-10 об.	Федор Иванович	копейка	Псков	1584–1594	№ 128 1*-1	Табл. 2 1-1		*	
120	107	107-11 л. 107-11 об.	Федор Иванович	копейка	Москва	1598	№ 126 4-2	Табл. 2 9-4	с/М	*	
121	107	107-13 л. 107-13 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Москва	1600	№ 173 4-2	Табл. 3 4-2	БО о/М	*	
122	107	107-14 л. 107-14 об.	Борис Федорович Годунов	копейка	Москва	1600	№ 173 4-2	Табл. 3 4-2	Б(О о/М)	*	
123	107	107-1 л. 107-1 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1616	№ 367 6-10	Табл. 8 6-8	МО/СКВА	*	
124	107	107-2 л. 107-2 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1616	№ 338 1-10	Табл. 8 3-8	МОС/КВА		*
125	107	107-3 л. 107-3 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1616	№ 338 1-10	Табл. 8 3-8	МОС/КВА	*	
126	107	107-6 л. 107-6 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1619	№ 406 10-14	Табл. 8 9-13		*	
127	107	107-7 л. 107-7 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1619	№ 406 10-14	Табл. 8 9-13		*	
128	107	107-4 л. 107-4 об.	Михаил Федорович	копейка	?	1613–1645	№?	Табл. 8		*	
129	107	107-15 л. 107-15 об.	Михаил Федорович?	копейка	?	1613–1645	№?	Табл.8?		*	
130	107	107-5 л.	?	копейка	?	XVII в.	№?	Табл.?		*	
131	107	107-17 л. 107-17 об.	?	копейка	?	XVII в.	№?	Табл.?		*	
132	108	108-1 л. 108-1 об.	Михаил Федорович	денга (денежка	Москва	1614	№ 663 1-1*(6)	Табл. 9 2(5)-1			*
133	112	112-1 л. 112-1 об.	Иван III	денга	Москва	1462–1505, обрезана в 1530-е				*	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
134	117	117-1 л. 117-1 об.	Иван IV	денга	Тверь	1535–1538	№ 67 2-3	Табл. 1 11-15			*
135	126	126-1,2	?	копейка (2 копейки вместе)	?	XVII в.	№?	Табл.?		*	
136	129	129-1 л. 129-1 об.	Михаил Федорович	копейка	Москва	1616?	№? ?-10?	Табл. 8 ?-8?		*	
137	142	142-1 л. 142-1 об.	Алексей Михайлович	копейка	Москва	1670-е	№1044 31-42	Табл. 12 29-37	о/М	*	
138	Сбор с пов.	С пов.-1 л. С пов.-1 об.	Владислав Жигимонтович	копейка	Москва	1611–1612	№ 296 3*-2	Табл. 4 2-2		*	
139	Сбор с пов.	С пов.-2 л. С пов.-2 об.	Иван IV	копейка	Новгород	ок. 1535	№ 75 3-3	Табл.1 9-12		*	
140	Сбор с пов.	С пов.-3 л. С пов.-3 об.	?	денга		17…8					*

Таблица 2

Общее количество монет Кадочниковского могильника (номиналы и место чекана)

	Правитель	Номинал	Место чекана	Кол-во по месту чекана	Общее кол-во монет по номиналам	Всего монет по правителям	Кол-во монет-украш.	Кол-во монет-«оболов мертв.»
I	**До реформы 1535-1538 гг.**	денга	Новгород	1		5		
			Псков	1				
			Москва	3				
II	**Монеты периода, начиная с реформы 1535–1538 гг. до конца XVII в.**							
1	Иван IV (1533–1584)	денга	Москва	34	43	62	6	56
			Тверь	8				
			неопред.	1				
		денга в весе копейки	Москва	2	2			
		копейка	Псков	8	17			
			Новгород	9				
2	Федор Иванович (1584–1598)	копейка	Псков	4	5	6	5	1
			Москва	1				
		денга	Москва	1	1			
3	Борис Федорович Годунов (1598–1605)	копейка	Новгород	2		9	5	4
			Москва	7				
4	Монеты периода Смуты и оккупации денежных дворов (1605–1617)							
	Лжедмитрий I (1605–1606)	копейка	Москва	2		3	3	
			Псков	1				
	Василий Иванович Шуйский (1606–1610)	копейка	Псков	1		1	1	
	II земское ополчение (1612)	копейка	Ярославль	1		1	1	
	Владислав Жигимонтович (1610–1612)	копейка	Москва	1		1	1	
	Шведская оккупация (1615–1617)	копейка	Новгород	1		1	1	
5	Михаил Федорович (1613–1645)	денга	Москва	1		32	23	9
		копейка	Москва	23				
			Новгород	1				
			неопред.	7				
6	Алексей Михайлович (1645–1676)	копейка	Москва	2		3	3	
		неопред.		1				
7	Федор Алексеевич (1676–1682)	копейка	Москва	2		2	2	
8	Неопред. XVII в.	копейка		11		11	9	3
III	**Монеты начала XVIII века**							
	Петр I (1682–1725)	денга	Москва	2		2		2
	Неопред. нач. XVIII в.	денга				1		1
					Всего:	140	62	78

Таблица 3

Местоположение монет в погребениях

№ п/п	№ погребения	Род погребенного	Кол-во монет – украш.	Датировка монет – украш. (старшей и младшей)	Разрыв в датировках монет –украш.	Кол-во монет – «об. мертв.»	Датировка монет – «об. мертв.» (старшей и младшей), гг.	Разрыв в датировках монет – «об. мертв.»	Разрыв в датировках погр. по монете-украш. и монете - «об. мертв.»	Местоположение монет	Датировка погр. по монетам, гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	25	ж				3	1447–1505 обрезаны в кон. 1520 – нач.1530			Пояс-2, предплечье-1	1530-е
2	112	м	1	1462–1505 обрезана в кон. 1520 – нач.1530-						Ступня-1	1530-е
3	41	ж				1	1535–1538			Шея-1	1535–1538
4	73	ж				1	1535–1538			Череп-1	1535–1538
5	83	ж				1	1535–1538			Череп-1	1535–1538
6	100	ж				1	1535–1538			Череп-1	1535–1538
7	11	ж				9	1535–1550-е	св. 15 лет		Череп-9	1550-е
8	10	ж				2	1535–1550-е	св. 15 лет		Грудь-1, колени-1	1550-е
9	2	ж				8	1535–1560-е	св. 25 лет		Череп-7, плечо-1	1560-е
10	28	ж				14	1535–1584	49 лет		Пояс-3, грудь-1, предплечье-3, шея-3, череп-4	1561–1584
										Всего в женск. погреб.41 монета: череп-23, шея-4, грудь-2, предплечье-4, плечо-1, пояс-5, колени-1, ступня-1	
11	103	м				1	около 1535			Череп-1	около 1535
12	117	м				1	1535–1538			Пояс-1	1535–1538

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
13	42	б/к				1	1550-е			Неизв. - 1	1550-е
14	57	д				1	1560-			Бедро-1	1560-е
	Итого в погребениях XVI в.:		**1**			**44**				**45 монет: череп-24, шея-4, грудь-2, предплечье-4, плечо-1, пояс-6, бедро-1, колени-1, ступня-1, неизв.-1**	
15	50	ж	1	1598–1600		5	1535–1594	59 лет	6 лет	Череп-2, шея-1, грудь-1, голень-2	1600
16	61	ж	5	1547–1606	59 лет	1	1570-		менее 35 лет	Череп-6	1606
17	98	ж	3	1602–1606	4 года	1	1560-е		свыше 36 лет	Череп-4	1606
18	89	ж	6	1605–1612	7 лет	5	1535–1602	67 лет	10 лет	Череп-2, грудь-4, локоть-3, неизв.-2	1612
19	129	ж	1	1616						Кисть руки -1	1616
20	107	ж	16	1510–1619	109 лет	1	1616		3 года	Череп-17	1619
21	1	ж	4	1614–1621	7 лет					Череп-2, пояс-2	1621
22	4	ж	5	1600–1621	21 год					Череп-5	1621
										Всего в женск. погреб. 54 монеты: череп-38, шея-1, грудь-5, локоть-3, кисть руки-1, пояс-2, голень-2, неизв.-2	
23	87	м				3	1547–1600	53 года		Череп-1, таз-2	1600
24	108	м				1	1614			Ступня-1	1614
25	90	м				1	1616			Пояс-1	1616
26	106	м				3	1547–1618	71 лет		Бедро-2, голень -1	1618
27	3	м				1	1617			Колени-1	1617
28	5	м	1	XVII в.		1	1613–1645			Череп-1, предплечье-1	1613–1645
										Всего в мужск. погреб. 11 монет: череп-2, предплечье-1, пояс-1, таз-2, бедро-2, колени-1, голень-1, ступня-1	

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
29	49	д				2	1535–1618	83 года		Грудь-2	1618
30	14	д	2	1642						Грудь-2	1642
31	15	д				1	1645			Бедро-1	1645
32	105	д	1	1613–1645						Грудь-1	1613–1645
33	82	б/к	1	1596		1	1535–1538		58 лет	Неизв. - 2	1596
	Итого в погребениях 1596-1645:		**46**			**27**				**73 монет: череп-40, шея-1, предплечье-1, грудь-10, локоть-3, кисть руки-1, пояс-3, таз-2, бедро-3, колени-1, голень-3, ступня-1, неизв.-4**	
34	142	ж	1	1670-е						Череп-1	1670-е
35	13	ж	7	1629–1680	51 год					Череп-4, неизв.-3	1680
36	52	ж				1	XVII в.			Грудь-1	XVII в.
37	126	ж	1 (2)	XVII век						Кисть руки-1	XVII в.
										Всего в женск. погреб. 10 монет: череп-5, грудь-1, кисть руки-1, неизв.-3	
38	16	д	3	1619–1676	57 лет					Бедро-3	1645–1676
39	55	б/к	1	(1655–1663)		3	1535–1550-е	св. 15 лет	(105 лет)		1550-е (1655–1663)
	Итого в погр. 1645 – кон. XVII в:		**13**			**4**				**17 монет: череп-5, грудь-1, кисть руки-1, бедро-3, неизв.-7**	
40	63	м				1	1707			Таз-1	1707
41	66	м				1	1704			Череп-1	1704
	Итого в погребениях нач. XVIII в:					**2**				**2 монеты: череп-1, таз-1**	
			60			**77**					

Таблица 4

Динамика выпадения монет в захоронения

№ п/п	№ погр.	Род погр.	До Ивана IV	Иван IV (1533–1584)	Федор Иванович (1584–1598)	Б.Ф. Годунов (1598–1605)	Период Смуты и оккупации денежных дворов (1605–1617)	Михаил Федорович (1613–1645)	Алексей Михайлович (1645–1676)	Федор Алексеевич (1676–1682)	XVII в.	Петр I (1682–1725)	Кол-во монет-украш.	Кол-во монет-«об. мертв.»	Общее кол-во монет	Датировка погр. по монетам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	25	ж	Денга-3											3	3	1530-е
2	*112*	*ж*	*Денга-1*										*1*		*1*	*1530-е*
3	103	м		Копейка -1										1	1	Около 1535
4	41	ж		Денга-1										1	1	1535–1538
5	73	ж		Копейка-1										1	1	1535–1538
6	83	ж		Денга-1										1	1	1535–1538
7	100	ж		Денга-1										1	1	1535–1538
8	117	м		Денга-1										1	1	1535–1538
9	11	ж		Денга в весе копейки-1 Денга-8										9	9	1550-е
10	42	б/к		Денга-1										1	1	1550-е
11	10	ж		Денга-2										2	2	1550-е
12	57	д		Копейка-1										1	1	1560-е
13	2	ж		Копейка-1 Денга-7										8	8	1560-е
14	28	ж		Копейка- 6 Денга в весе копейки-1 Денга- 7										14	14	1561–1584
			Д - 1/3	К - 0/10 Д - 0/29 Д–к – 0/2									Д - 1	К – 10 Д – 32 Д-к - 2		
		всего	4	41									1	44	45	

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		16	17
15	**82**	**б/к**		**-** **Денга-1**	**Копейка-1** **-**								*1*	1	**2+ж**	**1596/ 1635**
16	**50**	**ж**		**-** **Денга-4**	**-** **Денга-1**	**Копейка-1** **-**							*1*	5	**6+ж**	**1600/ 1635**
17	87	м		Денга-1		Копейка-2								3	3	1600
18	**61**	**ж**		**Копейка-2** **Копейка-1**	**Копейка-2** **-**		**Копейка-1** **-**						*5*	1	**6+ж**	**1606/ 1635**
19	**98**	**ж**		**-** **Копейка-1**		**Копейка-1** **-**	**Копейка-2** **-**						*3*	1	**4+ж**	**1606/ 1635**
20	**89**	**ж**		**-** **Денга-2**		**-** **Копейка-2**	**Копейка-2** **-**				**Копейка-4** **Копейка-1**		*6*	5	**11**	**1612**
21	108	м						Денга-1						1	1	1614
22	90	м						Копейка-1						1	1	1616
23	106	м		Денга-1				Копейка-2						3	3	1618
24	*129*	*ж*						*Копейка-1*					*1*		*1*	*1616*
25	3	м						Копейка-1						1	1	1617
26	49	д		Денга-1				Копейка-1						2	2+ж	1618/ 1635
27	**107**	**ж**	**Денга-1** -	**Копейка-3** -	**Копейка-2** -	**Копейка-2** -		**Копейка-6** **Копейка-1**			**Копейка-2** -		*16*	1	**17+ж**	**1619/ 1635**
28	*1*	*ж*					*Копейка-1*	*Копейка-3*					*4*		*4*	*1621*
29	*4*	*ж*				*Копейка-1*		*Копейка-4*					*5*		*5*	*1621*
30	*14*	*д*						*Копейка-2*					*2*		*2*	*1642*
31	15	д						Копейка-1						1	1	1645

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
32	**5**	**м**						**-** **Копейка-1**			**Копейка-1** -		*1*	1	**2**	**1613–1645**
33	*105*	*д*						*Копейка-1*					*1*		*1*	*1613–1645*
			1/0	К – 5/2 Д – 0/10	К - 5/0 Д – 0/1	К – 5/4	К – 6/0	К – 18/7 Д – 0/1			К – 6/2		К – 45 Д - 1	К – 15 Д - 12		
		всего	1	17	6	9	6	26			8		46	25	73	
34	**55**	**б/к**		**-** **Денга-3**					**Копейка-1** -				*1*	3	**4**	**1655–1663**
35	*16*	*д*						*Копейка-2*	*Копейка-1*				*3*		*3*	*1645–1676*
36	*142*	*ж*							*Копейка-1*				*1*		*1*	*1670-е*
37	*13*	*ж*						*Копейка-4*		*Копейка-2*	*Копейка-1*		*7*		*7*	*1680*
38	52	ж									Копейка-1			1	1	XVII
39	*126*	*ж*									*Копейка-1 (2)*		*1 (2)*		*1*	*XVII*
				Д – 0/3				К – 6/0	К – 3/0	К – 2/0	К – 2/1		К - 13	К – 1 Д - 3		
		всего		3				6	3	2	3		13	4	17	
40	63	м										Денга-1		1	1	1707
41	66	м										Денга-1		1	1	1704
														2	2	
Итого:													60	77	137	+ 3 мон. с пов.

1 – погребение с монетами – «оболом мертвых»
1 – погребение с монетами – украшениями
1 – погребение с монетами-украшениями и «оболом мертвых»
К – копейка; Д – денга; К-д – копейка в весе денги; Ж – счетные жетоны

Таблица 5

Датировка погребений по монетам и жетонам

№ п/п	№ погр.	Род погр.	Кол-во монет в погр.	Правитель	Датировка погр. по монетам, гг.	Датировка погр. по жетонам, гг.
1	25	ж	3	Иван IV (1533–1584)	1530-е гг.	
2	112	ж	1		1530-е	
3	103	м	1		около 1535	
4	41	ж	1		1535–1538	
5	73	ж	1		1535-1538	
6	83	ж	1		1535-1538	
7	100	ж	1		1535-1538	
8	117	м	1		1535-1538	
9	11	ж	9		1550-е	
10	42	б/к	1		1550-е	
11	10	ж	2		1550-е	
12	55	б/к	4		1550-е (1655–1663)	
13	57	д	1		1560-е	
14	2	ж	8		1560-е	
15	28	ж	14		1561–1584	
16	82	б/к	2	Федор Иванович (1584–1598)	1596	1635
17	50	ж	6	Б.Ф.Годунов (1598–1605)	1600	1635
18	87	м	3		1600	
19	61	ж	6	Лжедмитрий I (1605–1606)	1606	1635
20	98	ж	4	В.И.Шуйский (1606-1610)	1606	1635
21	89	ж	11	II земское ополчение (1612)	1612	
22	108	м	1	Михаил Федорович (1613–1645)	1614	
23	90	м	1		1616	
24	106	м	3		1618	
25	129	ж	1		1616	
26	3	м	1		1617	
27	49	д	2		1618	1635
28	107	ж	17		1619	1635
29	1	ж	4		1621	
30	4	ж	5		1621	
31	14	д	2		1642	
32	15	д	1		1645	
33	5	м	2		1613–1645	
34	105	д	1		1613–1645	
35	16	д	3	Алексей Михайлович (1645–1676)	1645–1676	
36	142	ж	1		1670-е	
37	13	ж	7	Федор Алексеевич (1676–1682)	1680	
38	52	ж	1		XVII в.	
39	126	ж	1 (2)		XVII в.	
40	63	м	1	Петр I (1682–1725)	1707	
41	66	м	1		1704	
42	34	б/к				1635
43	121	б/к				1635

Таблица 6

Кладовый комплекс из Уржумского района и монеты Михаила Федоровича и Алексея Михайловича из Кадочниковского могильника

№№	Правитель	Номинал	Место чекана	Монеты кладового комплекса из Уржумского района		Монеты из погребений Кадочниковского могильника			Дата
				№ по каталогам Гришина, Клещинова, 2001, 2007	№ по таблицам Мельниковой, 1989	№ по каталогам Гришина, Клещинова, 2001, 2007	№ по таблицам Мельниковой, 1989	Кол-во	
1	2	3	4	5	6	8	9	10	11
1	Михаил Федорович (1613-1645)	денга (денежка)	Москва			№ 663 1-1*(6)	Табл. 9 2(5)-1	1	1614 г.
2		копейка	Москва			№ 330 1-3	Табл. 8 3-1	1	1614 г.
3		копейка	Москва	**№ 331 1-4**	**Табл. 8 3-3**	**№ 331 1-4**	**Табл. 8 3-3**	**1**	**1614 г.**
4		копейка	Москва			№ 335 1-7	Табл. 8 3-5	1	1615 г.
5		копейка	Москва	**№ 338 1-10**	**Табл. 8 3-8**	**№ 338 1-10**	**Табл. 8 3-8**	**1**	**1616 г.**
6		копейка	Москва			№ 367 6-10	Табл. 8 6-8	1	1616 г.
7		копейка	Москва			№ 338 1-10	Табл. 8 3-8	3	1616 г.
8		копейка	Москва			№ 393 9а-10	Табл. 8 7а-8	1	1616 г.
9		копейка	Москва	№ 340 1-12	3-9				1617 г.
10		копейка	Москва	**№ 341 1-13**	**Табл. 8 3-12**	**№ 341 1-13**	**Табл. 8 3-12**	**1**	**1618 г.**
11		копейка	Москва	№ 367 6-10	6-8				1616
12		копейка	Москва	№ 380 7-12	5-9				1617
13		копейка	Москва	№ 397 9а-14	7а-13				1619
14		копейка	Москва			№ 405 10-13	Табл. 8 9-12	1	1618 г.
15		копейка	Москва			№ 407 10-5	Табл. 8 9-11	1	1618 г.
16		копейка	Москва	**№ 406 10-14**	**Табл. 8 9-13**	**№ 406 10-14**	**Табл. 8 9-13**	**2**	**1619 г.**

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
17		копейка	Москва	№ 407 10-15	9-11	1				1618
18		копейка	Москва	**№ 415 11-16**	**Табл. 8 10-14**	**2**	**№ 415 11-16**	**Табл. 8 10-14**	**1**	**1619 г.**
19		копейка	Москва	№ 417 11-18	10-16	1				1620
20		копейка	Москва	№ 428 12-19	11-17*	1				1621
21		копейка	Москва	№ 440 14-16	13-14	1				1619
22		копейка	Москва				№ 446 15?-21	Табл. 8 14?-18	1	1621 г.
23		копейка	Москва	**№ 349 1-21?**	**Табл. 8 3-18?**	**1**	**№ 349 1-21?**	**Табл. 8 3-18?**	**1**	**1621 г.?**
24		копейка	Москва				№ 469 18-27	Табл. 8 17-20	1	1622 г.
25		копейка	Москва	№ 471 18-29	17-24	2				1624
26		копейка	Москва	№ 479 21-23	20-23	2				1624
27		копейка	Москва	№ 482 21-29	20-24	3				1625
28		копейка	Москва	№ 484 21-33	20-29	1				1627
29		копейка	Москва	№ 486 21-35	20-31	1	№ 486? 21-35?	Табл. 8 20-31?	2	1629 г.
30		копейка	Москва	№ 497 22-29	21-24	1				1627
31		копейка	Москва	№ 501 22-43	21-32	1				1630
32		копейка	Москва				№ 505 23-31	Табл. 8 22-45*	1	1642 г.
33		копейка	Москва	№ 515 24-31	23-45	1				1642
34		копейка	Москва	№ 523 24-42	23-38*	1				1636
35		копейка	Москва	№ 528 24-47	23-43	1				1641

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
36		копейка	Москва	№ 529 24-48	23-48	1				1643
37		копейка	Москва	№ 538 25-39	24-33	1				1633
38		копейка	Москва	№ 569 29-31	27-45	1				1642
39		копейка	Москва	№ 572 29-36	27-35	1				1639
40		копейка	Москва	№ 575 29-40	27-39	1				1639
41		копейка	Москва	№ 586 31-31	30-45	1				1643
42		копейка	Москва	№ 602 32-41	29-41	1				1642
43		копейка	Москва	№ 611 33-31	28-45	2				1642
44		копейка	Москва	№ 614 33-40	28-39	1				1641
45		копейка	Москва	№ 621 33-48	28-48	2				1643
46		копейка	Москва	№ 624 33-51	28-52*	1				1645
47		копейка	Москва				№ 626 34-51?	Табл. 8 31-52	1	1645 г.
48		копейка	Москва	№ 635 36-53	31-51	2				
49		копейка	Новгород				№ 644 2-1а	Табл. 6 1-1	1	1617 г.
50		копейка	Новгород	№ 648 5-2	3-2	1				1617-1627
51		копейка	Новгород	№ 650 6-3	4-4	1				1617-1627
52		копейка	Новгород	№ 656 11-3	6-4	1				1617-1627
53		копейка	Псков	№ 659 3-1	1-1	3				1617

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
54		копейка	Псков	№ 661 4-1	2-1	3				1627
55		копейка	Псков	№ 662 4-2	2-2	1				1627
56	Алексей Михайлович (1645-1676)	копейка	Москва	№ 930 6-6		3				
57		копейка	Москва	№ 953 14-9		2				
58		копейка	Москва				№1044 31-42	Табл. 12 29-37	1	1670-е гг.
59						62			25	

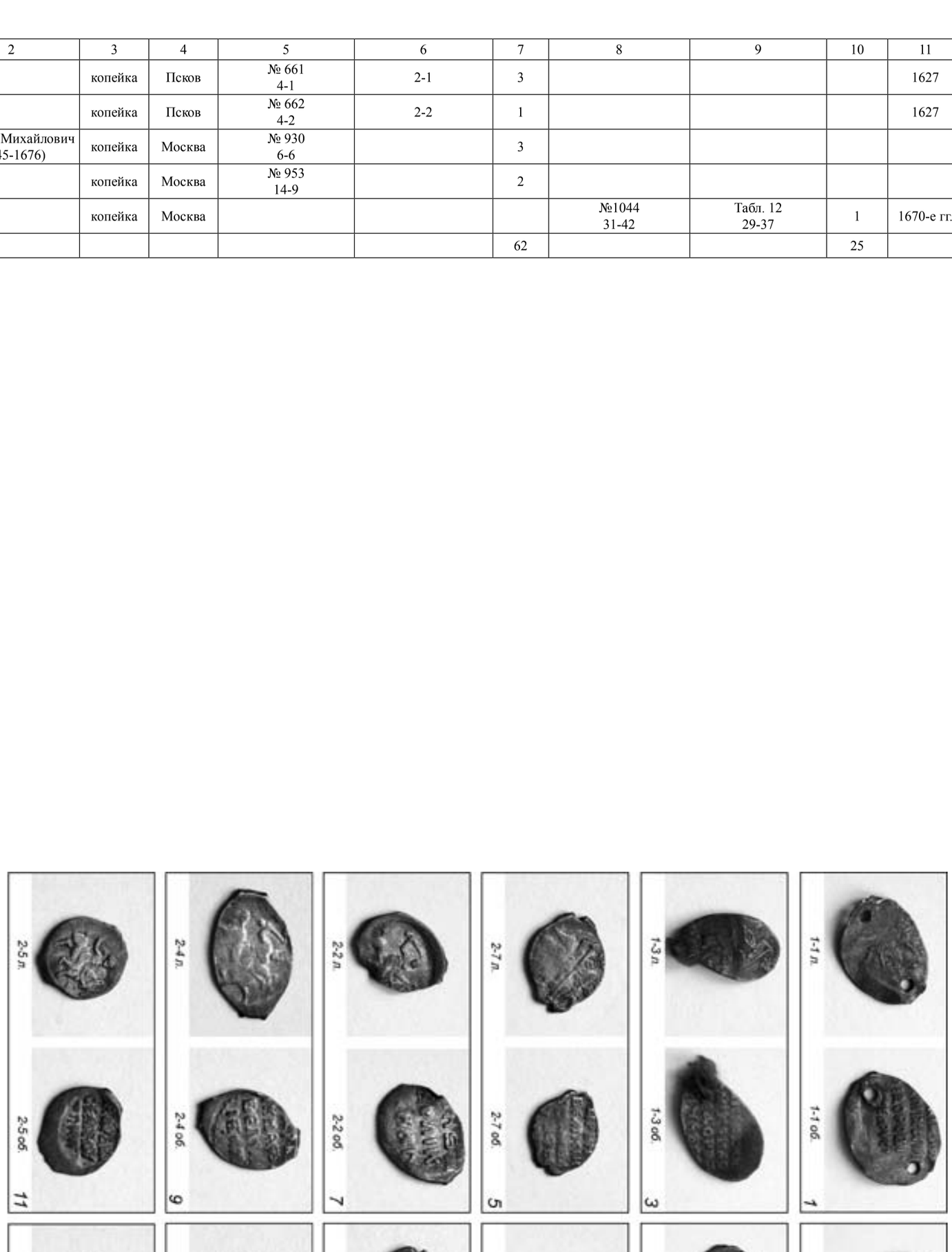

Рис. 1. Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

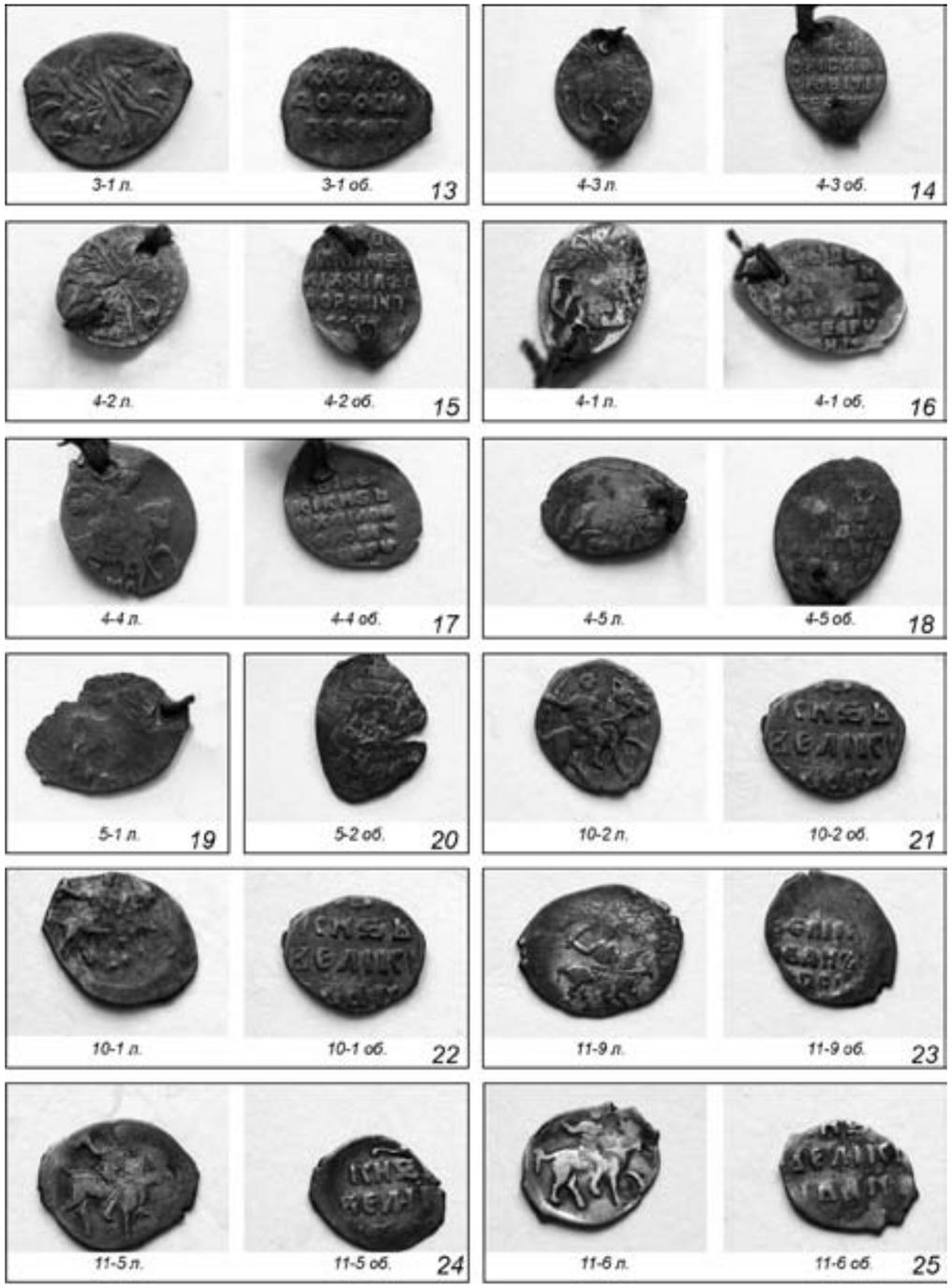

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

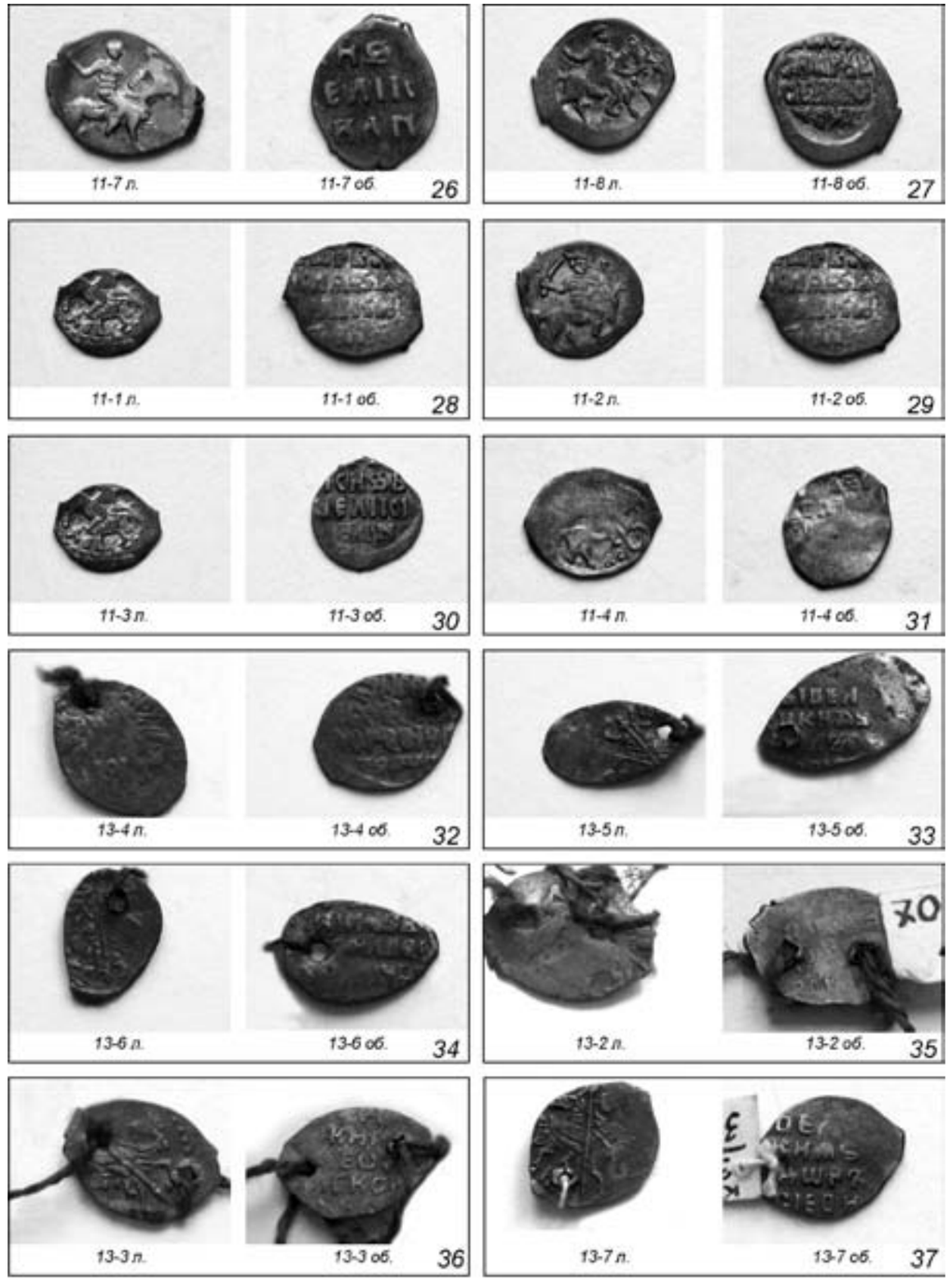

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

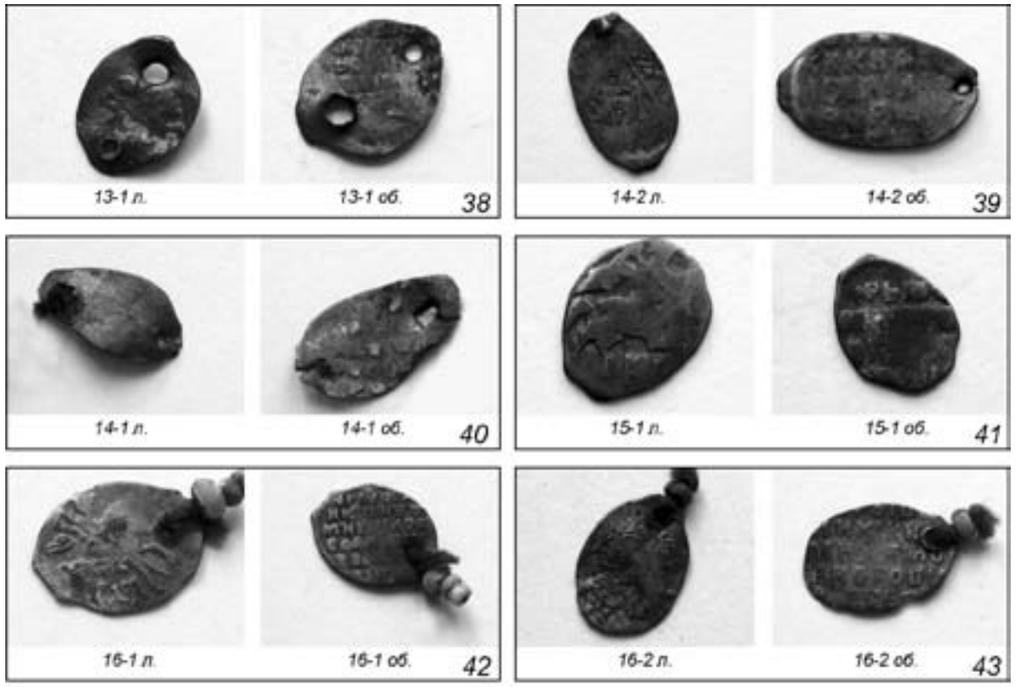

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

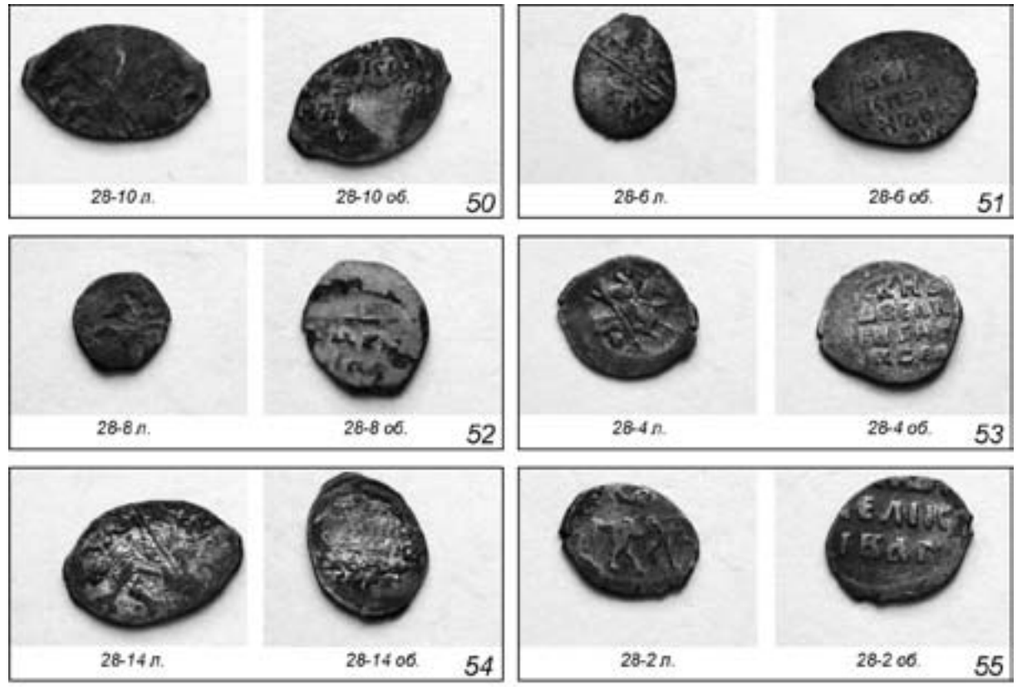

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

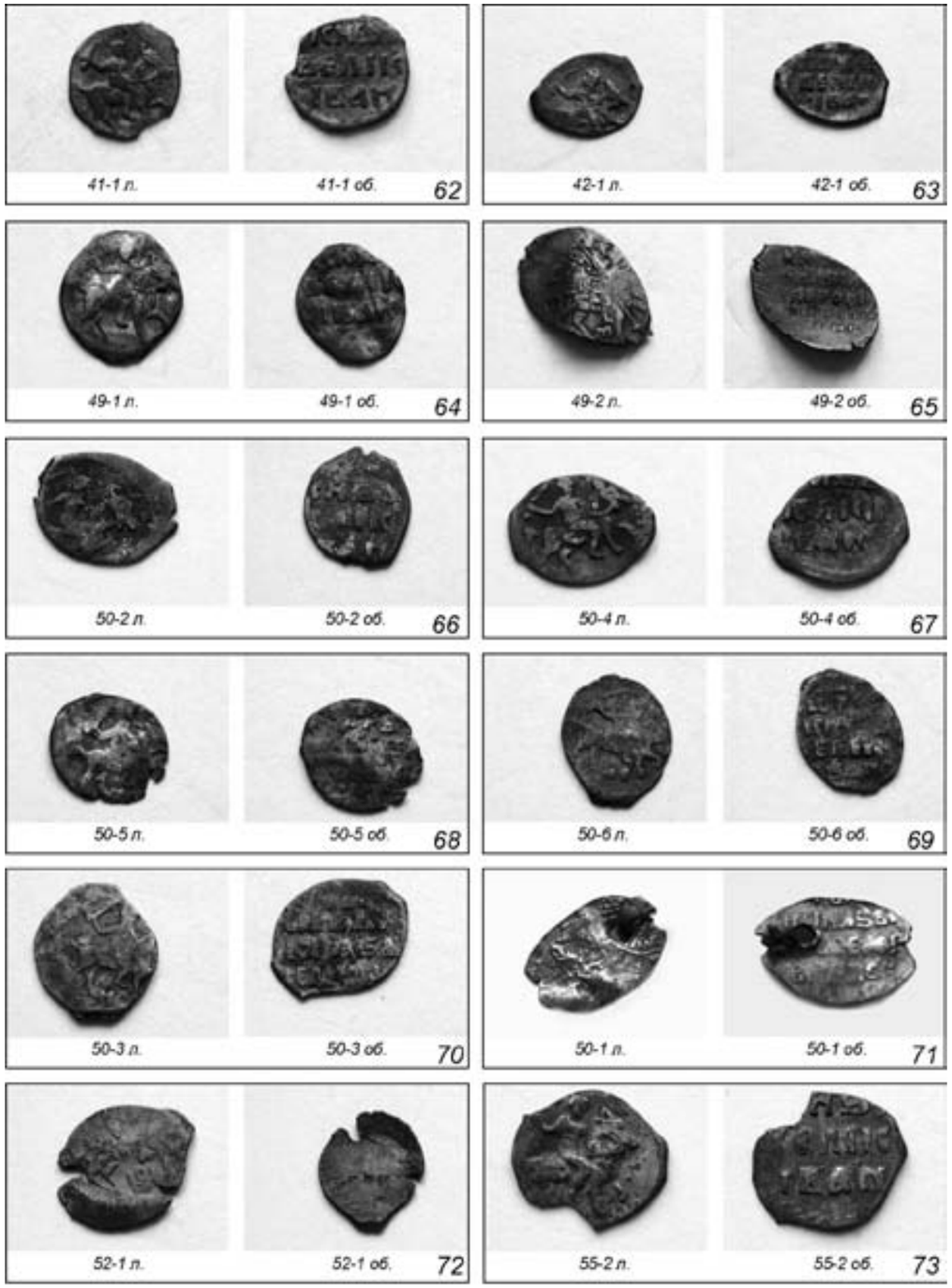

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

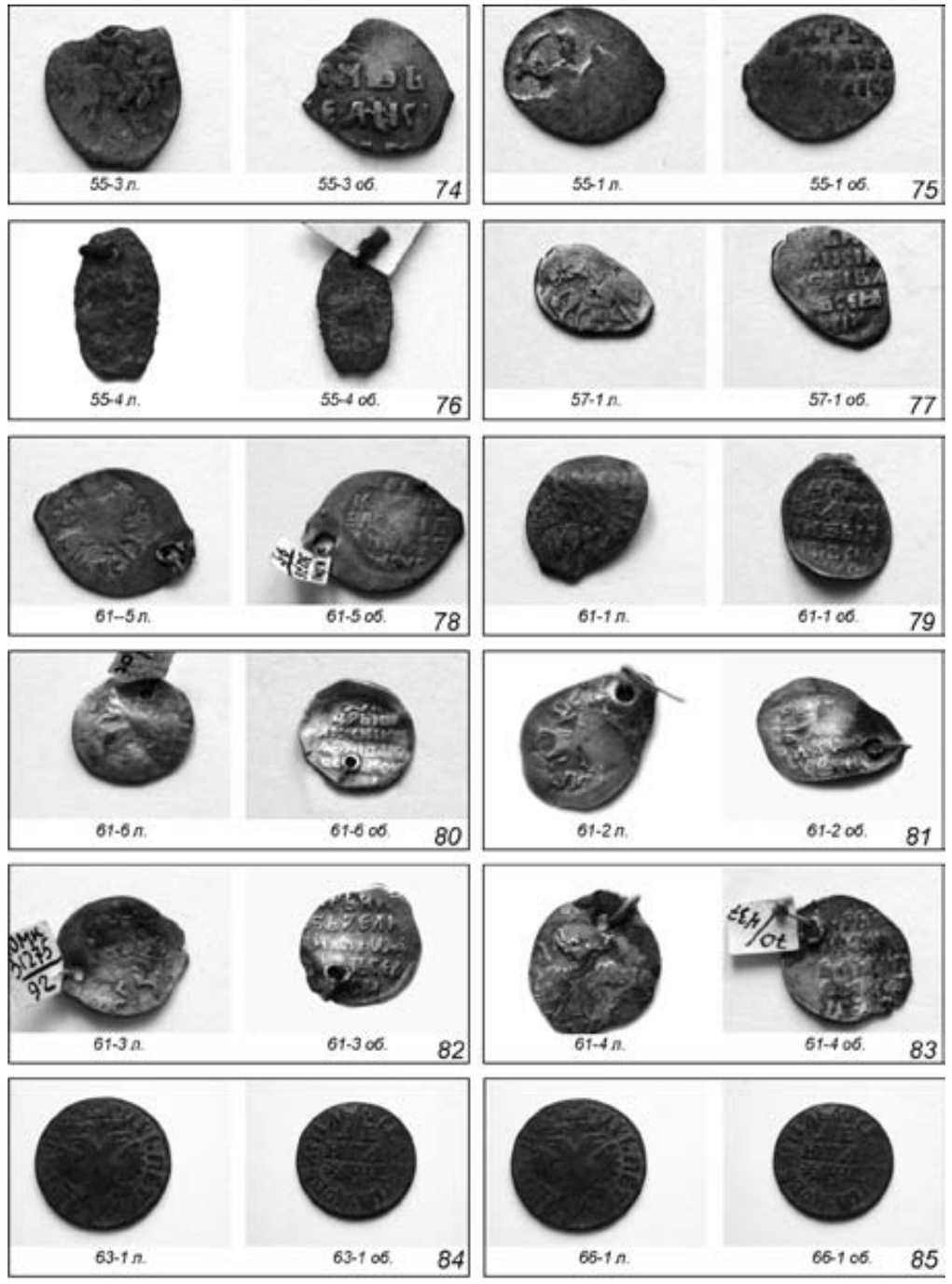

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

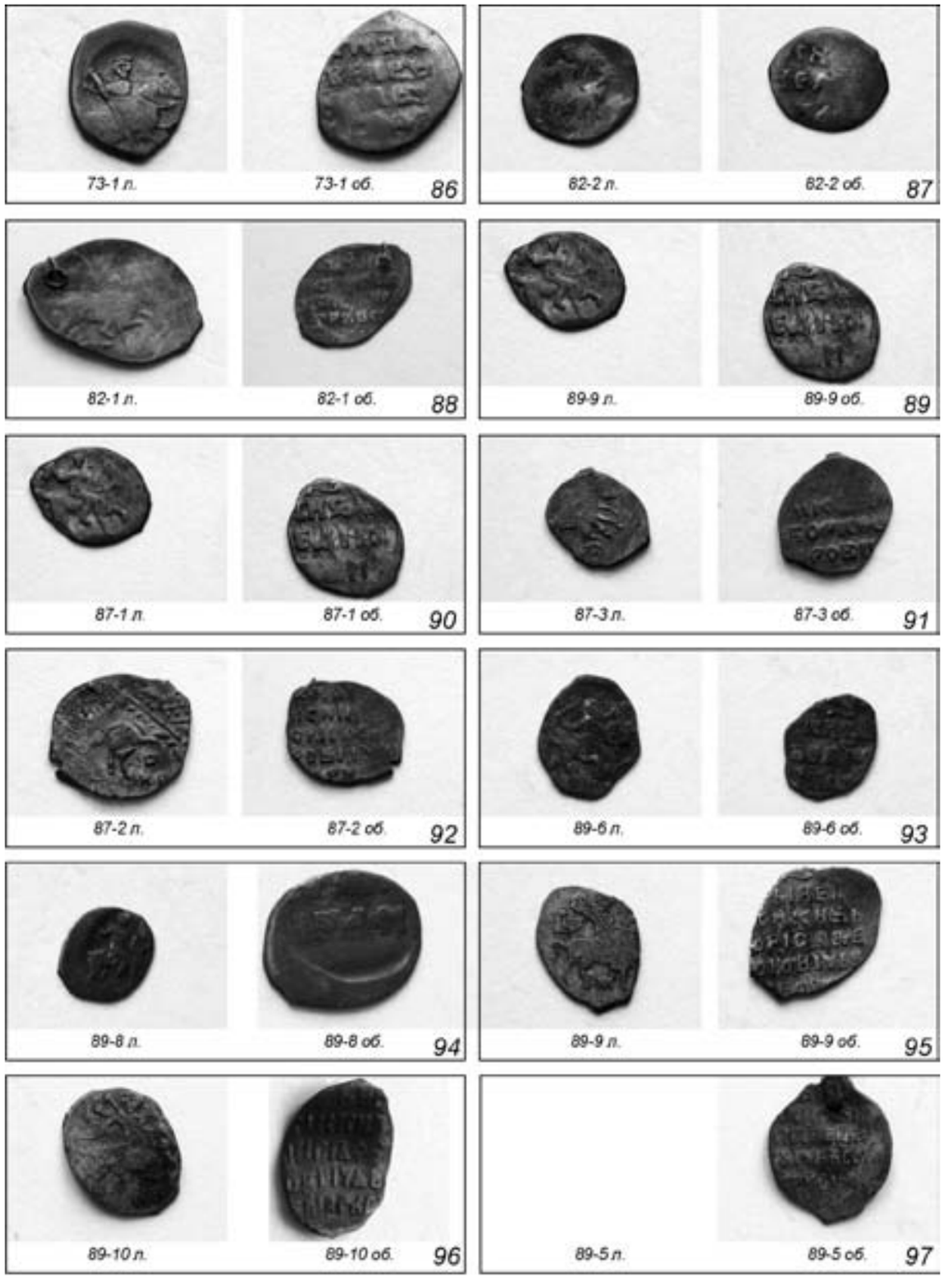

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

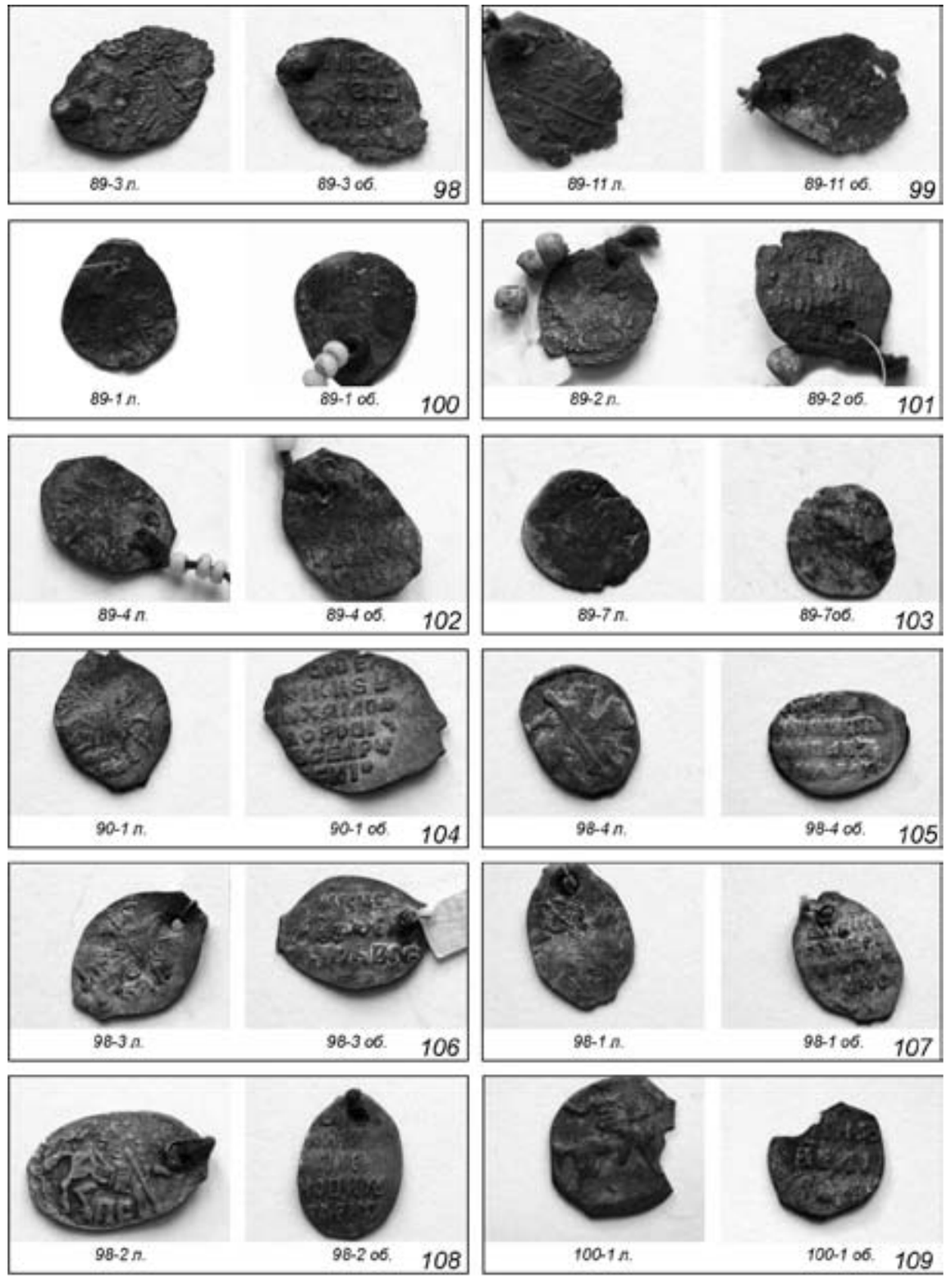

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

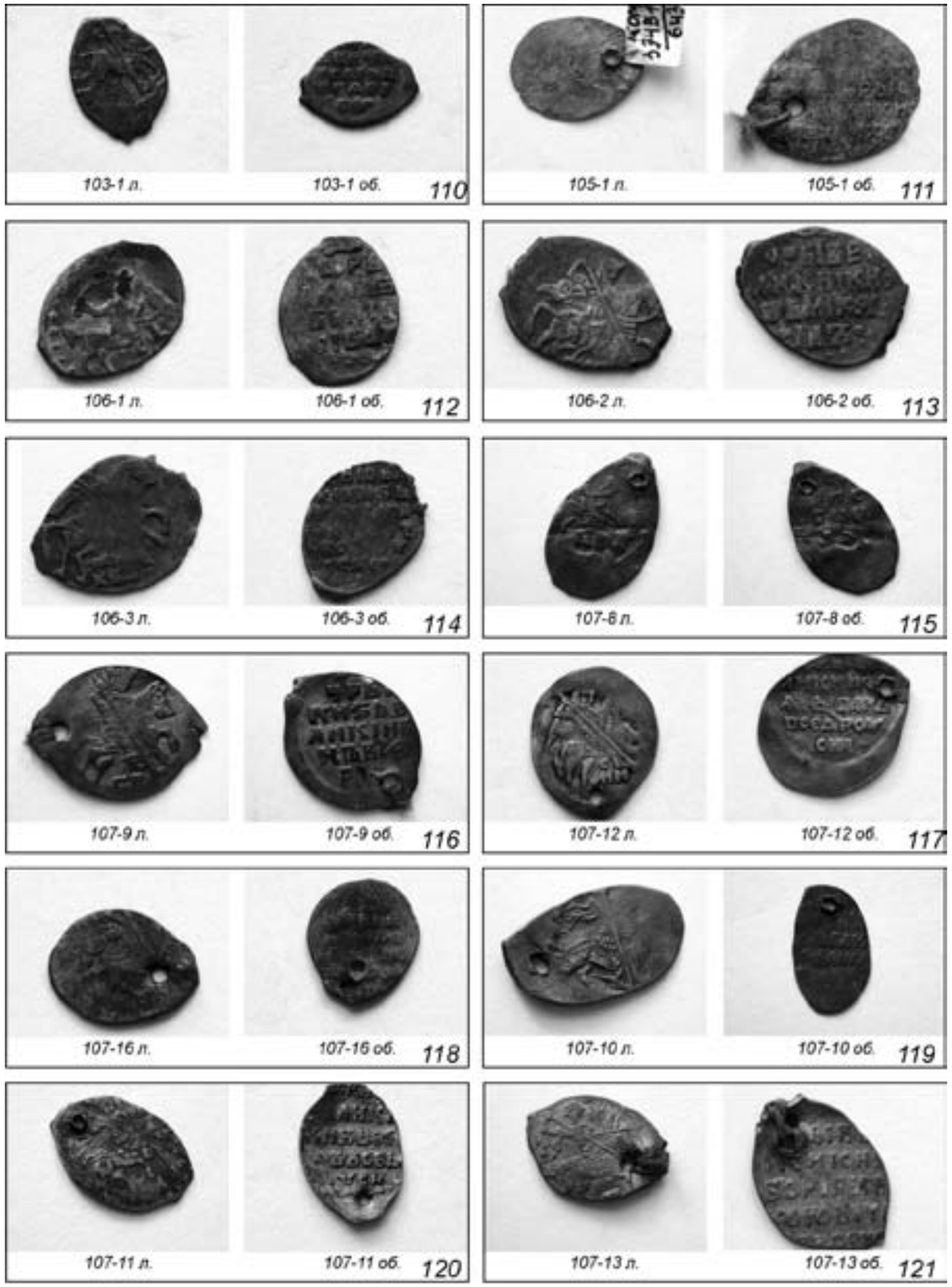

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

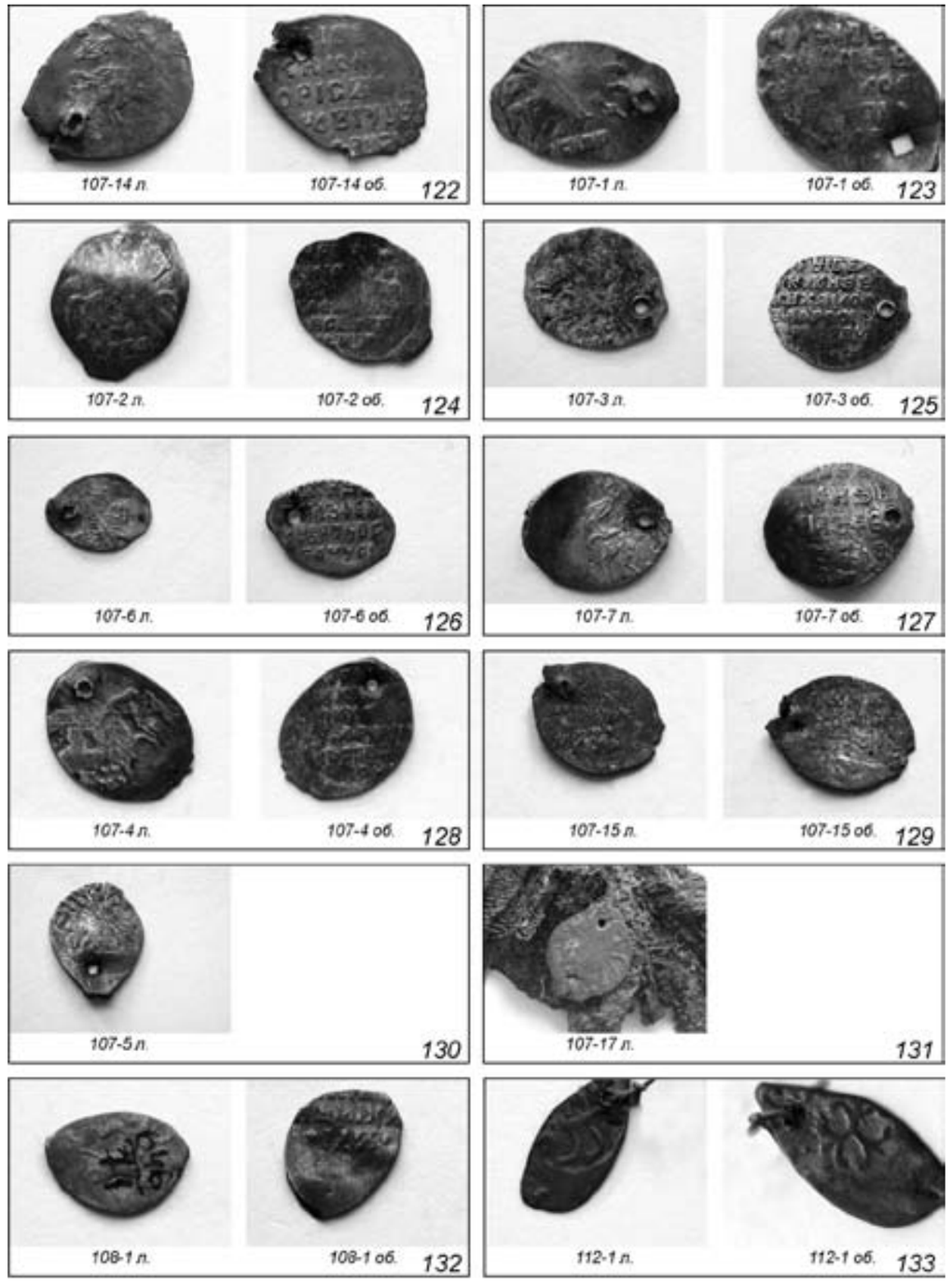

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

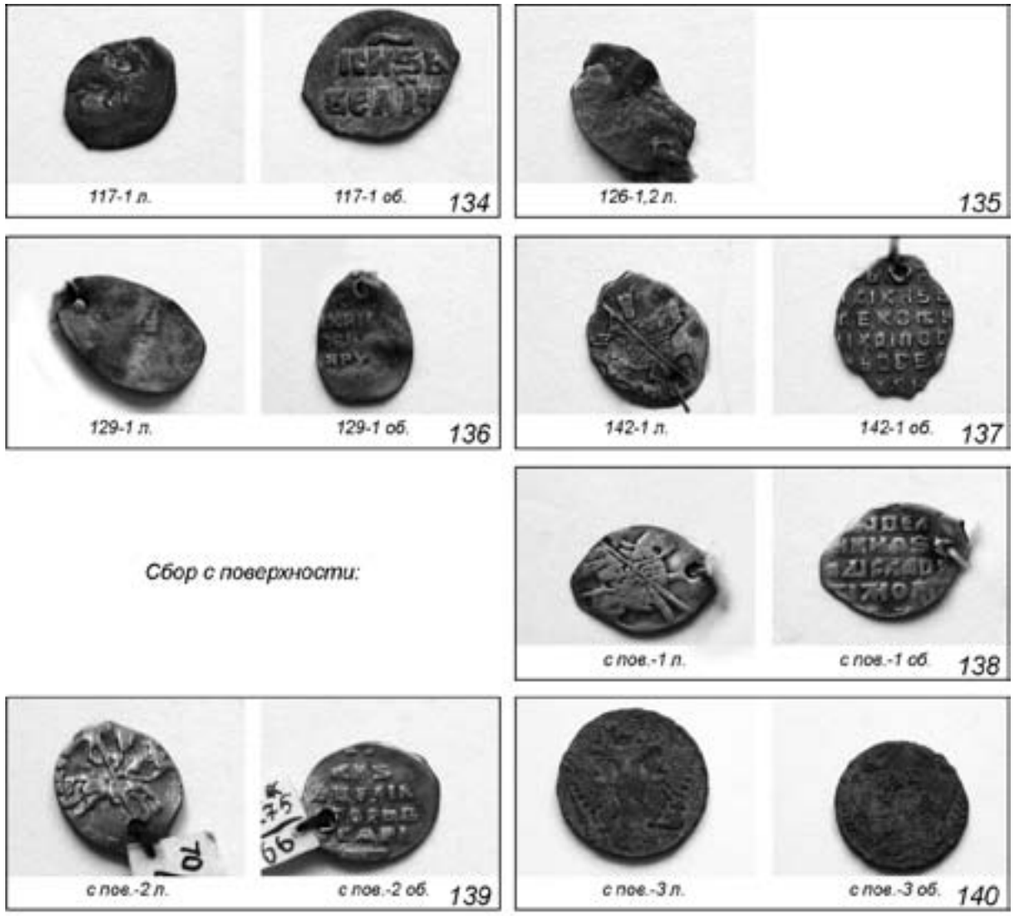

Рис. 1 (продолжение). Приложение к таблице 1. Кадочниковский могильник. Монеты

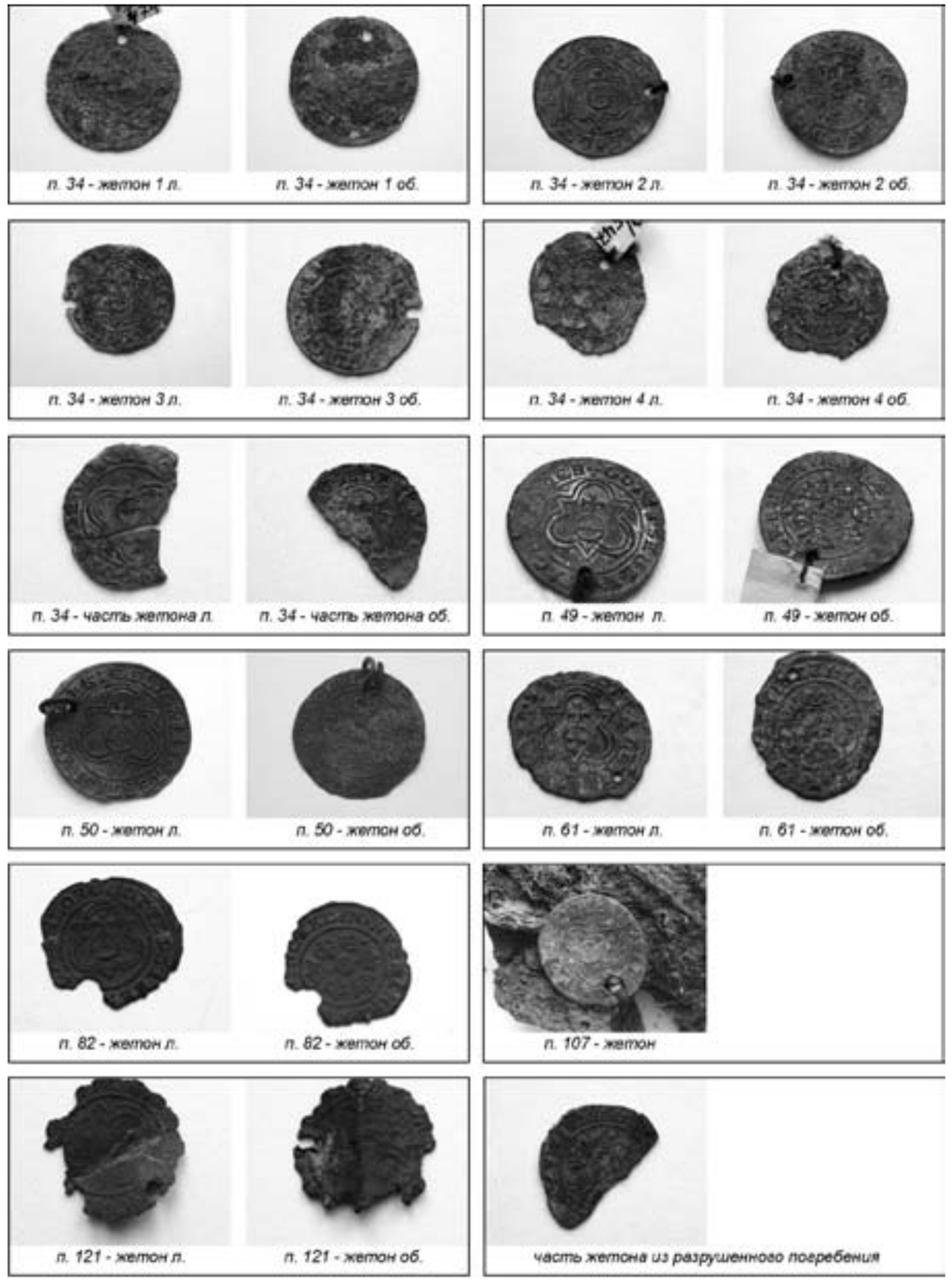

Рис. 2. Кадочниковский могильник. Жетоны

Приложение 2

И.Г. Шапран, А.А. Русаева

Перстни Кадочниковского могильника

Вещевой материал, полученный в результате исследования Кадочниковского могильника, включает значительную коллекцию украшений, в том числе наиболее распространенную разновидность украшений рук – перстни. Перстень – это украшение рук, состоящее из одного (обруч/дужка) или нескольких конструктивных элементов (обруч/дужка, щиток, оправа, вставка). Каждый конструктивный элемент перстня предусматривает собственную форму, построение, способ соединения с другими элементами (Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К., 1990, с.36).

Коллекция перстней (рис.1) Кадочниковского могильника насчитывает 60 экземпляров, (происходящих из 40 погребений), выявленных в женских (26 погр.), мужских (9 погр.) и детских (1 погр.) захоронениях (в 4-х погр. пол погребенного не определен). Количество перстней в погребении варьирует от 1 (в большинстве случаев) до 4 (погр.10,50, 89) экземпляров. Перстни обнаружены на пальце правой или левой руки умершего, одновременно на обеих руках, а также рядом с погребенным (в области черепа, грудной клетки, ключиц, около руки, локтя, в ногах). Причем, находки перстня рядом с умершим не исключают наличия украшения на пальцах руки. Например, в погребение 89 один экземпляр обнаружен в области черепа, другой перстень на пальце левой руки умершего, а еще два экземпляра – в ногах (слева и справа от костяка) (табл.47). Весьма своеобразно местонахождение перстня в погребении 4 – на пальце правой ноги (табл.3). В ряде случаев перстни встречались завернутыми в бересту (13% погребений от общего количества захоронений с перстнями), что, вероятно, можно рассматривать как дары умершему. Перстни в составе «жертвенных комплексов» фиксируются и в материалах удмуртских могильников синхронного времени (например, в Узей-Туклинском могильнике XVIII–XIX вв. (Наговицын Л.А., Шутова Н.И., 1985, с.122).

Материалом для изготовления перстней в большинстве случаев служила бронза, исключение составляют экземпляры из погребений 34 (табл.24–5) и 43 (табл.28–6), сделанные из серебра.

Интересны изображения на перстнях. Однако семантический анализ и интерпретация орнамента сопряжена с определенными трудностями. Для изображений характерна некоторая условность, схематичность, в связи с чем возникает проблема объективной их интерпретации. Орнаментируя щиток перстня, мастер, очевидно, старался передать ту смысловую нагрузку, которой были наделены эти изображения. Кроме этого, необходимо иметь ввиду, что при нанесении изображения, мастер не обязан был всегда вкладывать в него смысл, связанный, например, с обереговой функцией данного украшения, игнорируя при этом и просто декоративную составляющую. Кроме этого, со временем изображение на перстне стирается, щиток деформируется, что создает определенные трудности в прочтении рисунка и определении вида орнамента (растительный, геометрический и т.п.). Трудности также возникают в связи с тем, что зачастую исследователи по-разному интерпретируют изображения на перстне. Например, одни авторы определяют изображение как геометрическое, другие могут рассматривать его же, как изображение растительного характера.

Коллекция украшений рук Кадочниковского могильника представлена перстнями, которые украшены геометрическим и растительным орнаментом, изображениями зоо- и антропоморфного характера (рис.2). Геометрический орнамент представляют многочисленные насечки, зигзаги, реснички, сегментированные фигуры, прорезные линии. Растительный орнамент на рассматриваемых украшениях в большинстве случаев представлен завитками.

Достаточно часто на перстнях встречаются изображения зооморфного характера – изображения птиц (например: погр.10, рис.1–29; погр.55, рис.1–9; погр.73, рис.1–8) , шагающих зверей (?) (погр.11, рис.1–11). Коллекция украшений Кадочниковского могильника также включает перстни с антороморфными изображениями в виде стоящего человека (погр.23, рис.1–25), человека с оружием в руках (?) (погр.116, рис.1–24). Еще одна разновидность орнамента – буквенные изображения, которые присутствуют на щитке перстня из погребения 102 Кадочниковского некрополя (рис.1–5).

Большинство перстней по материалам марийских могильников конца XVI – начала XVIII в. – это пластинчатые щитковосрединные перстни, украшенные геометрическим орнаментом в виде насечек

и сегментированных фигур. Такой тип перстней представляет собой пластинчатый обруч с незамкнутыми концами и расширяющейся средней частью в виде щитка овальной или ромбовидной формы. В коллекции перстней Кадочниковского могильника щитковосрединные перстни представлены 15 украшениями, что составляет 30% от общего количества экземпляров. Исследователи полагают, что марийские щитковосрединные перстни имеют местные истоки. В древнемарийских могильниках IX–XI вв. встречаются пластинчатые овальнощитковые, т.н. «усатые», перстни (Архипов Г.А., 1986, с.150). Вероятно, со временем форма перстней значительно упростилась, и они стали изготавливаться без «усов» (Никитина Т.Б., 1992, с.57). Геометрические изображения в виде сегментированных фигур, насечек, которыми украшены щитковосрединные марийские перстни, присутствуют также на сюльгамах и браслетах из коллекций украшений марийских могильников XVI – первой половины XIX в. В связи с этим исследователи указывают на наличие единого центра производства марийских украшений (Никитина Т.Б., 1992, с.79). Аналогичные экземпляры щитковосрединных перстней, изготовленные с помощью ковки, встречаются и в погребениях удмуртских могильников XVI – первой половины XIX в. Данные украшения, обладая сходной формой с перстнями из марийских могильников, имеют и аналогичные орнаментальные мотивы. В одном случае – это геометрические композиции из насечек, прорезных линий, сегментированных фигур (Малиновский могильник, сбор с поверхности) (Шапран И.Г., 1987, с.117, рис.4-6), в другом – изображения растительного характера (Ореховский могильник, погр.24) (Шутова Н.И., 1992, с.221).

Коллекция перстней, сформированная в результате исследования Кадочниковского могильника, представлена перстнями, изготовленными способом литья, ковки. Пластинчатые щитковосрединные перстни, которые, как указано выше, являются наиболее распространенным вариантом перстней Кадочниковского могильника, получали с помощью расковывания части кольца или пластины, используемой для получения украшения (Данилов П.С., Калыгина Ж.С., 2012, с.168). Аналогичный способ применялся и для получения узкопластинчатых перстней, состоящих лишь из одного конструктивного элемента – обруча. Обруч такого украшения был получен из пластины, имеющей ширину от 2 до 4 мм по всей своей длине.

В коллекции Кадочниковского могильника встречаются также печатные перстни, для изготовления которых применялось как литье, так и ковка. Составляющие элементы данных украшений в большинстве случаев создавались отдельно. Обруч перстня в одних случаях представлял собой литое кольцо, в других – кованую пластину. Щиток печатных перстней, изготовленный отдельно, получали, вырезая из листа металла заготовку определенной формы (округлой, прямоугольной), края которой обрабатывались до необходимых пропорций. Щиток для такого типа перстней мастер также мог получить и с помощью литья в односторонней литейной форме.

В типологию вошло 52 экземпляров, т.к. часть перстней утрачена.

Отделы выделены по способу изготовления перстней, типы и подтипы – по форме изделия.

ОТДЕЛ А (28 экз.). Литые и кованые пластинчатые перстни.

Тип 1 (2 экз.). Узкопластинчатые гладкие кольца с разомкнутыми концами, которые имеют ширину 2-4 мм на всем протяжении пластины. Изготовлены из бронзы (погр.64, рис.1–1; погр.24, рис.1–2).

Тип 2 (6 экз.). Широкосрединные перстни.

Подтип а (1 экз.). Кольцо, расширенное к середине, имеет два сквозных отверстия (погр.81, рис.1–3).

Подтип б (3 экз.). Перстни с разомкнутыми концами, расширенные к середине. Один экземпляр с геометрическим орнаментом (?), однако, орнамент читается плохо (погр.116, рис.1–30), другой перстень украшен заштрихованными полуокружностями (погр.86, рис.1–32). В центральной части третьего экземпляра находится прямая линия, от которой отходят четыре пучка штрихов-ресничек, заключенных в глаз – овал (погр.106, рис.1–35, датировка по монетам – 1618 г.)[1].

Подтип в (2 экз.). Цельнолитые перстни с геометрическим орнаментом (погр.117, рис.1–18, датировка по монетам – 1535–1538 гг.; погр.123, рис.1–13).

Тип 3 (16 экз.). Щитковосрединные перстни, для которых характерны узкопластинчатый обруч и резко расширяющаяся средняя часть в виде щитка.

[1] Здесь и далее указывается на основании определений, приводимых в таблице 3 к статье Е.Ю. Мокеровой в Приложении 1.

Подтип а (14 экз.). Со щитком ромбической формы и разомкнутыми концами. Щитки украшены геометрическим орнаментом, дающим в результате сочетания прямых и ломаных линий разнообразные узоры (погр.2, рис.1–31, датировка по монетам – 1560-е гг.; погр.34, рис.1–41; погр.61,рис.1–45 датировка по монетам – 1606 г.; погр.69, рис.1–37; погр.87, рис.1–44 датировка по монетам – 1600 г.; погр.88, рис.1–40; погр.89 – 34, 36, 42, датировка по монетам – 1612 г.; погр.107, рис.1–39, датировка по монетам – 1619 г.; погр.108, рис.1–43, датировка по монетам – 1614 г.; погр.144, рис.1–33). Наиболее многочисленная в количественном отношении группа; повсеместно встречаются в марийских памятниках XVI–XVIII вв. (Никитина Т.Б., 1992, с.57).

Подтип б (2 экз.). Со щитком прямоугольной формы. Украшены орнаментом в виде креста, заключенного в прямоугольник, выполненным с помощью насечек (погр.28, рис.1–46, датировка по монетам – 1561–1584 гг.; погр.112, рис.1–47, датировка по монетам – 1530-е гг.).

Тип 4 (4 экз.). К узкопластинчатому обручу припаян щиток. В первом случае – щиток ромбической формы украшен точечным орнаментом, аналогичный орнамент присутствует и по бокам обруча украшения (погр.25, рис.1–48, датировка по монетам – 1530-е гг.) Второй – со щитком овальной формы, на который также нанесены геометрические изображения (погр.48, рис.1–19). Щиток третьего перстня овальный с неровными краями (погр.5, рис.1–49, датировка по монетам –1613–1645 гг.), а четвертый экземпляр имеет щиток прямоугольной формы с овальными вырезами по углам (погр.94, рис.1–50).

ОТДЕЛ Б (22 экз.). Печатные перстни цельнолитые или литое кольцо с припаянным к нему щитком.

Тип 1 (19 экз.). Перстни с округлым или овальным щитком.

Подтип а (10 экз.) Перстни с зооморфным орнаментом – изображением птицы в различных вариантах (погр.10, рис.1–11, 29, датировка по монетам – 1550-е гг.; погр.11, рис.1–26, датировка по монетам – 1550-е гг.; погр.24, рис.1–27; погр.55, рис.1–9, датировка по монетам – 1655-1663 гг.; погр.73, рис.1–8, 14, датировка по монетам – 1535–1538 гг.; погр.116, рис.1–23; погр.117, рис.1–12, 22, датировка по монетам –1535–1538 гг.).

Подтип б (7 экз.). Перстни с геометрическим орнаментом. На одном из экземпляров данного подтипа орнамент читается плохо (погр.43, рис.1–6). Два перстня имеют овальный щиток, украшенный геометрическим орнаментом и косой штриховкой-«елочкой» по бокам (погр.10, рис.1–21, датировка по монетам –1550-е гг.; погр.11, рис.1–20, датировка по монетам – 1550-е гг.). Часть экземпляров также украшена геометрическим орнаментом из прочерченных линий (погр.21, рис.1–16, погр.89, рис.1–7, датировка по монетам – 1612 г.) и вмятин-пробоин по всей площади щитка (погр.22, рис.1–28). Щиток одного из перстней украшен буквами (погр.102, рис.1–5).

Подтип в (2 экз.). Перстни с антропоморфными изображениями (погр.23, рис.1–25; погр.116, рис.1–24).

Тип 2 (1 экз.). Перстень со щитком в форме сердца с антропоморфным изображением (погр.11, рис.1–10, датировка по монетам – 1550-е гг.).

Тип 3 (2 экз.). Перстни со щитком восьмиугольной формы. Щиток первого перстня украшен геометрическим орнаментом в виде прочерченных линий. Орнамент плохо читаем (погр.13, рис.1–4, датировка по монетам – 1680 г.). На щитке второго перстня изображен круг из шести небольших кружков с точками в центре и седьмой двойной окружностью в середине (погр.8, рис.1–17).

ОТДЕЛ В (2 экз.). Перстни со вставкой.

Тип 1 (1 экз.). Щиток и гладкая вставка из бесцветного стекла восьмиугольной формы (погр.134, рис.1–51).

Тип 2 (1 экз.). Оправа перстня прямоугольной формы с овальным углублением для вставки из кусочка бесцветного стекла (погр.127, рис.1–52).

В результате исследования можно отметить следующие особенности применения перстней в погребальном обряде, зафиксированные в материалах данного памятника. Перстень выступал элементом костюма (был надет на руку погребенного), выполняя магическую, эстетическую функции, являлся определенным свидетельством социального и экономического статуса владельца. Данный вид украшения рук мог входить в состав «жертвенного комплекса» (перстни вместе с другими предметами были обернуты в ткань, бересту, помещались около головы, между костями ног погребенного). В случае, когда украшение находилось рядом с погребенным, перстень представлял собой «дар» умершему.

Сравнение перстней по материалам вятских марийских и удмуртских могильников синхронного времени позволило выделить общее и особенное в морфологии, а также некоторых особенностях

технологии изготовления украшений. Как на марийских, так и на удмуртских памятниках обнаружены пластинчатые щитковосрединные перстни, изготовленные с помощью ковки, печатные перстни. Но частота встречаемости данных типов украшения различна. Печатные перстни – распространенное украшение рук по материалам удмуртских могильников, в погребениях марийских могильников встречается реже. Щитковосрединные перстни, украшенные изображениями сегментированных фигур – массовая находка на марийских памятниках, по материалам удмуртских могильников обнаружены лишь в двух случаях. Сходные черты прослеживаются в орнаментации перстней – наличии изображений зооморфного характера аналогичного типа (изображения шагающих животных, птиц). Как в погребениях марийских, так и удмуртских могильников перстни в отдельных случаях являлись элементами жертвенных комплексов. Результаты сравнения позволяют отметить определенную близость материальной культуры рассматриваемых народов в период XVI – XVIII вв.

Литература

Архипов Г.А., 1986. Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола. 162 с.

Данилов П.С., Калыгина Ж.С., 2012. Коллекция перстней из Входоиерусалимского некрополя // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.6. Йошкар-Ола. С.166-172.

Наговицын Л.А., Шутова Н.И., 1985. Удмуртский могильник у д. Узей-Тукля // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов. С.119-130.

Никитина Т.Б., 1992. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола. 160 с.

Шапран И.Г.,1987. Малиновский могильник XVI–XVII вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск. С.112-123.

Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск. 264 с.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К., 1990. Морфология древностей. Киев. 102 с.

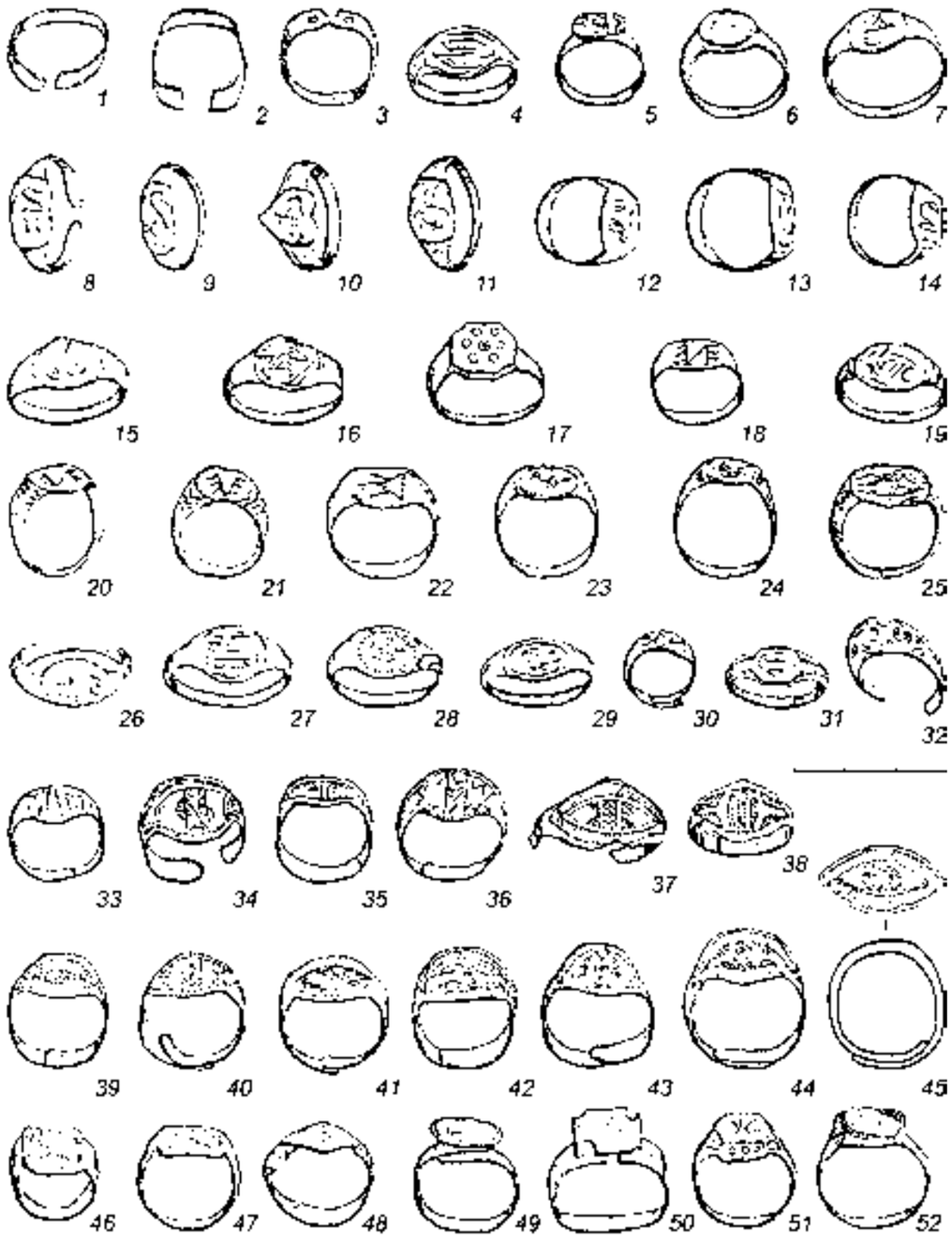

Рис. 1. Кадочниковский могильник. Перстни. 1-4, 7-52 – бронза; 5, 6 – серебро

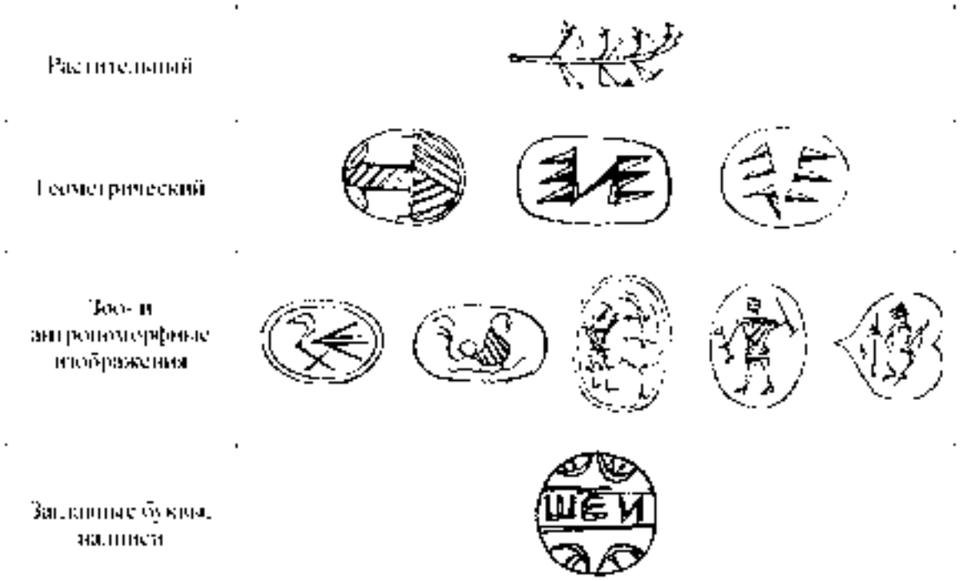

Рис. 2. Кадочниковский могильник. Варианты орнаментации перстней

Научное издание

Шапран Ирина Григорьевна
Сенникова Людмила Александровна

при участии:

Мокеровой Елены Юрьевны
Русаевой Альбины Анатольевны

Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника)

Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
Том 28

Художественное и графическое оформление:
А.М. Вязников, И.Г. Соловьева, Н.Ф. Шишкина
Верстка: В.Г. Базанова
Дизайн обложки И.Г. Соловьева

Сдано в печать .
Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Усл.печ.л. . Заказ
Тираж 200 экз.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в МУП г.Сарапула «Сарапульская типография»
г.Сарапул, ул.Раскольникова, 152

248